

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРЮКСКИЕ ЗОРЬ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

4

2021

ЗА ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ
ЕЕ ТРАДИЦИЙ ЖУРНАЛ «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»
УДОСТОЕН СЛЕДУЮЩИХ НАГРАД:

Орден Гаврилы Романовича
Державина — знак литературно-
общественной премии
«Живи и жить давай другим...»
(Г. Р. Державин «На рождение
царицы Гремиславы»
Л. А. Нарышкину)

Медаль «300 лет
Михаилу Васильевичу Ломоносову» —
в честь 300-летия со дня рождения
великого русского ученого-
энциклопедиста и основоположника
современной русской поэзии

Медаль к 190-летию
со дня рождения великого
русского поэта
Николая Алексеевича Некрасова —
знак лауреата Некрасовской
литературной премии

ПРИОКСКИЕ ЗВУКИ

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ
РАЗА В ГОД

ИЗДАЕТСЯ

В ГОРОДЕ-ГЕРОЕ ТУЛЕ

ЖУРНАЛ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

ВСЕРОССИЙСКИЙ ОРДЕНА Г. Р. ДЕРЖАВИНА
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 2005 ГОДУ

2021 — 4(65)

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Творческое предвидение гения: от Великого инквизитора к Великому глобализатору
(К 200-летию со дня рождения великого русского писателя Федора Михайловича Достоевского
(1821—1881))..... 3

К ЮБИЛЕЮ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Александр Балтин. Духовный Дом Достоевского..... 26

Валерий Ганский. Достоинство Достоевского..... 35

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ, ДРАМА, ОЧЕРК

Владимир Королев. Переправа — ад и слава (главы из повести)..... 40

Лариса Семенищенкова. «И не забуду никогда...» (драматургическая повесть о Ф. М. Достоевском,
литературе и русском театре)..... 52

Борис Григорьев. Рабы с Востока (советские военнопленные в Норвегии (1941—1945))..... 64

Мстислав Казанский. Хмурые дни Богородицка (отрывок из книги)..... 77

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов. Хозяйка здешних мест..... 92

Илья Чесноков. Полспички..... 101

Максим Живетьев. С видом на Байкал..... 109

Ирина Соляная. Королевская щедрость..... 115

Евгений Асташкин. Мусорщик..... 120

Михаил Спивак. Медаль Ушакова для канадского матроса..... 128

Алексей Яшин. Из цикла новелл «Болдинское межсезонье»..... 135

Олеся Янгол. Заразатака..... 154

Ефим Гаммер. Тяпа-ляпа..... 159

Яков Шафран. Надежда..... 164

Галина Солонова. Магия огня..... 169

Александр Петренко. Батькина жинка..... 173

Вячеслав Софронов. Качели-карусели..... 177

Николай Макаров. Крым (Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)..... 182

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Андрей Новиков. Тихий свет..... 186

Валерий Демидов. Поэзия..... 190

Андрей Ребров. Бородино листа..... 202

Сергей Даштамиров. Палитра жизни (Венок сонетов)..... 204

Константин Емельянов. Стихи рождаются как дети..... 210

Виктор Евдокимов. «Я споткнулся на ровном месте...»..... 212

Никита Рыжих. «Меня зовут Григорий, я чернец...»..... 214

Марина Фомина. «Спелым золотом колоса...».....	216
Марина Юрченко. Здравствуйте, доктор, назначьте мне в каплях весну!	219
Александр Гаммер. Земляничная радость, виноградная грусть.....	221
Александр Ланцов. «Расскажу о Тимошке...».....	223
Владимир Резцов. Главы из исторической поэмы. Зять и тесть.....	225
Елизавета Баранова (Весина). Белым-бело.....	230
Людмила Авдеева. Не станет сердце лгать России.....	235
Сергей Филиппов. «Так время незаметно тает...».....	237
Анатолий Белинский. На пленэре.....	240
ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Валерий Румянцев. Слово писателя как зеркало его личности.....	243
Юрий Сычевский. Интервью как художественный жанр (эссе).....	247
Ольга и Наталья Артемовы. Огни далекого маяка.....	249
Людмила Воробьева. Североморские истории Алексея Яшина, или Полярная колыбель арктического детства.....	253
Вадимир Трусов. Заполярье как точка отсчета.....	263
Игорь Карлов. Теплые слова о «Стране холода».....	265
ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ	271

Произведения публикуются преимущественно в авторской редакции; мнение «ПЗ» не всегда совпадает с мнением автора. Ответственность за опубликованные материалы несут авторы. Редакция присланные материалы не рецензирует, а только сообщает о своем решении. Рукописи не возвращаются. Требования к рукописям — см. последнюю страницу. Гонорары авторам и авторские экземпляры не предусмотрены. По электронной почте материалы принимаются: проза — astashkin_55@mail.ru; поэзия — timohin63@yandex.kz; заказ журнала — elisafine@yandex.ru

Адрес редакции: 300025, Тула, а/я 922; e-mail и телефон главного редактора: priok.zori@mail.ru; (4872)25-47-42

Главный редактор Алексей ЯШИН (Тула), член Правления Академии российской литературы

Зам. главного редактора — ответственный секретарь Яков ШАФРАН (Тула)

Зам. главного редактора — Геннадий МАРКИН (Щекино)

Редколлегия:

Людмила АВДЕЕВА (Москва)
 Анатолий АВРУТИН (Минск, Белоруссия)
 Евгений АСТАШКИН (Омск) — зав. отделом прозы
 Виктор БУЛАНИЧЕВ (Бийск, Алтай)
 Ефим ГАММЕР (Иерусалим, Израиль)
 Олег ЗАЙЦЕВ (Минск, Белоруссия) — председатель Беллитсоюза «Полоцкая ветвь»
 Игорь КАРЛОВ (Москва) — зав. отделом международных связей
 Валерий КСЕНОФОНТОВ (Тула)
 Вячеслав ЛЮТЫЙ (Воронеж)
 Николай МАКАРОВ (Тула)
 Олег ПАНТЮХИН (Щекино)
 Сергей ПРОХОРОВ (Красноярский край) — зав. отделом литературы Сибири
 Владимир РЕЗЦОВ (Тула)
 Владимир САПОЖНИКОВ (Тула)
 Сергей СЕНИН (Тула)
 Евгений СКОБЛОВ (Москва) — первый зам. председателя Правления АРЛ
 Валентин СОРОКИН (Москва)
 Николай ТИМОХИН (Семипалатинск, Казахстан) — зав. отделом поэзии
 Вадимир ТРУСОВ (Мончегорск) — зав. отделом критики и литературоведения
 Александр ХАДАРЦЕВ (Тула)
 Леонид ХАНБЕКОВ (Москва) — Почетный президент АРЛ

Зав. редакцией Марина БАЛАНЮК (Тула)
 Художник Олеся ЯНГОЛ (Юрмала, Латвия)
 Редактор Валерий ДЕМИДОВ (Тула)
 WEB-мастер Виктор ХРОМУШИН (Тула)
 Секретарь Елизавета БАРАНОВА (Тула)

Информационная поддержка:

— журнал «Северо-Муйские огни» (Бурятия)
 — журнал «Истоки» (Красноярский край)
 — журнал «Бийский вестник» (Бийск, Алтай)
 — журнал «Новая Немиза литературная» (Минск, Белоруссия)
 — альманах «Московский Парнас»
 — газета «Русскоязычная Америка NY»
 — газета «День литературы» (Москва)
 — поэтическое издательство «Образ» (Москва)

Журнал издается при содействии Союза писателей России и при организационной поддержке Академии российской литературы и Тульского госуниверситета.

Полный текст журнала публикуется в электронном виде на сайте Интернета:

<http://www.pz.tula.ru> (в PDF формате).

См. также на сайте «Русское поле»:

<http://priokskie.ruspole.info> и на сайте

«Megalit: евразийский журнальный портал»:

<http://www.promegalit.ru/magazines/priokskie-zori.html>

Альманах «Ковчег» журнала «Приокские зори»

публикуется в электронном виде на сайтах:

<http://www.pz.tula.ru/pzBgr.html>,

<http://www.promegalit.ru/magazines/kovcheg.html> и

<http://priokskie.ruspole.info>

Адреса журнала «Приокские зори» и альманаха

«Ковчег» в «Журнальном мире» — едином ресурсе русскоязычных литературных журналов и альманахов:

<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/priokskie-zori>

<http://журнальныймир.рф/zhurnaly/kovcheg>

Адреса страниц журнала «Приокские зори» и «Ковчег» в Фэйсбуке:

<https://www.facebook.com/PRIOKZORI2017/>

<https://www.facebook.com/groups/830445600458209/?fref=ts>

© «Приокские зори», 2021

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ТВОРЧЕСКОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ ГЕНИЯ: ОТ ВЕЛИКОГО ИНКВИЗИТОРА К ВЕЛИКОМУ ГЛОБАЛИЗАТОРУ

К 200-летию со дня рождения великого русского писателя
Федора Михайловича Достоевского (1821—1881)

У меня две кошки — большой черно-белый кот и черно-желто-белая кошечка; такую кошечку национального цвета я завел для опыта... Первый признак близкого светопредставления — это, как известно, появление большого числа нытиков, то есть людей, которые все ноют; второй — рождение черно-желто-белого кота.*

А. Н. Энгельгардт «Из деревни: 12 писем, 1872—1887» (7-е изд. М.: Мысль, 1987)

Предвидение ныне уже свершившегося... и о нытиках. Стало давно расхожим утверждение, что все предсказанное полтора века тому назад Ф. М. Достоевским в его художественных произведениях — и особенно в «Дневниках писателя» — с точностью до оттенка мысли сбылось, но... только в части негативного, понимаемого как уничтожение христианской морали — высшей из имевших место быть сформулированными в период цивилизации и культуры человечества. Всего лишь двух гениев литературы этой морали было отпущено прежде и ныне живущим: Шекспир и Достоевский (перечисляем не в порядке «значимости», но лишь по датам жизни). Равно сейчас мы воочию наблюдаем историческое развертывание драмы короля Лира и уже полное невосприятие нынешним человеком трагической природы князя Льва Николаевича Мышкина. Увы, но это так: утверждено и припечатано эволюцией человека. Уже свершилось содержание трактата Шигалева из «Бесов»: *«Он предлагает, в виде конечного разрешения вопроса — разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, вроде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать».*

Но создатель учения своего имени — «шигалеvщина», как его будут впоследствии именовать видные общественные и политические деятели, философы и литературоведы России и СССР — «длинноухий» Шигалев явно поскромничал, отведя под вершину социальной пирамиды грядущего человечества аж десятую часть. Ныне, уже при свершившемся глобализме, этой вершиной являются считанные проценты,

* Имеется в виду государственный (императорский) флаг Российской империи: черно-желто (золото)-белый триколор. В <исторически достоверных> советских экранизациях русской классики в эти цвета были раскрашены верстовые столбы («только версты полосаты...»).

даже доли процента*... Но это поддается объяснению. Устами угрюмого меланхолика Шигалева, который *«запутался в собственных данных, и мое заключение в прямом противоречии с первоначальной идеей»*, Достоевский прежде всего выражал тот известный человеческий социобиологический факт, что всего десятая часть (точнее — восемь процентов; см. обоснование в нашей книге «Апология христианства», М., 2018 — в интернете по поисковику) всех людей обладает качеством самодостаточности мышления, проще говоря о нынешних — не «обучается» телевизором. Сам Достоевский пишет: *«Я никогда не мог понять смысла, что лишь 1/10 людей должны получать высшее развитие, а что остальные 9/10 служат лишь материалом и средством. Я знал, что это факт и что пока иначе невозможно и что уродливые утопии лишь злы и уродливы и не выдерживают критики. Но я никогда не стоял за мысль, что 9/10 надо консервировать и что это-то и есть та святыня, которую сохранять должно. Эта идея ужасная и совершенно антихристианская»*. (Из черновиков к роману «Бесы»).

Но в том-то и заключается великая правда гения, в данном случае гения художественной мысли, что через обыденное, известное, подразумеваемое и пр. он провидчески изрекает *истину*. В данном аспекте Достоевский, исходя вроде бы из известного, социобиологического в человеке, в человеческом социуме, предрек «шигалевщину» — *социальный вирус*, что, выйдя из априорной биоэволюции социобиологической нормы, становится в последующие эпохи империализма и его высшей стадии — глобализма разрушителем этой нормы: от 1/10 → 1/100 → и так далее, то есть разрушителем-регулятором эволюции в том смысле, что, как змея, жалиющая себя в хвост в известной масонской символике (масоны все знали о грядущем *светопреставлении!*), социальная эволюция на заключительном этапе империализма уничтожает его, свое же порождение. А зачем она это делает? — Для перехода к следующему своему этапу, уже после полного свершения биосферно-ноосферного перехода**. Шигалевщина же своим девизом несет формулу римского права: *summa jus summa injuria* — высочайшее право есть высочайшее бесправие.

...В эпиграфе к очерку три определяющие слова: светопреставление, нытики и «черно-желто-белый кот». О первом из них уже сказано выше. А вот и о нытиках, которые у Достоевского не обделены вниманием и исполняют некую роль социального фона.

Нытики — это та обязательная составляющая человеческой массы, что поражена социальным вирусом бездеятельного брюзжания. Привычнее ее назвать худшим видом либерализма. Персонаж «Идиота» Евгений Павлович говорит в этой части: *«Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть всего целого, которое без него распадется или замертвеет; либерализм имеет такое же право существовать, как и самый благонравный консерватизм; но я на русский либерализм нападаю, и опять-таки повторяю, что за то, собственно и нападаю на него, что русский либерал не есть рус с к и й (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.) либерал, а*

* См.: Субетто А. И. Диктатура кажимости на фоне рыночного экоцида основ жизни России и человечества на Земле: научно-философский очерк / Под ред. В. Т. Пуляева.— СПб: Астерион, 2021.— 28 с. (А. И. Субетто — видный ученый в области ноосферологии и смежных философских и политэкономических отраслей науки. Президент Ноосферной общественной академии наук, Заслуженный деятель науки РФ, д-р филос. наук, д-р эконо. наук. Строил космодром в Плесеке, полковник Космических войск СССР (в отставке)).

** Довлеющая тема настоящего очерка: этап глобализации в переходе биосферы Земли в ее новое качество — ноосферу (по В. И. Вернадскому). Наша концепция этого перехода в развитии теории В.И. Вернадского изложена в продолжающейся серии монографий «Живая материя и феноменология ноосферы» (на настоящий момент вышло 17 томов). Печатается в различных издательствах: ЛКИ/URSS (Москва), «Астерион» (СПб), «Московский Парнас», «Триада» (Тверь), Изд-во Тульского госуниверситета. В электронной форме см. на различных (научных) сайтах — по поисковику. Также и на сайте www.pz.tula.ru журнала «Приокские зори».

есть не русский либерал. Дайте мне русского либерала, и я его сейчас же при вас поцелую».

Таким образом, для Достоевского либерализм есть, во-первых, необходимая составляющая социума, но во-вторых, «русский либерал... есть не русский либерал», то есть плохо усвоенная калька с европейского. А почему именно плохо усвоенная? — Здесь общий ответ дает Л. Д. Троцкий (кстати, блестящий публицист): *«Мы пришли слишком поздно и потому осуждены проходить историю по сокращенному европейскому учебнику»* («Литература и революция», 1922). Спешно же наученный чему-либо есть дилетант, то есть источник информационного шума и приемник такового же — в наше время от СМИ, настраиваемых Великим глобализатором, оно же гибридное Тайное мировое правительство, экспериментальным предшественником которого явился у средневековых франкмасонов *Comite permanent universeb* (Союзный совет или всемирная управа). Таким образом, либеральная среда суть боевой отряд, но именно в боевитой пассивности, движитель расползающегося глобализма. Причем эта функции либерализма опять же гибридные, то есть не зависят от исторической традиции конкретного социума. Вроде бы западный либерализм с предшествующей ему двухтысячелетней культурой, что и отмечает Достоевский неявно словами Евгения Павловича, должен бы активно противостоять нынешнему наглому натиску глобализованной финансовой олигархии мирового империализма... но, увы, его лозунг, кстати говоря, опять же от масонов, *liberte, egalite, fraternite* в единый миг переродился в *liberte, egalite, Charite*, как сейчас сами европейцы иронизируют (здесь игра слов: имеют в виду берлинскую клинику общей терапии Шаритэ, но подразумевают парижскую психиатричку с тем же названием...).

Но возвращаемся к определению Достоевским именно русского, беспочвенного, только на шумоизвержение и способного, либерализма. Дополним это определение и высказывание Троцкого услышанным Иваном Карамазовым в горячечном его бреде от черта: *«То-то вот реформы-то на неподготовленную-то почву, да еще списанные с чужих учреждений — один только вред!»*

Скороспелый, всего-то лишь с полуторавековой — а у Европы два тысячелетия! — историей, от реформаторства царя Александра Второго, двойного Освободителя (русских крестьян с землей и балканских славян от турок), русский по характеру и европейский по спешно воспринятым чужим прописям, отечественный либерализм изначально попал в прокрустово ложе. С одной стороны его обрубают жесткая власть того же самодержавия, а с другой растягивает с вывихами всех конечностей неистребимое желание какой-то абстрактной свободы; все как-то мимо их ушей пролетает железобетонное в своей диалектической правоте Гегелево определение: свобода есть осознанная необходимость. И когда наиболее проницательные русские писатели XIX века, тот же Михаил Булгаков в последующем веке, пишут о затешканном современным им Прокрустом русских либералах, то опять же нет более четкого определения, нежели данное Достоевским («Подросток»): *«Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только бы с них достало...»*

Именно про русских либералов можно сказать, трансформируя известную присказку: вечно не в нужное время и в ненужном месте на свет явились. А потому им остается только ныть и ныть: редко озлобленно, обычно — тоскливо, а периодами и верноподданно. Как в «Униженных и оскорбленных» говорит Ивану Петровичу Маслобев: *«— Насчет леденцов трудно сообразить, — начал он, усаживаясь подле меня на диване. — Я их купил третьего дня, в пьяном виде, в овощной лавочке, — не знаю для чего. Впрочем, может быть, для того, чтоб поддержать отечественную торговлю и промышленность».*

А русский либерализм в литературе? — Либерал потому склонен к буквенописанию, что на слух воспринимать его слова желающих мало, а бумага все стерпит. Фе-

дор Михайлович доходит до салтыково-щедринской сатирической язвительности, когда дело касается «либерала в литературе», например: «— *Владимир!.. — шептала в упоении графиня. Грудь ее вздымалась, щеки ее багровели, очи горели... Новый, ужасный брак был совершен! ... Через полчаса старый граф вошел в будуар жены своей. — А что, душечка, не приказать ли для дорогого гостя самоварчик поставить? — сказал он, потренировав жену по щеке*». («Бедные люди», из писаний Ратазьева).

В наш, скорбно наступивший, век торжества Великого глобализатора только скороспелый русский либерал не изменил свою натуру: как был нытиком под отеческой опекой Прокруста, там тем и остался. Но что удивительно, так это переход и просвещенного, с тысячелетними традициями вольнолюбия и осознания своей социумной роли (см. выше у Достоевского о необходимости либерализма) европейского либерализма, то что у нас традиционно называют западным, в разряд все тех же нытиков? Великий глобализатор всех и вся уравнивал в правах — правах вечно ноющих (значит, несколько неисправных, в перспективе имеющих место быть вовсе выброшенными) винтиков и колесиков мегамашин эпохи завершающей стадии мирового (см. определения выше) империализма. Так что сейчас Евгению Павловичу и расцеловать публично уже некого будет.

А нытик, по архивным словам А. Н. Энгельгардта*, суть предвестник светопредставления, каковым в нашем веке положено считать полное торжество Великого глобализатора — с полным подавлением творческой личности и утратой социумом всемирного человеичника (термин А. А. Зиновьева) всех оттенков самоидентификации. Все будут одинаковыми, смугленькими такими (по памяти пишем, не закавычиваем потому) — говорил восторженный интуитивный коммунист Макар Нагульников в «Поднятой целине» М. А. Шолохова. Завершим этот раздел многозначительными словами Джеймса Джойса: *«Итак, в будущем, которое сестра прошлого, я, может быть, снова увижу себя сидящим здесь, как сейчас, но только глазами того, кем я буду тогда»* («Улисс», часть II. Эпизод 9).

...И все же еще добавим. Не в качестве <лицемерного> самооправдания, но для откровенного объяснения с читателями: ни себя, ни <очень> многих других, пишущих — а значит и много думающих, размышляющих! — о семимильных шагах наступающего на земной мир Великого глобализатора, даже отдаленно не отношу к либералам вообще, тем более к нытикам. Ибо нытик поет на ноту «си» — это где воспоминания о достославных временах, когда сахар был слаще и вода мокрее (хотя бы так и было). Исследователь же глобалистского, самого жестокого этапа биосферно-ноосферного перехода в социально-экономической эволюции Земли, есть опережающий открыватель того будущего, что ожидает нас. Истинный же ученый, философ, мыслитель, даже если думает и пишет эмоционально, тем не менее эмоциям в главном, в предвидении, не поддается. Каким бы это предвидение не являлось. Будущее всегда человеком воспринимается настороженно. А исследователь даже самого безрадостного будущего внутренне холоден и отстранен... как тот участник маскарада: *«Он не снимал маски. По-прежнему странное и горькое удовольствие доставляло ему — смотреть, не будучи замеченным»* (Борис Зайцев «Голубая звезда»).

...Наконец, третье из определяющих словосочетаний в эпиграфе выделим в самостоятельный подраздел.

«Черно-желто-белый кот» у Достоевского. В своем знаменитом трактате «Л. Толстой и Достоевский» Д. С. Мережковский, имея в виду повторяющихся пер-

* Александр Николаевич Энгельгардт — из старинного русского (несмотря на нерусскую фамилию) дворянского рода, выдающийся химик уровня Менделеева, Бекетова, Бородина (композитора тоже), петербургский профессор. Сосланный за поддержку студенческих волнений в свое смоленское имение, на его базе создал передовое в России сельхозпредприятие. Книгу «Из деревни» высоко оценили и цитировали Маркс и Ленин, а Сталин рекомендовал ее как настольную всем сельхозруководителям... И отменным публицистом был.

сонажей с эпилептической болезнью в произведениях Достоевского, пишет следующее: *«Другими словами: есть ли цель всемирно-исторического развития бесконечное продолжение во времени, в преемственности культур, в чреде поколений, или некоторое окончательное завершение всех исторических судеб, всех «времен и сроков» в мгновении «высшего бытия» (описанное Достоевским состояние «высшего прозрения» в момент начала эпилептического припадка.— А.Я.), в том, что христианская мистика называет «кончиною мира»?»*

То есть Мережковский опосредованно, через высказывания персонажей произведений Достоевского, сравнивает, говоря современным языком, две базовые концепции социальной, человеческой эволюции: бесконечное развитие без обозначенного истощения потенциала, а в противовес ему — то самое светопреставление (из эпиграфа) или христианская, и вообще теологическая, кончина мира со вторым пришествием Христа на Землю, или — в контексте биосферно-ноосферного перехода — два, опять же, варианта: (а) концепция финализма выдающегося философа и естествоиспытателя, открывателя синантропа Пьера Тейяра де Шардена (монаха ордена иезуитов, в определенном смысле ученика В. И. Вернадского — слушал его лекции в Сорбонне) и (б) наша теория перехода интеллекта человека биологического в субстанцию коллективного планетарного разума (см. ссылку на нашу серию монографий). Ну, это к слову, хотя и не излишне для упоминания...

И по суммирующему мнению Мережковского, а главное — из собственно содержания произведений Достоевского следует приверженность последнего, как человека религиозного, с акцентом на первенство христианской морали, к финализму эволюции человека. Это мы и называем эвфемизмом «черно-желто-белый кот» у Достоевского. Он же — *социальный вирус морально-этического расчеловечивания*. Действительность этого вируса во внешних, социальных проявлениях в «Бесах» Петр Верховенский излагает Николаю Ставрогину, поясняя сущность учения Шигалева: *«Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное — равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов. Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами. Высшие способности не могут не быть деспотами и всегда развращали более, чем приносили пользы; их изгоняют или казнят».*

Увы, и это предвидение Достоевского, понятно, негативное, ведь это шигалевщина! — сейчас активно сбывается радением Великого глобализатора: полное равенство, но именно равенство в качествах, традиционно полагавшимися недостойными статуса человека: малообразованность, бесталанность и пр. То есть глобализованный социум является *бесклассовым* обществом, обслуживающим в иерархической ступени (вассал моего вассала не мой вассал — римейк средневековой социальной пирамиды) высший мировой, империалистический олигархат. Впрочем, как уже выше отмечено, после прохождения пика глобализации, то есть «по ту сторону» биосферно-ноосферного перехода, он сам себя уничтожит, как после прохождения эпидемии исчезает вызвавший ее вирус.

В «Подростке» Достоевский вновь обращается к равенству рабов в обществе, отвергнувшем нормы христианской морали, но в частном аспекте: *«Деньги, конечно, есть деспотическое могущество, но в то же время и высочайшее равенство, и в этом вся главная их сила. Деньги сравнивают все неравенства».*

Но ведь стирание неравенства приматом денег и есть действие вируса морально-этического расчеловечивания: тот же верблюд через игольное ушко, на худой конец — богу богово, кесарю кесарево... Но равенство денежное суть равенство нищих духом. Так по-евангельски отрицается равенство, достигаемое деньгами. Вся пресловутая «американская мечта» есть *мек моней*, достижение равенства деньгами. Вообще говоря, молодая история США суть пробный проигрыш грядущей глобализации с

ее морально-этическим расчеловечиванием и равенством рабов духа — всемирного *человеиника*. Достоевский использует схожий термин: *муравейник* — в приложении к человеческому социуму. Великий инквизитор в «Братьях Карамазовых», в своем монологе, обращенном к Христу, препарируя три искушения Христа, которыми его подверг страшный и могучий дух, то есть искушения чудом, тайной и авторитетом, в части последнего говорит: *«Приняв этот третий совет могучего духа, ты восполнил бы все, чего ищет человек на земле, то есть: пред кем преклониться, кому вручить совесть и каким образом соединиться наконец всем в бесспорный общий и согласный муравейник (выд. нами.— А.Я.), ибо потребность всемирного соединения есть третье и последнее мучение людей»*.

Теперь же Великий инквизитор, переродившийся в Великого глобализатора, удовлетворен выполненной задачей. Тогда в Севилье вновь поветивший Землю Христос молчаливо отверг все «советы» Великого инквизитора и был приговорен им к сожжению на костре: *«В великолепных автодафе сжигали злых еретиков»*. Сейчас же Великий глобализатор спокойно, уже не опасаясь появления смутьяна Христа с его древней, евангельской моралью, с улыбкой на клыкастом лице благословляет миллиарды, составляющие *общий и согласный муравейник-человеиник*. Потребность для человечества всемирного соединения удовлетворена сполна, правда, для этого пришлось <обоим Великим> отучить людей от следования нормам Христовой... Впрочем, любой морали. Да и человечество-то подспудно вздохнуло: не до морали, мол, не до нее винтикам мегамашины глобализма — империализма!

...Общность, коллективизм и прочие объединяющие качества есть палка о двух концах в социальной эволюции человека. Кто как не Достоевский это прекрасно понимал? В отличии от Шигалева, другой «видный» персонаж «Бесов», а именно Шатов, говорит: *«Признак уничтожения народностей, когда боги начинают становиться общими. Когда боги становятся общими, то умирают боги и вера в них вместе с самими народами. Чем сильнее народ, тем особливее его бог. Никогда не было еще народа без религии, то есть без понятия о зле и добре»*.

...И вовсе заплодировал бы Великий глобализатор словам Кириллова из тех же «Бесов»; мы приведем их в передаче Д. С. Мережковского из названного выше его трактата — с его акцентацией подчеркиванием: *«— Тогда новая жизнь,— говорит Кириллов Ставрогину,— тогда новый человек, тогда все новое... Тогда историю будут разделять на две части: от гориллы до уничтожения Бога, и от уничтожения Бога до (здесь и далее выд. Д.С. Мережковским.— А.Я.)... — До гориллы?..— с холодной усмешкою подхватил Ставрогин.— ... до перемены земли и человека физически,— продолжает Кириллов с невозмутимостью.— Будет богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства»*.

Действительно, уже сейчас, еще на подступах к пику глобализации (мировой империализации), «боги стали общими», а лицемерно зовут этого общего бога «общечеловеческими ценностями», то есть долларами, евро и набирающими силу цифровыми битковенами. С таким общим богом на глазах наших уничтожаются народности, особенно европейские, то есть лишаются Великим глобализатором своей национальной идентификации. Здесь и пояснять нечего: превознемогая отвращение, пройдитесь по «жанрово-видовым» сайтам, или как там их называют? интернета. Или по телеканалам частным кнопками на пульте пощелкайте. И слова Шатова об умирающих богах, вере в них и собственно народах суть <нынешний, сбывшийся> реквием по уничтоженной глобализмом-империализмом христианской морали — мы о Западе, Европе и Америке говорим — и человека биологического в ипостаси творческого, аналогово мыслящего. А из пикировки Кириллова со Ставрогиным, перенесенной в наши дни, прямо следует утверждение: в глобалистский, апофеозно-империалистический начальный и самый жестокий период биосферно-ноосферного перехода изме-

няется и Земля, сменив свой прежний биосферный, биологический облик на виртуально-цифровой ноосферный, а сам человек *биологический* превращается в *биотехнический* (как голова профессора Доуэля у нашего классика фантастики) придаток мировых телекоммуникационных сетей, отстраняясь от все более автоматизированной производительной деятельности — без участия человека непосредственно. Он, человек эпохи глобализма, все более становится ненужным, невостребованным. И усмешка Ставрогина об обратном пути эволюции человека — до гориллы — сейчас даже с натяжкой не является неприхотливым юмором... Кстати, припомните-ка популярные в семидесятые годы отксеренные рисунки-плакатики, которыми в те советско-либеральные времена остряки украшали стены своих рабочих помещений: ряд изображений эволюционирующих видов гоминоидов, вроде даже от макаки, до *homo sapiens* (в шляпе и при галстуке), а далее — обратный ход до макаки... Замечательная иллюстрация к диалогу из «Бесов»; см. выше.

Итак, с черно-желто-белым котом у Достоевского все архипонятно: светопреставление как действие вируса уничтожения моральных и творческо-мыслительных качеств человека биологического: обратный ход в сторону гориллы. А Великий глобализатор в проводимом им расчеловечивании еще и похохатывает, дескать, «*satana sum et nihil humanum a me alienum puto*» (Я сатана, и ничто человеческое мне не чуждо).

Вирус кажимости, как служебный мундир Великого глобализатора. Удивительно емкий, всеохватывающий термин *кажимость* ввел в обиход наш научный коллега Александр Иванович Субетто в своей новой книге (см. ссылку на нее в начале этого очерка). Это от глагола *казаться*, причем именно в семантике категорического императива, то есть не чем-то там казаться, показываться и пр., но казаться как убеждать, дескать, если я и кажусь, то это кажимость для неперемennого исполнения. Если по обычной человеческой логике необходимо доказывать, что я (ты, они) не верблюд, то для действенности вируса кажимости логика не работает: верблюд так верблюд! ...Вот написал и самому смешно стало, ибо вспомнил высказывание Достоевского («Дневник писателя», 1873): «*В русском человеке дерзости его ученого языка — почти нет пределов*». Ну-у, это у нас опять к слову.

В нашем понимании кажимость суть виртуализация реальности с исключением действенности логики. Опять вернемся к так полюбившемуся нам кораблю пустыни. Невозможно убедить трезвого человека в том, что он верблюд, ибо всякая реальность за рамки логики мышления не выходит. Но вот в виртуальной реальности такая кажимость возможна — по принципу: назови хоть горшком, только в печь не ставь! Ведь мало кто сейчас уже сомневается, что криптовалюта (битковены или биткоэны? — на слух не разберешь, а по-русски написанное название это как-то не встречалось) есть деньги? Так и с верблюдом. Главное — это создать эффект кажимости в том же категорическом императиве. Здесь к месту, то есть к переходу от сугубой реальности к виртуальности, будет привести цитату из уже упоминавшегося Джеймса Джойса: «*В ответ на вопрос о своих первых ощущениях по прохождению великого порога запредельных миров он сообщил, что прежде видел как бы сквозь тусклое стекло, однако переступившим порог открываются высочайшие возможности атмического развития*» («Улисс». Часть II. Эпизод 12).

Запредельным для обычного пока еще человека биологического и является навигающийся мир виртуальной реальности. Опять же особых пояснений не требуется, хотя «высочайшие возможности атмического развития» — это сильно сказано применительно к миру виртуальной реальности, хотя... в чем-то, может и в основном, жизнь в виртуальном мире сравнима с наркотическим состоянием, в каковом великолепие дурманных снов непередаваемо разнообразно. Опять же из «Братьев Карамазовых»: «... *Клянусь тебе, Лев Толстой не сочинит, а между тем видят такие сны иной раз вовсе не сочинители, совсем заурядные люди, чиновники, фельетонисты, попы...*»

Главное в кажимости есть пресечение всякой логики понимания, суждения и восприятия. Человек ленив по матушке природе, устал он карабкаться по своей эволюционной лестнице, поэтому Великому глобализатору в части социальной вирусологии всегда легко убедить такого ленивца в излишестве для него какой-либо логики, дескать, *«тут опять их логика; но ведь в логике и всегда тоска»* — фраза к месту из «Подростка».

...Вовсе не следует полагать, что в своей работе Великий глобализатор делает ставку на дураков, мол, ему легче объяснить, что он ... это мы снова про верблюда. Вовсе нет. Во-первых, число обычных дураков среди людей так же строго процентно ограничено природой, как у носителей таких недугов, как шизофрения, гомосексуализм, куриная слепота (гемеропия по-медицински) и пр. Во-вторых, предоставим слово Федору Михайловичу: *«Дурак-то именно и не должен бы был краснеть за свою глупость, потому что не виноват, если природа родила его дураком...»* («Ряд статей о русской литературе», 1861).

Да-да, на дураках не выедешь. Но ведь только восемь процентов людей мыслят самодостаточно, поэтому, за вычетом двух-трех процентов дураков от рождения, остается *масса* почти 9/10 от всего населения Земли! Но ведь нет таких крепостей, которых не могли бы взять... слуги Антихриста — ныне в облике Великого глобализатора. И перевод этих 9/10 из реальности в виртуальность — самый успешный путь к расчеловечиванию. Ведь если *«в реалисте вера не от чуда рождается, а чудо от веры»* (из «Братьев Карамазовых»), то в состоянии виртуального дурмана адепт религии глобализации ежесекундно напивается *чудесами кажимости* в терминах той веры, что ему внушает Великий глобализатор. И такой адепт сродни капитану Лебядкину из «Бесов»: *«Если бога нет, то какой же я после того капитан?»* В безверии и кажимость заменяет реальность — те же капитанские эполеты, значит. Словом, посмотрите на досуге трогательную ТВ-программу «В гостях у цифры». ...Здесь ваш покорный слуга мысленно рассмеялся, вспомнив из далекого заполярного детства. Когда в Мурманске, на сопке Варничной, установили телебашню, началось вещание областного телевидения (тогда техника еще не позволяла вести всесоюзное телевидение), а каждый день в девять часов вечера на экранах появлялась добрая тетя, именовавшаяся «Бабушкой Телевизоровной» — аналог чуть более поздних «Спокойной ночи, малыши». Как-то Бабушка Телевизоровна у меня проассоциировалась с программой этой — «В гостях у цифры». Впрочем, может и неосознанно — тогда телевидение во всем мире было только аналоговое, не цифровое.

На первый взгляд, кажимость вроде как можно соотнести с примитивным обманом или более уточненными «навыками чарами» (это из литературной классики). Опять же это слишком просто. Наваждение? — но это тоже по части навых чар. Чтобы в очередной раз не обращаться к верблюдам, рассмотрим кажимость как служебный мундир Великого глобализатора. Кажимость предполагает арену воспринимающих численностью во все те миллиарды людей, что населяют Землю. Но ведь, по крайней мере до сих пор, все они, как и их дактилоскопические отпечатки, являлись на свет разными — сначала в потенции, затем в развитии и самовыражении. В «Преступлении и наказании» Раскольников так говорит Порфирию Петровичу о людях «обыкновенных» и «необыкновенных», то есть по теме текущих наших рассуждений: *«Ясно только одно, что порядок зарождения людей, всех этих разрядов и подразделений, должно быть, весьма верно и точно определен каким-нибудь законом природы. Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует и впоследствии может стать и известным»*.

Об одном из таких законов социобиологии упоминалось выше: «восьмипроцентная норма» самодостаточно мыслящих людей. И о процентной норме людей с теми или иными отклонениями. Главное — все люди разные, даже дураки нетипичны в этом славном качестве. Задача же Великого глобализатора — *показать* всеобщее

равенство людей, их одинаковость в глазах друг друга: сначала убедить в таковой кажимости, а затем умелым подбором манипуляций сознанием людей и подлинно сделать таковых одинаковыми... винтиками мегамашины глобализованного социума. А одинаковыми их можно сделать только единственно снизив у всех качество мышления до общей нижней планки. Первым шагом здесь исторически явился дилетантизм. Приведем в данном плане парадоксальное мнение Льва Толстого с дополнением тоже Льва, только... Троцкого: *«Толстой когда-то сказал, что изобретение книгопечатания создало самое могущественное орудие распространения невежества. Невежество (здесь и далее выд. Л. Д. Троцким.— А.Я.) — это, пожалуй, слишком сурово, но дилетантизма — это несомненно»* (см. цитированную выше книгу).

Бедный Иоганн Генсфляйш Гуттенберг, достопочтенный ювелир из Майнца! Он облагодетельствовал человечество изобретением книгопечатания (а задолго еще до него китайцы изобрели шелкографию, и в Древней Индии уже оттискивали буквы азбуки Девангери с печатных досок...), не помышляя, что слуги Антихриста в его изобретение подсунули вирус дилетантизма, который впоследствии Великий глобализатор мутировал в высшую форму дилетантизма, усредненное невежество, посредством оцифровывания мышления и сведения прежде творческого (аналогового) мышления в утилитарное компьютерное мышление винтика Молоха мегамашины глобализации. Или другое наименование: *кликное мышление*, а в одежде кажимости — умильное «клик от слова откликнуться», как нас сейчас увещевает телеэкран... Остроумно и пакостно. В данном контексте занятелен Фома Фомич Опискин, персонаж «Села Степанчикова и его обитателей» Достоевского — в качестве усреднителя мыслей и поступков: *«Что хочешь, говорю, Фома, все для тебя сделаю. Вот ты велел мне сбрить бакенбарды, потому что в них мало патриотизма,— я сбрил, поморщился, а сбрил»*.

...Опять же в переключке времени Достоевского и нашего, нынешнего. Фома Опискин велит сбрить бакенбарды как антипатриотичные — действие кажимости, то есть сугубо внешней формы без осмысления причинности. Но вот сейчас, уже пять лет, вся молодежь мира в одночасье «обакенбардилась»: все, как инкубаторские, соорудили себе головные приборы: борода на кадыке — под «иглиовца, смелого бойца» и прическа с выбритыми висками — под хохлацкий оселедец. Это Великий глобализатор повелел таковой кажимостью создать единый мундир — вместо осмысления. Особенно дико такие омундиренные смотрятся в России, учитывая ее нынешние взаимодействия с США и Украиной... Но опять же никто из людской массы об этом не задумывается, а масс-медиа <глухо как в танке> помалкивают. Л. Д. Троцкий, в определенном смысле слуга еще юного Великого глобализатора (не зря Ленин назвал его Иудушкой...), одержимый мировой революцией, уже писал в «Литературе и революции» о контурах грядущего глобализма: *«Арена исторических действий становится необозримо великой, а земной шар — обидно малым. Чугунные полосы рельс и проволока телеграфа одели весь земной шар в искусственную сеть (выд. нами.— А.Я.), точно школьный глобус»*.

Точно о нашем времени Лев Давидович писал, только вместо чугунных рельс — тысячи одновременно находящихся в полете лайнеров «боингов» и «аирбасов», способных за неполные сутки разнести по всему миру вирусную заразу, а про искусственную сеть прямо в точку попал: интернет — основной инструмент Великого глобализатора по расчеловечиванию и умозамещению (термин наш).

Достоевский относит предтечу глобализации к временам античности, оговариваясь, что таковую <глобализацию> на длительный срок прервала христианская идея: *«Древний Рим первый родил идею всемирного единения людей и первый думал (и твердо верил) практически ее выполнить в форме всемирной монархии. Но эта формула пала перед христианством — формула, а не идея. Ибо идея эта есть идея*

европейского человечества, из нее составила его цивилизация, для нее одной лишь оно и живет. Пока лишь идея всемирной римской монархии и заменилась новым идеалом всемирного же единения во Христе» («Дневник писателя»).

Но к самой великой в истории человечества битве глобализма и христианской морали («Христос и Антихрист» — название цикла романов Д. С. Мережковского) — битва за будущее человечество — вернемся в следующем разделе очерка. Пока же привели слова Достоевского в контексте несомненности глобализации, напоминания о ее далеких исторических истоках. Вернемся к вирусу кажимости, из которой сотканы мундиры воплощений Антихриста, то есть Великого инквизитора и Велико-го глобализатора.

...Самый знаменитый древнееврейский врач и философ Маймонид восстановил против себя иудаистский синедрион, то есть евангельских фарисеев и книжников, заявив, что суббота создана для человека, а не человек для субботы. Для глобалистов понятие веры, религии и пр. не существует (см. выше), поэтому, используя ветхозаветное обобщенное понятие закона, далее зашифрованное от непосвященных в талмуде, они расширили инвертированную формулу Маймонида: *не закон создан для человека, а человек для закона*. Это стало высочайшей — и подлейшей, заметим, по отношению к человеку биологическому разумному — формой кажимости. Действительно, закон Божий в христианстве, основном противнике глобализации, дан человеку, создан для человека, чтобы по своим морально-этическим канонам (заповедям) вести его в устремленности позитивизма эволюции. И именно закон должен ограждать индивидуального человека от вовлечения его в соты человеиника. А позитивизм эволюции человека очень проникновенно определил Д. С. Мережковский в своем трактате о Льве Толстом и Ф. М. Достоевском, а именно: «...Человек... и есть по преимуществу живое, не замершее, не остановившееся, легко и естественно преобразующееся, переливающееся из одной телесной формы в другую... вместе с тем предчувствует, что он, человек,— не последняя достигнутая цель, не последний неподвижный венец природы, а только путь, только переход, только временно через бездну переброшенный мост от дочеловеческого к сверхчеловеческому, от Зверя к Богу».

То есть если вначале Мережковский говорит об общем течении биоэволюции: «переливающееся из одной телесной формы в другую», то есть в последовательности живых видов, то на стадии человека разумного биологическая, «телесная» эволюция вроде как останавливается, завершается. Но далее биоэволюция в человеке переходит в социоэволюцию: «от Зверя к Богу». Такая трансформация суть *следование человека закону*, понимаемому обобщенно — закону творческой эволюции (название нобелевской книги Анри Бергсона) человека. И это, как представляется самому человеку, единственно верное его эволюционное движение, оправдывающее причину создания эволюцией *homo sapiens*!

...Не менее проникновенно-художественно Достоевский описывает такое творческое представление самого человека (в «Хозяйке»): «Он сам создавал себе систему; она выживалась в нем годами, и в душе его уже мало-помалу восставал еще темный, неясный, но как-то дивно-отрадный образ идеи, воплощенной в новую, просветленную форму, и эта форма просилась из души его, терзая эту душу; он еще робко чувствовал оригинальность, истину и самобытность ее: творчество уже сказывалось силам его; оно формировалось и крепло. Но срок воплощения и создания был еще далек, может быть очень далек, может быть совсем невозможен!»

Всякий творческий человек, читая эти пронзительные строки, написанные рукой гения, почувствует осязаемый озноб восторга и душевного пламенения: Господи! как бескрайне велик мир познания, но он же и открыт для тебя: дерзай, терзайся, но твори, не уставая, и кажется, что нет предела твоим творческим исканиям!

...Не дано человеку даже в *minutum minutum*, в самом прозрачном абрисе, в

легчайшем намеке-подсказке знать о дальнейшем пути эволюции самого себя, то есть человечества. Он, человек, и жив-то только позитивом и оптимизмом. Есть Закон (с большой буквы) эволюции, не может она с ее мудрейшими законами заморозиться на человеке нынешнем. Но вот социальная эволюция привела человека к биосферно-ноосферному переходу, а его начало, подъем преподнес человечеству глобализацию, как высшую и завершающую стадию финансово-олигархического империализма, всемирного, по словам Л. Д. Троцкого «одевшего весь земной шар в искусственную сеть» (см. комментарий выше). Явлен был земшару Великий глобализатор *в служебном мундире кажимости*, пуговицы, эполеты, всевозможные знаки расцветивания боевых побед и даже почетные нашивки за ранения и контузии (напоминание о 2000-летнем ряде поражений от Христовой морали и нравственности) которого есть олицетворение методологии, методов и методик расчеловечивания. А эти «три эм» суть сочетание качеств: лицемерие, пресловутые политкорректность и толерантность-«толерастия», прямой и грубый обман, эффекты обратимости черного в белое и наоборот и много чего другого. Ибо на кажимости легче всего заманить в *искусственную сеть* человека: смутить неверием (по-русски — поплеви́змом) робкого; насильно, через «гегбельсовские настройки» ТВ и прочих СМИ, для основной уже массы — через интернет, внести вирус сомнения в душу и мозг сильного... известно, что по догматам католицизма (Фома Аквинский) сомнение есть прямой путь в ад.

И постепенно, но ураганно-стремительно сравнительно с течением естественной эволюции, таковыми приемами Великий глобализатор уже внедрил в практику жизни всех людей Земли, что *человек создан для закона...* разумеется, для закона безусловной поддержки глобализации и активного участия статистом и подзаконным субъектом все того же человека. А сам закон этот не в «ударную пятилетку» Великим глобализатором сочинен, но формировался постепенно во всю эволюцию человека; историческая теза и антитеза: добро и зло, Христос и Антихрист, творческий коллективизм и утилитарный индивидуализм и так далее. С одной стороны, скорее верблюд (давно уже не поминали тягловую силу пустыни!) в угольное ушко пройдет, чем богач в рай попадет, а с другой: *«Отнеслись намереди в частном разговоре Евстафий Иванович, что наиважнейшая добродетель гражданская — деньгу уметь зашибить»* («Бедные люди» Ф. М. Достоевского). Чтобы не «перепрофилировать» очерк в тематический трактат о *приемах кажимости* Великого глобализатора, ограничимся примером, но таким, который вечно, почти от Адама и Евы, служит источником злободневных неиссякаемых дискуссий, а именно речь пойдет о... винопитии!

Лень человеческая в то же время стимулирует работу мышления. Это не парадокс, но общеизвестная истина. В частности, «лень — стимулятор изобретательности» есть утверждение, вытекающее из законов психологии человека. Это мы к тому, что и нам сейчас лень перелистывать три тома «Опытов» Мишеля Монтеня, а потому по памяти приведем его высказывание о винопитии. А ведь Монтень был врачом по профессии и знал что пишет! *Итак, по Монтеню — вино есть величайшее и полезнейшее создание человечества, поскольку именно оно, вино, стимулирует творческое мышление человека, особенно в части художественного, возвышает его мысль до вершин чувственного, образного опыта, раскрепощает и приносит свободу в поиски истины. И вовсе несправедливо называть человека, употребляющего вино, животным. На самом деле к таковому гораздо ближе абсолютно непьющий человек.*

...Категорично высказался выдающийся философ-эссеист и практикующий врач. Но мы возьмем от него только момент: *вино приносит* (в качестве время-от-времени стимулятора) *свободу в поиски истины*. Но ведь именно свобода в поисках истины и есть главный врач Великого глобализатора в превращении человечества в челове́йник, а <прежде индивидуального> человека в безликий винтик мегамашины глобализации-империализма. Так возникает кажимость абсолютного вреда винопития. Тем более, что этот винтик должен быть здоров физически (но не умственно...).

Еще в Древнем Риме действовал девиз: вино, женщины и искусства принадлежат только избранным. Массам же — хлеба и зрелищ (тогда вместо футбола под ними подразумевались бои гладиаторов). Сразу оговоримся, что этот древнеримский «сухой закон» для народа никак не следует соотносить с запретом винопития в религии иудаизма (Ветхий Завет, Тора и Талмуд) и в позднейшем Коране. Здесь причины запрета винопития, равно как и кошерности у иудеев и халялята у мусульман, иные, возможно связанные с климатом Иудеи и Аравии, откуда идут истоки этих мировых религий. Опять же и виноград, по крайней мере в древности, там не выращивался.

Победившее в Европе христианство «легализовало» винопитие; во-первых, виноградарство и не совсем комфортный климат в Северной Европе тому способствовали; а во-вторых, таинство причащения — евхаристия ввело вино в обязательный церковный обряд. То есть практически до окончания XIX века, когда Великий глобализатор еще только продумывал диспозицию своего решающего наступления на человеческий мир, незримо и тайно скрываясь в среде розенкрейцеров, ранних и поздних масонов, в наиболее одиозных христианских сектах и пр., никто особо на винопитие внимание не обращал. Но именно с конца XIX века начинается и негативное отношение к употреблению спиртного. Здесь на первое место выступают именно секты и протестантизм Европы (лютеранство, кальвинизм, отчасти и англиканство): от локальных обществ трезвости до объявления общегосударственных «сухих законов»: скандинавские страны и Финляндия, а особенно США. Вот здесь уже чувствуется прием кажимости Великого глобализатора: под тезисом вредности потребления алкоголя реализуются задачи по расчеловечиванию, вовлечению в челоуейник, а главное: винтик мегамашины должен быть физически здоров и не иметь *никаких стимулов* к самодостаточному мышлению.

...Заметим, что введение «сухого закона» в Российской империи с началом Первой мировой (империалистической) войны и его продление в Советской России до окончания периода «военного коммунизма» (до «рыковки» одноименного наркома...) *не являлось* действием кажимости Великого глобализатора, но исключительно необходимыми устрожениями в части дисциплины в годы войны и первые годы становления советского государства. И вообще в истории России, как царской, так и советской (здесь при не очень умных правителях), «борьба за трезвость», или «борьба с трезвостью», как народ окрестил кампанию Горбачева, будь не к ночи он помянут, всегда носила несколько анекдотический характер ввиду извечного русского администрирования, штурмовщины и показной кампанейщины. Как здесь не вспомнить популярнейшего в конце XIX — начале XX веков писателя П. Д. Боборыкина, что в повести «Поумнел» едковоато отметил отношение русского человека к «вреду винопития»: *«Матов налил стаканчик водки, перекрестился, дунул в стакан (чтобы отогнать беса, который сидит в водке), проговорил: «будьте здоровы», отпил глоток и, наполнив стакан вровень с краем, подал мне с поклоном»*. А еще конкретнее и убедительнее о русском администрировании в вопросах «борьбы» сказал все тот же А. Н. Энгельгардт («Из деревни...»): *«Я совершенно убежден, что разные меры против пьянства — чтобы на мельнице не было кабака, чтобы кабак отстоял от волостного правления на известное число сажжен (экая штука мужику пройти несколько сажжен — я вот за 15 верст на станцию езжу, чтобы выпить пива, которого нет в деревне) и пр. и пр. — суть меры ненужные, стеснительные и бесполезные»*.

...Как это знакомо всем поколениям ныне живущих! Вот в моем доме с торца винный магазин сетевой с названием на американо-нижегородском языке «Красное&белое». Так он не продает спиртное в дни футбольных матчей нашего полуславянского «Арсенала», ибо отстоит от стадиона (бывш. «Имени 50-летия ВЛКСМ») на 950 метров, а в дни «большого футбола» продажа «кирки» запрещена в радиусе 1000 метров от означенного стадиона. Но ведь другой магазин «с продажей», расположенный в нашем же квартале, уже не входит в ограничительный радиус! А еще трезвому

человеку что стоит гуляючи пройти эти пятьдесят с небольшим метров? Много смешного в нашей стране; если бы все это отменили, так и скучно бы стало... Добрый наш народ! Даже малой и средней власти обычно сочувствует — это уже у Достоевского смотрите во многих его произведениях.

Конечно, и у нас без кажимости не обошлось — это в ситуации горбачевской «борьбы с трезвостью» и с воспоследовавшим разлившимся пьяным разгулом «лихих девяностых». Мало кто сомневается, что она «трезвость» умышленно предшествовала такому разгулу — чувствуется рука Великого глобализатора: эффект «из бани в снег», или сначала озадачить, а потом и огородить. Все было продумано: довести мужика до озлобления талонами на водку и стоянием в двухчасовых очередях на морозе, а затем сразу и круглосуточно во всех магазинах и палатках-сникерсных пойлом народ одурманивать, отвлекать людей от позора ликвидации советской сверхдержавы и продажи родины оптом и на вынос...

...Но вот в новом веке в России кажимость в сорокаградусном деле уже и не потребовалась: сработал «эффект Кроша», как я его именую. Старшие и средние поколения помнят замечательный фильм «Каникулы Кроша» из серии кинокартин о приключениях вихрастого мальчишки. Так этот Крош произнес знаменательные слова, что люди перестанут совсем пить, если у *каждого* появится свой автомобиль. Конгениально сказал, провидчески! И сейчас, когда почти что *каждый* имеет автомобиль, обычно ему вовсе и не нужный, но приобретенный по принципу тусовки: «у Петьки машина есть, а я чем хуже?» народ в массе своей ... перестал пить! Опять же все более устрашающиеся «гаишные» законы стимулируют этот процесс. Заодно полностью разрушивший отлаженную советскую систему общественного транспорта. В *pendant*, как говорят французы, в дополнение...

Итак, в вопросе винопития у нас обошлось без кажимости с ее инверсией отношения человека и закона, но вот на Западе, учитывая его исторический либерализм, Великий глобализатор идет на всевозможные ухищрения. Не будем отвлекаться от темы очерка, отметим только поощряемый там *кажимостью* перевод людей от алкоголя (и курения!) на умеренные наркотики: они идеально подходят под задачу глобализации по ликвидации остатков самодостаточного мышления у людей, почти уже роботов.

У Достоевского тема кажимости в части морали и нравственности всесторонне раскрыта в «Бесах», «Идиоте» и «Дневниках писателя».

От Великого инквизитора к Великому глобализатору и их решительная схватка с Христовой моралью. Достоевский, как и Шекспир, не является писателем-морализатором. Иначе он бы не был мировым литературным гением. Вот Лев Толстой, гений русской литературы, что вовсе необходимо для его имени будет сказать, был выраженным апологетом христианской морали, особенно в своей обширной публицистике. Но ведь эта христианская мораль у Толстого все более возрастает и в его художественных произведениях: от «Войны и мира» (особенно окончания романа) к «Анне Карениной», но вот «Воскресение» — это вовсе христианский, социальный манифест Толстого! ...Хотя бы именно за *несколько строк* этого романа Свщ. Синод и счел писателя «временно отпавшим от русской православной церкви» (ни в коем случае не отлучил, как распространено считают...) с определением: за издевательство над таинством обряда евхаристии.

Достоевский в своем творчестве, тем более в художественном, не таков. Он не морализует на страницах своих книг, но выступает априорным носителем моральных христианских категорий. Поэтому Достоевский не убеждает своих читателей в незыблемой правоте и социальной адекватности христианской морали, но опосредованно ищет у читателя согласия со своей <писательской> правотой, каковая суть правота морали Христовой.... Это вполне отвечает определению Д. С. Мережковского, талантливого литературного публициста, Льва Толстого и Достоевского как художников «телесного в человеке» и «духовного в человеке», соответственно.

Под религиозным чувством Достоевский, кстати как и Лев Толстой, понимал, разумеется, не церковную обрядовость, но моральные нормы, идущие от евангельской Нагорной проповеди Христа, то есть от заповедей блаженств Нового Завета. Устами князя Мышкина, обращенными к Парфену Рогожину, в «Идиоте» Достоевский определяет это чувство: *«Сущность религиозного чувства ни под какие рассуждения, ни под какие проступки и преступления и ни под какие атеизмы не подходит; тут что-то не то, и вечно будет не то; тут что-то такое, обо что вечно будут скользить атеизмы и вечно будут не про то»* (выд. Ф. М. Достоевским. — А.Я.) говорить. Но главное то, что всего яснее и скорее на русском сердце это заметишь, и вот мое заключение! Это одно из самых первых моих убеждений, которые я из нашей России выношу».

В «Идиоте», заметим, равно как в других романах и повестях Достоевского, а также в публицистике, прежде всего в «Дневниках писателя», многие рассуждения об отходе католичества от истинной морали Христовой — квинтэссенция в «Легенде о Великом инквизиторе»! — ведутся на сравнении с православием, преимущественно русским, в котором таковая мораль еще крепко держится. Причем держится-то не устроением и функционированием православной церкви как учреждения (тем более государственного полностью со времен Петра Первого), но исключительно принятием и личным поддержанием этих норм большей частью русского народа, крестьянства преимущественно, для которого, когда еще не испорченного идущим от Европы «просвещенным цивилизаторством», истинно: *«Да ведь весь мир познания не стоит тогда этих слезок ребеночка к «боженьке»... А потому от высшей гармонии совершенно отказываюсь. Не стоит она слезинки хотя бы одного только того замученного ребенка, который бил себя кулачком в грудь и молился в зловонной конуре своей неискупленными слезами своими к «боженьке»!»*

...Обычно в литературоведении эти слова из «Братьев Карамазовых» (начало и окончание цитаты разделены в книге тремя страницами) про слезинки ребеночка к «боженьке» трактуют в социальном плане. Это несколько прямолинейно, хотя и доходчиво для читателя: ведь чтение Достоевского есть труд соучастия с писателем! А смысл же подлинный слов о замученном ребенке — с одновременным отказом от высшей гармонии, что дает *полное* познание мира — заключен в осознании той диалектической истины, что мораль Христова не коррелирует с <полным> познанием мира вещей и отношений. Более того, проникновенное следование этой морали социально невозможно при устремлении к максимально полному познанию мира — что называется терминологически «отходом от божественной истины». И наоборот, чем больше человек познает мир, тем все меньше он оставляет места действительности Христовой морали, тем меньше ему остается времени обращаться к «слезинкам ребеночка». Потому-то персонажи «Идиота» и «Братьев Карамазовых» и склоняются к апологии русского православия в народной душе в противопоставлении с римской апостольской церковью, все более отходящей от сущности христианской морали, которую католицизм, а тем более протестантство, замещают утилитаризмом познания, вроде как забывая символ христианства: верую, ибо не сомневаюсь в своей вере.

Читатель уже отметил: переходим к «Легенде о Великом инквизиторе». Действительно, отвлекать от устроения церкви-учреждения и религии как социальной системы (Лев Толстой и Достоевский так же говорят, но иными, имманентными их времени, словами), как мы может дать определение *веры в Христову мораль?* — Аналогично ставится вопрос и для остальных трех канонических мировых религий, но мы здесь говорим о мире христианском. Ответ заключается, и это неявно, но очевидно является стержнем всего творчества Достоевского, в самом *феномене христианства*, как морального учения. Это истинно феномен высшей формы морали, единственно явленной человечеству за десять тысяч лет эпохи цивилизации и культуры. Феномен сугубо социальный, выраженный в начальном, евангельском и новозаветном христи-

анстве. Он же творческий, созданный в гениальном прозрении будущего человечества, во многом, может быть, бессознательно сформулированный. Высшая идея, осознанная человеческим умом, как у Мережковского: *«Между силою бессознательного творчества, тем, что мы называем «гением», с одной стороны, и силою сознания, ума — с другой, существуют различные степени соразмерности, согласованности, точно так же, как между физическим объемом тела, ростом человека и его мускульною силою»* («Л. Толстой и Достоевский»).

Именно и только в <начальной, евангельской> христианской морали учтены эти «степени соразмерности» индивидуального человека. Но это не мораль индивидуалиста, напротив, индивидуальные особенности человека гармонично вписываются в сугубый коллективизм социума — и в этом кардинальное отличие *человечества*, созданного таковым христианской моралью, от нынешнего глобалистского *человека*, в котором «степени соразмерности» нивелированы вирусом глобализации до полного равенства винтиков: с одинаковой <правой> резьбой и шлицем под отвертку на шляпке, но без малейшего намека на творчество.

И вот эту высшую форму морали, гибко и необременительно сочетающей индивидуальную творческую самость человека и истинный, также творческий, коллективизм, разрушает Великий инквизитор — некий обобщенный социально-моральный вирус, далее, уже в наше время, передающий свои функции Великому глобализатору. И действие этого вируса протекает все в том же «служебном мундире» кажимости. А таковая, как *забота о человеке*, была еще век тому назад определена (причем совершенно искренне!) тем же Л.Д. Троцким: *«Человек должен стать коллективным кузнецом своей исторической судьбы. Тогда он сумеет сбросить главную тяжесть труда на спины металлических рабов, овладеет стихией бессознательного в своей собственной душе и сосредоточит все свои силы на творчестве новых прекрасных скульптурных форм сотрудничества, любви, братства, общечеловечности... Досуг нужен человеку, «право на лень»!»* («Литература и революция»). Здесь пояснение в части кажимости и не требуется. Что называется: посмотри-те в окошко...

Итак, Великий инквизитор начал, а Великий глобализатор успешно завершает решительную схватку с Христовой моралью — высшей в истории человечества. Завершает, увы, в свою пользу — расчеловечивания.

Зигмунд Фрейд в своей работе «Достоевский и отцеубийство» замечает, что *«Братья Карамазовы» — величайший роман из всех, когда-либо написанных, а «Легенда о Великом инквизиторе» — одно из высочайших достижений мировой литературы, переоценить которое невозможно»*.

Действительно, глава пятая второй части романа суть «книга в книге». Понятно, что Фрейда она привлекла в ракурсе его основного интереса: роль бессознательного в человеческом поведении и деятельности. В нашем исследовании* на примере «Легенды» обосновывается гипотеза о вторичной идее, как методе художественного познания, доминантой которого являются установки также психического бессознательного. То есть речь идет не о вторичном использовании сюжета (Томас Манн в «Иосифе и его братьях», Джон Мильтон в «Потерянном рае» и многое другое в мировой литературе), но именно о *вторичности идеи*, что есть трансформация идеи первоначальной, как правило, дающая более универсальное решение художественно-философской задачи, создаваемая субъектом мышления по законам, не всегда (зачастую — почти всегда) явно осознаваемым самим творцом. И именно вторичность идеи и позволила Достоевскому в «Легенде» создать широкое полотно битвы Великого инквизитора с христианской, евангельской идеей.

* Яшин А. А. Художественная эвристика (Роль чувственного познания в творчестве): Петровская академия наук и искусств.— Тула: Изд-во «Тульский полиграфист», 2001.— 411 с.

«Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню, для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал. И приступил к Нему искушитель и сказал: если Ты Сын Божий, скажи, чтобы камни сии сделались хлебами. Он же сказал ему в ответ: «написано: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих (Второз. 8,3). «Потом берет Его диавол в святой город, и ставляет Его на крыле храма. И говорит Ему: если Ты Сын Божий, бросься вниз: ибо написано: «Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею» (Псал. 90, 11—12). «Иисус сказал ему: написано также: «не искушай Господа Бога твоего» (Второз. 8,16). «Опять берет Его диавол на весьма высокую гору, и показывает Ему все царства мира и славу их, и говорит Ему: все это дам Тебе, если, падши, поклонись мне. Тогда Иисус говорит ему: отойди от Меня, сатана; ибо написано: «Господу Богу твоему поклоняйся, и Ему одному служи» (Второз. 6,13). «Тогда оставляет Его диавол; и се, Ангелы приступили и служили Ему» (Матф. 4, 1—11).

Одно из центральных, выразительнейших по силе логики, мест христианских Евангелий; постулат самосмирения, свободы духа и апостольского аскетизма. От него пришли к нам через две тысячи лет христианского примата закон и этика, все мышление *homo sapiens*: вера в силу духа, горение души, их конечная и личная победа над плотью (читай: атавизмом частнособственничства!), духовного над мирским, обыденным, идеализм веры в будущее, творческое раскрепощение личности, самозабвенный патриотизм, смирение гордыни, равенство перед инстанциями императивных категорий бытия, скромность души и потребностей тела, бескорыстия, любовь к ближнему и человечеству и пр.

Два источника лежали в основе выработки канонов христианства и воплотившихся в диалоге духа — искусителя пустыни и Христа: монотеистическая идея иудаизма, где вся мораль, этика и законы растворяются в едином корне: боге духа, исходя от него же, идея, полно выражаемая словами: *«Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе... Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий чрез Иисуса Христа»* (Посл. к галатам апостола Павла, 3,28; 4,7).

...Другим же источником явился исторический процесс финала рабовладельческой формации позднего античного мира, по духу движущихся сил совпавший с европейским распространением и принятием морали монотеизма в христианской оболочке.

Достоевский производит сложную трансформацию первичной идеи европейской цивилизации: от испытания Христа духом пустыни, Сатаной, помещая объект испытания в XVI век, век преломления христианских догматов, когда к христианским заповедям и именем Христа, но уже от вирусоносителя Сатаны, присовокупляются, а на деле полностью переворачивают их, новые идеалы, которые с тех-то пор, полярно заповедям первоначального христианства (вот и кажимость!), составляют существенную часть бытия человечества. Средневековые «великолепные автодафе» и торговля индульгенциями (на деньгах в рай попасть) — характерные примеры такой кажимости.

Тайну из тайн открывает Великий инквизитор Христу, явившемуся к народу в Севилье и схваченному святой инквизицией: уже давно, много веков тому назад, апостольская римско-католическая церковь отпала от бога и стала земным учреждением Сатаны.

Христос вновь посещает землю, внимая полуторатысячелетнему ожиданию человечества. Что вынуждает его прийти к людям не в виде предсказанного пророками Ветхого Завета мессии, время которого еще далеко, но в прежней своей ипостаси: укрепить дух веры и, возможно, еще раз принять на себя накопившиеся грехи людей? Иван Карамазов полагает причину в усилившихся кознях Сатаны, в помощь которому вступила и Лютерова ересь и усталость ожидания, жажда человечеством чуда.

Иисус вправе был ожидать легкого закрепления своей, той давней победы над духом сомнения: посеянные им зерна в землю добрую умерли, но дали много плодов (Иоанн. 12, 24 — эпиграф к «Карамазовым», любимейшие евангельские стихи Достоевского и Толстого), а именно: мировую по значимости и распространению христианскую религию. Именно поэтому он начинает со стереотипа: произносит над семилетней девочкой «талифа куми» (встань и иди) и повторяет чудо воскрешения Лазаря. Но это остается его единственным подвигом; более могучая сила, нежели прокуратор римский Понтий Пилат, книжники, фарисеи и иудейские первосвященники, противостоит сыну божьему. Ему противостоят его наследники духа на земле: церковь, созданная его идеологом — апостолом Петром, и ее святая инквизиция. Первое и последнее чудо вновь вочеловечившегося Христа наблюдает Великий инквизитор и *«...он все видел, он видел как поставили гроб у ног его, видел, как воскресла девица, и лицо его омрачилось. Он хмурил седые густые брови свои, и взгляд его сверкает зловеющим огнем. Он простирает перст свой и велит стражам взять его. И вот, такова его сила и до того уже приучен, покорен и трепетно послушен ему народ, что толпа немедленно раздвигается перед стражами, и те, среди гробового молчания, вдруг наступившего, налагают на него руки и уводят его. Толпа моментально, все как один человек, склоняется головами до земли перед старцем инквизитором, тот молча благословляет народ и проходит мимо».*

Повторяется сцена суда над Христом, но уже не Пилат вопрошает его: что есть истина? Но его сурово не судит, *осуждает* девяностолетний аскет-монах и уже близко-близко, к утру время, когда второй раз сбудется для сына Божия та страшная минута, когда *«подняли вверх и третий крест, несколько непохожий на другие, с большой доской, на которой виднелась надпись: «Царь Иудейский!»* (Г. Данилевский «Мария Магдалина»). То страшное *qui pro quo*, недоразумение, о котором просит брата Алеша Карамазов; глубокая религиозность его сопротивляется адогматичности мышления Ивана.

Что же принципиально нового, даже диаметрально противоположного — а это именно и сделало «Легенду» исключительным явлением мировой художественно-философской мысли — сказал Достоевский в толковании образа Христа? — Что сын Божий, вообще говоря, своим вторым пришествием принес людям только беспокойство, что он лишний в среде людей? Но это ясно и из Евангелий; ведь в Иудее его осудили не только суд религиозный (Пилат лишь «умыл руки»), но и суд народа; ведь это народ, учимый и любимый Христом, кричал: распять его, распять, а разбойника помиловать...

И точно так же в Севилье народ рукоплескал бы на «великолепном автодафе» сожженного Спасителя. В том-то и грустная истина, что провозвестники духа всегда лишние, ибо о них сказано как о зерне, павшем в землю и погибшем, но давшем много плода. В этом смысл искупления многих грехов личным страданием.— Но все это уже сказали Христу Пилат и Анна пятнадцать веков тому назад.

Великим же открытием Достоевским истинного содержания Евангелий была идея о врожденном в человеке примате телесного над духовным, символами которых являются предпочтения хлеба перед свободой, жажда чуда перед верой в личного духовного бога, стремление идти в стаде, лишь бы не знать мук выбора.

Именно это откровение Достоевского, слившись с религиозной и пессимистической установкой философии Сёрена Аби Кьеркегора, создали основу новейшего экзистенциализма: Льва Шестова и ранней франкфуртской школы до Камю, Сартра и Хайдеггера.

...Как биологический вирус возник одновременно с биологической клеткой (а на чем бы он тогда инфицировал?), так, согласно диалектическому закону единства и борьбы противоположностей, изначально едины Христос и Антихрист, то есть Бого-человек и Человекобог, оба Сверхчеловеки (Д. С. Мережковский «Л. Толстой и Дос-

тоевский»). К специфики России по отношению к Западу в действии вируса глобализации мы обратимся в следующем разделе; пока лишь укажем, что если Достоевский духом России полагал именно Богочеловека, то Ницше дух Запада уравнивал с Человекобогом.

В «Легенде» кардинал Великий инквизитор сам есть земное (Человекобог!) повторение Христа; как и последний, он был искушаем страшным духом пустыни, он был аскетом, как и сын Божий, но он понял ту истину, которую Христос постичь не мог, ибо он только посланец *целенаправленного* Духа, возвеститель истины, оставшейся для людей чуждой абстракцией. А Великий инквизитор был человеком по плоти и познал устремление человека. *Он познал, что Сатана был побежден Богом в духе, но оказался победителем в теле*, низвергнут падшим ангелом в преисподнюю, а преисподней оказалось телесное в человеке. Итак, не дано духу оторваться от плоти и воспарить над нею — *вот существо человека*.

...Каждый из собеседников понимает и читает мысли другого дословно. Им неинтересно и совсем не нужно что-либо говорить, если только ... для читателя, а потому Христос, уже *все* сказавший полтора тысячелетия тому назад, может уступить место высказываниям последователю его по словам, но последователю Сатаны по духу. Поэтому в «Легенде» Христос не произносит ни слова. Главное, оба они понимают, что второе пришествие Христа абсолютно излишне, это все равно, как войти в храм Сатаны, это почти неприлично, почти назойливость. Молчание Христа есть и согласие со всеми словами инквизитора.

Как изменилось положение Христа с евангельских времен? — Торжествующий дух правоты и предчувствие искупляющего жертвования сменились на дух сознания своей ненужности: «— *А пленник тоже молчит? Глядит на него и не говорит ни слова?* — *Да так и должно быть во всех даже случаях,* — *опять засмеялся Иван.* — *Сам старик замечает ему, что он и права не имеет ничего прибавлять к тому, что уже прежде сказано?»*

Христос не может ничего прибавить к ранее сказанному, ибо изменить что-либо в духе христианского учения будет чудом, а чудеса были отвергнуты им самим, ибо они отвергают свободу веры — камень, на котором он построил все здания христианства. Так говорил Великий инквизитор. А свобода? — Она осталась иллюзией, ибо свобода людям противопоказана, и люди дожидаться не могли, пока эту свободу духа не взял у них Сатана, действительно освободив их для свободной жизни тела, что только и нужно человеку. Христос был послан Богом на землю, чтобы на себе подтвердить ту истину, что дух, несклоняемый императивом тела, плоти есть иррациональность, абстракция, мечта и сказка.

Христос, идеальная Божья модель человека, не понял своего предназначения и до конца выполнил свою роль «разведчика духа». А искушение Сатаны, эти три его вопроса, и были проверкой идеализма сына Божия, ибо заключали в себе великое: «*Уж по одним вопросам этим, лишь по чуду их появления, можно понимать, что имеешь дело не с человеческим текущим умом, а с вековым и абсолютным. Ибо в этих трех вопросах как бы совокуплена в одно целое и предсказана вся дальнейшая история человеческая и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле,*» — разъясняет Иван Алеше ответ на его вопрос: «— *А что значит: не имел недостатка в предубеждениях и указании?»*

Итак, нет, не было и не будет ничего более невыносимого для человека, чем свобода, ибо из альтернативы хлеб или свобода человек по биологическому своему существу всегда выберет хлеб. «*Ты возразил, что человек жив не единым хлебом, но знаешь ли, что во имя этого самого хлеба земного и восстанет на тебя дух земли и сразится с тобою и победит тебя и все пойдут за ним...*»

Отрицая величие духа в идеальном христианстве, <вирус> Великий инквизитор

говорит о выходе, который подсказала человечеству сама история эволюции человеческой души и всего социума и что легло в основу управления этим современным, то есть глобализуемым, обществом: обман <кажимость> масс великими идеалами, создание иллюзии свободы при наличии хлеба для всех. Это то, что именуют демократией. Но управлять таким народом будет не элита духа — к чему склонялось идеальное христианство, — а элита страдающих (в лучшем случае; обычно — радующихся) своей ложью ради них, песчинок, миллионов...

Весь «великий Ницше» заключен в нескольких строках «Легенды»: «...Приняв «хлебы», ты бы ответил на всеобщую и вековую тоску человеческую как единственного существа, так и целого человечества вместе — это: «перед кем преклониться?» Нет заботы непрерывнее и мучительнее для человека, как, оставшись свободным, сыскать поскорее того, перед кем преклониться».

Чудо, тайна и авторитет — вот силы, способные сделать массы послушными, и, по-своему, счастливыми: иметь хлеб, отдать ненужную свободу и совесть управляющей элите, чувствовать, что вожди их есть единственно достойные и надежные субъекты власти надо ними, «миллионами счастливых младенцев». Но Христос отверг все три искушения Сатаны, не дал людям ни чуда, ни тайны, ни авторитета.

Легенду о Великом инквизиторе легче всего объяснить логическим обоснованием Достоевским своих воззрений, их сущности, мировой истории и роли масс и вождей в ней, роли и предназначений императивных идеологий. И объяснение будет совершенно верное. Говоря же об истоках подобного мировоззрения писателя, понятно, будет уместно упомянуть о ненависти его ко всему нерусскому, неправославному и особая ненависть к римско-католической церкви, западному рационализму — в противовес русской *карамазовщине*, то есть *стихийной, ищущей, неорганизованной еще воле русского народа*. Разумеется, Достоевский имел полное право на такое мнение, не оглядываясь на пресловутое «общественное мнение», ибо *quod licet bovi, non licet Jovi* (что приличествует быку, то не приличествует Юпитеру).

Итак, в легенде о Великом инквизиторе Достоевский образно-художественно и логико-философски нарисовал великолепное полотно, почти зрительно воспринимаемый сценарий решительной схватки Христа с Антихристом, длящейся уже второе тысячелетие, то есть борьбы вируса сатанизма и аморализма с великой идеей Христовой морали. Увы, уже в средневековой Севилье идеальное, евангельское христианство, как выразитель высочайшего в мировой истории морального учения, стало *кажимостью*, то есть христианство духа под полуторатысячетней атакой вирусом духовного расчеловечивания переродилось в сугубое церковное учреждение. А за последующее полутысячелетие, с всплеском в наши дни, Великий глобализатор, переняв бразды управления человеческой, социальной эволюцией (ибо по Конраду Лоренцу человек разумный обогнал свою биологическую эволюцию, перехватив ее в свои руки... в смысле — головы) от Великого инквизитора, создал *социум расчеловеченных и умозамещенных* с кажимостью артефактов Христовой морали.

В заключении раздела дополним содержание «Легенды» (не считите за самонадеянность...) обоснованием того факта, в рассуждениях Великого инквизитора оставшегося фигурой умолчания, что в наше время требует разъяснения, а именно: почему история, в смысле социальная эволюция человека, создала христианство, как воплощение высшей морали, уже изначально «приговоренное» к уничтожению де-факто?

Любая эволюция, в том числе социальная, движется методом пробных, ошибочных, тупиковых, опережающих ходов, из совокупности которых и складывается магистральный ход эволюции. Обоснование такой многозначности движения эволюции суть составная, необходимая часть всех философских систем. В части биоэволюции и (социальной) эволюции человека такой ход принято называть «древом жизни» П. Тейяра де Шардена.

Особую роль в данном многозначном движении *именно* социальной эволюции

играет метод *опережающих* ходов, в то же время обычно коррелирующий с методом *пробных* кодов. То есть эволюция прибегает к опережающим пробным ходам, экстраполируя на будущее магистральный ход эволюции в той или иной степени приближения к нему, что случится в будущем. Наглядный пример: игра детей во взрослых. Мальчики играют в войну: «красные и белые», «наши и немцы», сейчас? — наверное, «банкир и компьютерный вор-хакер»... Девочки же во все времена играют в «матери-дочки» и еще «продащицы-покупательницы». В таких опережающих (время) пробных ходах они, в общем-то верно, предугадывают характер тех занятий, которые будут востребованы в то время, когда они станут взрослыми... не обязательно мальчик Петя станет военным, а девочка Маша — продавщицей, но ведь кто-то из их дворовой команды таковыми станет!? — См. выше цитату из «Улисса» о «будущем, которое сестра прошлого»...

Наиболее характерными и значимыми пробными опережающими ходами в социальной эволюции можно назвать: (а) республиканские организации государств в античности; (б) буржуазные революции XVI—XVII веков в Северной Европе, прежде всего в Голландии и Англии; (в) Великая французская революция 1789 года и воследовавшая современная форма республиканской организации государства; (г) Парижская коммуна 1871 года — первый опыт создания социалистического государства (кстати, в этом году юбилейная дата Коммуны — 150 лет); (д) величайший пробный опережающий ход — создание СССР и далее мировой системы социализма.

...Вот таким грандиозным пробным опережающим ходом в социально-этической, моральной эволюции стало христианство. И хотя пробный ход христианской морали длился две тысячи лет, а советского социализма семьдесят лет, но, учитывая экспоненциальное ускорение исторического времени, они по своей мощи равнозначны. Главное же, в морально-этическом плане советский социализм был дальнейшим развитием и практической реализацией в социумно-государственном, системном масштабе христианской идеи. Показательно, что принятый в семидесятых годах Моральный кодекс строителя коммунизма в СССР без какого-либо, исключая терминологию, изменения повторил Нагорную проповедь Христа — Заповеди блаженств Нового Завета. Мировой финансово-олигархический империализм в его высшей, глобалистской стадии разрушил основы как христианской морали, так и советского социализма. Но они, в качестве пробных опережающих ходов затвердили будущий магистральный путь социальной эволюции. Понятно, лишь в его общем в абрисе, а именно: ликвидация атаквизма частной собственности и полное равенство людей. Другое дело, что в результате биосферно-ноосферного перехода, миновав стадию глобализации, это будет лишенный частнособственничества обезличенный (но ведь равный для всех!) социум, в котором уже никто не будет помнить ни христианства с ее моралью, ни советского социализма. Таково обычное эволюционное соотнесение пробных опережающих ходов и реализующего их, но только в абрисе, в будущем магистрального пути.

Сказанное не относится к теме очерка, но есть нужное пояснение; подробно см. в нашей «Живой материи и феноменологии ноосферы» — сноска дана выше.

Европа (Запад) и Россия: глобалистское уравнивание — предвидение Достоевского. Тема завершающего раздела самоочевидна, ибо Достоевский выражено русский писатель и мыслитель, что косвенно видно даже из упомянутого выше отношения его ко всему нерусскому, к римско-католической церкви, к западному рационализму и так далее.

В «Дневнике писателя» за 1881 год Д. Ф. Достоевский заметил: «Много чего не затронула еще наша художественная литература из современного и текущего, много совсем проглядела и страшно отстала. Все большие типами сороковых годов пробиваются, много что пятидесятых. Даже и в исторический-то роман, может, потому ударила, что смысл текущего потеряла». Эти слова следует понимать — в

контексте нашей темы — в том смысле, что для современной ему русской литературы Достоевский не видел горизонта развития, который подменен ретроспекцией, дескать, в «исторический роман ударились». А без такого горизонта словесность художественная стагнирует, топчется на месте, кстати, полная аналогия с литературой эпохи глобализации, русской в том числе, хотя бы она еще дышит, в отличие от «западно-восточной» (это из Гёте — «Западно- восточный диван»). И такой останов современной ему литературы Достоевский объясняет началом — в последней трети XIX века — переориентации моральных устоев русского общества, понимаемого широко, социумно. Причем эта переориентация характера не сугубого *laissez faire, laissez passer* (предоставьте вещам идти своим ходом, фр.), как замечает Достоевский, но видимого невооруженным глазом, бурно свершающегося в пореформенное (от «Положения» 1861-го года) время, а именно: запоздалая капитализация России, ее обуржуазивание в считанные годы на фоне стомиллионной крестьянской массы, за тысячелетие Руси — России воспринявшей и утвердившейся в христианской морали, причем в самой ортодоксальной (это слово скорее позитивное) форме русско-византийского православия... ведь в европейских языках православие и переводится как «ортодокс». Итак динамизм запоздалого (догоняющего Европу «задрал штаны» — по Маяковскому) обуржуазивания и инерция массовой христианской, православной морали создали феномен коллапса, что и сказалось на русской литературе пореформенного периода. Антинигилистические романы — от «Отцов и детей» Тургенева до «Взбаламученного моря» и «Людей сороковых годов» А.Ф. Писемского, «Панургова стада» Вс. Крестовского, «Некуда» и «На ножах» Н.С. Лескова и вершины этого жанра «Бесов» Достоевского — явились естественной реакцией русской литературы на этот коллапс. Но, исключая морально-этическую доминанту «Бесов», антинигилистическое напавление не создало видение упомянутого горизонта, очень скоро скатилось все к тому же топтанию на месте, о чем и сказал Достоевский в последний год своей жизни — и с чего мы начали этот раздел.

Но еще в «Братьях Карамазовых» с его центральной идеей Великого инквизитора, исчерпания действительности Христовой морали, прежде всего в западном ареале христианского мира, Достоевский и в русской жизни не обольщается на этот счет. Принято считать, что в этом романе Достоевский в художественных образах исчерпывающе вырисовал три основных типа русского человека в их морально-этической сущности: «карамазовщина» (см. выше), склоняющийся к европейскому рационализму и русское православие с его евангельскими, сохранившимися корнями идеального Христова учения. Верный своей художественной интуиции, Достоевский — ведь не аккуратист же немец! — не четко распределил эти качества-типы по персонажам, братьям Дмитрию, Ивану и Алеше. А иначе куда денешь Смердякова — четвертого брата, хотя бы и незаконнорожденного? Да, доминанты расставлены, но на то основные персонажи и русские люди, что их характеры нельзя, да и не нужно в целях художественной правды, строго ранжировать в «табели о рангах».

...Именно не обольщаться, говорит Достоевский этим своим романом, что-де наша исконная русскость, пресловутый «загадочный русский характер», тысячелетнее русское православие уберегут нас от леденящего дыхания Великого инквизитора. Хотя бы «бегом за Европой» в его время у Достоевского порой вызывало усмешку. Так свой рассказ «Скверный анекдот» он начинает словами: «Этот скверный анекдот случился именно в то самое время, когда началось с такою неудержимою силою и с таким трогательно-наивным порывом возрождение нашего любезного отечества и стремление всех доблестных сынов его к новым судьбам и надеждам».

Скоро сказка сказывается — нынешний глобализм-империализм всех уравнивал если пока не в правах, но уж точно в самых тягостных обязанностях расчеловечивания, умозамещения и почетного права быть винтиком биотехнической Мегамашины. Да еще и двуполым без права на размножение.

А пока же Федор Михайлович еще «противится» Европе, мол, *«одна Россия живет не для себя, а для мысли»* («Подросток»). О взаимной же неприязни России, точнее — русских, и Европы Достоевский пишет много и по делу: *«И вообще мы так поставлены нашей европейской судьбой, что нам никак нельзя побеждать в Европе, если б даже мы и могли победить: в высшей степени невыгодно и опасно. Так, разве какие-нибудь частные, так сказать, домашние победы нам они еще могут «проставить», — завоевание Кавказа например»* («Дневник писателя» за 1876 год). А в выпуске «Дневников писателя» за следующий год не в бровь, но в глаз: *«Не будет у России, и никогда еще не было, таких ненавистников, завистников, клеветников и даже явных врагов, как все эти славянские племена, чуть только их Россия освободит, а Европа согласится признать их освобожденными!»*

...И то, что эти, совершенно не требующие комментариев даже для нынешних русских молодых поколений, высказывания Достоевского и сейчас в полной их моральной и фактологической силе, должно нас вовсе не огорчать, но ... *радовать!* Ибо это означает, что и на нынешнем пике глобализации Россия еще сопротивляется Великому глобализатору. Значит, мы пока еще не «твари дрожащие» — опять же слова Достоевского. Но он и не склонен делать из этого факта вывод об исторической второстепенности русского народа перед европейскими, как о том мыслит персонаж «Подростка»: *«Он, вследствие весьма обыкновенного факта, пришел к весьма необыкновенному заключению, которым всех удивил. Он вывел, что русский народ есть народ второстепенный... которому предназначено послужить лишь материалом для более благородного племени, а не иметь своей самостоятельной роли в судьбах человечества»*.

Еще задолго до Достоевского в русской литературе обсуждался феномен двойственности, причем в моральном плане антагонистической, отечественного социума. С одной стороны, явно не тяготеющее к истинной христианской морали суконно-цинковое администрирование и опекаемый им дворянский класс. *«Отцы отечества начинаются у нас с чина тайного советника»*, — с полной серьезностью отмечает Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год. М. Е. Салтыков-Щедрин и вовсе понижает этот порог до коллежского ассесора, то есть майора... А с другой стороны, это почти все тогдашнее, сельское, да и провинциальное городское, население империи Российской с уже оговоренными не раз выше следованиям православной морали и нравственности. И если даже привилегированный класс любил пожить в свое удовольствие в Париже и на водах в Карлсбаде (а сам Достоевский там проигрывал свои гонорары...), иногда и подольстить европейскому просвещению, порядку и благоустройству, но все же оставались людьми своего отечества. Отсюда и комический образ «русского европейца» в литературе. А это все к тому сказано, что во времена Достоевского Европа и Россия как бы на антиподных местах планеты находились: русские Великому инквизитору не подотчетны, а до Великого глобализатора еще за полтора века.

И все идущее из Европы в массу своей русский народ воспринимал настороженно: слова «немец» и «басурман» уравнивались в своих негативных правах. Про антинигилистические романы выше уже говорилось. И более аргументированные теории от Прудона до Маркса не очень-то одобрялись — потому как из Европы. В «Бесах» Достоевский словами Степана Трофимовича Верховенского (напомним, что этот образ «списан» Достоевским с известного русского либерала, историка и профессора Тимофея Николаевича Грановского...) иронизирует: *«Почему это, я заметил, — шепнул мне раз тогда Степан Трофимович, — почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники, и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это? Неужели тоже от сентиментальности?»*

Даже вовлеченная Антантой в бойню Первой мировой (империалистической)

войны, Россия оставалась вне Европы, но зато и народом «второстепенным... которому предназначено послужить лишь материалом...» (см. выше) — пушечным мясом за англо-франко-американские геополитические, колониальные и финансово-олигархические интересы. Здесь же произошло и первое явное явление Великого глобализатора: разрушение трех основных монархий: Российской, Германской и Австро-Венгерской. Но притянуть за уши Россию Европе не получилось: социалистическая революция, причем вовсе де-факто не «по Марксу» (тот не допускал перехода к социализму в одной отдельно взятой стране), вовсе отделило нашу страну от Европы и всего империалистического мира — на три четверти века.

Опять же, не мытьем, так катаньем, вовлеки СССР во Вторую всеобщую войну, мировой империализм, не сообразив с кем он имеет дело (советская власть и Сталин), в итоге получил мировую же систему социализма и советскую сверхдержаву...

Но полное явление миру уже не маскирующегося Великого глобализатора превало пробный опережающий ход социальной эволюции. Советского Союза и мировой системы социализма в одночасье не стало. Сбылись самые мрачные предвидения Достоевского. Но ведь «бал еще не окончен»? Главное, что уже вовлеченная в систему глобализации Россия еще не теряет лица. Как и прежде она — не Европа, не Запад, тем более — не Восток. Но тенденции к глобалистскому уравниванию мало кто отрицает. Даже из когорты оптимистов. И все это в рамках пророческого предвидения мы найдем у Достоевского, особенно при внимательном чтении «Дневников писателя». А мы пока хотя бы по допустимому минимуму стараемся сторониться Европы. Достоевский пишет о формировании в русском народе чувства своей инаковости: *«Мало того, в Москве дошли до понятия, что всякое более близкое общение с Европой даже может вредно и развратительно повлиять на русскую и дею (здесь и далее выд. Ф. М. Достоевским.— А.Я.), извратить самое православие и совлечь Россию на путь гибели, «по примеру всех других народов». Таким образом, древняя Россия в замкнутости своей готовилась быть не права,— неправа перед человечеством, решив бездейтельно оставить драгоценность свою, свое православие, при себе и замкнуться от Европы, то есть от человечества...»* («Дневник писателя» за 1876 год).

...Пусть неправы, но мы последними расчеловечимся. С пением «Варяга».

К ЮБИЛЕЮ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Александр Балтин
(г. Москва)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

ДУХОВНЫЙ ДОМ ДОСТОЕВСКОГО

1

...он кажется, героем такой чистоты, что преступления будто бы не было.

Раскольников — сгусток больной совести, сострадания, желания помочь: неужели обладающий такими качествами человек возьмется за топор, воплощая вымощенную идею...

...этак всякий пойдет старушек лущить: человек и развился, когда перестал использовать физическое устранение неприятных ему других, и стал пользоваться возможностями слова...

Впрочем, нет — убивали, убиваем и будем убивать: так устроены: не мешай, моя территория...

Но Раскольников убивает не из-за территории, едва ли процентщица так уж мешает ему: он ставит экзистенциальный эксперимент: над собой, над внутренним своим составом: выдержит ли...

Не выдержал.

Ахматова говорила, что Достоевский не знал всей правды, полагая, что убьешь старушку, и будешь мучиться всю жизнь; он не предполагал, что утром можно расстрелять пятнадцать человек, а вечером выбрать жену за не красивую прическу...

Может, предполагал?

Ведь нарисовал же бесов, пользуясь красками гротеска, вообще излюбленными им.

Не только ими: красками правды, предчувствия, постижения реальности, и человека в ней...

Раскольников верует буквально: то есть не очень глубоко; Достоевский, используя формулу: ...до тех пор, пока человек не переменится физически, предполагал, что такое возможно: значит, видел сквозь плотные слои материальности.

Как видел творящееся в недрах человеческих душ: а там закипает столько всего, что не захочешь, а напьешься...

И пьют у Достоевского, пьют многие; недаром черновое название «Преступления и наказания» — «Пьяненькие».

Пьяненькие, жалкие, вбитые в нищету...

Она хрипит старухой: скученность больших домов противоречит жизни, и опять Мармеладов развивает теорию бессмысленности просить в долг...

А... кто это выходит на сцену?

Крепкий, щекастый, разумеется, Фердыщенко, заставляющий усомниться в том, что воспоминания — ценность.

Ведь ежели хороши, их хочется повторить, когда худые — забыть, отказаться...

Из жизни не вычеркнешь ничего — как из черновика: замечали?

Невозможность отступления увеличивает безнадежность.

Мышкин проявится, но не в его силах будет изменить мир: оставшийся и после Христа таким же, как был: с насилием государств, войнами, тотальным неравенством, смертью, болезнями...

Люди не говорят, как у Достоевского: тем не менее, его людей — хочется слушать.

Они сбивают речевые пласты наползающими друг на друга структурами, захлебываясь, спеша...

Все спешит, все несется, мелькает калейдоскоп разнообразнейших персонажей; Карамазовы — это будто один, расчетверенный человек, и Иван уравнивает мыслью сладострастие отца, который будет убит смердом, смердящим...

Нет людей хороших.

Нет плохих.

Снег падает на городские задворки; всякий человек — и белоснежен внутри, и грязен, как неприглядные задворки эти; Достоевский, показывая человеческое разнообразие, призывал быть терпимее друг к другу, добрее; всегда проводя через мрачные коридоры к астральному свету: надо только почувствовать...

2

Сундук, на котором ребенком спал Достоевский, можно увидеть в музее, располагающимся рядом с больницей, во дворе которой стоит странный, сильный памятник: писатель, словно разбуженный выстрелом... или: выдирающийся из лент небытия к сияющему простору мистического космоса.

Не от утlosti ли того пристанища, где пришлось спать ребенку — банька с пауками? Потусторонняя тоска Свидригайлова, который уедет в Америку на энергии выстрела?

Страшные колодцы петербургских дворов — в Москве таких нету: недаром Достоевский именовал Петербург самым умышленным городом на свете, когда Москва обладала естественностью прорастания в явь.

Москва пьяновата и пестровата.

Петербург холоден и строг.

Вам жалко Макара Девушкина?

Ведь он жалок...

А вы сами?

Жалкое — вместе растерянное, детское есть в каждом.

И впрямь: мало живущий, ничего не знающий ни о Боге, ни о том свете человек таков, что его не может не быть жалко.

Но Достоевский провидел тайный свет, и постоянное стремление к оному — важнее даже огромной языковой работы, проделанной классиком.

3

Смертное манит, запредельное влечет; Кириллов, строящий теории самоубийства, больше вызывает сострадание, чем...

Провинциальная дыра становится вместилищем кошмаров, принимая в себе бесов.

В революции, кроме крови и жертв, Достоевский не видел ничего; и, ожидая кошмарных перспектив, не предполагал общечеловеческого прорыва к свету.

...который знал, как мистическую основу бытия; свет, определяющий жизнь, влекущий, манящий...

4

Суть Достоевского — свет: дорога к оному, прохождение сквозь лабиринты, ради обретения световой гармонии.

Бытует мнение о хаотичности языка классика: это так, и нет.

Действительно, Достоевский с неистовостью — точно текст летит над земными препонами — сбивает пласты разных речений: канцеляризмы, жаргон, тут захлест всего, мешанина, но — именно такой язык и нужен для построения лабиринта, ведущего к световым просторам, столь редко встречающимся в жизни.

Если бы было иначе, не вышло бы эффекта, и речь на могиле Илюшеньки не прозвучала бы такой чистотой и болью.

Раскольников кажется чистым настолько, что убийство невозможно: будто это развернулись фантазии его.

Но нет — дребезжат детали, громоздится мерзкий быт, выглядывает из щели двери отвратная старушонка.

Мерзкого много, провинциального много, церковных долдонов много.

Страх, страсти.

Мышкину не найдется места — как не сложится условий для второго пришествия, как невозможно представить условия посмертного бытования.

Достоевский кажется всеобщим братом и всем другом.

И мерцает слезинка ребенка — вечным предупреждением.

5

Слезинка ребенка мерцает предупреждением, не услышанным миром.

Не увиденным.

В своей огромности и вечном захлесте страстей мир сносит подобные мелочи — которые так велики сущностью.

В недрах себя каждый согласится с Достоевским, но внешнее организовывается сложно — боль и насилие продолжают созидать мир.

Книги не меняют его.

Но и без книг совсем захлебнулся в несправедливости и прагматизме.

6

Шаржированный Тургенев, представленный Кармазиновым, другим — с точки зрения Достоевского — быть не мог: тут противопоставление двух противоположных форм творчества: бурление, поток, истовость Достоевского, и ориентация на конкретный шедевр у Тургенева.

Слишком разные: и уважительное друг к другу отношение в жизни будто бы ничего не значило.

...бесы клубятся в провинциальной дыре: надо же откуда-то начинать.

К ним не относится Кириллов: как-то криво втянутый (или почти) в их компанию.

Теоретик самоубийства, так глубоко погруженный в себя, что действительность вторична.

Сумрачный колорит: не мог быть другим — вот появляется Шигалев, глядящий мрачно, рисующий панорамы грядущего мира: даже не тиранического, а дьявольски искаженного...

Революционеры спародированы?

Нет, методы их слишком претили Достоевскому, не верившему в подобные возможности переустройства общества, думавшему, что слезинка ребенка...

А мир может меняться только через кровь: как ни ужасно это: назовите хоть одно человеческое значительное свершение, обошедшееся без оной...

Мир, меняющийся через кровь, не устраивает классика, заваривающего крутую провинциальную драму.

Пока провинциальную: она выплеснется в глобальный масштаб, исказив всю действительность, меняя ее, поднимая одних, низвергая других, ломая души, и...

Все смешивается в алхимическом огромном сосуде классика, где впервые появляются очевидно плохие, почти без оттенков: Верховенский и проч...

7

Зеркало должно быть огромно, чтобы отразить душу народа; оно будет неровно — и выпукло тою болью, что живет в ней, и сиять, как сияет свет затаенной надежды.

Суммарный свод книг Достоевского, отшлифованный временем, превращается именно в такое сверкающее зеркало.

...ибо кристалл души Раскольникова чист, как у ребенка; ибо фантом его зловещей фантазии, выданной за интеллектуальное построение, точно проносится мимо: хотя убийство было, этого невозможно отрицать; но накал муки — проедающая сущность героя совесть — так высок, а страдания в заключении столь серьезны, что и содеянное растворяется в них.

...ибо нового Христа не ждет реальность, о чем знает прекрасно русифицированный Великий инквизитор, но Мышкин, возвращающийся из Швейцарии, все же хочет проверить возможность родной земли принять новое проявление пророка.

...ибо Карамазовы — точно... не амбивалентность даже, а «расчетверенность» души русской, где Алеша — световой полюс, Иван — интеллектуальный вектор, причудливо изгибающийся, раз не выдерживает умственного напряжения, Митя — ярость страсти и лютый порыв щедрого сердца, а Федор — тьма земного пути; сложный суммарный портрет русского бытия ложится отражением в пласт гигантского зеркала, нечто проясняя, еще больше запутывая многое...

...ибо бесы всегда, или часто рядятся в одежды всеобщего благополучия, ни в грош не ставя чужую кровь, не желая проливать свою.

Но — даже и Макарь Девушкин: жалкий, крошечный, смешной человек есть писк униженного русского естества; тщетный звук мечты о корочке счастья.

...ибо Сонечка Мармеладова найдет ядовитую сласть в поспание собственного «я» ради жизни близких; а сотворить чудо ради них может каждый.

И все загнутые сложно, с заплесневелыми стенами лабиринты, письмена правды проступают на каких сквозь мутные потеки времени, выводят к свету: в этом суть.

Речь на могиле Илюшенки прожигает сгустками душевных, высших лучей смертный, свинцовый морок яви.

Мышкин оставляет след в живущих — и светится он, призывая к правде.

Даже Фердыщенко, предложивший салонную, пустую игру, подразумевал звенящие струны совести.

...как не современно все!

Как противоречит технологической, прагматизмом скрученной, целесообразностью напитанной яви.

И — как мощно, верно работает зеркало, отражая прошлое, созидая грядущее.

8

Двойник, Петербург, темные лестницы, богатые квартиры, где гудят праздники, требующие великолепного масла великого художника; Белинский, оставшийся недовольным повестью...

Естественно — ее абсурдные изломы, равно, как и снежные ночи, где один персонаж встречает другого: себя самого — были далеки от того разлива реализма, который критик ожидал от молодого тогда писателя.

Титулярный советник!

Сколько их проявилось на русских страницах!

Мелкие и смешные, неудачливые и затерянные в толпе, чудаковатые и несчастные: они представляли собой пестрые калейдоскопы тогдашних людей; и Яков Петрович не являлся исключением.

Вот он бестолково топчется целый день по делам, сидит у доктора, то отказывается принимать лечение, то соглашается на лекарства; потом бессмысленно перемещается по городу: этому умышленному городу с его архитектурными ущельями...

Впрочем, почему бессмысленно: смысл в том, чтобы встретить себя самого: Якова Петровича Голядкина, свою худшую часть, которая постепенно возобладаст.

Однако, и хорошая-то не очень хороша: тут даже не маленький человек: а козявка какая-то...

Очень реальная козявка, не отступающая от реалистических правил изображения действительности.

Все серо-черное, мчащееся куда-то; вяло бормочущий двойник, постепенно забирающий жизнь основного персонажа...

В каждом из нас живет такой — и тут уж ничего не попишешь.

Однако, зафиксированного словесно не отменишь, и бегут Яковы Петровичи Голядкины, соревнуясь, бегут, опережая друг друга, не зная, кто победит.

9

Щекаст, но едва ли розовощек — он выходит на сцену, хотя стоит сбоку, теребя края малинового занавеса...

Он совсем не оптимистичен, и заранее просит денег в долг ему не давать; да и фамилия его — Фердыщенко — топорщится нелепо.

Он введен, как функция, хотя и выглядит, как человек: его миссия — разбередить в вас худое, заставить его показаться, проявиться на свету, дабы стыд прожег кислотой сознание...

Что такое покаяние?

О! это вовсе не разбивания лба об церковный пол, с последующим повторением всех жизненных гадостей, на какие только вы способны.

Покаяние — это осмысление плохого: с тем, чтобы не повторялось оно, отпустило из плена.

И вот тут необходим метафизический Фердыщенко, который обязательно выйдет на сцену, ежели у вас совсем не атрофирована совесть.

Да, разумеется, можно вспомнить многочисленные истории маугли — не того,

романтизированного Кипплингом мальчика, но подлинных — сотню, или две — росших среди зверей, и не имевших представления о совести; но ведь заложена она в нас, впечатана во внутренний состав, только толчки нужны, чтобы проснулась...

Если становится меньше и меньше таких воспитательных толчков, люди деформируются, расчеловечиваясь.

Что и наблюдаем сегодня.

Так, что не хватает Фердыщенко: и помощнее чтобы был, настойчивей требовал исцеляющих воспоминаний...

10

Страшно быть смешным, саднящее постоянное нечто разъедает душу, и сам себя таким считаешь: смешным, нелепым...

Сколько таковых вписано в жизнь: ратоборствовать с реальностью сил не дали, и доказывать ей, что ты не такой — не получится...

Узел закрутится туго, как на любой странице Достоевского: смертельно затосковавший смешной человек, окончательно решивший убить себя, отогнал криком девочку, подбегавшую к нему на улице с бедою своею, аж текшей из глаз; и, придя домой к себе, в пятый этаж, сильно заела совесть смешного...

Мол, тут уже не смешной выходит, а подлый.

Подлый-подлый, весь коричневый внутри, бурый, а бурый — цвет греха.

Выстрел отдалился, настал сон, появилась совсем другая жизнь.

Вот и сознание после смерти оказывается живет: несется себе среди пространств, пока не начинает гореть солнце, и не открывается солнечный мир: почти, как наш, только лишенный всего земного негатива: о! сколько его ныне — в геометрической прогрессии вырос, вот бы поразился смешной-то...

И вот затесавшийся в другую жизнь — без права на это — смешной человек сеет среди идеального свое — негожее, и сеет... как-то сам не желая того: просто ведь не таков, как они, не знающие зла...

А просыпается — с изменившимся лицом, и с четким осознанием, что лучше сеять любовь среди несовершенного мира, чем наоборот...

Суть тут — в изменившемся лице, в осознание, которое делает лицо таковым; а еще, верно, в том, что надо побыть подлинно смешным — для других — чтобы дорастить до откровения любви.

11

Аркадий Макарович Долгорукий — о себе, о событиях, вовлекших его метафизическим — через земные данности водоворотом; о своей заветной идее...

Она бесхитростна — с одной стороны: стать Ротшильдом; она громоздка и избыточна: утвердиться среди людей, считающих его подростком.

Таков ли он?

Записки наслаиваются, вихрятся, летят; скорость происходящих событий увеличивается, Версиров снова что-то говорит; и снова все — все! — воспринимают Аркадия подростком, каким ему так не хочется быть.

Взросление трудно: во все времена.

Вхождение в жизнь, с необходимостью притираться к ней, приноравливаться ко всем ее каверзам и шероховатостям мучительно...

Разнообразие мук велико, и шкала их никем не рассчитана.

Незаконнорожденный, и при знакомстве, когда узнают фамилию, произвольно интересуются: не князь ли?

Много унижений претерпевший в пансионе Тушара, обдумывает жизнь, и, вместе с классиком, вопрос: растут ли после 19 лет?

Растут до конца дней своих, и потом — о чем ведал Достоевский.

Жизнь — форма бесконечного роста; хотя земная — кажется просто движением к смерти, с напластование массы нежного на пути.

Всепримирение идей и всемирное гражданство Версилова есть одна из коренных русских болей: а всевозможного российского «боления» в «Подростке», как и в других машинах Достоевского много, с избытком.

В России был и Николай Федоров — со своими, так толком никем и не понятыми идеями.

Мелькают коридоры, которыми проходит Аркадий: они усложняются, повороты закручиваются, записки растут...

И мерцают, разворачиваясь, поля метафизики: над романом, внутри него; мерцают, втягивая себя — даже ежели и не хочешь.

12

Игра прожигала Достоевского, организуя периоды его жизни, готовя почву будущих книг; игра звенела медными дисками в его сознание, взрывалась, уводила реальность из-под ног.

Игра лентами вливалась в роман, и Алексей Иванович повторял зигзаги своего автора, будучи союзным с ним во страсти.

Игра игрока.

Философия ощущений.

Ощущения, обнаженные до кровотокового предела, до тока, сильно бьющего с проводов действительности.

Игра, как объект исследования.

Достоевский тяжело изживал свои страсти.

13

На телеге едет в Оптину, готовый созидать словесную гроздь такой силы, что перед ней померкнут предыдущие...

Прощается с жизнью, распределив пять минут, и как много кажется это, как много...

А вот Достоевский, везомый в ссылку: в дичь и боль отношений, в холод, в не проходящую боль...

Игра, калящая неистово: ночью врывающийся к жене игрок, похищает тальму ее, чтобы вновь проиграть...

Неистовство!

Язык, закручиваемый турбулентно, мчащийся лентами самых различных речений: мастеровщины, чиновничества; густейшая плазма людей, собираемая на пятачке каждого пространства; нищие, тараканьей жизнью набитые дома...

И — сострадание ко всем; неистовая бездна сострадания, рубиновые его стигматы, горящие на душе.

Не пройдут.

С «Бедных людей» началось: униженное, жалкое, мелкое...

Маленький человек Достоевского меньше мелкого: и любит, любит его писатель, высказавшийся за всех униженных и оскорбленных.

Едет в Россию русский вариант Христа, возвращается из тихо-комфортной Швейцарии, едет, покуда в сознание одного из черным мазанных зреет Легенда.

Легенда, согласно которой Христос не нужен: и без него все слажено в мире, все соты подогнаны, все руководство распределено.

Очень актуально.

Никогда не стареет.

И зреют в дрянной щели городишки, гаже которого не придумать, планы по изменению мира: столь же глобальные, сколь и жестокие, зреют, наливаются соком бесы, уговорят мечтательного тихого Кириллова покончить с собой — с целью.

Мол, ради дела...

Раскаленная плазма Достоевских текстов выливается в души — чтобы выжигать все темное, зверовидное, чтобы оставался свет, ибо Достоевский всегда выводит к свету...

14

Она писала об отце, кропотливо восстанавливая его образ; она писала о специфике бытования писателя в общей среде, которую он, преобразуя словесной мощью, должен словно перевоссоздавать — на века, для грядущих людей.

«Великий писатель еле соприкасается с землей, он проводит жизнь в фантастическом мире своих образов. Он ест механически, не замечая, из чего состоит обед; он удивляется, что наступила ночь, и ему кажется, что день только что начался.»

Так повествовала Любовь Достоевская об отце: и, словно отдернутая дочерью портьера, открывала вход в лабораторию, умноженную на сад: сиятельное место обитания классика, который... еще не был классиком:

«Никто не мог тогда предвидеть, какое выдающееся положение займет Достоевский позже не только в России, но и во всем мире. Он сам не предугадывал этого. Его начали уже переводить на иностранные языки, но отец не придавал значения этим переводам».

Слава, вырвавшаяся медленно — в мировую, туго налитую гроздь...

(Впрочем, нынешний, избыточно технологический мир, заставляет усомниться, что, если спросить многих на улицах Филадельфии или Дублина, получишь вразумительный ответ на вопрос: Кто же такой Достоевский...)

Тем не менее, роль, которую сыграл классик в жизни различных социумов, сложно переоценить, и Л. Достоевская, фиксируя многое, метафизически просвечивая разные линии жизни писателя, иногда позволяя себе спорные утверждения, предоставила будущему значительный материал для постижения образа одного из величайших писателей мира.

15

Вместе с братом интересовался учением французских социалистов, увлекался фурийством, мечтая о переустройстве общества, видя, насколько оно пропитано несправедливостью: почти кровотокающей субстанцией...

Михаил Достоевский был творчески зависим от брата: несколько его повестей: «Дочка», «Господин Светелкин», «Два старичка», и др. — сильно просвечены «Бедными людьми», правда — с большим уклоном в сентиментализм.

Он был одаренным редактором; он болел этим делом, и Страхов писал, что умер М. М. Достоевский прямо от редакторства...

Он был талантлив: и упоминание о нем в истории русской культуры осталось бы и без колоссальной фигуры Федора, тень которого точно укрупняет всех людей, попавших в нее.

...так и Андрей Михайлович — замечательный мастер, ярославский губернский архитектор, спроектировавший и построивший много знаний — оставил специфические воспоминания: поквартирные.

Так — он решил составить записки обо всей своей жизни: сообразуясь со сменами квартир, словно избрав специфические призмы, сквозь которые рассматривал пройденную им реальность.

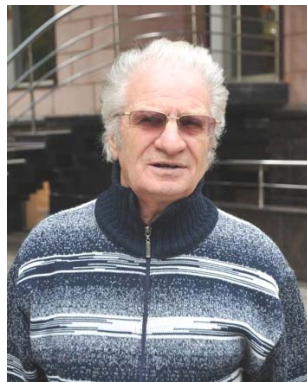
Неоднократно прерывал он записки, а после смерти гениального брата предоставил те их части, что относились к детству, первому биографу Федора Михайловича — Оресту Миллеру.

...но мемуары потом были закончены: и суммарно дают интересную панораму тогдашней жизни, добавляя вместе с тем штрихи к портрету классика...

Валерий Ганский
(г. Саратов)

ДОСТОИНСТВО ДОСТОЕВСКОГО

Наш постоянный автор.

«Меня зовут психологом: неправда, я лишь реалист, то есть изображаю все глубины души человеческой».

Ф. М. Достоевский

Род писателя происходил из древнего рода Ртищевых, потомков защитника православной веры Юго-Западной Руси Даниила Ивановича Ртищева. Боярин Даниил Ртищев получил от князя Федора Ярославича, княжившего на белорусских землях (тогда они назывались Литвою), жалованную грамоту на имение Достоево. Так они и стали Достоевскими. Еще внук Даниила Федор носил обе фамилии. Род Ртищевых внесен в родословную книгу Саратовской губернии. На земле саратовской ныне находится районный центр — город Ртищево, история которого происходит от села Ртищево. Село Ртищево возникло в конце XVI — начале XVII веков. Его жители считали себя выходцами из Перемышльской земли, одной из исторических земель Русского воеводства Королевства Польского, центра Червонной Руси.

К началу XIX века род Достоевских обеднел. Дед писателя, Андрей Михайлович Достоевский, служил протоиереем в городке Брацлаве Подольской губернии. Отец писателя, Михаил Андреевич, закончил Московскую медико-хирургическую академию. Эту же академию оканчивали Алексей Иванович Кикин (1803—1852) — московский профессор зоотомии, и Павел Николаевич Кильдюшевский (1799 — 1858) — доктор медицины, действительный статский советник, почетный гоф-хирург. В 1830 году во время эпидемии холеры оба были командированы в Саратов; Кикин производил исследование болезни, с самоотвержением вскрывая трупы умерших, и в 1831 году напечатал «Disquisitio anatomico — pathologica in hominibus choiera morbo extinctis anno 1830». В 1812 году, в период Отечественной войны, Михаил Достоевский сражался против французов, а в 1819 году женился на дочери московского купца Марии Федоровне Нечаевой. Выйдя в отставку, Михаил Андреевич определился на должность лекаря Мариинской больницы для бедных, которую прозвали в Москве Божедомкой.

В 1820 родился старший сын Михаил. Через год — Федор (Дар Божий с греческого). «Оба старшие брата были погодки, росли вместе и были чрезвычайно дружны между собою. Но, несмотря на эту дружбу, они были совершенно различных характеров. Старший брат Миша был в детстве менее резв, менее энергичен и менее горяч в разговорах, чем брат Федя, который был во всех проявлениях своих настоящим огнем, как выражались наши родители», — вспоминал младший брат Андрей Михайлович Достоевский (1825—1897). В некрологе Федор Михайлович писал о старшем

брате: «Он был человек образованный, развитый, уважавший литературу и сам литератор, страстно любивший поэзию, и сам поэт». «Так как они <Михаил и Федор Достоевские> росли, никогда не покидая отцовский дом,— пишет дочь писателя Л. Ф. Достоевская,— не зная жизни, без товарищей, не бывая в обществе, они были большими детьми, наивными и романтическими мечтателями. Страстная дружба связывала обоих братьев. Они жили в мире фантазий, много читали, обменивались литературными впечатлениями и восторгались произведениями Пушкина, бывшего идеалом обоих».

С осени 1834 по весну 1837 годов Достоевские посещали частный пансион Л. И. Чермака, в котором преподавали астроном Д. М. Перевошиков, палеолог А. М. Кубарев. (Сын Л. И. Чермака Карл Леонтьевич в 1849—1860 годах был директором Тифлисской гимназии). Учитель русского языка Н. И. Билевич сыграл определенную роль в духовном развитии братьев Достоевских. «Чермак содержал свой почти образцовый пансион более чем 25 лет; ученики из его пансиона были лучшими студентами в университете, и в заведении его получили начальное воспитание люди, сделавшие впоследствии видными общественными деятелями.

1837 год стал важным в биографии Достоевских. Это год смерти матери, год смерти Пушкина. Дочь писателя Л. Ф. Достоевская пишет: «Моя бабушка Мария проявляла большой интерес к чтению ее детей. Она была мягкой, красивой, преданной супругу женщиной, посвятившей всю себя своей семье. Многочисленные роды подорвали ее и без того слабое здоровье. Она целыми днями оставалась в постели и любила, чтобы сыновья читали ей свои любимые стихи. Старшие, Михаил и Федор, нежно ее любили. Когда она, еще молодая, умерла, они горько ее оплакивали и сочинили стихи, которые дед приказал высечь на мраморном памятнике, что он установил на могиле своей верной спутницы». (Это была надпись из «Эпитафий» Н. М. Карамзина: «Покойся, милый прах, до радостного утра...»).

В 1839 году умер отец Михаил Андреевич. По воспоминанию детей, отец был человеком независимым, образованным, заботливым семьянином, но обладал характером вспыльчивым и подозрительным. После смерти жены в 1837 вышел в отставку, поселился в Даровом. По документам, умер от апоплексического удара, а по воспоминаниям родственников и устным преданиям был убит своими крестьянами. Старший брат М. М. Достоевский писал уже юношей отцу: «Пусть у меня возьмут все, оставят нагим меня, но дадут мне Шиллера, и я позабуду весь мир!» — он знал, конечно, что отец поймет его, так как и он был не чужд идеализма. Эти слова мог бы написать отцу и Федор Достоевский, вместе со старшим братом бредивший в юности И. Ф. Шиллером, мечтавший обо всем возвышенном и прекрасном.

«В декабре 1840 года приехал в Петербург Михаил Михайлович [Достоевский] держать экзамен на чин прапорщика полевых инженеров <...>. Квартира его была на Васильевском острове <...>. Здесь мы встречались часто с Федором Михайловичем. Михаил Михайлович <...> нам читал отрывки своих переводов шиллеровского "Дон Карлоса"... 16 февраля 1841 г. Михаил Михайлович, покончив с прощальными визитами, собрал немногочисленных своих знакомых и друзей на прощальный вечер. Здесь был и Федор Михайлович, который в первый раз нам читал отрывки из двух драматических своих опытов: "Марии Стюарт" и "Бориса Годунова"». Впечатление, произведенное актрисой г-жой Лилла Леве на Федора Михайловича в роли Марии Стюарт, было до той степени сильно, что он решил разработать этот сюжет для русской сцены, но не в виде перевода или подражания Шиллеру, а самостоятельно и согласно с данными истории», — вспоминал друг Достоевского Александр Ризенкамф.

С января 1838-го Федор Достоевский учился в Главном инженерном училище, которое окончили известные саратовцы, выпускники первой мужской гимназии: поэт Эдуард Губер, русский электротехник, военный инженер, изобретатель Павел Яблочков. Учебу в училище Федор описывал так: "...с раннего утра до вечера мы в классах

едва успеваем следить за лекциями. ...Нас посылают на фрунтовое ученье, нам дают уроки фехтованья, танцев, пенья ...ставят в караул, и в этом проходит все время...". В училище он близко сошелся с братьями Бекетовыми, уроженцами села Новая Бекетовка (бывшая Алферьевка) Пензенского уезда, одно время входившего в состав Саратовской губернии, предками поэта Александра Блока.

За год до оставления военной карьеры Федор Достоевский впервые переводит и издает «Евгению Гранде» Бальзака (1843 год). Год спустя выходит в свет его первое произведение, «Бедные люди», и сразу становится знаменитым. Следующая книга — «Двойник» («Петербургская поэма. Приключения господина Голядкина»). Работать над «Двойником» Достоевский начал в 1845 году, когда гостил у брата Михаила в Ревеле (ныне столица Эстонии Таллин). В Ревеле Федор Достоевский стал крестным отцом своего племянника, полного своего тезки. Достоевский всю жизнь относился к своему племяннику с большой нежностью. «Помню, как иногда я нарочно злился на Федю,— писал Достоевский к его отцу М. М. Достоевскому в январе — феврале 1847 г.,— которого любил в то же самое время даже больше тебя». Первые годы жизни Ф. М. Достоевского-младшего прошли в петербургской квартире писателя. Учился в 5-й Санкт-Петербургской гимназии, затем — в музыкальных классах при Петербургской консерватории, где его педагогом был А. Г. Рубинштейн. Уже 14-летним подростком Ф. М. Достоевский-младший начал давать концерты столичной публике. «Старший сын Федя — красивый юноша,— писал брат писателя Н. М. Достоевский своему брату А. М. Достоевскому 18 ноября 1862 г.,— ростом выше брата на целую голову, добрый парень с огромнейшим музыкальным дарованием. Играет на фортепиано лучше многих у нас в Питере довольно известных пианистов. Вот почему брат взял его из пятого класса гимназии и отдал в музыкальную консерваторию, где, кроме специального музыкального образования, преподают гимназический курс». Когда умер его отец, за учебу стал платить Достоевский-писатель, а сам он стал зарабатывать уроками музыки. Федор Михайлович-младший был шафером на свадьбе своего крестного отца 15 февраля 1867 года. «Свадьба была назначена на семь часов,— вспоминает А. Г. Достоевская,— а к шести за мною должен был приехать племянник Федора Михайловича — Федор Михайлович младший, которого мой жених выбрал своим шафером <...>. Наконец, уже в семь часов, Федор Михайлович младший поспешно вошел в комнату и заторопил меня: «Анна Григорьевна, вы готовы, поедemте! Ради Бога, поедemте скорее! Дядя уже в церкви и страшно беспокоится, приедemте ли вы? Мы до вас ехали более часу, да назад придется ехать не менее. Подумайте, как измучается за эти два часа Федор Михайлович!»

После смерти матери Каролины Эмилии Федоровны фон Дитмар Достоевской и получения приглашения от вдовы генерал-лейтенанта Ольги Карловны фон Ретерн, начальницы Саратовского Маринского института благородных девиц, построенный и открытый по указу Николая I, 23 сентября 1879 года племянник приехал в Саратов. В Маринском институте Ф. М. Достоевский преподавал музыку, основал музыкальную библиотеку. В основу музыкального образования институток была положена русская и зарубежная классическая музыка. Его жена Валентина Савельевна Копцева тоже была музыкальным педагогом. Как и у старшего Федора Михайловича, у младшего тоже было четверо детей: два сына и две дочери, родившиеся в Саратове. В 1884 году появилась на свет Татьяна Федоровна Достоевская. Татьяна Федоровна известна тем, что вместе с одной из внучек Л. Н. Толстого в 1920-е организовала в Калуге литературно-музыкальное общество. Потом преподавала в музыкальных училищах Калуги и Москвы. Несколько ее учеников стали известными музыкантами и композиторами. Ее жизнь трагически оборвалась весной 1958 года из-за врачебной ошибки. Гнойный аппендицит посчитали раковой опухолью. Трагична судьба ее брата Милия Федоровича Достоевского (1884—1937). Он был выдающимся историком-востоковедом, специалистом по восточному искусству, археологом, лингвистом-

полиглотом (владел 14 языками, в т.ч. китайским и японским). Его, инвалида, якобы «японского шпиона», осудили и отправили в лагерь. Он умер в заключении.

Всеволод и Ольга родились в 1887 году и прожили всего год.

В 1880—1881 годах Федор Михайлович был директором Саратовского отделения Императорского Русского музыкального общества и преподавал в музыкальных классах этого общества, давал концерты в Коммерческом клубе. Открыл в Саратове свой музыкальный магазин. В 1882/1883 учебном году в Саратовское отделение ИРМО поступили пожертвования от коллежского советника Ф. М. Достоевского. 27 лет, с 1879 по 1906 годы, трудился в Мариинском институте Федор Михайлович Достоевский. Прах племянника Достоевского покоится на одном из кладбищ Саратова, но могила его неизвестна. Символично, что ныне в бывшем здании Мариинского института благородных девиц располагается средняя общеобразовательная школа № 95 с углубленным изучением отдельных предметов, в которой существует литературно-краеведческое общество «Спутники Ф. М. Достоевского». А во дворе школы пять лет назад торжественно открыт бюст императору Николаю I, который великодушно даровал помилование будущему великому писателю Федору Михайловичу Достоевскому, гласившее: «Сослать в каторжную работу на четыре года, а потом рядовым... Объявить о помиловании лишь в ту минуту, когда все будет готово к исполнению казни». На торжественном открытии тогдашний председатель Комитета общественных связей и национальной политики Борис Шинчук заявил, что это «будет способствовать воспитанию патриотов своей Родины».

...«Мы с братом стремились тогда в новую жизнь,— вспоминал Федор Достоевский в "Дневнике писателя" за 1876 г. о поездке в Петербург,— мечтали об чем-то ужасно, обо всем "прекрасном и высоком"... мы дорогой сговаривались с братом, приехав в Петербург, тотчас же сходить на место поединка и пробраться в бывшую квартиру Пушкина, чтобы увидеть ту комнату, в которой он испустил дух». И вот 27-летний москвич Федор Достоевский в 1848 году пишет романтическую повесть о Петербурге «Белые ночи».

Но вскоре романтика белых ночей превратилась в черные дни. Рано утром, в 4 часа 23 апреля 1849 года, к Федору Михайловичу Достоевскому по личному приказу Николая I пришли жандармы, арестовали по делу Петрашевского и заключили в Петропавловскую крепость. 8 месяцев Достоевский провел в Алексеевском равелине Петропавловской крепости под следствием, во время которого проявил мужество, скрывая многие факты и стремясь по возможности смягчить вину товарищей. С 6 мая по 24 июня 1849 года находился в Петропавловской крепости старший брат Михаил Михайлович и был освобожден во многом благодаря Федору Достоевскому, доказавшему на следствии непричастность брата к деятельности петрашевцев. «Брат мой никогда не принимал никакого участия в разговорах у Петрашевского»,— показывал Достоевский на следствии. В Петропавловской крепости в 1790 году сидел Александр Радищев и написал там "Повесть о Филарете милостивом". Через 13 лет, в 1862 году, станет арестантом одиночной камеры в Алексеевском равелине Петропавловской крепости Николай Чернышевский и напишет там свой популярный роман «Что делать?» Еще через 13 лет, в 1875 году, в Петропавловской крепости окажется еще один русский писатель — Николай Каронин-Петропавловский, чей надгробный памятник стоит на Воскресенском кладбище в Саратове. В Петропавловской крепости Федор также написал рассказ "Маленький герой", а в 1857 году Михаил его напечатал.

Федор Достоевский был признан следствием виновным в «умысле на ниспровержение существующих отечественных законов и государственного порядка». Первоначальный приговор военно-судной комиссии гласил: «...отставного инженер-поручика Достоевского, за недонесение о распространении преступного о религии и пра-

вительстве письма литератора Белинского и злоумышленного сочинения поручика Григорьева, лишит чинов, всех прав состояния и подвергнуть смертной казни расстрелянием».

Барабаны, барабаны... Петрашевцев казнят!

Балахоны, балахоны, словно саваны, до пят.

Но один, пургой обвитый, молчалив и отрешен,

Тайно всю Россию видит сквозь бессильный капюшон...

(Евгений Евтушенко «Петрашевцы»)

Четыре года Достоевский провел на каторге в Омске. Тяжелая жизнь каторжанина, физическая усталость не мешали ему наблюдать жизнь и анализировать происходящее. Будучи осужденным, он задумал создать роман о преступлении. «Все сердце мое с кровью положится в этот роман», — мечтает автор. Воплотить свою идею в жизнь писателю удалось лишь спустя несколько лет. В период с 1860 по 1866 годы он работает со старшим братом в собственном журнале, пишет «Записки из мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Зимние заметки о летних впечатлениях» и «Записки из подполья». Проблемы, затронутые в этих романах, найдут свое отражение в «Преступлении и наказании».

В 1980 году на советских киноэкранах демонстрировался фильм режиссера Александра Зархи «Двадцать шесть дней из жизни Достоевского» — биографическая драма. Октябрь 1866 года. Трудный и мрачный период в жизни писателя. Похороны жены, затем брата, долги и неустроенная личная жизнь. Подписан кабальный договор с издателем Стелловским, по которому в короткий срок необходимо предоставить рукопись нового романа. По совету друзей Федор Михайлович воспользовался услугами стенографистки, одной из лучших слушательниц курсов Ольхина. За то малое время, которое оставалось для работы, был закончен роман «Игрок». Нежное, искреннее чувство, возникшее между писателем и его помощницей, переросло в любовь. Анна Григорьевна, поборов сомнения, становится его женой и верным другом. Роль Федора Михайловича Достоевского исполнял культовый актер Анатолий Соловьев, чье детство и школьные годы прошли в Саратове.

10 лет тому назад на экранах наших телевизоров шел телесериал режиссера Владимира Хотенко «Достоевский» с нашим земляком Евгением Мироновым в главной роли. Сериал рассказывал о жизни Федора Михайловича Достоевского. Приоткрывая кулису его личной жизни, картина захватывала период с того момента, когда Достоевский был приговорен к смертной казни за участие в кружке петрашевцев, до времен создания «Братьев Карамазовых». Трагичная, уникальная судьба, полная тяжелых испытаний и невероятного накала чувств. Ссылка в Сибирь, долгие годы в изоляции, затем заграница, любовь к Аполлинии Суловой, смерть жены. Постоянные долги, борьба с собственными страстями, дружба и вражда с талантливыми писателями — Некрасовым, Тургеневым. И творчество, итогом которого стали всемирно известные произведения. Евгений Миронов рассказывал: «Фильм показывает Достоевского в возрасте от 29 лет, когда его посадили в острог, и почти до самого финала его жизни. И я играю его во всех возрастах. В этом-то и была сложность: найти, как он меняется. Как стареет Федор Михайлович, оставаясь при этом Достоевским? Честно говоря, мне помогал грим. И пластика. Но самое главное, что в Достоевском оставалось — "горящий глаз", его максимализм во всем: по отношению к себе, и к жизни, и к обстоятельствам, и к вере. Глаз "горел" до последнего».

Знаменитый физик Альберт Эйнштейн восхищался творчеством Достоевского, о чем в 1930 году признавался, что русский писатель оказал на него даже большее влияние, чем Гаус. Немецкий философ, филолог, композитор и поэт, один из основателей философии жизни Фридрих Ницше признавал, что Достоевский был единственным психологом, у которого он мог кое-чему поучиться («Сумерки идолов»).

КРУПНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖАНР: ПОВЕСТЬ, ДРАМА, ОЧЕРК

Владимир Королев
(г. Смоленск)

ПЕРЕПРАВА — АД И СЛАВА
Главы из повести

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ФЛЯЖКА СИМОНОВА

Вскоре в гости к молодоженам приехал Алексей Мишин. Друг Царева, он тоже писал стихи, однако на хлеб зарабатывал, трудясь репортером на областном радио. К друзьям на свадьбу Мишин не попал, поскольку вынужден был в тот же день сопровождать первого секретаря обкома, решившего посмотреть, как идет по Западной Двине сплав леса из велижских дебрей в Витебск. Отлевитанив* передачу, Мишин тут же устремился в Речистое, чтоб наконец-то поздравить молодоженов.

Женя услала своего Алексея за снедью в магазин. Сама же, поставив на стол под одуваном самовар и блюдо с янтарным медом, стала потчевать гостя не только чайком, но и рассказом о том, кто был у них на торжестве и кого не было:

— С Анатолием мы всех, кого приглашали и кто постеснялся, потом обошли по дворам. Во-первых, это — фронтовики, во-вторых, хотела, чтоб папины друзья мой выбор оценили, а, в-третьих, они меня чаще дочкой, чем Женькой называли, а как дочка должна поступить? Вот то-то и оно!

Муж мой всем понравился, но они его все-таки чуть стеснялись — корреспондент! Единственный, кто бойко с ним вел разговор — дядя Саша Сухарев. Он командовал ротой в Донской дивизии, которая рядом с лизюковцами тоже обороняла Ярцево. В дивизию приезжали писатели Фадеев, Шолохов, Петров, Симонов, и комдив Кириллов привозил писателей на передний край именно в роту Сухарева.

Понятное дело, дядя Саша рассказал Анатолию, что Константин Михайлович Симонов не просто с ним общался, а, узнав, что Сухарев прошел через бои под Могилевом, где сам писатель уже 26 июня начал воевать, подарил ему фляжку с водкой. А фляжка эта спасет дяде Саше жизнь: под Сталинградом он, набрав воды из ручья, впадающего в Волгу, сделал глоток — и вдруг — сильный толчок в грудь, а фляжка — в сторону. Снайпер! Но пуля пробила сосуд только с одной стороны...

* Юрий Левитан — знаменитый советский радиодиктор.

— Слушай, Женечка, это же материал для радиоочерка! — Мишин сделал большой глоток чайного отвара.— Горячо! Познакомьте меня с этим дядечкой...

— Познакомим. Тем более он с поэтами любит общаться. Причем, по-серьезному.

О фляжке-спасительнице старший лейтенант Сухарев написал в «Красную звезду» с просьбой передать военкору газеты Симонову его треугольничек. В редакции это письмо легло в персональный мешок Константина Михайловича: автору стихотворения «Жди меня» свои откровения, поклоны и приветы слали воины всех фронтов, и, пока поэт находился в командировке, писем набиралось под самое горло в этой емкости. Ответить каждому адресату Симонов, понятное дело, не мог, а вот дяде Саше даже прислал стихотворение под названием «Фляга»! Оно было набрано редакционной машинисткой на отдельном листе, а в правом верхнем углу поэт «от руки» пожелал старшему лейтенанту Сухареву увидеть Победу.

Автограф Симонова дядя Саша хранил в паке с фронтовыми фотографиями, справками из госпиталей, благодарностями Верховного Главнокомандующего и орденскими книжками. И вот Александр Иванович бережно разгладил лист на краю дубового стола и поднял на нас глаза:

— Послушаете?

Письмо от самого Симонова! Конечно, обалдевшие, мы закивали головами.

*Когда в последний путь
Ты отправляешь друга,
Есть в дружбе, не забудь,
Посмертная услуга:
Оружье рядом с ним
Пусть в землю не ложится,
Оно еще с другим
Успеет подружиться.
Но флягу, что с ним дни
И ночи коротала,
Над ухом ты встряхни,
Чтоб влага не пропала,
И копь ударит в дно
Зеленый хмель солдатский,—
На два глотка вино
Ты раздели по-братски.
Один глоток отпей,
В земле чтоб мертвым спалось
И дольше чтоб по ней
Живым ходить осталось.
Оставь глоток второй,
И прах, предав покою,
С ним флягу ты зарой,
Была чтоб под рукою.
Чтоб в день победы смог
Как равный вместе с нами
Он выпить свой глоток
Холодными губами.*

— Женя, да ты даже успела выучить стихотворение. Молодец! Может, и мое что-нибудь когда-нибудь выучишь,— Мишин очень уважительно и мечтательно посмотрел на девушку.

— Симонов очень легко учится. Я половину его стихов знаю. Ты слушай, что

дальше было. Дядя Саша говорит: «Самая пора выпить за здоровье Константина Михайловича.— И достал фляжку, а в ней с боку — дырочка!

— Ту самую?

— Ту самую!

И они взялись переливать в эту алюминиевую посудину содержимое бутылки, которую мы принесли, а потом, как мальчишки, ловили стаканами струйку и чокались. Дядя Саша Анатолию говорит:

— Я газету твою читаю. Сев, картошка, лен, доярки — все это хорошо, а про фронтовиков — мало. Мало!

— Александр Иванович, пашут — сеют — строят — это же все фронтовики делают!

— Конечно, а кто за нас делать будет! Я сам пищекомбинат в райпотребсоюзе строю. И конфеты там будем делать, и колбасу, и лимонад. Сейчас бы вот Женечке лимонада в самый бы раз налить, а мы ей водяру капаем! Но будет и лимонад, будет! Жизнь будет слаще!

— А березовик у вас есть, дядя Саша?

— О, хорошо, что напомнила. Полная кадушка. Подай, пожалуйста, кринку.

В буфете на нижней полке стояли графин и два горлачика. Я вытащила графин.

— Однако культурная. Ну, уважь ты меня, дочка, дай все ж-таки кринку.

И дядя Саша раскачивающейся походкой двинул в холодную кладовку за квасом.

Толя, глядя ему вслед, сказал:

— Для такого мужика двести граммов — не выпивка. А его вон как колышет. Давай-ка будем собираться, пусть дядька отдохнет!

— А его всегда покачивает — у него ж обеих ног нет! Врачи гангрену проморгали...

Тут дядя Саша притащил горлач:

— После водки — самый нужный напиток. Ква-сок! Не просто квас, а квас плюс сок, получается «ква-сок»! Молоко — на третьем месте... Угощайся, Женечка!

И Анатолию: — Так я опять про газету — фронтовиков не обижайте. У тебя три ордена — ты там в редакции наш щит, а не эти приезжие щелкоперы. Да, война всем надоела — но нет правды о войне! Одних Симонова, Твардовского, Исаковского мало. Мало! Ты обо мне не пиши — о нас Борис Полевой написал. Хорошая, ха-аррошая книга — «Повесть о настоящем человеке», согласен?

— Согласен.

— Ты о тесте своем, Иване Максимовиче, напиши. Чтоб судьба была видна! Наша судьба...

Анатолий на меня посмотрел.

— Ты Жене глаза не строй — уже построил: вижу, что пьян от того, что такая святая девка тебе досталась. Ты про ее батю напиши. Она сама не попросит, а я — прошу. Напишешь — фляжка твоя.

Толя по дороге обратно мне говорил:

— Я тоже фронт прошел, мне тоже чуть руку миномет не оторвал, но батя твой и его кореша,— они совсем другие люди! Другие. Они те, на ком русская жизнь держится!

Я его поцеловала.

БАЛЛАДА О КРОВИ

— Женя, а что это за чемодан такой у нас полтерассы занимает? — раздался голос Ивана Максимовича. Кириенков уже несколько минут стоял на крыльце, не решаясь прервать беседу. Тем более, дочка стих читала. Артистка! Но сейчас, кажется, можно было и встрянуть...

— Ой, папка! Алексей Викторович Мишин приехал. Специально, чтоб нас поздравить! — Женя горделиво повела плечами.

— И что, чемодан колбасы привез?

— Иван Максимович, колбаса в рюкзаке, а чемодан — и не чемодан вовсе. Это магнитофон, там вам привет от Туликова. — Мишин пошел к крыльцу, чтоб позвать руку хозяину.

— Заходи в дом... Туликов — это хорошо. Давно мы с ним рюмку не поднимали. Так ты, выходит, его проведаль?

Семен Семенович Туликов, можно сказать, квадратно оправдывал свое прозвище. Во-первых, благодаря говорящей фамилии, во-вторых, в Туле он родился и вырос. В сороковом сразу после окончания педучилища его призвали в армию, а на Соловьеву переправу он пришел уже со звездой младшего политрук на рукаве.

— Рано утром открываю люк, лезу из танка, глядь — а у меня на броне политрук спит! — вспоминал Иван Максимович свое знакомство с Туликовым. — Спать, спит, но — весь наготове, тут же встрепенулся. Я говорю: «Извиняйте, товарищ политрук, мне за командиром ехать надо, а вы, пока темно, переправляйтесь на ту сторону». А он мне: «Я переправляться не буду. Надоело отступать. Вези меня к командиру». Политрук не расставался с винтовкой, и это Лизюкову понравилось, а когда Александр Ильич узнал, что Семен — из Тулы, вдвое обрадовался: туляки — отменные солдаты! И, знаешь, Лизюков тут же, в пять утра, назначил Туликова комиссаром переправы. Чутье на людей у Александра Ивановича было как ни у кого! 27 августа немцы захватят переправу, но Лизюков и Туликов сбросят их в Днепр. Вот где политруку его винтовочка со штыком помогла! А вообще-то он кровь ненавидел: когда детей переправляли — следил за тем, чтобы мамки и учительницы с воспитательницами им глаза завязывали, бинты раздавал, лишь бы не видели дети кровавой мешанины на досках понтонов, кусков мяса, обрубков тел человеческих. Я б себе тоже глаза завязал, если бы танком управлять не надо было! То ли первого, то ли второго августа Туликова ранило в ноги, мы едва успели его определить на последнюю санитарную полуторку.

А нашелся политрук лет через десять: в областной газете Женька прочитала заметку о том, что учитель Соловьевской школы С. С. Туликов просит всех, кто воевал в сорок первом году на переправе, прислать для школьного уголка боевой славы свои воспоминания. Она показала газету отцу — и тот вскинулся: «Тула, Тула, Тула, я! Разрази меня гроза, он!» Оказалось, что Семен Семенович оставил квартиру в доме на улице Оружейной и перебрался на берег Днепра.

Когда они увиделись в Речистом, объяснил Семен Кириенкову в чем дело: «Иван, спать спокойно в Туле не мог. Чуть глаза смежу — и переправа как страшное кино начинается. За ночь раз восемь вставал. Покурю, ложусь — опять бойня. В сорок первом не боялся — в пятьдесят первом стал бояться! Жена на меня глядела-глядела — и повезла в Соловьево. Давай, мол, побудешь на своей переправе: и друзьям погибшим поклонись, и на душе полегчает... Приехали, поклонились, в школу зашли, а директор говорит: «Историю вот преподавать некому, молодая учительница замуж за пограничника вышла и уехала на заставу». Я: «А жить есть где?» — «Квартира при интернате». Жена все поняла и только руками развела: «Сама виновата: сама привезла!» Так что давай, Иван, приезжай в гости.

И Кириенков стал бывать в Соловьеве. Обычно случалось это на Яблочный Спас. Иван Максимович набирал под одуваном два мешка дышащих золотым светом крутобоких плодов и звонил председателю райкома ДОСААФ:

— Заедь, майор, на минутку к Ворошиловскому стрелку.

Отставной майор Игнатов отказать Кириенкову не мог, поскольку сам был «шесть с половиной раз ранен» (за «ноль-пять» у Игнатова шла контузия). Он приезжал к Ивану Максимовичу на трофейном мотоцикле с коляской. — Не глуши! —

кричал Кириенков.— Я же говорил, что на минутку,— и тут же засовывал в чрево прицепа пузатый чувал.— Это — твоим мальчикам. А второй мешочек отвезем завтра на переправу? — Отвезем, отвечал майор и давал газку. На следующий день, обнимая мешок с яблоками, Иван Максимович восседал в коляске гоголем, и члены ДОСААФ Игнатов и Кириенков гнали в Соловьево; пыль за их мотоциклом долго не оседала, ее клубочки рассеивались нежнейшей августовской пудрой по крышам домов Клестова, Тетерина, Береснева, Зимца, Савина, Зуева, Топорова, Лисичина, Витязей и прочих деревень и сел, что связали свою христианскую судьбу с духовщинским выпадающим в Старую Смоленскую дорогу большаком.

Туликов встречал боевых товарищей у парома через Днепр, жена его, статная и строгая Александра Васильевна, имея всегда плотный букет ромашек, делила его на четыре части, чтобы, пока дреднот на тросах массивно шел от берега к берегу, голубая-голубая вода реки могла получить из теплых ладоней фронтовиков самые главные, с солнышком посередине, цветы русского поля.

А нынче с Семен Семенычем случилась беда — в областном военном госпитале ему ампутировали кисть и предплечье левой руки. Первым, кто проведаль после операции политрука, оказался радиожурналист и поэт Алексей Мишин. «Тула — я, Тула — родина моя» был бледен и горд. Он даже улыбался, потому что три дня назад все могло закончиться не бедой, а многотрупной трагедией и режущими светлые лица матерей бороздами от потоков горьких-горьких слез.

...Семен Семенович после обеда направился в библиотеку полистать свежие московские журналы. Навстречу — Таня Куделина, пятиклассница:

— Семен Семенович, ребята в рощу понесли снаряд в костер бросать!

Учитель рванул к околице деревни, где над кронами лип и черемух, высаженных по краю противотанкового рва, вился едва заметный дымок. И он успел столкнуть в овраг всех четверых любителей гахнуть, но, пихая последнего, поскользнулся — подвела лысая подошва сандалия.

— И хорошо, что поскользнулся,— оптимистично изрек Туликов,— получилось как под бомбежкой: вовремя залег. За клешню зацепило. А так бы по кусочкам меня и собирали бы. Ничего себе — сходил в библиотеку! — Мишин, рассказывая, старался передать мимику и самоироничность Семен Семеныча.

— Политрук он и есть политрук, это на всю жизнь.— Иван Максимович взглянул на корреспондента: — Согласен?

— Согласен.

— А что за привет у тебя в чемодане? Включи-ка свой этот... как его... патефон.

Магнитофон занял, считай, полстолещницы. Всего три или четыре секунды покрутились большие желтые бобины — и вдруг голосом Туликова они произнесли:

— Дорогой Иван Максимович! Очень рад, что ты отпраздновал свадьбу своей дочери. Поздравляю! Уверен, что Женя будет счастлива в семейной жизни, поскольку вышла замуж за фронтовика, а ты дал молодым свое благословение.

Что касается моего здоровья, то скоро вернусь в Соловьево. А как жить инвалидом — ребята из твоей подъяблочной команды научат, стаж однорукости-одноногости у вас приличный, так что готовьтесь передавать опыт. Думаю, что на 25 сентября, день освобождения Смоленщины, буду у тебя в Речистом, собирай народ. Времени спокойно подумать над своим поступком у меня нынче хватает, и я сейчас твердо говорю: знай заранее, что лишусь руки, но мальчишки останутся целы,— побежал бы в рощу еще быстрее. Да ради этих огольцов и жизни не жалко. Уж ты-то меня понимаешь! А горько мне сейчас только от того, что никто не смог таких же ребятков под Вязьмой спасти. Историю эту тебе, если не слышал, Алексей Викторович расскажет. А лучше пусть прочтет свое стихотворение — и ты мою боль поймешь и поделишь.

Шуршащая лента унесла в самую глубь чемодана голос учителя-политрука. Мишин щелкнул выключателем и взялся за крышку магнитофона.

— А что случилось под Вязьмой? — Иван Максимович тяжело посмотрел на гостя.

— Шестеро школьников подорвались на mine. Младшему — семь лет, старшему — пятнадцать. Война. Чем от нее дальше — тем больней. Две недели назад это случилось, я там как раз в командировке был.

Кириенков посмотрел на дочь: — Видишь, что на нашем смоленском свете творится, а мы тут чай гоняем... Эх, Днепро-Днепро, Вязьма-Вязьма, Тула — я, Тула — родина моя!». Ладно, помянуть деток надо и за здоровье Семена выпить.

Алексей достал из рюкзака снедь и бутылку «Столичной», Иван Максимович сходил в чулан за холодцом, Женя, вытерев уголком рушника влагу под потускневшими глазами, распахнула буфет, и на освобожденном от говорящего туликовским голосом ящика столе появились рюмки, тарелка с хлебом, огурцы, миска с мочеными яблоками.

— Как твое стихотворение называется, Алексей Викторович?

— Баллада о крови.

— Мы слушаем тебя.

— Не могу я вслух... Простите. Вот у меня с собой есть машинописный текст, четыре копии. Пожалуйста, два листочка, возьмите... Может, сами...

— Ты Семену читал?

— Читал.

— Ты слышал, что политрук по этому, как его ... патефону сказал?

Мишин взглянул на Женю. А она, ничего не говоря, одним движением поменяла отцу и гостю рюмки на граненые стаканы.

— Вот это по-нашему! — притопнул протезным башмаком Иван Максимович.— По полному!

Алексей вспомнил свою поездку с вяземским военкомом на братскую могилу школьников и венки на свежем холмике с надписями на лентах: «От второго класса «А», «От четвертого класса «Б», «От пятого...», «От...», тут же всплыло госпитальное лицо Туликова и его жгуче сожалеющие слова: «Никто не смог ребяток спасти, никто» — и выдохнул:

— Слушайте!

*Мальчишки, милые мальчишки,
Судьба до донышка видна...
Обманно летнее затишье
И по лесам, и в поле льна
Еще пожар войны пылает,
Он душу всю мою изгрыз.
И до сих пор подстерегает
И убивает нас фашизм:
Стальной заржавленной рубашкой
Или тротиловой волной
Над луговой кудрявой кашкой,
Над тихой вольностью лесной.
...Вас было шестеро.
По маю шагали солнечно, тепло,
Спугнув пернатых диких стаю,
Брели, веснуя, за село,
А на пути костер пылает,
И поле Памяти плывет,
Никто из вас еще не знает,
Куда костлявая ведет...
Ах, эти шустрые мальчишки!*

*Уйдя от ангельских квартир,
Забыв и удочки, и книжки,
В последний раз глядят на мир.
Рванулось пламя к поднебесью,
Снаряд — вразнос...
И тело жжжет...
Никто из вас уж не воскреснет,
По росным травам не пройдет,
Не запоем над отчей далью...
Земля ужасна, видит Бог,
Она напичкана так сталью,
Как кашей гречневой пирог.
Мелькали праздны дни победы...
Но песни рано петь в полях,
Пока уходят внуки к дедам,
Когда-то павшим здесь в боях.
И кровь сливается с их кровью,
Восходят свежие холмы...
Не воскресить их хлебной новью,
Ни далью росной тишины!
Кукушка в память их кукует,
Над ними веют ветерки...
Который год мой край воюет,
И гибнут, гибнут земляки.*

ЗЯТЬ БЕЗНОГО СОЛДАТА

На десятилетие Победы в сад Кириенковых собрались не все.

Зимой прямо у наковальни лопнуло сердце у дяди Толи Кузнецова. Но какую память оставил! Сразу после Нового 1955 года он начал изготавливать для друзей подковы, чтобы 23 февраля подарить на счастье на всю оставшуюся жизнь. Успел, только вот сам до двадцать третьего не дожил. На поминках сын Кузнецова, Виктор, раздавал подковки. Елена Ивановна, вдова, при всей кувалдовой тяжести горя, напомнила сыну: «Кириенковым — две штуки: Ивану Максимовичу, само собой, и Жене с Анатолием».

Не приехали в сад Егоренковы: 1 мая Анна родила Степану Ильичу сына Кольку, и, понятное дело, тема для разговора о-го-го какая появилась, тем более их Женька, третьеклассница, уже в пионерском галстуке (только что приняли!), от родителей открытку принесла с поздравлениями всему застолью.

— Лукаш, где твой картуз?

— А вон, на сучке висит.

Иван Максимович, не успевший на этот раз отстегнуть протез, зашагал к яблоне.

— Мог бы голову и побольше иметь, а, Лукаш? — Оценивая нутро и размер картуза, ехидничал Кириенков. — Так, на приданое имеющему неделю отроду, будущему защитнику Отечества, Николаю Степановичу Егоренкову, по червонцу сбросимся?

И шапка полетела по кругу.

Анатолий достал из портфеля плитку шоколада «Золотой ярлык». Евгения кивнула: — Ты Женечке? Отдавай, отдавай поскорей!

Царевы тоже ждали прибавления, и Анатолий каждый день старался чем-то побаловать жену. Вот ребята из областной газеты ему с оказией недавно даже мандаринов прислали: в Смоленске на рынке все есть!

Звенел в небе жаворонок, и Анатолию захотелось, чтобы песенка зазвучала погромче. Больно высоко птах забрался, спустись пониже, птица!

— Тебя! — Евгения прикоснулась к мужу локотком и кивнула в сторону торца стола.

— Товарищ капитан, разрешите обратиться? Сухарев, представитель сообщества фронтовиков, выживших после Соловьевой и других переправ!

Анатолий встал.

— Я тут ребятам 23 февраля проговорился, что тебя как литературного работника об одном дельце просил. Сегодня 9 Мая.— Александр Иванович постучал кончиком ножа по фляжке, которую только что отстегнул от пояса.— Мужики, тише, поэты тишину любят!

У Царева что-то трепыхнулось под левой подмышкой: читать или не читать; а вдруг обидятся... Но тут кивнула Жень: «Давай, Толя!»

Жена сидела, сцепив руки под круглой горкой живота, и Анатолий понял: все, что он сейчас скажет, услышит и их дитя.

— Дорогие боевые друзья! Я много испортил бумаги, чтобы выполнить задачу, поставленную Александром Ивановичем. Стихи получались, а души в них такой, как, скажем, у Константина Михайловича Симонова не чувствовалось. Ну не чувствовалось — и все! А без души нельзя. Нечестно. И тут мне помог Алексей Бодренков из областной газеты: разрешил подарить вам святые строки:

*Я зять безногого солдата.
Он человек лишь до колен.
А ниже — дерево и вата.
Иль что там выдают взамен?
Сапер. В войну на минном поле
Чуть-чуть ошибся он — и вот
С той нестерпимо страшной болью
Уже который год живет.
Вот он (ему б сидеть на месте)
Идет, протезами скрипя.
Но я-то вижу: трудно тестю
Держать с достоинством себя.
Давным-давно он с поля боя,
Давно, казалось бы, привык.
Но я-то вижу: тестю больно,
И больно так, что в сердце крик.
Я вместе с ним переживаю
Все то, что сам он гонит прочь.
А как помочь ему, не знаю,
Хоть очень хочется помочь!
Как зять безногого солдата
И как участник той войны,
Я говорю: да будет свято
Вовеки царство тишины!*

— Максимыч, ты все понял? — Сухарев глядел на Кириенкова, тот тер глаза.— Что ты молчишь? Зять, у тебя талант и на войне был не зря!

Иван Максимович, сглотив комок и, прокашлявшись, виновато попросил:

— Сынок, а еще разок можно?

Анатолий кивнул, хотя у него тоже першило в горле.

— Погоди, капитан. Дай-ка я тебя обниму... Так, а теперь — горячее... Дырка-дыркой, а все ж-таки до половины я ее наполнять могу. Последний раз посудиною пользуюсь, отдаю ее тебе, капитан.— Александр Иванович плескал по стопкам водку из симоновской фляжки.— Дарю! — Сухарев снова обнял Царева.— Давай, читай по новой.

И Царев, поняв, что стихотворение принято, хотя и не он — его автор, волнуемым голосом, отрубая ритм рукой с зажатой в ней флягой, признался:

*Я вместе с ним переживаю
Все то, что сам он гонит прочь.
А как помочь ему, не знаю,
Хоть очень хочется помочь!
Как зять безногого солдата
И как участник той войны,
Я говорю: да будет свято
Вовеки царство тишины!*

И зависла среди белого дня такая тишь, что стал уловим даже шорох прикосновения к траве приземляющихся яблоневых лепестков.

Потом кто-то кашлянул, и тут Сухарев заплодировал. Все спохватились и тоже захлопали: двурукие — в обе ладони, однорукие — ложками по краю столешницы.

Анатолий поднял стакашек:

— Спасибо! С Днем Победы! — и по кругу пошел, с каждым чокнулся, а перед тем, как осушить стопарь, поцеловал Евгению.

Пастух Левшунов крикнул:

— Водка, она только с виду горькая. На самом деле — сладкая.

Женя тоже захотела сделать глоток влаги, от которой у мужиков так засветились глаза и разгладились шрамы и морщины, но тут в чреве кто-то два раза толкнул ее ножкой: — Нельзя, нельзя! — Женя засмеялась и чмокнула мужа.

Вскочил Лукаш:

— Песню! «Артиллеристы»!

— Отбой! — тут же встал Сухарев. — Давайте-ка отложим «Артиллеристов» до следующего застолья. — И процитировал две крайних строчки стихотворения: «Я говорю: да будет свято / Вовеки царство тишины!» — Так что теперь давайте побудем в царстве тишины!

Лукаш бросился на веранду, где подходил самовар.

— Петро, ты куда с одной рукой? Это же самовар, а не твоя шустрая Лушка, его не обнимешь!

Мгновенно спас обескураженного Лукаша Анатолий:

— А мы с Петром Егоровичем самовар одолеем в три руки! Я помогу...

Женя вынесла коробку с чайным сервизом. Его подарили Царевым на свадьбу члены литобъединения, но кто ж на свадьбе пьет чай! А вот на День Победы о голубых чашках вспомнили... И сильней, намного сильней закрубились лепестки одувана: чайный аромат и жгучий пар из медного душника так ударили снизу в крону, что жена попросила Анатолия оттащить самовар на более удаленный от ствола яблони край.

Поняв, что пришел его черед для тоста, встал Иван Максимович:

— Тяжело жить, а хочется. А будет легче? Будет. Не нам — нашим детям и внукам. Мы же ради них все эти переправы, начиная с Днепра и заканчивая Эльбой, прошли. Ну, а сегодня мне, скажу как на Духу, жить по новой захотелось — надо дожидаться, когда товарищ, что во-о-от там у Жени спрятан, сам стишок мне прочитает «Я — ВНУК безногого солдата!» Как, Анатолий, прочитает?

Царев взглянул на Женю — она горделиво и мечтательно улыбнулась ему, и Анатолий ринулся к Ивану Максимовичу. Гранитно, «камешком», ударив стакан о стакан, зять и тесть крепко-крепко обнялись.

ВЕЧНЫЙ ОГОНЬ

Прошло сорок девять лет. В один из декабрьских вечеров 2014 года, отмеченных не нарастающей морозной страстью зимы, а муторной слякотью умирающей осени, ветерану Великой Отечественной войны Анатолию Дмитриевичу Цареву стало не просто плохо, а хреново, даже, мягко говоря, очень хреново. Сердце уже месяц вело себя, честно сказать, корявенько, однако старик никому не жаловался, а глотал, в большем, правда, чем всегда количестве, пилюли — и терпел. Жаловаться Царев привычки не имел, наоборот, всю послевоенную жизнь проработав в газете, он сам помогал жалобщикам, а науке себя превозмогать Анатолий выучился еще на фронте. К примеру, однажды он часов пять пролежал в снегу на морозе, корректируя огонь минометного дивизиона — и ничего: морально-волевые качества не подвели, а обморожение оказалось, слава Богу, минимальным. Но одно дело терпеть, когда тебе девятнадцать и сердце живет боем, и другое — когда тебе под девяносто и обороты движка затухают, блекнут и вот-вот куда-то исчезнут, как случается это в конце мая с сизой яблоневою дымкой...

Сын Олег, Олег Анатольевич Царев, приехал как всегда поздно. Будучи главой администрации Соловьевского района, сегодня он заседал в областном центре в оргкомитете по подготовке празднования 70-летия Великой Победы, часть вопросов, в том числе и по созданию мемориала на переправе (точнее, уже по его финансированию), перенесли на следующий день, можно было бы остаться переночевать в городе-герое (у дочери, завуча гимназии, там трехкомнатная квартира), однако в голове сидело: «Батя дома один!» — и Олег вернулся в Соловьево. Полтора года назад ушла из жизни мать, Евгения Ивановна, ее сожрал рак, который зародился под шрамом на ладони, когда-то расшараханной немецким осколком, и Анатолий Дмитриевич сказал тогда: — «Женечка, дай срок, вот 70-летие Победы встречу — и сразу к тебе. Потерпи, пожалуйста».

Царев-младший, зная про настрой отца и веря, что эта доминанта держит его в тонусе и поможет Анатолию Дмитриевичу жить, чтоб дожидаться светлого юбилея, отодвигал порой на второй-третий планы злые текущие дела по районным коммунальному и агропрому и плотно работал в областном центре и столице — на Соловьевой переправе необходимо было создать мемориал памяти ста тысяч красноармейцев и командиров, павших здесь во имя спасения Москвы в сорок первом и Победы над врагом в сорок пятом! Такую задачу Олег поставил перед собой еще три года назад и сообщил об этом отцу, однако чиновный клан держал оборону: негромкий, но такой стратегический подвиг Соловьевой переправы в начале войны почти ничего не значил для имеющих доступ к казне столоначальников. Изучая историю Родины по выхолощенным в мутные девяностые годы учебникам и потому зная ее по верхам, они кривили физиономии: ну что такое это Соловьево, вот Сталинград, Севастополь, Курская дуга — это да, они всему миру известны, есть в конце концов федеральный комплекс памяти на Поклонной горе, так что деньги сегодня надо тратить на другое!

Олег, выросший на рассказах ветеранов, устоявших на колыхающихся бревнах переправ, наведенных на кровавых реках войны, по наущению деда избравший стезю офицера-пограничника, служивший в конце восьмидесятых начальником заставы, в трудную минуту такого непонимания взрывался и начинал читать в высоких кабинетах «Переправу» Александра Твардовского:

*И столбом поставил воду
Вдруг снаряд. Понтоны — в ряд.
Густо было там народу —
Наших стриженных ребят...
И увиделось впервые,*

*Не забудется оно:
Люди теплые, живые
Шли на дно, на дно, на дно...*

Это ведь написано о смоленских прежде всего событиях, о неизвестных героях, которые никогда так и не станут известными!

А известные — однорукие Лукаш и пастух Левшунов, политрук-учитель Тула — я, Тула — родина моя, ослепший Степан Ильич Егоренков, безногий мастер по изготовлению подков счастья Кузнецов, дорогой дедушка Иван Максимович Кириенков, все другие боевые товарищи деда и отца — их тоже уже нет на белом свете...

Стихи читать и при их помощи, в случае чего, убеждать в своей правоте людей, не понимающих душу русского человека-патриота, Олега, кстати, научил Иван Максимович, а не поэт-газетчик папка. Бывало, дедушка говаривал: «Давай, внук, давай. Но только — ударно. Ударно!» Бодренковское «Я зять безногого солдата» звучало в раннем детстве, в школьные же годы пришли Симонов, Наровчатов, Орлов и, конечно, Александр Трифонович Твардовский.

А последний раз Олег читал «Внука-зятя» Ивану Максимовичу в апреле семьдесят седьмого, когда перед тем, как отбыть на заставу, приехал домой — показаться в лейтенантских погонах. Дед позвал его с собой в березняк собрать там в алюминиевую сорокалитровую баклагу капающий в подвешенные к деревьям банки сок и, когда выбрались на желтую от пожухшей прошлогодней травы опушку рощи, сказал: «Отдохнем, товарищ лейтенант...» Олег сбросил бидон, расстегнул «молнию» на горловине спортивного костюма, развернул плечи: «Благодарь!»

— Давай, Олег Анатольевич...

— Ударно?

— Душевно. Не нарушая тишины.

Иван Максимович присел на ствол не пережившей зимы поваленной вербы, снял кепку. Солнце струило сквозь голые сучья охранявшей опушку березы ласковое тепло, лучи подняли на голове старика седой пух — и жесткое лицо его вдруг стало почти юным. Золотистый нимб, неяркие, но внимательные глаза, руки, устроенные на суровой ткани галифе, дед слушал!

...да будет свято

Вовеки царство тишины.

Олег произнес последние слова почти шепотом, не напрягая голосовых связок, но небо стало шершавым, и он отщипнул с еще живой ветки вербы похожую на шмеля ароматную почку, попробовал жевать. Но дед шевельнул ладонью, лежащей на колене протезной ноги: «А теперь — про «стриженных ребят...»

Переправа, переправа!

Берег правый, как стена...

Этой ночи след кровавый

В море вынесла волна.

Во имя памяти тех «стриженных ребят» и во имя увидевших свет Победы и поднявших ее флаг над Берлином деда и его славных друзей, отца, каждый новый год живущего ожиданием только 9 Мая, надо, надо создать мемориал!

И лед непонимания треснул, а потом и тронулся. После настойчивых обращений Царева в администрацию области в Соловьево приехал губернатор, не спеша прошел по берегам Днепра, уставленным серыми обелисками, взглянул на скромный постамент, где застыли реактивные минометы «катюши», защищавшие переправу, побывал в двух музеях, деревенском и районном, — и проникся: «Надо зажигать Вечный огонь!» Кардинальное решение наконец-то было принято, и завтра, после второго заседания оргкомитета, должны были завертеться и маховики механизма, обязывающего изыскателей, проектировщиков, художников, строителей, газовиков и прочих

специалистов приняться за реализацию сооружения памятника героям Соловьевой переправы.

Тридцать семь лет отсчитало время после кончины Ивана Максимовича, и Олег, придвинув стул к изголовью отцовского дивана, решил, что рассказ о том походе за березовым соком с дедом, дождавшимся тогда праздника Победы, хоть немного утешит страдания Анатолия Дмитриевича в этот поздний вечер. Однако Царев-старший, только что согласившийся выпить чаю, вдруг прохрипел: «Скорую!» — и потерял сознание.

Через считанные минуты у тела отца суежилась хрупкая женщина-врач. Ольга Владимировна проверяла пульс на сонных артериях, поднимала веки, изучая зрачки, и, готовясь сделать укол, изрекла:

— Спасти Анатолия Дмитриевича можете только вы, Олег Анатольевич! В районной больнице у нас нет нужного оборудования, до областной доехать не успеем. Вы сильный, делайте сердечно-легочную реанимацию!

— Закрытый массаж сердца?

— Да! Откиньте ему голову! Давите на грудину. Ритмично двигайте ее к позвоночнику. Да надавливайте же, что вы медлите, атакуйте, вы же офицер!

Слово «офицер» стегануло по мозгам, обзывая вспомнить практические занятия на манекенах: седой военврач, лекарь, которого между собой они называли Белокурым, твердил им, легкомысленным курсантам: «Вы — будущие командиры! Так учитесь не только командовать людьми, но и спасать их. Нет боя — есть ЧП всякие, нет раны — есть аффиксия, аритмия, за сердце надо бороться всегда! Дышите рот в рот, в вашем выдохе — шестнадцать процентов кислорода. Живительного в эту секунду кислорода!

Ольга Владимировна с удовлетворением наблюдала: оказывается, глава района — профессиональный спасатель, он методичен и неутомим. Но насколько его хватит, вон рубашку уже можно выкручивать!

— В крайнем случае, ударьте кулаком в грудную клетку изо всех сил, ударьте так, как будто это враг! — воспаленный мозг напомнил Олегу еще одну рекомендацию Белокурого. Глава взглянул на докторшу:

— Бить?

— Бейте, — выдохнула врач.

— Прости, папа! — Три удара, которые нанес сын по костяку обмякшего тела, сокрушили бы медведя! Последний удар оказался, судя по хрусту сломанного ребра, наиболее сильным.

Ольга Владимировна, испугавшись, схватила Олега за руку:

— Остановитесь! Доктор, я не в аффекте, не бойтесь. Послушайте сердце!

Чудо? Да, чудо: сердце трепыхалось, пусть слабенько, но сигнал подало: хочу жить... хочу жить... хочу жить! Ага, еще рот — в рот, кислород, рот — в рот, кислород — и Анатолий Дмитриевич открыл глаза.

Спасен!

Едва заметная улыбка тронула лицо больного, он что-то прошептал. Врач нагнулась к нему, потом подняла глаза на Олега:

— Не пойму... что-то такое про ноги...

Олег почти прикоснулся щекой к губам отца. И услышал:

— Я зять безногого солдата...

— А я — внук! Давай-ка выздоравливать — Вечный огонь на Соловьевой переправе зажигать вам, товарищ фронтовик! Считайте, что это боевой приказ Ивана Максимовича.

— Выполню! — негромко, но четко сказал Анатолий Дмитриевич. — Такая боевая задача моему сердцу теперь по силам.

Лариса Семенищенкова

(г. Брянск)

«И НЕ ЗАБУДУ НИКОГДА...»

**(Драматургическая повесть о Ф. М. Достоевском,
литературе и русском театре)**

Член Союза писателей России. Пишет пьесы, рассказы, сказки, стихи для детей. Автор книг: «Мой театр», «Анюта-Узорница», «Волшебный лес», «Вдохновение», «Услышать друг друга». Лауреат всероссийских и международных литературных премий, в том числе всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Пьеса «И не забуду никогда...» представляет художественную версию взаимоотношений великого писателя Ф. М. Достоевского и замечательной русской актрисы А. И. Шуберт. История их дружбы раскрывает плодотворность взаимной поддержки в процессе творческого служения литературе и театру.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Достоевский Федор Михайлович, писатель, 40 лет, 60 лет.

Шуберт Александра Ивановна, актриса, 34 года.

Яновский Степан Дмитриевич, муж А.И.Шуберт.

Достоевский Михаил Михайлович, брат Ф.М.Достоевского.

Мария Дмитриевна, жена Ф.М.Достоевского.

Щепкин Михаил Семенович, актер.

Григорьев Аполлон, критик, поэт.

Савина Мария Гавриловна, актриса.

Александр Андреевич, молодой человек, желающий стать актером.

Молодой человек, желающий стать литератором.

Художник, средних лет.

Наташа, Иван Петрович, герои романа Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные».

Актеры, литераторы, обыватели.

Место действия: Петербург, Москва, Орел.

Время действия: 1860 г., 1861 г., 1863 г., 1879 г.

ОТРЫВОК ИЗ ПЕРВОГО ДЕЙСТВИЯ

К а р т и н а п е р в а я

Март 1860 года.

Петербург.

Гостиная в доме Александры Ивановны

Шуберт. Много цветов. Фортипиано. Полка с книгами.

*В комнате несколько гостей: литераторы, критики.
Аполлон Григорьев с гитарой, перебирает струны.*

Григорьев (*переставая играть*). Жалко, жалко настоящее состояние нашего театра! Что за чепуху играют актеры! Весь дельный репертуар русской сцены упишется на одной страничке. Все остальное — хлам! (*Бьет по струнам.*)

Один из гостей. Публика не жалуется!

Григорьев. А мы с вами разве не публика? Должно же быть какое-то уважение к зрителю.

Другой. Но я считаю, что презирать русскую сцену нельзя. Согласен: ужаснейший вздор играли по большей части Мочалов, и Каратыгин, и Репина... Однако в этом вздоре сказывались большие, очень большие дарования.

Третий (*оторвавшись от чтения газеты*). А Асенкова, господа? Она и в водевилях была несравненна. По-моему, все зависит не от того, велика или мала роль, а как велик талант...

Григорьев. Вы рассуждаете о больших дарованиях, а средние и меньшие таланты? Были ли они вообще когда-нибудь оценяемы по достоинству у нас? И не стали бы они значительно в ином репертуаре? Сколько актеров незаслуженно забыто только потому, что они не сыграли в достойной пьесе! Что ни говорите, а виноваты в том писатели. В большом долгу наши литераторы перед русским театром.

Первый. Нельзя так утверждать обо всех. Вот вам — Островский.

Григорьев. Островский — да, для театра — явление. То, что сейчас нам нужно. Время так называемого искусства для искусства прошло. Жизнь требует решения вопросов, а кто, как не литераторы, — глашатаи великих истин и тайн жизни! Островский создает народный театр. Как раз об этом хочу написать статью.

*Входит Александра Ивановна Шуберт.
В руках у нее букет цветов, она ставит его в вазу.*

Шуберт. О чем беседуете, господа?

Один из гостей. Продолжаем о театре.

Шуберт. И что же?

Другой. Аполлон утверждает, что для вас, Александра Ивановна, куда полезнее было бы сыграть Марью Андреевну в «Бедной невесте» нашего уважаемого Островского, чем изображать постоянно жующую мышку в какой-нибудь глупой картинке с натуры.

Шуберт. Вы все о том же...

Григорьев. Именно, несравненная Александра Ивановна, именно о том говорю, что пренебрежительное отношение наших писателей к театру непростительно, задолжали они вам, актерам. Разве я не прав?

Шуберт (*вздыхнув*). Могу ответить, если вы готовы выслушать.

Григорьев. О, слушать вас всегда одно удовольствие. При звуках вашего голоса умолкает даже этот (*показывает на гитару*) волшебный инструмент.

Шуберт. Хорошо, господа. Я хочу, наконец, ответить серьезно, ведь не в первый раз такой разговор... (*Помолчав.*) Вот послушайте. Я начинала в Петербурге, когда мне было 16 лет. Роль всегда было много, традиций — никаких. Мы никогда не задумывались о том, хорошо ли, дурно ли то, что мы играем. Бывало, студенты вызывают, неистовствуют, как весело! Что значит серьезно относиться к искусству, я поняла, встретившись уже в Московском театре с Михаилом Семеновичем Щепкиным, а он любил повторять: для настоящего актера не бывает больших или маленьких ролей, к каждой роли нужно долго готовиться и трудиться постоянно, и сам был в этом примером. Из серьезного я выходила со Щепкиным в «Горе от ума» в роли

Лизы. Нас вызывали без конца. Но и в водевилях, к вашему сведению, господа, я не раз находилась наверху блаженства... А в мой первый бенефис играла, как вы называете, чепуху: «Соль супружества» с немецкого и «Провинциальную невесту» с французского... Такого успеха у меня никогда не было, поверьте. За те деньги я и купила вот это фортепиано да еще сочинения Пушкина и Гоголя... Эти пустяки, как вам угодно называть, хлам — наша жизнь, если хотите, наша школа, другой для актера нет... Поймите, голубчик Аполлон Александрович, мы не можем ждать, пока литераторы отдадут нам свои долги. Мы должны играть, а не играть для актера — все равно, что не дышать. И не будь в моем репертуаре этих пустяковых комедий, я, может быть, не мечтала бы сейчас о «Бедной невесте» Островского... А вот ведь еду в Москву с надеждой на серьезные роли и новый репертуар.

Г р и г о р ь е в (*перебивая*). А я вам этого делать не советую. Категорически.

Ш у б е р т. Но почему?

Г р и г о р ь е в. Не понимаю, как можно оставить этот дом, уютные комнаты, друзей и отправиться в неизвестность.

Ш у б е р т. Почему в неизвестность? Там тоже у меня друзья, а Михаил Семенович всегда говорил, что здесь, на громадной сцене Александринского, я теряюсь, а для Московского Малого я — сокровище! Он мой учитель, ему лучше знать мои возможности.

Г р и г о р ь е в. Да не сцена вам нужна, а домашний уют! И кто знает, как примут вас в Москве? Здесь публика готова носить вас на руках. Я сам вчера наблюдал, как какой-то студент от избытка чувств упал в обморок на балконе, и если б не его товарищи, так бы и вывалился в партер на головы сидящих. Вот было бы представление! (*Смеется.*)

Ш у б е р т (*с улыбкой*). Вы опять шутите! Всем известно, что у нас в обморок падают только дамы в присутствии Аполлона Григорьева! Здесь мой успех не сравним с вашим. А если серьезно, то все уже решено.

О д и н и з г о с т е й. Послушайте, что пишет «Театральный вестник» (*читает*): «Петербургская драматическая труппа лишается одной из лучших своих артисток — госпожи Шуберт, переходящей на Московский театр. Считаю лишним говорить, что мы искренне жалеем об этой утрате. Чрезвычайно умная и симпатичная игра артистки всегда будет в памяти почитателей Александринского театра».

Г р и г о р ь е в. Как весело получается! Тут «все решено», а там — уж и простились навсегда! Ей-богу, нашим критикам только некрологи и удаются.

Д р у г о й и з г о с т е й. Действительно, что за тон?

Ш у б е р т. Господа! И ваш тон не веселее. Вы должны понять: если я решилась оставить дом, мужа, все-все, что радовало меня здесь и составляло мое счастье актрисы,— стало быть, есть на то причины. И вам хорошо известно, что с моей стороны это не каприз, не прихоть, а выстрадано мною...

Г р и г о р ь е в (*вздыхнув*). Зная ваш характер, Александра Ивановна, я уже с самого начала понял — здесь убеждения бесполезны. Но поддерживать ваше решение все же отказываюсь. Да и найдется ли тот, кто поддержит!

Ш у б е р т. Меня понимает Достоевский.

Короткое молчание.

Г р и г о р ь е в. О! Достоевский, разумеется! Осмелюсь заметить, несравненная Александра Ивановна, что к советам Федора Михайловича прислушиваться, конечно, стоит, а для меня он и вовсе идеал. Но учтите, что жизнь его никак не может быть для вас примером. Тут образец того, как можно совсем о себе не помнить...

Ш у б е р т. Уж не с вас ли мне взять пример? Так и вы на месте никогда не сидите.

Г р и г о р ь е в. Что вы, что вы! Мой жизненный опыт если и может кому пригодиться, то лишь в качестве урока. Честно признаться, тоже собираюсь... в Самару. Возле вас только и задержался. Да что толковать обо мне! Я — вечный странник, а если и засижусь где, то только в долговой яме... (*Помолчав.*) Вы все-таки женщина... (*Перебирает струны.*) А не спеть ли нам нашу любимую, господа? (*Начинает один, постепенно присоединяются остальные*):

*О, говори хоть ты со мной,
Подруга семиструнная!
Душа полна такой тоской,
А ночь такая лунная!..*

Ш у б е р т (*грустно*). Как мне будет не хватать вас в Москве, нашего милого общества, этих вечеров...

Г р и г о р ь е в. Что ж, на это только повторю, что вас никто не принуждает. А, впрочем, не унывайте, и там тоже люди. Как говорит ваш Достоевский, жизнь везде жизнь, она — в нас самих. Прощайте, голубушка, Александра Ивановна. Бог в помощь вам! А мне пора. Обязательно приду вас провожать.

О д и н и з г о с т е й. Пожалуй, и нам пора расходиться. Хозяйке нужен отдых.

Ш у б е р т. Благодарю вас, господа, что вы пришли в этот последний вечер. Жаль только, не было Достоевского. Хотя он обещал...

*Все прощаются, уходят.
Александра Ивановна подходит к фортепиано,
берет несколько аккордов, задумывается.
Входит Достоевский. Видно, что он торопился и очень взволнован.*

Ш у б е р т (*замечая Достоевского*). Федор Михайлович!

Д о с т о е в с к и й. Я вам помешал... Прошу меня простить, вы играли... Еще и опоздал...

Ш у б е р т. Опоздали, но совсем не помешали. Я вас ждала сегодня, рада вам.

Д о с т о е в с к и й. Благодарю за великодушие, Александра Ивановна! (*Осматривается.*) А... ваш муж? Он дома?

Ш у б е р т (*несколько холодно*). Яновский на службе. В последнее время он не торопится домой.

Д о с т о е в с к и й. Да, понимаю. (*После некоторого молчания.*) А как я рад, что вижу вас! Позвольте мне выразить мое восхищение вашей вчерашней игрой. Давно мне не приходилось переживать такого удивительного чувства... И представьте: пришел домой и тут же написал два листа нового романа, над которыми трудился уже три дня. Я и сегодня в каком-то странном волнении. Хочется работать. Потому и опоздал. Но так хотел вас видеть, что все-таки бросил все, и вот — здесь.

Ш у б е р т (*улыбнувшись*). Теперь мне нужно благодарить вас за опоздание, так? (*Шутливо.*) Что ж, вы хотели видеть меня? Смотрите! Хорошо ли вам меня видно? Лучше вблизи или издали?

Д о с т о е в с к и й. На все ваши вопросы отвечу одним: с тех пор, как мы познакомились, я вижу вас, Александра Ивановна, постоянно, везде и с любого расстояния. Такая вот мистика!

Ш у б е р т. Быть всегда на виду не очень приятно, Федор Михайлович. Иногда хочется, чтоб вовсе не замечали.

Д о с т о е в с к и й. Этого обещать не могу!

Ш у б е р т. От вас и не требую, потому что сама люблю ваше общество.

Д о с т о е в с к и й. Неужели это правда?

Ш у б е р т. С вами очень легко разговаривать. Мне нравится, что вы как будто никогда не думаете, как сказать... Вот как сейчас.

Д о с т о е в с к и й. Да ведь мы еще и не говорили ни о чем, только начали. Расскажите мне подробности: кто сегодня был, что обсуждали.

Ш у б е р т. Был Григорьев. Опять уговаривал остаться.

Д о с т о е в с к и й. Уговорил?

Ш у б е р т. Конечно, нет. Ничего уже нельзя изменить. Я еду. Мои дети в Москве, живут пока у сестры Щепкина, она прекрасная женщина. Им не будет хуже, чем здесь, наоборот, теперь они будут дышать чистым воздухом.

Д о с т о е в с к и й. Да, да, я это очень понимаю и убежден, что вы поступаете правильно. Даже немножко завидую вам, как подумаю, что сам уж, наверное, навеки прикован к одному месту... А так бы и отправился вместе с вами.

Ш у б е р т. Вот и позавидовали! Слышал бы Аполлон Григорьев! *(Помолчав.)* Не от хорошей жизни я уезжаю, это вам известно. Скажу совсем откровенно. Меня не столько радует, сколько пугает переезд...

Д о с т о е в с к и й. Знаю, конечно, знаю... Просто не хотел сейчас напоминать вам о тяжелом. Смотрю на вас, люблюсь. Душа как будто отдыхает. Тяжелого и с меня хватает дома.

Ш у б е р т. Но для вас, как мне кажется, самое трудное уже позади...

Д о с т о е в с к и й. Как сказать... Все в жизни относительно, Александра Ивановна, хотя, конечно, вы правы: десять лет ссыльной жизни — это страшный опыт.

Ш у б е р т. А знаете, когда я вижу вас, мне становится стыдно за себя. Думаю: вот человек, который перенес гораздо больше, а умеет радоваться жизни. Как у вас это получается?

Д о с т о е в с к и й. Получается не всегда. Часто я бываю угрюм и не весел. Но, когда много испытал, то начинаешь, действительно, по-особому ценить жизнь. Признаюсь вам: не однажды был я в таком отчаянии, что могло привести к крайнему решению. Но всякий раз... Как бы яснее сказать... Всякий раз судьба подавала мне добрый знак. Я много рассуждал об этом, думал... Мы не умеем читать знаки своей судьбы. На множество ликов жизни всегда есть один, указывающий на выход из тупика. Его-то и нужно разглядеть.

Ш у б е р т. Стало быть, вы умеете читать знаки судьбы?

Д о с т о е в с к и й. Нет, нет... Совсем нет. Лишь убедился, что добро и зло не уравновешены в жизни, добро куда сильнее. Иначе человек и не стал бы жить. Вот и вы нашли выход, ваше решение подтверждает мою мысль. Вы согласны со мной?

Ш у б е р т. Не знаю... Выход ли для меня то, что я уезжаю отсюда? *(Помолчав.)* Послушайте мою судьбу, Федор Михайлович, мне сейчас хочется говорить откровенно. Если, конечно, вам интересно...

Д о с т о е в с к и й. Зачем вы так сказали. Мне интересно все в вашей жизни. И вот еще что: когда расскажешь кому-нибудь или напишешь, как я это делаю, то вдруг и сам поймешь в себе то, о чем в другой раз и не подумал бы. Еще и легче станет, потому что невысказанное всегда тяжело.

Ш у б е р т. Это правда... Я расскажу вам. *(Помолчав.)* Горько сознавать, Федор Михайлович, что моя личная жизнь не удалась. Мой первый муж был не без таланта, но совершенно безвольный человек и не любил театра. Это был брак без любви, и когда Миша умер, я вышла замуж за Яновского, которого, как мне казалось, очень любила. Его и было за что любить... Командировка мужа на юг, в которой я путешествовала вместе с ним, многое раскрыло в нем для меня. Я видела в Степане Дмитриевиче честного человека. Он помог мне тогда увидеть и понять Россию... Помню, я вернулась в Петербург вся наэлектризованная увиденным, хотела жизнь свою посвятить исправлению нравов в России... Наивно, конечно! Но тогда я впервые решила оставить театр и идти по жизни рядом с мужем, во всем ему помогать... Теперь я хорошо понимаю, какая б это была ошибка! Писемский тогда правильно все понял и сказал мне: «Поступайте-ка на сцену, а уж Россию оставьте в покое!» Я много пере-

живала, но муж не разделил моих настроений и очень изменился. И началась моя каторжная жизнь дома, полная разочарования и непонимания. Оказалось, что Степан Дмитриевич любит почет, лесть, и когда ему улыбнулась карьера, окружил себя людьми ничтожными. Я начала противоречить, противоречий он не терпел... И особенно доставалось моим детям... Я стала все больше отдаляться от него. Бог послал мне добрых, бескорыстных друзей, но с ними мне приходилось встречаться тайно. Может быть, я бы вынесла все это, не я одна в таком положении дома... Но муж всегда был против театра, а я без сцены не могу. Вот и решилась. Выход ли это? Может быть, меня скорее надо обвинять за то, что ослушалась мужа, перед которым обязанности имею?

Д о с т о е в с к и й (*подходит к одному из букетов*). Как можно обвинять вас! Можно ли заставить этот бутон не раскрыться? Ведь это природа. Вы поступаете правильно, решившись изменить свою жизнь. У вас много хорошего будет еще впереди.

Ш у б е р т (*помолчав*). В добрую минуту я чувствую себя как птица, которая вот-вот вылетит из клетки. Так вдруг сладко защемит сердце... Ведь в Москве тоже мои друзья, что значит для меня один Михаил Семенович Щепкин! Я буду выходить на сцену с своим учителем, разве это не счастье для актрисы! Новый репертуар, новые роли...

Д о с т о е в с к и й. Вот-вот, это очень важно. Что за вздор вам приходится играть здесь! (*Берет со стола портрет Александры Ивановны.*) Я очень люблю этот ваш портрет. Вы здесь веселы, а в глазах какая-то грусть... Представляю, как пошла бы вам драматическая роль... (*Ставит портрет на место.*)

Ш у б е р т. Все друзья об этом говорят, но что же делать? Имею ли я возможность выбирать? Дружинин обещал переделать «Полиньку Сакс», да так и не сделал.

Д о с т о е в с к и й. Погодите, Александра Ивановна, дайте срок, сделаю специально для вас «Неточку Незванову». Как хороши вы будете в роли Неточки!

Ш у б е р т. Боюсь, что не справлюсь. И страшно хочется попробовать. Отношение к театру в Москве более серьезное. У нас положено всего три репетиции, а там и репетируют больше... Ах, Федор Михайлович, как было бы хорошо, если бы не наш разрыв с мужем... На сердце горький осадок. Отчего он меня не понимает?

Д о с т о е в с к и й. Хотите, я решительно поговорю со Степаном Дмитриевичем? Все ему скажу?

Ш у б е р т. Нет, нет, не стоит. Да ведь все сказано уже. Пока мы будем жить врозь, а там как-нибудь решится.

Д о с т о е в с к и й. Вам жить вместе нельзя, я это и в глаза ему бы сказал.

Ш у б е р т. Много зависит от того, как примут меня в Москве, как пойдет. Трудности, конечно, будут, я к ним готова. Покажу вам последнее письмо Щепкина, он тоже предупреждает... (*Ищет письмо, находит.*) Вот что пишет (*читает*): «На полученное мною ваше письмо, положила руку на сердце, я не могу дать никакого совета, потому что тут связаны и любовь к искусству, и служба, и семейные отношения, а это только семейно и может разрешиться. Действуйте, как укажет вам здравый рассудок и семейный совет... Но подумайте хорошенько. Здесь 45 актрис, и, как водится, все это подставляет друг другу ноги; грязь закулисная везде не пахнет розою...» (*Вздыхает.*)

Д о с т о е в с к и й (*помолчав*). Грязь есть везде, это правда... Но все зависит от того, что человек сам поставил себе целью. Скажу и я откровенно, как вы мне, хотя не хотел сегодня об этом... Жизнь моя, Александра Ивановна, тяжела, я глубоко несчастен. Главное — состояние Марии Дмитриевны. Переезд в Петербург оказался для нее подлинным несчастьем. Болезнь обострилась в нашем климате. Жена стала раздражительной, мнительной, ревнивой. Нет, я не хочу сказать плохо, я ее понимаю и люблю, наша любовь не иссякла, но она обернулась страшной мукой для обоих.

Глядя на ее угасание, я не могу отделаться от мысли, что я и есть главный виновник ее страданий, и для меня сейчас наш дом — это ад... Потому, может, ваши обстоятельства мне понятны как никому. И радуюсь, что вас ждут перемены. Они нужны для служения искусству, а это — цель великая, она и дает силы жить. Сужу опять же по себе. Когда сажусь писать, кажется — стены моей комнаты раздвигаются, что вырываюсь на воздух... Я думаю: мы с вами счастливее других, у кого нет этой цели.

Ш у б е р т. Да почему же она требует таких жертв от человека? Неужели нельзя и служить искусству, и быть вполне счастливым?

Д о с т о е в с к и й. Почему же? Наверное, бывает и такое, даже уверен, что именно у вас и должно быть так.

Ш у б е р т (*усмехнувшись*). Не похоже. Видно, не заслужила я счастливой судьбы.

Д о с т о е в с к и й. В вас много добра, а это важно. Вы очень умны, душа у вас симпатичная, характер ваш обаятельный. Вы всегда подходите к человеку с симпатией, в вас многие находят друга... Поддержка друзей каждому бывает необходима... По себе это знаю. Вот и я в вас нашел хорошего, доброго друга. Как по-вашему, это много или мало — найти друга?

Ш у б е р т. Конечно, немало. Не будь вас, я с ума бы сошла от всего, что происходит со мной. Тяжело и страшно становится, когда я одна и думаю о предстоящем. Как будто стою на пороге, и надо шагнуть в темноту. Трудно сделать шаг...

Д о с т о е в с к и й. Как сходно у нас, Александра Ивановна! Ведь и я тоже как будто на пороге. В Петербурге все для меня по-новому... Меня помнят как автора «Бедных людей», а сколько жизни с тех пор прошло! Я сам во многом не тот, и нужно начинать заново, хватит ли сил? Я болен, имею тяжелую, неизлечимую болезнь, вы знаете... Да что тут говорить! (*Помолчав.*) Признаюсь: когда становится на сердце скверно, открою да и почитаю Пушкина. Большая сила заключена в поэзии.

Александра Ивановна подходит к фортепиано, садится, берет аккорды.

Ш у б е р т. А я сыграю вам свою любимую пьесу. Музыка, как и стихи, вдохновляет думать о хорошем.

Играет. Достоевский подходит ближе.

Входит Яновский.

Александра Ивановна замечает его и прекращает игру.

При последующих репликах Достоевский пытается что-то сказать, но не успевает.

Я н о в с к и й (*Достоевскому*). Рад видеть вас, Федор Михайлович! (*Иронично, Александре Ивановне.*) Совсем не желал помешать вашему музицированию, прошу меня извинить, это вышло случайно. (*Обоим.*) Впрочем, прошу без церемоний. Вы можете продолжать, а мне удобнее удалиться, если вам угодно... Я сегодня устал, был трудный день.

Ш у б е р т. Позвольте лучше мне оставить вас. (*Встает, подходит к Достоевскому.*) Прощайте, Федор Михайлович, еще раз благодарю вас за то, что вы пришли сегодня. Будете в Москве, заходите ко мне и помните, что я всегда вам рада, как самому хорошему другу. (*Уходит.*)

Д о с т о е в с к и й (*после некоторого молчания*). Степан Дмитриевич! Мы давно не виделись, я очень хотел с вами поговорить.

Я н о в с к и й. Захлопотался, дела. Впрочем, мои обстоятельства вам известны от моей супруги, и обсуждаются они, кажется, теперь повсеместно. Каждый встречный смотрит на меня, по меньшей мере, как на злодея, заключившего в темницу прекрасную Елену.

Д о с т о е в с к и й. Признаться, о ней мне и хотелось поговорить с вами.

Я н о в с к и й. Да? О прекрасной Елене?

Д о с т о е в с к и й. Вы, Степан Дмитриевич, хорошо меня понимаете. Я имею в виду Александру Ивановну.

Я н о в с к и й. Ах, да! Конечно, конечно! (*Помолчав.*) Что ж, извольте. Я и сам желал этого разговора, а если совсем откровенно, для того и зашел, как узнал, что вы здесь. Так как перед вами я не лицемерил никогда, то лучше сразу же и начну. Мое мнение по всем интересующим вас вопросам таково: назначение женщины — иметь семью и воспитывать детей. Она прежде всего должна быть матерью. А так как артистическая карьера несовместима с выполнением материнского долга, то, извините, я не склонен поддерживать эти самые артистические настроения моей жены. И убеждать меня думать по-другому бесполезно.

Д о с т о е в с к и й. Вы называете талант Александры Ивановны лишь настроением? Да ведь для нее занятие искусством — как есть и пить! Это же очевидно, это всем понятно! Разве вы сами не убедились в этом за многие годы вашей совместной жизни? Скажу и я правду: ваше намерение взять Александру Ивановну из театра я расцениваю не иначе, как какое-то странное упрямство, противоречащее вашему же благородству и достоинству.

Я н о в с к и й. Вот мое-то человеческое достоинство здесь и ставится ни во что. Живет же артистка Мичурина без театра? И другие? Играть можно и на домашнем театре, если очень захочется. Разве нет?

Д о с т о е в с к и й. Да как же не понимаете вы, что это значит отнять у человека воздух, свет, солнце? Неужели вы решаетесь на это?

Я н о в с к и й. Так что ж, если надо.

Д о с т о е в с к и й. Как — надо?! Кому надо?! Разве талант — не божий дар, дающий человеку право нести в мир красоту? А что б было в мире без красоты! Выходит, вы один хотите владеть тем, что предназначено для многих! Ведь в вашей власти такое сокровище, которым одному и владеть грешно, вот что я скажу!

Я н о в с к и й. Ну.. Федор Михайлович, сказали б вы так кому-нибудь другому... Но я вас понимаю. У вас свойство из частного случая тут же делать общий вывод. Потому что вы — литератор! Но, прошу вас, снизойдите до частного случая. Я — врач, по вашему литературному определению, видимо, маленький человек, но я тоже имею право на свое, маленькое счастье. Мне же и нужна лишь всего эта женщина, потому что я люблю ее. Кто, по какому праву, позвольте вас спросить, может отнять ее у меня, а главное, — вот этого никак не пойму — я сам должен отказываться от моего счастья? Нет, смысл такого великодушия, извините, мне недоступен. Такое только в романах может быть, да и то не во всяких... И где же ваше гуманное отношение, господин писатель, к маленькому человеку в этом случае, а?

Д о с т о е в с к и й. Если б знали вы, как согласен я с вами: каждый человек достоин... Но по этому же праву достойна счастья и жена ваша. А можете ли вы устроить свое счастье на ее страдании. Решитесь ли вы принять такую жертву?

Я н о в с к и й. Вот! Я так и предполагал — уж и о жертвах речь. С вашей стороны все логично. Только давайте вспомним: она сама не раз уходила из театра...

Д о с т о е в с к и й. Да. Это и были попытки уступить вам. Она, как благородная натура, хотела сделать вас счастливым. Что вы дали взамен ее жертвы? Вы ограждали ее от искусства, не принимали литераторов, запрещали ей встречаться с друзьями. Ее изматывали к тому же болезни, рождение детей... Вы не понимали ее состояния. Как обидно должно быть женщине, которая в трудную минуту находит поддержку стремлениям своим не у мужа своего, а у других людей.

Я н о в с к и й. Об этом именно, Федор Михайлович, я и хотел вас предупредить. Моя жена имеет свойство находить себе даже не просто друзей, а наставников, эдаких руководителей в жизни, одним из которых, кстати, до сих пор являлся ваш собрат по перу господин Писемский. Посмотрите-ка на этот факт с другой стороны:

каково мужу, когда жена идет за советом к так называемому советчику в чужой дом? Потому я и не приветствовал дружбу моей жены с этим господином и не желаю видеть его в моем доме.

Д о с т о е в с к и й. Да не вы ли сами в этом виноваты? Мне кажется, уже выходя за вас замуж, тем самым она доказала, что первым своим наставником выбрала вас. Это вы не оправдали ее выбора. Это, если хотите, и есть настоящее тиранство! Скажу уж и последнее: будь я на месте Александры Ивановны, и я бы послушался вас!

Я н о в с к и й. Что моя жена и сделала. (*Помолчав.*) Федор Михайлович, мы всегда были друзьями и привыкли говорить прямо. Зная вас как честного и искреннего человека, не обижаюсь на сказанное вами. И поэтому хочу вас опять же предупредить. Надо отдать должное господину Писемскому. Он умеет относиться к некоторым идеям и поступкам Александры Ивановны иронически, чем, на мой взгляд, и объясняется тот удивительный с точки зрения природы случай (отметим — редчайший случай!), что на протяжении многих лет они, действительно, остаются друзьями и не более. Ваша же пылкая натура мне известна. Вам ничего не стоит возвести самого обыкновенного человека в идеал да самому в это и уверовать. Помните: Александра Ивановна первой актрисой не будет никогда. Вся ее жизнь на театре больше состоит из неудач, осмелюсь вам напомнить, хотя она и предана этому искусству, может быть, посильнее других. Но посмотрите в глаза вашей излюбленной правде. Она и женщина-то самая обыкновенная. А если каждый вслед за вами будет уверять ее в ее необыкновенности, то не выйдет ли хуже?

Д о с т о е в с к и й (*берет со стола портрет Александры Ивановны*). На это, Степан Дмитриевич, скажу вам так... Никому, в том числе и нам с вами, не дано окончательно все знать о человеке. Еще раз повторю, что человек — самая большая тайна на свете. Сама же Александра Ивановна из тех, кто прежде всего видит лучшее в других, и в этом она пример для многих... А наша с нею дружба...

Я н о в с к и й (*забирает портрет у Достоевского и ставит его на место*). Прекрасно! Ваша дружба! А об ней, Федор Михайлович, вы подумали в этом случае, а? Каково женщине выслушивать закусисные намеки? Я уже не говорю о так называемых поклонниках, еще рьяных блюстителях нравственности благородных девиц, которым только и дело, что разносить сплетни по свету.

Д о с т о е в с к и й. От молвы не убежишь. Вы и сами, как изволили заметить вначале, сделались предметом повсеместного обсуждения. Я же всю жизнь по насмешкам живу. Александра Ивановна — актриса. Такова ее судьба, что всяк о ней будет судить, как вздумается. Здесь ничего уже нельзя поделать... Мы не всегда сами выбираем себе ремесло, чаще оно выбирает нас... Что же касается нашей дружбы, именно дружбы, то Александра Ивановна сама мне многое доверила и сделала мне честь, считая мое сердце достойным этой доверенности, и я горжусь этой доверенностью и хотел бы оправдать ее. Во всей этой семейной истории я симпатизирую больше ей, чем вам, и не скрываю этого. Простите, Степан Дмитриевич, таков уж я. Чувств и мыслей своих скрывать не умею. Более всего не хотел бы потерять вашу дружбу, но от слов своих не откажусь.

Я н о в с к и й. Не беспокойтесь. Не в первый раз проверяется наша дружба. В правдивости вашей я не сомневался никогда. А Александру Ивановну, к радости сочувствующим ей, я отпустил, к чему и говорить было. Завтра она уже — в Москве. Отпустил, но не отказался. Думаю, время покажет, кто прав из нас. И я больше чем уверен, что все кончится самым обыкновенным образом. И не придется ли во всей этой истории более жалеть вас, чем Александру Ивановну. И на этом нам, я думаю, самое время проститься.

Д о с т о е в с к и й. Прощайте, Степан Дмитриевич. В одном я с вами согласен: в жизни не все решается так, как мы желали бы.

К а р т н а в т о р а я

Невский проспект.

Ясный весенний день. Молодые люди, дамы, прочая гуляющая публика. Реплики.

Дамы.

П е р в а я. Что за прелесть сегодня день! Как будто вовсе не было зимы.

В т о р а я. Погода специально для прогулки. И как я счастлива тем, что готово мое новое платье. Как вам нравится? Вы еще ничего не сказали...

Молодые люди.

П е р в ы й. Слышали, завтра уезжает в Москву Шуберт?

В т о р о й. Да, мы все провожаем. Нужно будет прийти пораньше, чтобы попасть в первые ряды. Думаю, соберется много народу.

Т р е т и й. Говорят, ее не отпускает муж, ведет себя, как деспот, с ним у нее полный разрыв.

П е р в ы й. И роман с Достоевским.

Т р е т и й. Она из-за Достоевского и уходит от мужа. В Москве им легче будет встречаться.

П е р в ы й. Да и Достоевскому удобней: здесь ведь жена умирает.

В т о р о й. В Шуберт влюбиться немудрено — хороша!..

Молодые люди.

П е р в ы й. Вы прочитали «Первую любовь» господина Тургенева?

В т о р о й. Конечно, и уже спорили. Что ни говорите, а в повести много поэзии. А образ Зинаиды! Какая сила страсти, самоотречения в любви.

П е р в ы й. Думаю, если бы разыграть эту вещь на театре, Зинаиду могла бы сыграть Шуберт...

Дамы.

П е р в а я. Вчера принесли «Библиотеку для чтения», я сразу начала читать «Первую любовь» Тургенева. И, верите ли, с трудом дочитала до конца. Совершенная безнравственность. Сын влюблен в Зинаиду, она — в его отца, которому годится в дочери!

В т о р а я. Совершенно с вами согласна. И какой пример молодым девушкам! Я от своей дочери тут же спрятала.

Дамы.

П е р в а я. Дорогая! Что за нравы теперь! О литераторах уже не говорю. Где скромность, достоинство женщины? Ужасный разврат — эта новая повесть Тургенева!

В т о р а я. А посмотрите, что в жизни. Сколько суеты вокруг этой Шуберт! Ничего не хочу сказать о ее достоинствах как актрисы, но — поведение! По-моему, так: если муж против сцены, долг жены — тут же подчиниться, на то имеется и закон. И что же?

П е р в а я. Да ведь у нее четверо детей! Какой пример подает им мать! К тому же имеет любовника!

В т о р а я. Вы о Достоевском?

Первая. Кто же этого не знает!

Третья. Маменька! Госпожа Шуберт имеет право на независимость!

Первая и вторая (вместе). Ах! Слышите ли вы?!

Картина третья

В комнате Ф. М. Достоевского.

На столе разложены бумаги. Ф. М. Достоевский работает.

Входит молодой человек. Он выглядит довольно уверенно.

Молодой человек. Федор Михайлович, позвольте войти? Вы назначили мне.

Достоевский (заметив). Да, да, входите, я помню. Садитесь сюда.

Молодой человек. Могу ли я узнать ваше мнение о моем рассказе?

Достоевский (медленно). Я внимательно прочитал ваше сочинение... Мы с Михаилом Михайловичем хотели бы, чтобы в нашем журнале печатались молодые. Вот и Апполинария Суслова принесла свой рассказ, с интересом читаю...

Молодой человек. Наверное, я не вовремя?

Достоевский. Нет, с вами именно я очень желал поговорить. Прежде чем дать оценку вашему произведению, хотел спросить у вас, если позволите.

Молодой человек. С удовольствием отвечу!

Достоевский. Для меня важно, правильно ли я понял идею рассказа...

Молодой человек. Я слушаю.

Достоевский. Ваш герой решил оставить возлюбленную лишь потому, что она не разделяет его убеждений?

Молодой человек. Это так.

Достоевский. И он оставляет ее одну без средств к существованию и какой-либо помощи со стороны?

Молодой человек. Люди разных убеждений не могут быть вместе, это так ясно!

Достоевский. Я не говорю о любви, но ведь есть еще обязанности перед близкими нам людьми.

Молодой человек. Есть также обязанности перед человечеством, это нельзя сравнивать...

Достоевский. Но ведь эта женщина погибнет! И вы оправдываете героя?!

Молодой человек. Ради великой цели можно пожертвовать одной жизнью... В этом, действительно, состоит идея рассказа.

Достоевский (в сильном волнении). Так, так... Позвольте еще спросить... Предположим... Вот. Что если вам скажут, что завтра, именно завтра на всей земле установится царство всеобщего счастья, но для этого необходимо всего лишь... уничтожить единственного человека, и этим человеком окажется... (подбирает слово) ваша же мать, отец, дитя... Вы и тогда посчитаете эту жертву оправданной?

Молодой человек. Что ж. Стало быть, так нужно.

Достоевский. Интересно. Второй раз сегодня слышу это слово... А если этим человеком окажетесь вы сами? Или я, например? Что тогда?

Молодой человек. Я думаю, что мы именно как литераторы должны считать своей обязанностью перед человечеством...

Достоевский. Вот даже как? Тогда — мой последний вопрос. Согласитесь вы сами, лично, если вам предложат, быть и исполнителем такого жертвоприношения? Прошу вас, не торопитесь с ответом, подумайте хорошенько. Много зависит от вашего ответа!

Молодой человек (лишь выдерживая паузу). Я считаю, что это также входит в понятие долга.

Д о с т о е в с к и й (медленно). Я понял вас... Стало быть, вам лишь остается ждать приказа... (*Некоторое время молчит.*)

М о л о д о й ч е л о в е к (*прерывая молчание*). А... что же рассказ?

Д о с т о е в с к и й. Рассказ? Ах, да... У вас есть, конечно, задатки и, может быть, не малые. Но, я думаю, что ваши впечатления о жизни недостаточны еще, чтоб сделаться литератором... (*Резко.*) Да. Я бы советовал вам вовсе оставить занятия литературой.

М о л о д о й ч е л о в е к (*изумленно*). Как?! Но почему?! То есть... Я понял, что вы не берете в журнал моего рассказа?

Д о с т о е в с к и й (*волнуясь все больше*). Неужели вы не понимаете, что любовь к человеку, а не к отвлеченной идее составляет душу нашего творчества? Да что — литература! Как вы можете жить с такими идеалами?! И что, если вы выскажете их своим матерям или любящим вас женщинам? Есть ли у вас те, которых вы сами любите? Подумайте, стоит ли всеобщая гармония страданий человека, давшего вам жизнь?! Откуда вынесли вы всю эту чепуху?.. Ах, да, известно, откуда!

*Молодой человек слушает в полном недоумении.
Постепенно отступает к дверям.*

М о л о д о й ч е л о в е к (*с усиленным достоинством*). Я понял вас, Федор Михайлович, позвольте — мое сочинение.

Д о с т о е в с к и й (*подает рукопись*). Вот, возьмите. Но подождите... Я бы умолял вас не показывать это никому. Поймите: прежде, чем становиться писателем, нужно быть человеком.

М о л о д о й ч е л о в е к (*пожимает плечами*). Видимо, я должен поблагодарить вас, и позвольте мне теперь уйти (*уходит*).

Входит Михаил Достоевский.

М и х а и л. Что? Отчитал?

Ф е д о р. Нет, не то совсем. Нужно было, да я не умею сказать, когда нужно. Разволновался сам, а он, по-моему, так ничего и не понял. Меня беспокоит, что он ведь не один такой! Вчера на литературных чтениях убедился опять: из так называемых любителей словесности многие думают, как он. Вот где беда! И это молодежь! (*Стоит в глубокой задумчивости.*)... Как много сейчас в молодых сердцах ожесточения, неверия, какой-то дерзости... Мало сочувствия, а ведь без этого мир рушится... Роман, который я начал, будет о любви. Любви большой, полной самоотречения. Много страсти, ведущей к разрушению. И как восстановить человека?.. Пока знаю только, что хочу написать хорошо. Героев своих уже люблю; надеюсь, что под пером разовьется... Называться будет «Униженные и оскорбленные»...

М и х а и л (*после короткого молчания*). А я, зная твою жизнь и душу, уверен, что и в этом романе будет много добра. Теперь скажу только одно: «В добрый путь!»

Печатается с сокращениями.

Борис Григорьев
(г. Москва)

РАБЫ С ВОСТОКА

Советские военнопленные в Норвегии (1941—1945)

Главы очерка

Наш постоянный автор.

Моему отцу и его товарищам по немецкому плену в Норвегии посвящается.

7. Побег

«Советско-русский военнопленный совершил побег в окрестностях Ставангера. Опасный преступник, который воровством попытается добыть себе гражданскую одежду. За оказание ему помощи и укрытие строгое наказание».

Вот такое объявление года было помещено в газете «Ставангер Афтенблад» 25 сентября 1941 г. Не прошло и нескольких дней с момента появления советских военнопленных в южной части Норвегии, как кто-то из них уже воспользовался случаем и сбежал. Как выяснили Скарстен и Стокке, им оказался 25-летний Амарбек Шакинов из лагеря в Суле, сбежавший во время работ неподалеку от Ставангера.

Шакинову не повезло: скоро в той же газете появилось сообщение о его поимке. Его нашли и задержали неподалеку от места побега в тот самый день, когда было сделано объявление в газете. Выдал ли его кто-то из местных жителей? Этого нам не дано узнать, пишут норвежские историки и выражают надежду, что соотечественники тут, скорее всего, были ни при чем. При неразберихе, которая наблюдалась в лагерной системе Норвегии в первые дни, немцы проявили «гуманность» — Шакинову сохранили жизнь. Но его случай был, вероятно, исключением из установившейся позже практики.

Несмотря на тщательную охрану, пленные умудрялись совершать побег. Это естественно для всех заключенных, а при невыносимых унижительных условиях жизни в немецких лагерях — в особенности. Нередко побег организовывались с совершением покушений на охранников, что было практически осуществимо, когда военнопленные находились за пределами лагеря. Поскольку побег в любом случае карался смертной казнью, то убийство охранника ничего не прибавляло к участи пойманного. Поэтому многие советские военнопленные шли на это сознательно. Немцы видели в побегах непосредственную угрозу, поскольку сбежавшие могли организовать диверсионные партизанские отряды.

Из лагеря Фолькворд (Ставангер) было совершено довольно много побегов, потому что пленные во время различных работ имели возможность выйти на какое-то время из-под контроля охранников. Они решались на побег, хотя хорошо знали, что в случае поимки их ждала смерть. Большинство побегов были неудачными, пишут Скарстен и Стокке, доказательством чего служат их учетные карточки с пометками о расстреле. Федор Шерстик и Василий Гонтовой из лагеря Санднес, совершившие побег 14 и 17 ноября 1942 года, были пойманы спустя несколько дней после побега,

расстреляны и похоронены на кладбище в Санде (Сула). Также пойманы и расстреляны были еще 2 беглеца из этого лагеря, одного из которых звали Григорий Пономаренко. Пойман и расстрелян был также Вальдемар Франкович Падороецкий, бежавший из госпиталя в Ставангере 3 апреля 1943 года.

Однажды в октябрьский вечер норвежцы, жившие неподалеку от лагеря, услышали оттуда какие-то шумы, крики и выстрелы. Они поднялись на чердак и через слуховое окно стали наблюдать следующую сцену (среди наблюдавших был Ларс Туднем, 10-летний мальчик):

Поблизости от дома, остановился грузовик. Из кузова прыгнули немецкие солдаты и погнали впереди себя, вдоль каменного вала, военнопленного. В руках он держал свернутый в рулон шерстяной ковер. Они дошли до перекрестка со следующим валом и остановились. Немцы приказали нескольким пленным развернуть ковер. Потом раздались выстрелы, и пленный упал на ковер. Испуганный Ларс, наблюдавший все это из-за вала, бросился домой и рассказал все родителям. Они решили проверить, и когда вышли из дома, то увидели, что немецкие охранники с несколькими пленными уже шли по направлению к лагерю. На носилках пленные несли завернутое в ковер тело своего товарища. Так закончилась очередная попытка бежать из лагеря.

Бывший офицер Михаил Болдырев и рядовой Леон Акимович за 5 дней до конца войны совершили побег из лагеря в Сумармюра. Условия в лагере были настолько невыносимы, что пленные, рискуя жизнью, все равно решились на побег. Благодаря норвежкам Нэнси Камиллы Кристиансен и Сигрид Паульсен, матерям 6—8 летних девочек Бьерг и Кари, с которыми пленным удалось познакомиться раньше, попытка завершилась удачно.

Болдырев, не имевший на родине ни одного живого родственника, хотел бы остаться в Норвегии, но ему, естественно, не разрешили. Перед отъездом на родину Л. Акимович подарил родителям Кари Паульсен две сделанные в лагере гитары. Михаил Болдырев оставил Бьерг красиво оформленный альбом, посвященный своей погибшей на фронте жене. В альбом Кари Акимович записал: «Дорогая Каричка, моя дорогая малышка, я люблю тебя и люблюсь тобой. Я благодарен тебе за все и оставляю о себе память на долгие времена. Оставляю тебе глубокую благодарность и теплые пожелания. Я желаю всей твоей семье всего наилучшего в жизни... Я увидел свободу и большую любовь и симпатии к русскому народу. И везде нас, русских, норвежский народ встречает с большим почетом. Куда мы ни придем, везде чувствуем себя как дома. Когда нас за колючей проволокой мучили нацисты, мы получали большую помощь... Мы вас никогда не забудем. Мы, русские, хотим передать вам свою благодарность и пламенный ПРИВЕТ. На память от русского друга Леона моим дорогим детишкам Кари Гуннар и Сигрид. 2.6.45 г. Леонид Акимович».

Михаил Болдырев еще раз напомнил о себе из Советского Союза: семье Паульсен он выслал по почте икону с изображением девы Марии и младенца Иисуса. Икону как реликвию в семье хранят до сих пор.

Коре Георг Орешельд из Рейнли, коммуна Санднес, вспоминает, как к ним то ли в 1943, то ли в 1944 году пришли несколько военнопленных, бежавших то ли из лагеря Сумармюр, то ли из ближайшего Свиланда. Его родители знали, что помогать беглецам запрещено, но они снабдили их едой и посоветовали идти на юг в направлении Ультедаля.

Скарстен и Стокке упоминают в своей книге еще один побег, совершенный двумя советскими военнопленными летом 1944 года из лагеря Сауда, коммуна Сауда, Северная губерния. Первое время они скрывались в хижине неподалеку от Фивельандснутен, а зимой нашли убежище в пещерах. Им удалось продержаться на свободе до последнего дня войны — вероятно, не без помощи норвежцев. Еще одному пленному из лагеря в Санде той же коммуны удалось бежать зимой, когда он был занят на

лесоповале. Нашли ли его немцы или ему удалось скрыться, историки выяснить не смогли.

Статистика показывает, что наибольшее число побегов падало на весну и лето, и большинство побегов совершали офицеры. Своего пика побеги достигли к 1943 году, т.е. когда пленные уже достаточно «вкусили» от лагерного режима.

Сразу после обнаружения побега немцы информировали о нем местное отделение службы безопасности (СД), та информировала соответствующий шталаг, обращалась к полицейским властям Норвегии и делала объявление в газете вермахта «Verordnungsblatt des Wehrmachtbefehlshabers in Norwegen» и в полицейской газете Норвегии. Помещенное в начале главы объявление в газете свидетельствовало о том, что немцы еще надеялись на содействие норвежцев, которые еще не узнали, как немцы обращались со своими узниками лагерей. Позже к услугам местных газет в подобных ситуациях они уже не прибегали.

Норвежская полиция также принимала участие в поиске сбежавших военнопленных. В сентябре 1942 года в розыскных ведомостях Тронхеймской полиции сообщалось о поимке пленного из лагеря Сула по имени Николай Банчин, 30.12.1912 г.р., номер военнопленного 99087-II-D. Ставангер отделяют от Тронхейма несколько сотен километров, что свидетельствует о том, как далеко Банчин смог уйти от своего лагеря — явно не без помощи норвежцев.

На базе изученных учетных карточек советских военнопленных Скарстен и Стокке вычислили, что примерно две трети сбежавших из лагерей пойманы не были. В чужой стране, в чужой языковой обстановке процент спасшихся нам представляется достаточно высоким. Он может объясняться только получением помощи со стороны местного населения.

Сбежавшим узникам в первую очередь нужна была гражданская одежда и еда. За всем этим он должен был либо обратиться к норвежцам, либо попытаться добыть необходимое кражей. Нильс Ульсен Тылкорстад помог бежавшему из лагеря Севланд и был арестован. Ему грозила смерть или концлагерь. В его районе оказался активный нацист Педерсен, который и «вытащил» Тылкорстада из тюрьмы. Но это был, конечно, не типичный случай*.

Фермер Сверре Ойестада однажды обнаружил у себя во дворе спрятавшегося советского военнопленного. Бедняга уже доходил от голода, и Сверре решил его сначала откормить, а потом уж решать, что с ним делать. Пленный поправился и стал помогать норвежцу по уходу за скотиной. Фермер не мог на него нарадоваться — до того ловким и смышленным оказался этот недобровольный батрак. Но все дело испортил сосед, который случайно обнаружил пленного. На всякий случай Сверре решил не рисковать и переправил пленного в другое место.

Поздней февральской ночью 1945 года в дверь фермера Ларса Шельбрейда в Биркеланде, Бьеркрейм, осторожно постучали. Хозяин открыл дверь и увидел на пороге соседа, который сказал, что требуется помощь сбежавшему русскому военнопленному Аркадию Бояринцеву из лагеря Форус. Бояринцев намеревался пешком пробраться в Швецию. Он прошел через весь город Санднес и каким-то счастливым образом не был замечен. Замерзшего и усталого его обнаружил в 3 милях юго-восточней Санднеса Ян Русланд. Он привел его в дом Сиквеландов, где бабушка Эллен в первую очередь дала ему поесть. Невероятно, что эта семья пошла на такой риск: тремя годами раньше их родственник Тургейр был расстрелян за попытку вместе с товарищами уйти Северным морем в Великобританию, а его отец Эллинг отсидел в немецкой кутузке полтора года.

С употреблением немецких, норвежских и русских слов, но главным образом на

* 30.3.1946 г. Педерсен был приговорен норвежскими властями к смертной казни. Помощь Тылкорстаду смягчающим его вину обстоятельством признана не было.

пальцах, Сиквеланды узнали о намерениях Бояринцева и его просьбе снабдить гражданской одеждой и хоть каким-то оружием. С имевшимся при нем ножом выходить на поединок с немцами было бесполезно. Оружием хозяева не располагали, а вот плащ, резиновые сапоги и еще кое-что из одежды погибшего Тургейра они дали. На ночь Бояринцева устроили в сарае, укутав его старыми коврами и сеном.

На семейном совете пришли к выводу, что лучше всего было укрыть Бояринцева подальше к востоку от Санднеса. В этих целях связались с семьей Хольмов. Хольмы отвели его к Сейландам, а оттуда он попал уже к Шельбрейдам. Шельбрейды приняли беглеца с расprostертыми объятьями. Было решено после короткой отсидки проводить его дальше на восток, к шведской границе. При других обстоятельствах норвежцы решили держать Бояринцева у себя до конца войны. А пока его отвели в хижину, принадлежавшую жителю Санднеса Бернеру Хаугланду.

Хаугланд, приехав однажды из Санднеса, неожиданно обнаружил у себя в доме русского военнопленного. Позже было решено перевести Бояринцева в другую семью. Ему в километре от прежнего места отыскивали теплую пещеру, в которую вела единственная тропинка — кругом были болота, лес и скалы. Он получил теплые вещи, примус и все необходимое и продержался там до конца войны. После войны, до репатриации, он некоторое время жил у Шельбрейдов на правах члена семьи.

В марте 1945 года Биргер Роструп случайно обнаружил в своем летнем домике двух русских военнопленных, бежавших, по всей видимости, либо из лагеря в Суле, либо в Санде. Они тоже пробирались на восток, в Швецию. Получив еду от норвежца, русские ушли. На прощание они оставили записку, из которой явствовало, что одного звали Егорушиным Анатолием, а другого Ивановым (записку расшифровали в 1970 году, когда некоторые детали текста выцвели и стали неразборчивыми). Они писали, что находиться в лагере больше не было мочи и что они во что бы то ни стало хотели добраться до своей любимой родины. Дальнейшая их судьба не известна, во всяком случае в транзитном лагере для репатриантов в Ватне Роструп их не обнаружил. По всей видимости, Иванову и Егорушину удалось добраться до Швеции, в которой после войны оказалось около 2.000 советских граждан, большая часть которых были военнопленными из немецких лагерей в Финляндии. Из норвежских лагерей, согласно некоторым данным, в Швецию удалось убежать только около 150 советским военнопленным.

Одним из таких «счастливчиков», подобранных шведами 25 сентября 1944 года уже на своей территории, оказался узник из лагеря в Суле Медведев Симон Андреевич, 9.4.1919 г.р., житель Ульяновска, взятый в плен под Ново-Ржевом 17 июля 1941 года. Он бежал вместе с двумя другими товарищами. Перед шведской границей они разделились и дальше пробирались в Швецию поодиночке. Медведева накормили, обули-одели и передали в ведение криминальной полиции в Фалуне. 9 октября 1944 года он выехал поездом на родину. К этому времени шведы репатриировали в СССР около 900 бывших советских военнопленных, бежавших из немецких лагерей в Норвегии.

С побегами советских военнопленных связана еще одна история, требующая своего расследования. Это история о том, что многие русские военнопленные после побега связывали свою судьбу с норвежским сопротивлением. Сотрудник Милорга (военная организация норвежского сопротивления) Оскар Хасселькниппе и норвежский генерал Алекс Хаген свидетельствуют, что только в отделении Милорга в районе Бускерюда к концу войны были зарегистрированы около 30 бывших советских военнопленных.

Сделаем очевидный вывод: всем удачным побегам из лагерей советские военнопленные обязаны исключительно бескорыстной и самоотверженной помощи норвежцев.

8. Контакты с норвежцами*

Советский военнопленный Загит Маменков, сидевший в лагере в Ставангере, вернувшись после войны домой, рассказывал своей дочери, что в Европе нет народа более доброго и гостеприимного, нежели норвежцы.

Контакты с норвежцами, как правило, пленным запрещались. Аналогичные запреты на контакты с советскими военнопленными существовали и для норвежцев. Но полностью исключить их немцам не удавалось. Иногда сами условия работы позволяли пленным вступать в контакт с местным населением, иногда с риском наказания и даже жизни в контакт вступали сердобольные норвежцы, реже контакты происходили с разрешения немцев.

Трудно переоценить ту помощь, которую норвежцы за четыре года оказали нашим людям. Многие и многие пленные выжили только благодаря этой помощи, заключавшейся в содействии побегам и укрытию бежавших из лагерей, поддержке едой, моральной поддержке, оказании внимания и сочувствия вообще. Норвежцами руководило чувство жалости и милосердия, протеста против безжалостного унижения людей, а также чувство единства и солидарности в борьбе с общим врагом.

Главными «снабженцами» военнопленных были норвежские мальчишки и девчонки. Это они с удивительной настойчивостью и последовательностью, часто вполне сознательно, игнорировали немецкие инструкции и несли пленным спасение от голода. С них и спрос был меньше. Хотя были не редки случаи, когда за передачу еды ребенком немцы наказывали его родителей. Без всякого преувеличения можно сказать, что норвежские мальчишки и девчонки спасли многим, очень многим нашим пленным жизнь. Они поддержали их морально и не дали огрубеть их душам.

Сольвейг Братланд из Ставангера, выросшая в семье с левыми убеждениями и с симпатией относившаяся к Советскому Союзу, установила контакт с военнопленным из лагеря Русенберг, Ставангер, по имени Николай и начала с ним своего рода переписку. Она подбрасывала ему через колючую проволоку письма и записки, в которых сообщала некоторые новости и передавала приветы. Однажды за этим занятием ее застал охранник. Некоторое время спустя к ней в дом пришли гестаовец с переводчиком. К счастью, Сольвейг попался «добрый» гестаовец, которого она сумела убедить в том, что переписка с военнопленным носила любовный характер и что русский парень ей просто понравился. Дело закончилось штрафом в размере 30 крон, но могло быть и хуже.

Сольвейг вместе с Вальборг Свенссон часто можно было видеть разъезжающей по окрестностям Ставангера на велосипедах. В багажниках и в рюкзаках у них всегда была еда, которую они развозили по окрестным лагерям Русенберг, Форус, Санде, Сума, Фолькворд и Ауствол. Если у Сольвейг дружок был русский, то у Вальборг — поляк. Кроме еды, девушки организовали среди знакомых и незнакомых сбор медикаментов, одежды, обуви и т.п., но главное, что они несли пленным, была их доброта, сочувствие и сострадание. Ко всему прочему они несли пленным правдивую информацию о том, что происходило в мире, на фронтах войны и дома у военнопленных. Для лучшего общения Сольвейг Братланд взяла уроки русского языка и к концу войны вполне свободно говорила по-русски. Это были настоящие подвижницы, а их подвижничество после войны было вознаграждено властями Норвегии.

За такие «проступки» немцы направляли норвежцев в концентрационный лагерь «Грини». Житель м. Агдер Карл Юхан Линдstrand 19 мая 1943 года был расстрелян немцами за передачу еды советским военнопленным, а его 30 односельчан поплати-

* Эта тема так или иначе уже была затронута нами в предыдущих главах. Она незримо проходит через все этапы страданий советских военнопленных, поэтому выделение отдельной главы автор рассматривает просто как дополнительный способ обратить на нее внимание читателя.

лись за свое милосердие тюремными сроками, причем половина их была отослана в концентрационные лагеря в Германии.

Скарстен и Стокке приводят такой эпизод из жизни лагеря Аустволль: однажды, когда у забора с колючей проволокой оказались целые толпы сочувствующих советским военнопленным норвежцев, администрация лагеря приказала применить для ее разгоны слезоточивый газ. Норвежец Картон Холанд, работавший вместе с советскими военнопленными из лагеря Форус по трудовой повинности, вспоминал, что «ненависть к немцам только увеличивалась, а солидарность к бедным пленным — возрастала».

Один из пленных в лагере Фолькворд под Ставангером ухаживал за кроликами и часто рвал траву рядом с оградой из колючей проволоки. Местные норвежцы заметили это и стали класть в траву пакеты с едой. Пакеты к удовольствию благотворителей регулярно изымались.

Лив Квернеланд было 15 лет, когда она начала общаться с пленными лагеря Фолькворд. Она жила рядом с дорогой, по которой они маршировали каждый день. Каждый раз, когда они подходили к ее дому, она открывала оконные гардины и махала им рукой. Пленные быстро привыкли к этой визуальной встрече и с нетерпением ее ждали. Однажды они проходили мимо дома с песней, и Лив открыла окно, села за пианино и стала аккомпанировать. Один из охранников увидел, как Лив приветствует пленных, подошел к окну и дал ей звонкую пощечину.

Лив не ограничилась моральной поддержкой и вместе со своими друзьями стала оставлять в канаве рядом с дорогой, по которой шли пленные, пакеты с едой. Особенно пленным понравились вафельные печенье. Иногда ее мать спрашивала, куда запропастились рукавицы или носки отца, и Лив говорила, что не знает. Знали об этом пленные, которым достались эти нужные вещи. В ответ пленные дарили ей свои поделки — игрушки, кольца, шкатулки и т.п. Однажды ей удалось передать в лагерь альбом, в который пленные написали ей стихи и украсили его своими безыскусными рисунками. Не мудрено, что один из пленных влюбился в девушку и затеял с ней переписку, которую она хранила в укромном местечке своей комнаты под потолком.

Другую девочку из Альтоны, Санднес, немцы застали за тем, как она бросала пленным еду через колючую проволоку. Они узнали имя ее отца, арестовали его и отправили в концлагерь в Германии, откуда он уже не вернулся.

Электрик Карл Эверстад, живший до войны в Германии, хорошо владел немецким языком и по контракту с немецкой администрацией часто заходил в лагерь Сумармюр и Фолькворд для ремонта электропроводки. К его визитам охрана настолько уже привыкла, что пропускала в лагерь без всяких вопросов. Пленные тоже привыкли к Карлу и всегда находились рядом с ним. Достаточно было ему оставить пакет с едой в укромном месте, как он уже находился в руках пленных. К «подкармливанию» пленных подключились и другие коллеги Карла. Потом Эверстад подключил к «работе» с военнопленными своих знакомых, которые стали снабжать пленных селедкой. Потом неутомимый электрик стал передавать заскорузшим от грязи пленным мыло. Затем он «перехватывал» военнопленных при следовании их на работу. Грузовик с ними часто останавливался перед пекарней, потому что охрана покупала там себе свежее выпеченный хлеб. Пекарь был приятелем Карла Эверстада, и пока немцы находились внутри магазинчика, в грузовик с пленными летели картошка, овсянка, хлебные буханки и т.п.

Однажды Эверстад приехал со своим товарищем Туром Тувландом к воротам лагеря и обнаружил, что у въезда в лагерь застрял грузовик с военнопленными. Шофер нажимал на педаль газа, но колеса проворачивались, и грузовик не двигался с места. Тогда смысленный электрик предложил стоящему рядом охраннику скомандовать пленным вылезти из кузова и подтолкнуть застрявший грузовик:

— Зачем даром тратить драгоценный бензин, когда есть дармовая рабочая сила?

Охранник согласился. Военнопленные прыгнули на землю и стали раскачивать машину. В то время как Эверстад отвлекал внимание охранника приятной беседой, Тур Тувланд делал вид, что вместе с пленными толкает грузовик, а на самом деле незаметно раздал пленным носки.

Жители Сумармюра тоже делали все возможное, чтобы подкормить отощавших военнопленных и на пути следования их к местам работы оставляли пакеты с едой. Редко пленные улучали момент и сами просили у норвежцев еду. Отказа им в этом никогда не было. Выше всего пленные ценили картошку. Один из пленных из благодарности поцеловал руку крестьянке Эгтебе. Та была очень тронута этим и всем рассказывала: «Русский поцеловал мне руку!»

Уле Енсен из этого же поселка снабжал пленных продуктами, когда те находились в выгребном туалете, устроенном немцами в непосредственной близости с его огородом. Он бросал передачу через забор, а находившиеся внутри туалета пленные ловко и незаметно от охраны ловили их руками. Однажды охранник заметил эту «транзакцию», вошел в туалет и стал обыскивать военнопленного. Ничего не обнаружив, он удалился, а военнопленный, справив свою нужду, помахал на прощанье Енсену банкой сардин. «Ну и фокусник!» — подумал про себя норвежец. Заметим, что У. Енсен был связан с норвежским сопротивлением, а потому сильно рисковал своими контактами с советскими военнопленными. В конце войны немцы все-таки засадили его в тюрьму, но Енсен остался в живых.

Общение норвежцев с пленными было затруднено языковым барьером: русские кое-как говорили по-немецки, и норвежцы, даже владеющие немецким, плохо их понимали. А по-норвежски пленные знали пару-тройку слов, и этого для полноценного общения, конечно, не хватало. Впрочем, иногда среди военнопленных попадались способные «лингвисты», которые неплохо выучивались немецкому и даже норвежскому языкам. Но это было редким исключением, как и случаи владения русским языком норвежцами.

Пленный Михаил Аренберг не мог забыть, как из Ставангера на велосипедах выезжали норвежские девчонки Братланд и Свенссон и подкарауливали пленных на дорогах, чтобы незаметно передать им кульки с едой. Сам Аренберг получил от них немецко-норвежский словарь и постепенно научился говорить по-норвежски. Немцы распространяли лживую информацию о том, что в лагерях вокруг Ставангера многие советские военнопленные завербовались в армию Власова. Аренберг через Братланд и Свенссон опровергал эту информацию и говорил, что никто из его товарищей «влазовцем» быть не захотел.

Несмотря ни на что, молодость брала свое, и молодой парень из Сумармюра Сергей Гладышев влюбился в девушку из Люры по имени Элиса Турборг Аустротт. Они встретились после войны в транзитном лагере Ватне, клялись в любви, но после отъезда Сергея на родину никогда уже больше не встретились.

17-летний Хенрик Омдаль установил контакт с советскими военнопленными из Сумармюра на их рабочем месте. Он подкупал охранников яйцами, а пленным передавал большие порции зелени, муки и одежду. На собственном огороде зелени не хватало, и тогда Хенрик крал ее у соседей. Одежду он прятал в мешки с картошкой, которую пленные по заказу немецких властей выгружали из подвалов норвежских фермеров. Пленные входили в подвалы в рваной, а выходили оттуда в «новой» одежде. После войны он сознался соседям в своем «преступлении» и был прощен ими, когда те узнали истинную причину поступков Хенрика.

Пленные лагеря Сумармюр после заключения мира жили некоторое время в домах у норвежцев. Этот период оставил у них неизгладимые впечатления.

Альфред Гудесет часто видел марширующих мимо его дома советских военнопленных из лагеря Санде, Сула. Вместе с ними на работу шли иногда несколько вольнонаемных датчан. Датчане часто заходили в дом Гудесетов напиться воды и

отнести воды пленным. Однажды в дом зашли датчанин с военнопленным, и датчанин сообщил, что русский может сделать кольцо из пятиэревой монеты в обмен на еду. Альфред дал пленному монету и через 2 дня получил вполне приличное мужское кольцо, на котором были выгравированы пятиконечная звезда и год, 1942. Потом пленный сделал дамское кольцо с выгравированным на нем цветочком. Обе стороны были весьма довольны обменом, и двусторонние контакты продолжились.

Успех контактов норвежцев с военнопленными часто зависел от персонала администрации лагеря, от коменданта и охранников. И среди немцев были люди, которые смотрели на инструкции сквозь пальцы и разрешали норвежцам и своим подопечным вступать в обоюдные контакты. Выяснилась такая закономерность: чем моложе был немецкий солдат, тем милосерднее относился он к пленным. Один из охранников, бывший социал-демократ, в лагере Гимра (коммуна Сула) был чрезвычайно предупредителен ко всем попыткам норвежцев помочь пленным. Он предупреждал их специальным сигналом о том, можно ли приближаться к лагерю или, наоборот, существует опасность, например, присутствие в лагере гестаповцев. Однажды норвежцы не заметили сигнала «опасность» и, как обычно, явились в лагерь с едой и табаком. В результате охранник был наказан чисто в прусском стиле: с полной выкладкой его заставили совершить марш-бросок от лагеря до определенного населенного пункта и обратно. Норвежцы дождались его появления в укромном месте и пересадили его на велосипед. Так что часть пути немец преодолел без особого напряжения.

Впрочем, такие идиллические сцены из жизни оккупантов, норвежцев и военнопленных были редким исключением.

Гуннару Хейсену в 1943 году было 13 лет, когда ему удалось нелегально проникнуть в лагерь Ваулен, Ставангер. Лагерь, естественно, был окружен высоким забором из колючей проволоки и охранялся солдатами с двух угловых вышек, снабженных прожекторами. Проникнуть в лагерь можно было со стороны моря. Вооружившись «кусачками» и карманным фонариком и прихватив с собой тайком от уснувших родителей еду и табак, Гуннар глубокой ночью отправился к лагерю. Он прошел по мелководью в выбранное заранее место и пополз к забору. Там он залег и стал дожидаться смены охранников на сторожевых вышках. Улучив удобный момент, он сделал бросок и перекусил нижнюю кромку проволочного забора, который со стороны моря оказался не вкопанным в грунт. Потом, пользуясь паузами в работе прожекторов, он пробрался к одному барaku и вошел в незапертую дверь. В нос ударила неимоверная вонь, а потом его окружили призраки, оказавшиеся людьми. Еда и сигареты были розданы в мертвой тишине.

Гуннар несколько раз повторил свои визиты к военнопленным, пока его однажды не обнаружила охрана. Ему удалось избежать ареста и, пользуясь темнотой, улизнуть из лагеря. Правда, после этого ходить в лагерь он больше не отваживался.

А. Скарстен и М. Стокке помещают в своей книге десятки аналогичных эпизодов, свидетельствовавших о солидарности и заботливом отношении норвежцев к нашим пленным. И это только на материале двух южных губерний страны. В северной губернии Тромс дела обстояли значительно хуже: концентрация пленных в лагерях была намного выше, а помощь им извне от норвежцев в силу малой плотности населения была более редкой.

9. Необыкновенные приключения Алексея Лабутина и его товарищей

За малыми исключениями, нам почти ничего не известно о том, как складывались судьбы конкретных советских военнопленных в Норвегии. Благодаря норвежскому журналисту и писателю Бьерну Братбаку мы можем познакомиться с историей одного такого военнопленного, а заодно и с историей его товарищей по плену. Впрочем, история Лабутина является не очень типичной, особенно в первой ее части, и больше

похожа на придуманную. Но жизнь зачастую распоряжается человеком таким причудливым образом, который не придет в голову самому изобретательному фантасту.

«Знакомство» с Норвегией 19-летнего матроса Лабутина произошло 12 апреля 1943 года с борта подводной лодки К-21 («Катюша»), которой командовал тогда уже широко известный, благодаря атаке на немецкий линкор «Тирпиц», 36-летний капитан Н. А. Лунин.

3 апреля 1943 года К-21, с экипажем примерно 60 человек, среди которых находился вестовой и матрос камбуза Алексей Лабутин, вышла из базы в Полярном с приказом взять курс на норвежские воды в районе Серейсунна с целью обнаружения и уничтожения немецкого противолодочного корабля «Карл Гальстер». По некоторым сведениям, «немец» находился на ремонте в районе Киркенеса.

После неудачной охоты на «Карла Гальстера» Лунин взял курс на Анн-фиорд (район г.Харстад, губерния Тромс). В первой половине дня 12 апреля К-21 вышла в район западнее о-ва Сенья и обнаружила там несколько норвежских рыбацких баркасов. В то время как рыболовный катер «Хавегга» забирал на борт рыбу, неподалеку в море раздался взрыв. Первым в 500 м от катера подводную лодку обнаружил ее капитан Альфред Альвер. Предположив, что подлодка сделала предупредительный выстрел, Альвер скомандовал «стоп машина» и поднял флаг, демонстрируя: я норвежец. Лодка, между тем, шла на сближение, не прекращая огня на поражение. Она явно добивалась потопления «Хавегги».

Альвер, не покидая капитанского мостика, скомандовал своим людям занять места в спасательной шлюпке. А лодка все стреляла и стреляла, и все не попадала в цель. Наконец, один из снарядов попал в носовую часть. Трое из членов экипажа были убиты, двое или трое ранены. К-21 с расстояния в 50 м наблюдала, как «Хавегга», набирая воду, пытался доставить раненых на берег. К-21 шла за ним и стреляла, хотя артиллерийский огонь оказался безуспешным из-за слишком высокой скорости движения. Тогда с лодки открыли огонь из автоматического оружия. Капитан рыбака получил ранение в лицо и снова отдал команду «стоп машина». Подлодка вплотную подошла к «Хавегге», Альвер смог увидеть в ее рубке пятерых человек. Они были в прорезиненных плащах и направляли в его сторону свои пистолеты. Альвер изо всех сил крикнул, чтобы перестали стрелять, потому что на борту были раненые, и попросил отпустить их на берег. После этого в рубке опустили оружие. К-21 пришла в движение и, прежде чем отпустить норвежцев на берег, сделала по «рыбаку» еще два залпа из кормовых орудий. Ни один из снарядов, к счастью, в цель не попал.

Следующей жертвой Лунина стал рыбацкий мотобот «Барен» с 55-летним капитаном Бернтом Кристофферсеном, его тремя сыновьями и двумя помощниками. На «Барене» видели все, что происходило с «Хавеггой», и Кристофферсен решил немедленно уходить из района промысла и взял курс на берег. Но подлодка быстро настигла «Барен». Кристофферсен дал команду остановить бот и приказал сыновьям лечь на палубу. Подлодка подошла вплотную к катеру и открыла огонь из автоматического оружия. С лодки сигналили: поверни и бери курс в открытое море. «Барен» развернулся и взял курс на запад.

Вскоре на «Барене» услышали крики и призыв о помощи. Каково же было удивление рыбаков, когда они увидели в воде человека. Коре Кристофферсен, старший сын капитана, подцепил человека багром и поднял его на борт. К-21 в это время вплотную подошла к «Барену» и легла в дрейф. Из ее рубки спокойно наблюдали за тем, как норвежцы взяли человека из воды, а потом подлодка запустила двигатели и... ушла прочь. Пена, поднятая ее дизелями, попала на палубу «Барена».

Спасенного отнесли в каюту, дали ему переодеться в сухое и предложили чашку кофе. Он наотрез отказался, но когда увидел, что и спасатели пьют, и что никакого подвоха не было, с удовольствием выпил чашку горячего напитка. После этого он стал что-то говорить, но никто его не понял. Рыбаки дали ему клочок бумаги и ка-

рандаш, и тот нарисовал подводную лодку и снабдил свой рисунок непонятными опять фразами. Им однако показалось, что одно слово не вызывало сомнений — «Со-вьет». Так они предположили, что молодой человек — русский матрос с русской подлодки. Это и был Алексей Николаевич Лабутин. Удивлению норвежцев не было предела.

Позже выяснилось, что во время расстрела «Хавегги» Лабутин был подносчиком снарядов. Ящик со снарядами весил 40 кг, лодку качало, неопытный крестьянский парень из Костромской области поскользнулся и упал в воду. Никто на К-21 этого не заметил. Лабутин около получаса плавал в холодных водах Баренцова моря, а лодка стреляла и стреляла, и никто не предпринял попыток вытащить его из воды.

Между тем К-21 отправилась на поиски новой жертвы. Ей оказался мотобот из Скрульсвика «Эйстейн». Подлодка вплотную подошла к мотоботу и первым же 100-миллиметровым снарядом накрыла его кормовую часть. Вторым она разнесла ему рулевую рубку. Третий и четвертый снаряды в цель не попали. «Эйстейн» потерял 5 членов команды убитыми и одного — раненым. Но и после этого лодка продолжала вести огонь.

Потом К-21 направились к мотоботу «Скрейен», находившемуся западнее «Эйнстейна». С подлодки просигналили «сушить весла», капитана мотобота взяли под прицел, а членом его команды приказали перейти на борт лодки. Семеро рыбаков взойшли на борт подлодки и спустились в ее трюм. Мотобот остался покачиваться на воде без команды. Советские моряки учинили им допрос, интересуясь главным образом расположением минных полей в Анн-фиорде. Прежде чем покинуть «поле избиения», К-21 расправилась еще с одним рыбацким мотоботом — «Фрейя».

По дороге на базу капитан Лунин угощал норвежцев водкой и рассказывал о потоплении им «Тирпица». Он ничего не скрыл в своем рапорте начальству об апрельском походе и вполне правдоподобно рассказал о своем «геройстве». В вахтенном журнале К-21 за 12 апреля норвежские рыбацкие мотоботы значатся как суда противника. Б. Братбак пишет, что немцы иногда использовали такие суда в разведывательных целях, но никогда не поднимали на них флаг со свастики (в советских публикациях утверждалось, что расстрелянные К-21 мотоботы шли под фашистским флагом)*.

О потерянном матросе Лабутине в вахтенном журнале К-21 за 12 апреля говорится: «15.17. Накрывшей волной смыло за борт подносчика патронов носовой 100-мм пушки краснофлотца-вестового Лабутина Алексея. Показавшись на поверхности один раз, краснофлотец Лабутин скрылся под водой и больше не появлялся». Ни слова о том, что из рубки подлодки видели, как Лабутин был поднят на борт «Барена». Почему Лунин не забрал Лабутина обратно, пусть даже мертвого, остается загадкой.

...Итак, оставив своего матроса на борту «Барена», девятих убитых и пятерых раненых норвежских рыбаков (на следующий день один из раненых скончался в больнице Харстада), лодка скрылась под водой. У экипажа «Барена» иного выбора, кроме передачи Лабутина немцам, не было. Капитан доложил о нем немцам в Бевере, а те приказали доставить спасенного в Берг, в самый дальний поселок фиорда. На причале в Берге рыбаки высадили Лабутина и увидели, как он упал, а немцы подхватили его под руки и увели с собой.

Немцы немедленно учинили пленному допрос. Как выяснил Б. Братбак, допрос вел лейтенант Больте из отделения Абвера в Тромсе. Лабутин сообщил ему имя, фамилию и дату рождения, но местом рождения назвал село под Сталинградом, а не леспромхоз в Костромской области, откуда он на самом деле был родом. Кроме того,

* Через несколько дней норвежские пленники со «Скрейена» были доставлены в Полярный. Один из «пленных» — 17-летний Расмус Рюнинген — до конца войны провоевал в особом диверсионно-партизанском отряде Северного флота. Остальных посадили в лагерь для военнопленных. Трое из них там умерли, и только трое в июне 1946 года вернулись домой в Норвегию.

Лабутин скрыл от них подлинное имя командира подлодки — он назвал фамилию «Попов». Это было с его стороны вполне осмотрительно: немцы хорошо знали имя «Лунин» и могли в отместку за «Тирпиц» расстрелять и его матроса. Но Лабутин вряд ли это имел в виду — скорее, он считал эти сведения военной тайной и соврал.

Норвежские газеты, контролируемые немцами, использовали эпизод у о-ва Сенья на полную пропагандистскую «катушку». Характерно, что большинство норвежцев, несмотря на массированную немецкую пропаганду, полагало, что разбойничье нападение на рыбаков совершила немецкая подлодка...

14 апреля Лабутин был доставлен в Тромсе и помещен в лагерь для военнопленных, в котором уже находились 600 его соплеменников. Когда летом 1943 года Коре Кристофферсен с женой Элли был в Тромсе, то в марширующей по городу колонне советских военнопленных они узнали своего «крестника». Лабутин тоже узнал их и подал знак рукой. Больше они его не видели до сентября 1999 года, когда разысканный Б. Братбаком Лабутин по приглашению норвежского правительства приехал в Норвегию.

Для Лабутина начался новый этап жизни. Ничего достопримечательного в ней уже не было. Вместе с товарищами по лагерю он работал в порту Тромсе на погрузочно-разгрузочных работах, где бригадиром был эмигрант первой волны Иван Хохлин. Хохлин слушал сводки Совинформбюро и рассказывал об их содержании своим соотечественникам, в том числе членам подпольной группы, в которую входили около 20 военнопленных, включая Лабутина, и которую возглавлял мл. лейтенант Василий Васильевич Соболев. Группа занималась активным саботажем в порту Тромсе. Они портили снаряды, взрывчатку и цемент.

К середине 1944 года Соболев разработал план побега, согласно которому предполагалось взорвать в порту 2 корабля и, воспользовавшись паникой, уйти через границу в Швецию. План не удалось осуществить, поскольку группе стало известно о том, что какой-то провокатор рассказал о Соболеве немцам. И члены группы обязали Соболева совершить побег самостоятельно. Ночью 27 сентября Соболеву удалось покинуть территорию лагеря и по совету Хохлина укрыться в доме учительницы Матильды Кристофферсен. Соболев по ошибке постучал в дверь к соседям учительницы, в доме которых квартировал высокопоставленный немецкий офицер. Однако хозяйка дома сумела быстро сориентироваться и отправить Соболева по адресу. Военнопленные хорошо знали Матильду и ласково звали ее «мамусей». Учительница и ее дети не раз оказывали помощь военнопленным и одеждой, и пищей*.

Матильда Кристофферсен передела Соболева в одежду мужа и повела его к Хохлину. По улице, чтобы не привлекать внимание немцев, они шли обнявшись как муж и жена. У Хохлина Соболев ночевал 2 ночи, а потом снова перебрался в дом к Матильде. Здесь он прожил 3 недели, пока норвежские подпольщики не снабдили его поддельным норвежским паспортом. С помощью Сигфрида Нильсена, владевшего грузовиком, Соболев был переброшен в долину Шиботн, откуда его провели к норвежско-шведской границе и указали тропу в Швецию.

По пути в Шиботн грузовик Нильсена остановили немцы и хотели его реквизировать, но Нильсен энергично протестовал, доказывая, что грузовик принадлежит норвежской государственной службе, обслуживавшей немцев. В конце концов, сошлись на том, что Нильсен подвезет немцев до определенного пункта. Старшие по званию офицеры втиснулись в кабину рядом с Нильсеном и Соболевым, усвоившим

* Судя по рассказу Братбака, И. Хохлин и М. Кристофферсен были активными членами норвежского подполья и имели радиосвязь с Мурманском и курьерскую связь со Стокгольмом, в том числе с советским посольством. Так о благополучном прибытии Соболева в Швецию И. Хохлин получил подтверждение от самой А. М. Коллонтай. Б. Братбак пишет, что в Тромсе был подпольный советский радиоцентр, работавший то ли на разведку Северного флота, то ли на разведку НКВД.

к этому времени пару норвежских фраз, а солдаты полезли в кузов. Доехали до места без всяких осложнений*.

Поздней осенью 1944 года в лагерь в Тромсе поступил морской лейтенант Виталий Д. Юрченко, взятый в июле в морском бою в плен в Варангер-фиорде. Его торпедный катер ТКА-239 (американского производства) был потоплен, а командира и нескольких его подчиненных немцы вытащили из воды. Его долго и упорно допрашивали в Киркенесе, но он выдержал все испытания и был переправлен в лагерь в Тромсе.

Некоторое время спустя Юрченко и Лабутин рассказали о своем намерении бежать все тому же Ивану Хохлину. Эмигрант охотно согласился им помочь и привлек еще одного помощника — 28-летнего норвежца по имени Турлейф Маркуссен. Маркуссен имел контакты с еще одной подпольной группой советских военнопленных. Подозреваемый немцами в связях с норвежским сопротивлением, он был арестован, 3 месяца отсидел в тюрьме, но за отсутствием улик был выпущен. Вместе с Хохловым он решил переправить Юрченко и Лабутина на шлюпке на остров Квалей, где они должны были отсидеться в саамской хижине и дожидаться прихода советской подводной лодки.

Побег состоялся 10 октября 1944 года. Погода в этот день способствовала побегу: шел проливной дождь, а на море бушевал шторм. Под покровом темноты Юрченко и Лабутину удалось отстать от своей бригады, работавшей в порту, избавиться от курток с намалеванными буквами «SU» — Советский Союз — и быстро добежать до места, где Маркуссен спрятал для них шлюпку. Но отойти от берега из-за сильного ветра они не смогли, и пришлось возвращаться в город. В его окрестностях они нашли сеновал, принадлежавший Хохлину, и решили в нем заночевать. Скоро Хохлин их нашел и перевел к себе в дом. Здесь они сфотографировались, и Хохлин «выправил» им липовые норвежские документы.

На следующий день ветер стих, и попытку добраться на шлюпке до острова Квалей повторили. На сей раз они успешно доплыли до острова и направились к месту, где их встретил Маркуссен. Он довел их до хижины, развел костер и устроил «пир», выдав беглецам по ломтю хлеба с маслом. «Такого никогда не забыть!» — писал Юрченко в 1984 году в своих воспоминаниях о Норвегии.

В рыбацкой хижине беглецы в ожидании советской подводной лодки провели несколько недель. К ним присоединился другой подпольщик, также скрывавшийся от немцев, по имени Ивар Мейер Юхансен. Но лодка так и не пришла: мешала активность немцев, вызванная, по всей видимости, постановкой линкора «Тирпиц» на рейд в Тромсе. Линкор должен был прикрывать город от воздушных нападений англичан, и немцы развили бешеную деятельность и по его маскировке, и по проверке прилегавшего района.

Тогда Хохлин и Маркуссен приняли решение переправить беглецов в Швецию. Предполагалось, что в Швецию вместе с Юрченко и Лабутиным отправится также и Маркуссен, но он по доносу своей соседки был снова арестован — на сей раз уже гестапо**. Он успел предупредить о своем аресте русских и И. М. Юхансена и передать им план маршрута в Швецию. Проводить русских должен был теперь Юхансен.

Они отправились в путь 12 ноября, когда англичане бомбили «Тирпиц». «Полюбовавшись» атакой англичан, трое беглецов, в сопровождении Сиверта Бакуса, товарища Маркуссена по подполью, пошли к морю. Там они, попрощавшись с Бакусом, «позаимствовали» чью-то шлюпку и беспрепятственно преодолели на веслах фиорд.

* В. В. Соболев вернулся в Советский Союз и успел повоевать. Во время штурма Кенигсберга был ранен. По окончании войны работал лоцманом на Енисее. Умер в 1972 году, оставив воспоминания о норвежском плене и теплые слова о норвежцах.

** Была арестована также жена Маркуссена, но через 5 месяцев выпущена на свободу. Сам Маркуссен до конца войны сидел в лагере Крекеберселетта.

Они высадились в Малангене, где у Юхансена были родственники, снабдившие их едой и одеждой. Дальше их путь лежал на восток. В Сагельватне они получили помощь от знакомого Маркуссена и скоро оказались в Рустадале. Следующим пунктом их маршрута должен был быть Эвербюгде, но по пути они провалились под лед, промокли до нитки и с трудом добрались до какого-то хутора. Здесь крестьянская семья накормила и высушила их и отправила в семью Фагернесов, посвященную в это предприятие и ждавшую своих подопечных. Фагернесы разместили беглецов в хлеву, потому что в дом его часто заходили за молоком немцы. Фагернесы снабдили беглецов картой, на которую были нанесены места расположения немецких постов, и объяснили, как их можно было обойти.

19 ноября Юрченко, Лабутин и их норвежский товарищ пришли на шведскую погранзаставу в Каммавуопио. Шведы радушно встретили их, но реквизировали у Юхансена карабин, оставив при них холодное оружие. На следующий день все трое присоединились к другим норвежским беженцам и в сопровождении местного проводника продолжили путь на восток в Кируну, а затем на юг Швеции. В Кируне Юрченко и Лабутин попрощались с Юхансеном*, отдохнули, экипировались за счет советского посольства и поездом отправились в Стокгольм. Там они попали в шведский лагерь для перемещенных лиц в Лисме, где встретили 120 человек своих земляков, бежавших из лагерей в Норвегии и Финляндии.

14 декабря Лабутин и Юрченко сели в Стокгольме на пароход и поплыли в Финляндию, которая к этому времени уже вышла из войны. Поезд из Хельсинки довез их до Выборга. Оттуда Юрченко отправился служить в Каспийскую флотилию, потом воевал в составе Днепровской флотилии, а в 1950 году вышел в отставку. Лабутин вернулся в Мурманск на Северный флот. Он встретил там некоторых своих сослуживцев по К-21, которые подтвердили, что капитан подлодки на самом деле не принял надлежащих мер по спасению своего матроса. Скоро Лабутина перевели в пехоту, он принимал участие в штурме Кенигсберга, был там тяжело ранен в голову и попал на долгое время в госпиталь. В 1948 году его демобилизовали на «гражданку». Лишь много лет спустя он узнал, что его увольнение из армии не обошлось без вмешательства Лунина. Оказывается, Лунин постоянно интересовался его судьбой и содействовал тому, чтобы раненого Лабутина уволили из армии и дали ему пенсию. Лунин помог также Юрченко отыскать адрес Лабутина, и между бывшими узниками немецкого лагеря в Тромсе возникла переписка. В 1981 году Юрченко приехал к Лабутину в гости, а потом и Лабутин навестил его в Новороссийске.

Лабутин пытался встретиться со своим бывшим командиром и выяснить, что же произошло тогда в море 12 апреля. Он поехал в Ленинград, где жил его бывший командир, разыскал его дом, но того не оказалось дома. Так они и не встретились.

Лунин благополучно довоевал до конца войны и умер в 1970 году в Ленинграде в звании контр-адмирала.

На протяжении всех послевоенных лет день 12 апреля норвежские рыбаки острова Сенья отмечали как день траура. Всякий раз, когда норвежцы в беседах с представителями советских (российских) ВМС пытались выяснить подробности Свеннгрюнского дела, русские замыкались и с трудом подбирали выражения для его объяснения.

* По возвращении в Тромсе И. М. Юхансен заболел туберкулезом и скоро умер.

Мстислав Казанский

(г. Богородицк Тульской области)

ЖАВОРОНКОВ И ЕРМАКОВ

(Отрывок из книги «Гудериан в Богородицке»)

Наш постоянный автор.

Богородицк попал в полосу наступления немецкого 53-го армейского корпуса, его 112-й и 167-й пехотных дивизий 7—9 ноября 1941 года, когда немцы нацелились на Узловую и Сталиногорск. Обороняла Богородицк 41-я кавалерийская дивизия, которой командовал полковник Давыдов Петр Михайлович. 2-я танковая армия Гудериана, и приданные ей пехотные части, не смогли в лоб, прямыми атаками взять Тулу. И потому Гудериан решил обойти город оружейников с юго-востока. Перед немцами стояла задача захватить города Венев, Каширу и нанести удар по Москве со стороны Коломны и Егорьевска.

41-я кавалерийская дивизия входила в состав 50-й армии, командовал которой генерал-майор А. Н. Ермаков (до 22 ноября 1941 года), а потом после его отставки — генерал-лейтенант И. В. Болдин (с 24 ноября). Соединение было сформировано в июле 1941 года в районе города Ковров Владимирской области. С 14 августа по 2 октября оно находилось в резерве Верховного Главнокомандования, потом его перебросили на Западный фронт, на Тульское направление. Особенно тяжелыми стали для дивизии октябрьские бои в районе Черни и Плавска, где наши понесли ощутимые потери в личном составе.

Несколько слов о командире — полковнике Давыдове Петре Михайловиче. Он родился в 1894 году в Ставропольской губернии, участвовал в 1-й Мировой войне, дослужился до старшего унтер-офицера и награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами. Смелый он был человек, отважный и решительный. В 1917 году возвратился с фронта и вступил в отряд Красной гвардии. Много воевал в Гражданскую войну, командовал различными воинскими подразделениями, удостоен высоких наград. В межвоенное время учился на подготовительном курсе Военной академии РККА и на кавалерийских курсах. Однако полного военного образования не получил. 15 июля 1941 года П. М. Давыдов в звании комбрига получил назначение командиром 41-й кавалерийской дивизии.

Богородицк в 1930—1950-е годы являлся городом районного подчинения, центром Товарковского района, и численность его не достигала десяти тысяч человек, площадь составляла 1500 гектаров. Выглядел вполне заурядным, провинциальным городком, однако имел интересную историю. До революции 1917 года 85% земель Богородицкого уезда принадлежало известным российским дворянам, крупным землевладельцам графам Бобринским. От них в Богородицке остался чудесный трехэтажный дворец, построенный архитектором И. Е. Старовым. Дворец до осени 1941 года белым лебедем отражался в водах большого городского пруда, устроенного на реке Лесной Уперт, и был гордостью богородчан. Промышленного производства в Богородицке практически не было. Существовали центральные электромеханические

мастерские, которые ремонтировали горнорудное оборудование, работал горкомхоз, небольшой стройучасток, несколько предприятий пищевой промышленности и небольшой керамо-кирпичный завод.

Но особенное значение для области имела так называемая зерносыпка, т.е. элеватор. На нем осенью 1941 года находилось 8000 тонн зерна. Недалеко от города располагалось хранилище бензина, керосина и технических масел вместительностью около одной тысячи тонн, что обеспечивало потребность населения и колхозов в горюче-смазочных материалах.

Через Богородицк проходила прямая железнодорожная магистраль, играющая важную роль в связи Москвы с Донбассом, Ростовом-на-Дону, Краснодарским краем, да и, впрочем, со всеми южными регионами России. Немцам во что бы то ни стало необходимо было оседлать эту железную дорогу, взять ее под контроль. Тогда они могли бы спокойно перебрасывать людские резервы, оружие и продовольствие по всему Западному и Юго-Западному фронтам. Готовилось немецкое наступление на Воронеж, Ростов-на-Дону и на Сталинград, поэтому фашистам эта магистраль была очень нужна.

К тому же Богородицк открывал немецкому наступлению путь на Узловую, где начиналась железная дорога на восток: на Рязань и Пензу. А в соответствующих областях Ставка Верховного Главнокомандования срочно формировала резервные стрелковые и танковые дивизии, которые должны были переломить ход войны на советско-германском фронте. Поэтому, рассматривая дальнейшие планы и перспективы своего наступления, Гудериан наметил как ближайшую задачу взятие Богородицка с выходом на Узловую и Сталиногорск и с продвижением немецких частей на Рязань, Зарайск, Коломну и далее на Москву. Богородицку отводилась роль базы по тыловому обеспечению 2-й танковой армии и приписанных к ней пехотных частей.

Тяжелые бои развернулись 7 ноября 1941 года между наступавшими немецкими 112-й и 167-й пехотными дивизиями и отходившими частями 50-й и 3-й армий. 9 ноября 1941 года немцы ударили в незащищенный стык Западного и Юго-Западного фронтов. Разрыв достигал более 50-ти километров. 167-я наступала от Теплового на Алексеевку, Волово, Никитское, Михайловское, Епифань, а 112-я — на Богородицк и Узловую. Противостояла последней как раз наша 41-я кавдивизия полковника Давыдова.

В ее составе было три полка: 170-й, 172-й и 168-й кавалерийские полки. Общая численность указанных частей в период обороны Богородицка составляла около двух тысяч бойцов. Да и кавалерийскими полками они назывались согласно их Уставу и официальной принадлежности к кавалерии, а на самом деле в боях под Мценском и селом Теплое эти части потеряли 2/3 личного состава и практически 100 % остались без лошадей. Бои дивизия вела в основном в пешем порядке.

Соединение имело на вооружении стрелковое оружие, несколько минометов и противотанковых пушек 45-го калибра. В прошедших боях дивизия была обескровлена и тактической, непреодолимой обороны от немцев на своем фланге создать не могла. Бойцы вели арьергардные бои, медленно отступали от рубежа к рубежу. Впереди оборонявшихся шел обоз с военным имуществом, фуражом и продовольствием. За обозом двигался штаб дивизии, координируя на месте перемещение красноармейцев и создавая опорные точки сопротивления наступавшему противнику. Временами по флангам 112-я немецкая даже опережала нашу 41-ю дивизию, и полковник Давыдов умело проводил фланговые атаки, нанося ущерб вражеским частям. Конкретно в отчетах дивизии штабу 50-й армии указывалось: 8 ноября 1941 года 41-я кавдивизия нанесла противнику ощутимый удар во фланг наступавшей 112-й пехотной дивизии врага. 12 ноября наше соединение отошло для обороны Богородицка, однако город сдали врагу без ощутимого сопротивления 15 ноября.

После этого 41-я кавдивизия отступила к Узловой, где присоединилась к 239-й

стрелковой дивизии, которой командовал полковник Г. О. Мартirosян. Она отчаянно сдерживала немцев на подступах к Узловой и Сталиногорску. 239-я СД была свежим, хорошо укомплектованным вооруженным формированием. Она разгрузилась на станции Узловая, прибыв из Сибири 15—17 ноября, и с ходу вступила в бой с атакующим врагом. Но фашисты имели превосходство, и Узловая сдана врагу 21 ноября, Сталиногорск-1 оставлен 24 ноября, Сталиногорск-2 — 25 ноября.

25 ноября 1941 года 41-я и 239-я дивизии попали в окружение в районе Узловой и Сталиногорска, но в ночь на 27 ноября смогли прорвать кольцо окружения и большей своей частью вышли из него. Было потеряно в боях более половины личного состава и лошадей, а к началу декабря 1941 года 41-я кавалерийская дивизия вошла во вновь сформированную в районе Рязани 10-ю армию Ф. И. Голикова, имея численность около 1500 человек.

Об освобождении Богородицка после войны написано много, а вот об обороне города следует рассказать. Некому было стенографировать события тех дней, да и надлежавшей обороны практически не было. Есть прекрасная статья Ольги Владимировны Перовой, старшего научного сотрудника Богородицкого дворца-музея. Статья так и называется — «Оборона Богородицка», она опубликована в еженедельной газете «Богородицкие вести» в 2009 году. Ольга Владимировна прямо и конкретно пишет: «В освобождении Богородицка от немецко-фашистских захватчиков нет белых пятен. Но мало кто интересовался обороной, почти нет представления о том, как все же защищался город от наступающих фашистов. Эта страница так и оказалась нераскрытой».

А я предполагаю, что этой самой упорной и кровавой обороны Богородицка и во все не было, и нечего нам сейчас рассекречивать. Ольга Владимировна писала, что наш город был опоясан с южной и восточной стороны противотанковыми рвами глубиной около трех метров с устроенными блиндажами и боевыми укреплениями — оружейно-минометными площадками. Противотанковый ров действительно имелся, и бетонные доты и землянки существовали. Я сам недавно в районе бывшей деревни Масальцы ходил по обвалившимся брустверам старинных окопов. Но построили их не в октябре — ноябре 1941 года, а весной и летом 1942 года, когда фашисты закрепились на линии рек Ока и Зуша, западнее райцентров Чернь и Белев, примерно в 150 километрах от Богородицка. Немцы были там, держали оборону после зимы 1941 года, а в Богородицком районе тысячи людей рыли траншеи. Почему? Да потому что в 1942 году Верховный Главнокомандующий Иосиф Сталин был твердо уверен, что с наступлением тепла Гитлер повторит нападение на Москву. Сталин никак не мог подумать, что вермахт двинет свои армии на юг к Воронежу, к Сталинграду, на Кавказ, чтобы перерезать нефтяные и продовольственные жилы Советского Союза.

Потому руководству ближних к столице областей и была дана команда в марте 1942 года готовиться к новой обороне, сооружать преграды. Такие противотанковые рвы копали по всей линии прошлого наступления немцев в 1941 году. Копали труженики тыла эти рвы и под Богородицком, и под Бестужевом, и под Епифанью с Кимовском. Кимовска как города в то время не было, он назывался станцией Епифань. Да и потом, где можно было взять людей в октябре — ноябре 1941 года, где могли собрать силы, чтобы заняться такой тяжелой работой. В городе царил паника, население металось между домами и вокзалом, не зная, убежать ли сейчас из города или остаться. Управление городом было дезорганизовано.

Но чтобы понять, что творилось в Богородицке в октябре — ноябре 1941 года, предоставим слово очевидцу тех событий, первому секретарю Товарковского райкома ВКП(б) Василию Родионовичу Ребрикову. Он являлся не только настоящим коммунистом, но и жестким руководителем, патриотом, не боявшимся в решительный момент взять в руки винтовку или револьвер. У него руки не дрожали, когда он приговаривал к смерти и расстреливал на месте провокаторов, паникеров и мародеров,

как того требовал приказ Сталина. А таких отщепенцев и предателей было немало в глубинке, в селах и малых городах. Ребриков при этом любил перо и бумагу и с удовольствием записывал мысли, фиксировал поступки людей, их настроения, обстановку, рисовал картинки безрадостного отступления Красной армии, да и все то, что происходило на его глазах. Короче, в это суровое, разломное время осени 1941 года, когда немец чертом рвался к Москве, он вел дневник. Самый натуральный дневник, который сегодня честно и правдиво рассказывает о всех плюсах и минусах обороны Богородицка. Наши местные журналисты, пожалуй, все знают об этом дневнике, читали его, делали выписки, отдельные фрагменты даже публиковались в городской газете. Но велась эта работа по изучению и раскрытию дневника отрывочно, опускались моменты, где Василий Родионович яростно критиковал отдельных коммунистов, руководителей, спасавших, прежде всего, свою жизнь и не выполнявших государственные задачи по контролю над сложившейся обстановкой.

Василий Родионович критиковал и командование 41-й кавалерийской дивизии, вроде бы защищавшей от фашистов Богородицк. Есть у него горькая заметка об отношениях со штабом соединения. Ребриков был прям и крут — как тот же первый секретарь Тульского обкома ВКП(б) В. Г. Жаворонков — он также не нашел взаимопонимания с командиром 41-й кавалерийской дивизией Давыдовым. А может быть, даже и не виделся с ним — комдив быстро переместил штаб под Епифань или под Сталиногорск. В этом еще надо разобраться, надо изучить штабные документы этой кавдивизии, правда, если они сохранились.

А сейчас я представлю дневник Ребрикова в самом реальном виде, без какого-либо редактирования. Вдумчивый читатель сам разберется.

**Дневник Ребрикова Василия Родионовича.
1-го секретаря Товарковского РК ВКП(б)
(11.10.1941 — 22.11.1941)**

11 октября. Жена уехала с госпиталем № 1069. Перешел на казарменное положение.

Стервятники беспокоят каждый день. На днях сволочь привязался к Малевке и долбил станцию и перегон целый день.

9-го, т.е. позавчера, один стервятник сбросил на ДПЗ, стройка загорелась. Завтра-послезавтра отправят своих жен другие руководящие районные работники.

20 октября. Поднимается паника. Люди бегут. Через город идут, едут на лошадях, автомашинах из занятых немцами районов. Уйма людей. Беженцы, а тут еще идет масса окруженцев. Среди этой публики многие сеют панику, пускают провокационные слухи, занимаются мародерством. В городе форменная кутерьма. В таком движении люда в город могут войти шпионы, диверсанты и любая сволочь. Смотреть тяжело на создающуюся картину. Партактив надломился, приходят в РК с истерикой, требуют эвакуацию. Дали команду, чтобы коммунисты эвакуировали семьи — кто куда сумеет.

Начали эвакуировать скот. Многих коммунистов и их семьи отправим со скотом. Приехали ВПС 52 и 107. Пошумели и стараются уезжать. Вот до кого еще не дошла рука ГОКО. Многие командиры пьянствуют, возят каких-то крашенных бабенок. Жрут, спят и ничего не делают. Уезжали бы скорей к чертовой бабушке. Партактив весь поставил на ноги. Все держится исключительно на плечах партактива. Шахты кончили работать. В районе вся промышленность остановилась. По существу и колхозы не работают. Просто руки не хочется прикладывать к уборке. Хлеба в элеваторах свыше 8000 тонн. Фронт движется. Хлеб надо вывозить, а вагонов не дают. Неужели все богатство отправят немчуре? Нет! Эти сволочи получают угольки.

24 октября. Атмосфера становится сгущенной. Явственно слышна канонада. Фронт рядом. Распоясались жулики, мародеры. Обнаглели до того, что днем кину-

лись грабить состав с хлебом и другими продуктами. Дал команду пристреливать сволочей на месте. Пристрелили одного на станции Жданка. Сразу стало спокойно. Пристрелили еще троих; одного в Малевке, одного в Бегичеве и одного на шахте № 63. Сразу утихомирили всю сволочь. В Дедилове героически вела себя одна телефонистка; она на протяжении нескольких дней поддерживала с нами связь, тогда как все начальство района, за исключением начальника р/о НКВД удрало. Послали разведку в Дедилово, и оказалось, что по просочившимся в село немцам крепко ударили наши части, которые остались в Дедилове.

25-го октября. Попросил Савельевну приготовить ванну часам к четырем дня. В начале шестого вечера поехал мыться. Только влез в ванну, как начались сильная канонада и жуткие разрывы бомб. Никак не определяю, где раздаются взрывы. Решаю кончить мытье и двигаться скорее в райком. Выхожу на улицу; у крыльца (у входа) стоят женщины и дети с испугом на лицах. Спрашиваю, где бомбят, отвечают, видно, станцию Жданка. Приехав в райком, сверяюсь, оказывается, Узловая подверглась сильной бомбежке. В это время в Узловой было около 40 человек убито и 130 ранено. Связь НКПС и НКС нарушена.

6 ноября. Ждем с нетерпением сообщений по радио, потому что несколько раз мы предупреждали все узлы о необходимости организации коллективного радиослушания. Наконец, дождались. Сталин делает доклад о XXIV годовщине Октябрьской революции. С напряженным вниманием слушаем доклад. Какую уверенность вселил он в нас!! Горячо обсуждаем. Слежу за народом, т.е. за своим активом: как бы ребята не решились справлять встречу Октября. А как было больно на сердце. Такой большой праздник, и в таких тяжелых условиях приходится встречать его. Даю указание тов. Лебедеву, чтобы доклад тов. Сталина был отпечатан в нашей газете. Доклад 10 ноября был помещен в районной газете. Посылаем товарищей в село зачитать доклад тов. Сталина и его речь на параде.

8-го ноября. Собираем всех секретарей парторганизаций и даем указание: приготовить личные вещи, продукты. Коммунистов всех перевести на казарменное положение, быть готовыми к тому, чтобы тут же отходить, если город будет занимать немцами.

9-го ноября. Была большая очередная паника. Звонят и говорят, что Узловую заняли немцы, и все узловское начальство ушло из района. Делаю попытки связаться с Узловой — безрезультатно. Посылаем разведку в составе товарищей: Курочкина, Тадонова, Юракова, Мартынова и Попова на грузовой машине. Чуркина вела себя истерично. Сколько раз она распространяла панические слухи! Сколько раз она звонила и орала: «Ребриков, к тебе двинулись немецкие танки» или: «Ребриков, к тебе движется мотопехота или автоматчики». И каждый раз была ложь. Ждем разведку, в четыре часа ложусь отдохнуть. Разведка приехала в пять часов утра. Доложила — немцев в Узловой нет, нервозность жуткая. Панику подняли железнодорожники, они начали удирать панически. Собираю совет «старейшин», чтобы решить целый ряд вопросов. С Тулой связи нет. Все приходится решать самому. Так вот спрашиваю совета, как поступить с шахтами, с зерном на элеваторах и в колхозных амбарах. Что делать с нефтебазой, там бензина 318 тонн. Сидят мои люди и молчат. Все ждут моих указаний. Не стерпел и вспылел: «Что молчать-то, давайте предложения». Райвоенком Зайцев начал неуверенно говорить, но прямых предложений не дает.

Предлагаю: 1. По шахтам ограничиться завалом крестов, демонтажом водоотлива и вентиляции, оборудование затащить в глухие штреки и завалить, подъем разобрать и сбросить в ствол, канат изрубить и также сбросить в ствол. Стволы не взрывать, поверхность не сжигать. Руководствуюсь докладом тов. Сталина 6/XI-41 г., считаю, что если мы и уйдем из района, то не более чем на 1, ну на 1/2 месяца (Предложение приняли).

Предлагаю: 2. Колхозное зерно раздать по трудодням, а зерно на элеваторах продать и, судя по обстановке, можно будет оставить 1500—2000 тонн. (Предложение приняли). При отходе элеваторы сжечь. По нефтебазе — сжечь. (Приняли).

Снова в районе. Период времени с 25 октября и по 15 ноября был весьма напряженным. После взятия Орла немецко-фашистскими войсками нависла серьезная угроза над Тулой.

14 октября я был вызван в Тулу на совещание. Получив инструкции по ряду вопросов, разъехались.

Враг стал занимать один за другим районы Тульской области. Массы беженцев хлынули через наш район. Они сеяли жуткую панику. День и ночь двигались люди в разных направлениях: одни из Ефремова шли на Тулу, другие шли из Тулы на Ефремов и Елец. Сколько слез, истерик, детского плача... Картина очень удручающая. К этому движению гражданских людей присоединилось шествие окруженцев, среди которых было много дезертиров, шпионов, провокаторов и мародеров. Весь порядок поддерживался силами вооруженного партизанства. Людей гоняли день и ночь, люди сбивались с ног.

А канонада все приближалась и приближалась. Многие коммунисты дрожали от страха, прибегали в райком с просьбой разрешить им эвакуироваться. Когда плачут женщины от страха, как-то принято считать за обычай, а вот когда юни распускают мужщины, становится неприятно. Трусость прет через край. Спим в райкоме, не раздеваясь. Обстановка напряженная. Иногда нервы были так натянуты, что малейшее движение и шум вызвали какое-то озлобление. Руководящие работники почти все держатся хорошо.

Помню, был такой случай. Ночь. Темно так, что рядом стоящего не видишь. Звонок телефона. Беру трубку, сообщают: «В город вошли немецкие танки, двигаются по направлению к Туле». Ставлю на ноги народ. Проверяют. Оказывается, это прошли два трактора «ЧТЗ» и встали у райисполкома. Еще случай. Летел стервятник и так низко, что простым глазом были видны фашистские знаки. Шел так тяжело и медленно. Не прошло и пяти минут, как начали звонить в райком, приходит, и все заявляют, что с самолета выброшен десант и, главное, около 20 человек заявляют, и все называют одни и те же цифры 20—25 человек, и одно и то же место высадки десанта. Оказалось: обман зрения.

Оказывается, на подступах к Сталиногорску стервятника встретил заградительный огонь зениток, и разрывы снарядов создавали шапку дыма, которая, рассеиваясь, шла вниз. Но до 11 ноября не было ни одного дня, чтобы стервятники не напакостили в районе. Помню, как-то один день выдался такой: часов в 8 утра один стервятник сбросил 12 бомб на разъезд Малевку и повредил полотно железной дороги. Тут же приняты были меры к исправлению повреждений. Но только рабочие принялись за работу, снова появился стервятник и стал обстреливать рабочих из пулемета. Разогнал, улетел. Рабочие снова взялись за исправление полотна. Не прошло и часа, как снова появился стервятник, сбросил еще 8 бомб, обстрелял разбежавшихся рабочих из пулемета и улетел. Две бомбы попали в полотно железной дороги, и образовалось новое повреждение. Только рабочие вышли на исправление, как в третий раз стервятник начал обстреливать людей из пулемета, и так в течение дня шесть раз, сволочь, бомбил Малевку и обстреливал рабочих. Позвонил в Тулу В. Г. Жаворонкову, попросил, чтобы прислали истребитель. Не прошло и 15 минут после разговора, как три наших «ястребка» появились над районом.

Как-то в октябре раздался звонок. Беру трубку телефона. Звонят из Красноармейского Совета и говорят, что со стороны Мишиц идут в Ломовку немецкие танки. Перепроверяем сообщение, и оказывается, что это два трактора одной нашей воинской части.

Был такой случай. Не помню, кто-то вбегает в кабинет и сообщает, что в го-

род вошли немецкие танки и пошли на Тулу. Поставил буквально весь коллектив на ноги. Актив больше часу искал по городу танки. Наконец, выясняется, что прошли два трактора «КТЗ» Товарковской МТС к райисполкому, там и встали.

Ноябрь. Тулу окружили почти кольцом. Связи с Тулой нет. Немецкая разведка стала рыскать по нашему району. Звонят раз днем, это было числа четвертого ноября. Сообщают, что в Степановку въехала немецкая разведка в количестве одиннадцати всадников, хорошо вооруженная. Даю команду председателю сельсовета следить неослабно за каждым шагом немчуры и тут же ставить меня в известность о ее продвижении. Посылаю туда шесть коммунистов: Кормилицына, Анурова, Тадонова, Юракова, Батова и Косарева. Даю задание: представится возможность взять в шоры немчуру — бейте.

Разведка, расспросив дорогу на Дубовку и Юлинку, уехала. Этот визит разведки натолкнул нас на необходимость самим вести разведку. Мы стали посылать ее в другие районы. Наша разведка ходила в Щекинский район, когда он уже был занят немцами, в Тепло-Огоровский, Дедиловский, Узловский, Воловский.

В это время бои шли в таких деревнях и селах, как Пироговка Плавского района, Суры, Сухой Ручей, Анновка, Новоселки, Богатеево, Огарево Тепло-Огаревского района, а со стороны Щекинского района немцы стали заходить и в Дедиловский. Дедиловцы форменным образом удрали, и нам пришлось выставлять свои телефонизированные дозоры с северной и северо-западной стороны. В деревнях Черная Грязь и Юлинка мы поставили телефоны и держали своих дежурных.

11 ноября. Лег отдохнуть в пять часов утра. Не помню, сколько было времени, кажется, 9 ч.30 мин., раздался оглушительный взрыв. Я со сна не пойму, в чем дело, но вижу, что одеяло усыпано осколками стекол и штукатурки. Следующий взрыв привел меня в чувство. Быстро обулся, оделся, выскакиваю на улицу, смотрю: стервятник очень низко кружит над центром города и поливает улицы пулеметными очередями. Я пошел во двор к укрытию, видимо, сволочи — фрицы видят нас, а я был не один — дают по нам пулеметную очередь, мы скрываемся в щель. Не прошло и трех минут, как он сбросил снова две бомбы, и последовал оглушительный взрыв. Обстрелял из пулемета город и скрылся. В райкоме, во всех кабинетах, стекла выскочили, уцелели только в кабинете Перекатнова.

Первый свой прилет стервятник сделал более удачным: бомбы попали в два дома по Красноармейской недалеко от райкома — он наверняка метил в райком, в домах были две семьи. Одна бомба попала во двор Госбанка, убило лошадь и одного человека; одна бомба попала в дом по улице Коммунаров, дом разрушило, три человека убиты; одна бомба жახнула недалеко от телефонной станции, не оставив целым ни одного стекла; одна шлепнулась у аптеки, но не взорвалась. Две угодили в пруд, оглушили всю рыбу.

Около четырех часов дня стервятник припосаживал снова. Сбросив груз в центре города, сволочь, удрал. Во второй налет разрушил почти и отбил угол у одного дома. Сбросил за день стервятник 14 бомб на город, разрушил 6 домов, и в остальных домах везде вылетели стекла. Убито было 23 человека, ранено 42 человека. В райкоме оставаться нельзя. Решаем переехать в трест. Вечером переехали в трест, а женскую часть работников райкома — Чебурахову, Мазурина, Нагайцеву и Шишкову (роно) вместе с нашими вещевыми мешками, кое-какими продуктами отправили в Бегичево, где у нас уже была создана база продуктов на случай эвакуации из района. Вечером жители стали вереницами покидать город. По городу пустили слух, что во время бомбежки с самолета будто бы была сброшена листовка, в которой говорилось: «Завтра, т.е. 12 ноября, мы снова будем бомбить город и предлагаем населению уйти в деревни».

Народ шел с узелками, детей несли, вели. Многие вели коров, коз. Шествие было удручающим. Часов в десять вечера в городе ни души, вернее, на улицах города ни

души. Город как будто вымер. Чувствуем, что бомбежка была предпринята с разведывательной целью, и нужно ждать разведки у самого города.

12 ноября. Переодетая немецкая разведка пробралась в город. У телефонной станции милиционеру Васюкову показали подозрительными два субъекта. Он остановил их и скомандовал: «Руки вверх!», но подпустил их так близко, что один моментально выхватил у него из рук винтовку и из нее же смертельно ранил милиционера. Оказалось, что это были переодетые немецкие разведчики. Ту сволочь, которая провела фашистов в город, задержали и расстреляли. Днем буквально мы не сидели на месте, так как немецкие стервятники весь день пролетали над городом, а мы то и дело бегали в укрытия. Весть об убийстве милиционера моментально разнеслась по городу. Нервозность стала еще больше. Вечером уходим из треста и устраиваем временно резиденцию в конторе шахтерского свеклосовхоза, как раз берем в свои руки и телефонный коммутатор.

14 ноября. Утром возвращаемся в трест. Часов в 10 утра мне позвонили и сказали, что в город пришла одна наша кавдивизия и что меня просят прийти в штаб. (41-я кавалерийская дивизия Давыдова П. М.) Направляемся в штаб: я, Бобровников, Волков и Зайцев. Ничего толково нам там не сказали, и мы ушли. День прошел спокойно.

14 же вечером, часов в 7, звонят мне и сообщают, что в Ломовку вошли немцы. Спрашиваю: «Сколько?». Отвечают: «Человек 200». Звоним в штаб дивизии. Получаем «шапказакладательский» ответ: «Утром всех ликвидируем». Часов в 9 заявляют из Ломовки: Орлов — председатель сельсовета, Комиссаров — председатель колхоза им. Степанова и Козлов — заведующий почтовым отделением. Посылаем в Ломовку разведку, и часам к 12 ночи получаем такие сведения: в каждом доме разместились по 8—10 человек. Это получается больше полка. Потом у леса, близ шахты № 59, стоят два танка и десять бронемашин. Есть артиллерия. Сообщаем эти сведения штабу дивизии. Для связи со штабом посылаю туда Батова. По ходу дела чувствую, что в дивизии уйма преступной беспечности. Батов пришел и сообщает, что начальник штаба Саркисян заявил так: «О судьбе партийного актива пусть решает вопрос секретарь РК». Звоню в штаб, прошу командира дивизии, говорят — отдыхает. Прошу комиссара — тоже отдыхает. Прошу начальника штаба — бодрствует. Спрашиваю, могу ли я надеяться, что командование дивизии проявит заботу о партактиве. Отвечает: «Нет, действуйте сами».

Труссы начинают ныть, что надо уходить в Бегичево. Я никогда не предполагал, что Прошин так сильно «празднует труса». Даю команду отдыхать. Кар. (аульным) начальником назначил Прошина. Кругом выставили посты. Свободные от караула легли отдохнуть. В 3 ч. 30 мин. (утро) 15 ноября даю команду: группами по 6—8 человек идти на Шахтерское отделение совхоза, у конторы ждать всем нас. Даю указание Прошину: группу 4—5 человек направить пешком до Бегичева. Задача: разведка дороги и местности. В 4 часа ухожу из треста с последней группой.

Горит шахта № 64. Сильный жгучий ветер. Холодно. Собираем всю группу и двигаемся в Шахтерское отделение совхоза. Предварительно здесь уже была наша разведка и предупредила управляющего о нашем скором приходе. Привели в порядок две печи, комнаты, затопили печи, выставили караул и легли хоть немного поспать. Легли уже около 6 часов утра. В 8 часов меня разбудили и говорят, что нас окружают. Такому заявлению не верю. Посылаем в то направление, куда якобы пошли немцы, группу коммунистов. Не прошло и 20 минут, они вернулись и доложили: группа красноармейцев пробирается ложиной на Епифань, идут из окружения.

Начался бой за город. Идет ружейная, пулеметная и минометная стрельба. Наблюдаю в бинокль за ходом боя. В городе торгуют магазины, работает телефонная станция, работает радио. Немцы теснят наши части. В два часа фрицы открыли артиллерийский огонь по Вязовке, и первый снаряд угодил в штаб дивизии, слетела с

дома крыша и вылетели все стекла. Штабисты выскочили, сели на автомашины, стоявшие метрах в 250-ти от штаба на дороге, и буквально удрали, не дав распоряжения бойцам или командирам об уничтожении ряда объектов: складов заготзерна, нефтебазы, хлебозавода. Немцы у бойни, уже подходят к городу. Начали бить из минометов по станции Жданка.

Даю команду поджечь склады заготзерна и нефтебазу. В три часа дня закрыли магазины. В три часа дня прекратили работу телефонная станция, последний мой разговор был около трех часов, когда я предложил оставшимся в городе товарищам отходить в Бегичево. В 3 ч. 30 мин. двинулись из Шахтерского отделения в Бегичево. Я ехал на грузовой машине Госбанка, на которой везли 7,5 миллиона рублей.

Горят нефтебаза и заготзерно. Над городом громадное зарево. Даю команду Госбанку и сберкассе двигаться по маршруту на Пензу, остальной народ подготовить к выходу в Бестужевский совхоз. Дав ряд указаний товарищам, которые по заданию РК должны остаться в тылу для подпольной работы, попрощавшись с ними, мы вышли из Бегичева. Темно. Огромная шапка-заревое висит над городом. Народ идет молча. Редко слышен разговор. На сердце тяжело, тяжело. Я никогда не думал, чтобы из Тульской области придется уходить из-за оккупации ее врагом. Угрюмые, сдвинули брови, на сердце раздумье легло: куда пойдем? где и чем кончится наш путь? что день грядущий нам готовит? Такие вопросы невольно лезут в голову. Сбились с дороги. Встал весь караван. Нервничают.

Успокоил, верховых послал узнать, где дорога. Пришлось около километра двигаться прямо по полю, чтобы выйти на дорогу. Часа в три утра 16 ноября добрались до совхоза «Бестужево» Епифанского района. Разместились с грехом пополам, чтобы хоть несколько часов соснуть. Выставили караулы. Часов в девять утра поднялись, попили чаю и двинулись в Казановку. Шофер дороги не знает. Путались часа два, пока напали на дорогу. Весь отряд приехал в Казановку часа в четыре дня. Разместились.

16 ноября. Часа в два дня заявляются: Бобренов, Перекатнов и Бобровников. Они были на шахте № 11 и говорят, что звонил им Мишин — начальник р/о НКВД и сообщил, что в Епифань вошли немцы. А я только что вылез из ванны. Даю команду выступать в Бучалки. В Бучалках расстреляли двух мародеров. Переночевали в доме совхоза и 17 ноября, часа в 4—5, двинулись в Горлово.

17 ноября. В Казановке мы уже узнали, что в Балахне повешены немецкой сволочьей Курочкин, Навольнев, Тадонов и Недосекин. В Горлове сшили себе несколько полушубков.

В ватной телогрейке ходить стало холодно, а мое кожаное пальто Возинов увез в Молотов. 20 ноября пошли с Бобровниковым в райком. Сидим, разговариваем с секретарем и предриком, в это время входит майор и сообщает, что немцы двигаются к Горлову, и они, т.е. авиачасти, получили команду сняться с аэродрома. Вечером, когда мы шли из столовой, войска из Горлова уходили.

21 ноября. Часа в три дня пришел Пожитьев и сообщил: «В Руденках немцы, это в трех километрах от Горлова». Отряд наш остался небольшой.

20/XI. Я больше 100 чел. во главе с Парфенковым направил в Серебряные Пруды в распоряжение обкома ВКП(б).

21/XI. Из Горлова выезжаем в Скопин. На ночлег остановились в д. Стрелецкая Дубрава в десяти километрах от Скопина. Ночевали в сельсовете. Утром 22/XI сообщают новость: сбежали три шофера, один с легковой машины «ГАЗ» и два с грузовых машин — одна трехтонка и полутонка. Шоферы грузовых машин свои машины изуродовали. Почти целый день возились, налаживая грузовые машины. К вечеру были вынуждены уйти в Скопин, бросив две грузовые машины, а «ГАЗик» Алферов вел сам до Скопина. Итак, лишились большого транспорта.

В Скопин приехали к вечеру 22/XI. Пообедали в ресторане. На ночлег думали рас-

положиться в тресте «Октябрьуголь», но часов в восемь вечера приходит Гуро из Скопинского р/о НКВД и сообщает: «К Скопину подходят немцы». Проверяем сообщение, его подтверждают и предлагают нам ехать дальше на Рязьск, но не по большаку, ибо есть опасность попасть в лапы немецкой разведки...

От чтения дневника Василия Родионовича мне становится грустно. Сколько здесь неприглядной трусости и мерзости! Как-то раньше и не думалось, что эвакуация людей и советских учреждений проходила так неорганизованно. Как-то терзает душу тот факт, что при отступлении, прежде всего, заботились о партактиве, о семьях начальников, которым предоставлялось первоочередное право уехать из Богородицка в далекий тыл. Но что делать — такова была жестокая правда прошедшей войны. При взятии населенного пункта фашисты выявляли в первую очередь политработников, коммунистов и членов их семей. Их тут же арестовывали, ко всем родственникам руководителей применялись репрессивные меры, все поголовно истреблялись вплоть до детей. Вот основная причина, по которой сначала эвакуировали в тыл партактив.

И еще поражает в этих записях тот факт, что даже в колонне партактива, движущейся на Рязьск, были паникеры и предатели, желавшие выдать коммунистов немцам-карателям. Отчаянно и тяжело звучит мысль, изложенная в дневнике В. Р. Ребрикова: «Утром 22.11 сообщают новость — сбежали три шофера один с легковой машины «ГАЗ и два с грузовых машин, трехтонка и полуторка. Шоферы с грузовых машин свои машины изуродовали. Почти целый день возились, ремонтируя эти машины...». Поразительный по своей глупости факт. Какие двурушники: не просто советские водители, а настоящие предатели. Предположим, испугались они, захотели уйти, сбежать от немецкой угрозы. Хотя, куда бежать-то было, все равно НКВД найдет и арестует. Велика Россия — да спрятаться в ней невозможно. Вся Россия в военное время находилась под всевидящим оком Лаврентия Павловича Берия. А он предателей и их родственников люто ненавидел и тоже не щадил.

Только сбежавшим шоферам зачем надо было портить грузовые машины? Здесь уже виден не простой животный страх, а умысел. Ну как таких предателей не стрелять — они вгоняли нож в спину сражавшемуся народу. Этих предателей и расстреливали немилосердно. Вообще, в стране с июня 1941 года по 1 января 1942 года в Советском Союзе было расстреляно и выселено в лагеря около 100 тысяч провокаторов, предателей и паникеров. Или осмысливаем другую фразу Ребрикова: «17 ноября в Казановке мы уже узнали, что в Балахне повешены немецкой сволочью: Курочкин, Навольнев, Тадонов и Недосекин». Казановка — это поселок между Епифанью и Куликовым Полем. Факт скорого ареста и казни коммунистов очень удивительный. Ведь только что Ребриков 15-го ноября разговаривал с этими волевыми бойцами партии: «Дал ряд указаний товарищам, которые по заданию РК должны остаться в тылу для подпольной работы». И тут же, через сутки, фашисты схватили этих коммунистов в районе деревни Суходол, что тоже весьма непонятно. Как эти опытные товарищи так легко были захвачены врагом? Группу возглавлял заместитель председателя райисполкома Иван Петрович Тадонов, 1904 года рождения, волевой, сильный мужчина, который пользовался особым доверием первого секретаря Ребрикова. Он не раз ходил в разведку навстречу рвущемуся врагу, был осторожен и дерзок.

Иван Петрович только в ноябре 1941 года побывал в Дедилове, Узловой, Теплом и в последние дни вел разведку в Ломовке. Он очень хорошо разбирался в оперативной обстановке и отлично знал, что враг идет по пятам отступавшей 41-й кавдивизии. Он должен был быть крайне осторожным при пешем перемещении из Богородицка в Суходол. Да и другие активисты тоже были не лыком шиты. Иван Васильевич Курочкин, 1906 года рождения, работал заведующим районным земельным отделом, Василий Иванович Навольнев, 1911 года рождения, был инструктором райкома

ВКП(б), Недосекин Иван Иванович — инструктор райзо. Осторожные они были мужики и так легко в лапы врага не должны были попасть. Но попали!

Говорят, что эта четверка дошла до окраины Суходола. Там они решили спрятаться на пустой скотной ферме, зарывшись в копну соломы. На свою беду встретили скотника, который их узнал, но вначале проявил якобы участие и даже принес самогонки, чтобы коммунисты выпили для «сугрева». Ночь ожидалась холодной, и как-то выдержать ее надо было. Ну, ребята и выпили этого самогона, не подозревая в подлости скотника, и заснули крепко под свежей ржаной соломой. А скотник, этот недобитый враг, дождался поутру немцев, встретил первых мотоциклистов на дороге и заорал:

— Я знаю, где партизаны — коммунисты, сворачивайте за мной. Они в соломе прячутся на ферме. Ненавижу коммунистов, петлю им на шею всем надо набросить — все у моего отца отобрали, голым оставили. Смерть подлюкам!

Немцы окружили и тут же повязали активистов. Непростительная доверчивость привела их к трагедии. Весь день избитые и полураздетые они сидели в амбаре. Командир батальона Артур Венцель решал, как ему поступить с партизанами, и приказал:

— Амбар разобрать на бревна, виселицу поставить посередине деревни. Повесить комиссаров немедленно. Времени нет, нам надо срочно брать Епифань, там полно еды и теплых домов, где мы с удовольствием отдохнем вместе с толстыми епифанскими девушками.

Но подошедший командир полка Иоханн Зельцберг отменил его приказ:

— Вы торопитесь, Венцель, вам быстрее хочется получить удовольствие для себя. Не будьте таким скрягой, Артур, хорошее представление, спектакль требует достойной публики. Это должно быть настоящее зрелище в стиле средневековой инквизиции. Генерал Лангерман в деревне Балахна разместил свой походный штаб. Завтра к нему прибывает сам генерал-полковник Гудериан, они будут обсуждать окружение Узловой и Сталиногорска. Они хотят наступить на задницу Сталина с востока. Ты давай, порадуй генералов этим необыкновенным представлением — повешением комиссаров, заодно покажешь и себя великолепным и справедливым судей-режиссером.

— Яволь, герр командир, мы будем режиссерами театра и красивой драмы для этих комиссаров. Это будет необыкновенное зрелище, генералы Лангерман и Гудериан станут почетными зрителями нашего театра. Картина выйдет незабываемой.

Наших бедных активистов на грузовике доставили в Балахну, и гитлеровцы начали сооружать в центре широкую двухступенчатую виселицу с упорами. К обеду блеклого ноябрьского дня она была уже готова, и на верхней перекладине ее болтались четыре петли из толстой шерстяной веревки. Подошедшая зондеркоманда, приданная 112-й дивизии, начала шмыгать по домам балахнинцев и стогнать людей. Собралась внушительная толпа, состоявшая из замотанных шальями баб, ковыляющих стариков и мальчишек.

Генерал-полковник Гейнц Гудериан действительно вовремя приехал на своем всемоде в этот день к штабу генерала Лангермана. Командующий 112-й дивизией генерал Фридрих Мит деловито предложил Гудериану:

— Герр генерал, мои ребята арестовали группу очень важных местных комиссаров. Они держали в этих краях власть и издевались над народом. Надо показать населению, что власть комиссаров и коммунистов ушла навсегда в никуда, теперь власть и порядок олицетворяем мы, истинно миролюбивая и заботящаяся о простом народе немецкая нация. Гудериан не стал возражать, он знал, что без крови и насилия сильного государства не построить. Ведь Гитлер приказал всем генералам вермахта: «Мы обязаны физически уничтожить эту красную большевистско-еврейскую власть в России, не проявлять никакого снисхождения к комиссарам и коммунистам, очистить от гнусной заразы все пространство вокруг Германии». Гудериан стоял недалеко от ви-

селицы, прямой и невозмутимый, его голубая шинель была расстегнута, и красный лацкан воротничка горел на груди, как кровавое сердце. Ничто не отразилось на его лице, когда подвезли на машине замученных, забитых почти до смерти четверых мужчин. Они для Гудериана были не люди, они были околodорожной грязью, мешающей германскому блицкригу двигаться к победе. Он снял замшевую перчатку с руки, взмахнул ей, обрекая на смерть несчастных. И казнь состоялась.

Генерал Фридрих Мит деловито предложил:

— Спектакль разыгран в лучшем стиле саг о нибелунгах. Сила нормандского духа и твердости выражена достойно. Пусть все русские думают, что так будет с каждым, кто осмелится нам противостоять! Хайль Гитлер! А теперь я приглашаю вас, герр генерал, в мою походную палатку отобедать. Эта чересчур натуральная картина казни комиссаров вызвала у меня спазм и голод, хочется мяса и шнапса, — Фридрих Мит оскалился, показав ряд желтых крупных зубов.

— В этой гадкой России все плохо: плохая погода, плохой мороз, плохие дороги, плохие люди, но есть и хорошее, однако. Хороши в России крестьянские молодые курочки и петушки, их ешь со сладостью и удовольствием. Я велел солдатам сегодня отобрать у местного населения кур, и мой повар приготовил для нас рагу из молодых петухов. И отличный шнапс у меня тоже найдется! Будет много удовольствия, герр генерал!

Только после поражения Германии во II Мировой войне и Нюрнбергского процесса — суда над верховным командованием гитлеровской армии, в 1953 году Гудериан стал критиковать приказы Гитлера о применении насилия, вплоть до казни, к большевикам и комиссарам и ко всему гражданскому населению в оккупированных странах. Гудериан писал: *«Незадолго до начала войны на восток, непосредственно в корпуса и дивизии поступил приказ верховного командования вооруженных сил относительно обращения с гражданским населением и военнопленными. Этот приказ отменял обязательное применение военно-дисциплинарных законов к военнослужащим, виновным в грабежах, убийствах и насилиях гражданского населения и военнопленных, и передавал исполнение наказания провинившихся в этом солдат на усмотрение непосредственных командиров».*

Такой приказ мог способствовать лишь разложению дисциплины. Этот приказ никогда не применялся в моей танковой группе. Другой приказ, также получивший печальную известность, так называемый «приказ о комиссарах» вообще никогда не доводился до моей танковой группы. «Приказ о комиссарах» не применялся в моих войсках».

Примечание: «Приказ о комиссарах», официальное название: «Директива об обращении с политическими комиссарами» издан верховным командованием 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления». Поправ нормы права, принципы морали и традиций, этот приказ стал своего рода лицензией на безнаказанность за убийства и одновременно инструкцией к их осуществлению.

Только в 1953 году Гейнц Гудериан осознал горечь «величайшего позора», легшего на всех немцев, за их расстрелы и повешение невинных граждан без суда и следствия. А в 1941 году он не запрещал вешать и расстреливать, чем повально и занимались руководимые им войска. Гудериан присутствовал на многих казнях и приветствовал действия зондеркоманд и айнзацгрупп. В его голове всегда присутствовал всепрощающий посыл: «Если об этом говорит фюрер, об обсуждении не может быть и речи».

Поговорим теперь о том, как жили и выживали богородчане под немцами в период оккупации района в 1941 году, с 15 ноября по 15 декабря. Вот здесь мне трудно рассказать что-то новое. Сам я рожден после войны, в 1948 году, в селе Михайлов-

ское Куркинского района, в Богородицке родственников не имел, и из рассказов матери (отец на фронте был) слышал только об оккупации сел Михайловское, Ростово, Коломенское и деревень Рыльское, Крамское, Покровка. Я считаю лучшим свидетелем оккупации фашистами Богородицка и Товарковского района жительницу города Введенскую Варвару Георгиевну — заслуженного учителя, поэтессу, патриотку. Она родилась в Богородицке в 1933 году в семье врача. В свои 8 лет (на начало войны) она осознала суровость лихолетья, запоминала и не по-детски анализировала события. Введенская на протяжении всей своей долгой жизни собирала сведения о зверствах фашистов и изложила записи в двух историко-литературных альманахах «Богородицкие были» и «Богородицкие были — 2».

Введенская подробно описала жизнь в Богородицке во время оккупации: черная, голодная и очень страшная. Мало того, что в ноябре-декабре и так самые короткие хмурые дни, так еще не работали электростанции. Дома круглые сутки были темны, мало кто по вечерам зажигал керосиновые лампы, чтобы не привлекать внимание немецких патрулей. Комендант города вывесил повсюду приказы о соблюдении немецкого порядка, о сдаче имеющегося оружия, о партизанах и пособничестве им. И за все нарушения полагался расстрел. Люди замерли в ожидании страшного горя и зря не ходили по улицам. Магазины все равно не работали, больница была закрыта. Мертвая стынь погела по всему району. Начались расстрелы и казни военнопленных красноармейцев, скрывавшихся солдат, отставших от своих частей, пойманных коммунистов и руководителей предприятий.

Гитлеровцы организовали в Богородицке два концентрационных лагеря для военнопленных, захваченных передовыми немецкими частями в боях под Узловой, Епифанью и Сталиногорском. Один лагерь был устроен в центре города, на конном дворе. Вот слова очевидца, записанные Введенской:

— Видим, по Площадной и по обочине дороги движется огромная толпа людей. Когда они приблизились, мы с ужасом поняли, что это наши пленные солдаты. Через два дома от нас конный двор. Немцы загнали туда пленных и начали бесчеловечно их бить задвижками. Раздавались страшные крики, стоны, вопли. Было жутко все это слышать, а тем более видеть. Это было так жестоко, так бесчеловечно.

Второй лагерь для военных был устроен на восточной стороне малого пруда, на центральной усадьбе свеклосовхоза. 17 ноября фашисты пригнали сюда наших пленных, примерно 300—400 человек, поместили их в клубе. Второй этаж, как говорится, был набит битком. Кормили пленных один раз в сутки. У нас на колхозном складе осталось необрушенное просо, а его, сколько не вари, все равно не разварится. Перед нашим домом небольшой пруд, пленным привозили из него воду и варили в нем просо. Этот так называемый суп разливался в хлебные формы, одну форму давали на четырех человек. Ложек не было, пили прямо из формы. Кто посильнее и понахальнее, пили больше, а слабым и вовсе не доставалось. Изможденные красноармейцы еще больше слабели и умирали. Охраняли их пять немцев, они жили тут же в лагере.

Фашисты нередко жутко развлекались: поставят банку и стреляют в нее разрывными пулями, банка разлеталась на кусочки. Но этого им было мало. Однажды вывели на улицу одного из пленных. По-видимому, это был комиссар, они решили его расстрелять для устрашения других, а может быть, просто для потехи. У нас здесь перед прудом была зигзагообразная траншея, ее вырыли в самом начале войны. Фашисты поставили этого пленного на край траншеи и три человека одновременно, по команде, выстрелили ему в голову разрывными пулями. Голова несчастного разлетелась на мелкие кусочки. А потом заставили мою мать и других женщин закопать труп в этой траншее.

В городе распоряжались полиция и прислужники немцев из числа продажных русских обывателей. Нагло ходили по домам и квартирам, производили обыски, начали повсеместно конфисковывать теплую одежду и другие понравившиеся предметы. В

городе установили две виселицы, на которых вешали пойманных «партизан» и людей, у которых находили оружие, даже охотничье. По указанию полицейского партизаном мог быть назван любой сопротивлявшийся мужчина, немцы в это, не сомневаясь, верили. Приведу факт из книги В. Введенской: «Два наших деревенских прихвостня (дело было в Спасском близ Коптевки) подрядились служить немцам. Естественно, они вызывали негодование со стороны односельчан. И однажды подрались два других мужика — Миленкин Никифор и Белоглазов Герасим (не поделили что-то дураки меж собой). А тут подошли эти прихвостни, и Никифор с Герасимом стали вместе бить негодяев, оказались сильнее их, отколотили обоих. А прихвостни пожаловались немцам, что на них напали партизаны. Фашисты тут же схватили мужиков и отвезли в Богородицк. Немцы опять сгоняли народ для устрашения горожан казнью — они были зловещими психологами, не где-нибудь повесили «партизан», а прямо на месте порушенной Покровской церкви, где сейчас стоит часовня. Считали себя христианами, а на самом деле были исчадием ада. Оттого Господь и не поверил фарисейству фашистов: вскоре практически всех настигла мучительная смерть в заснеженных полях близ Епифани и Богородицка.

А зверств совершили фашисты в Богородицке, Товаркове, других населенных пунктах района большое количество. В поселке Товарковском (в то время он назывался поселком Каганович) был зверски убит знатный шахтер Дмитрий Иванович Рублев, инициатор скоростного метода проходки штреков при помощи врубовой машины. Вместе с ним фашисты замучили и расстреляли председателя профкома шахты № 20 Петра Тимофеевича Смирнова и его сына Георгия. Были расстреляны как партизаны: Дмитрий Афанасьевич Коротких, рабочий шахты № 28; забойщик Дмитрий Ашбанов. Расстреляли шахтеров Ивана Николаевича Лепнева и Ивана Георгиевича Пряхина. В Товаркове казнили комсомольцев: Мурзина Ивана, Смирнова Юрия, Абрамова Николая, Жерздева Алексея. Среди казненных были и женщины-активистки: Зуевы Фекла, Евдокия и Екатерина, Тюренкова Анна, Шишкова Елена. Погибли комсомольцы и коммунисты 5 декабря — в День Конституции, накануне наступления Красной Армии.

Немцы запрещали снимать с петель повешенных и хоронить их. В Богородицке казненные висели почти месяц, а в Товаркове чуть меньше. И генерал Гейнц Гудериан еще писал в своей книге, что он не отдавал приказы и запрещал казни мирных граждан в зоне наступления своей армии. После всех злодеяний, совершенных немцами в России, уместно задать вопросы: «А сколько виселиц поставили в Германии русские солдаты? Сколько мирных людей, не солдат, повесила Красная Армия в городах Германии? Ведь там тоже оставались идейные борцы против большевиков, они брали оружие и стреляли нашим в спину. Так почему же, имея право применять к сопротивлявшимся немцам те же методы, что и они творили в России, мы этого не делали? Не говорит ли это о том, что в душах и сердцах немцев было заложено больше животного зверства, чем у людей других национальностей, особенно у русских?».

Фашисты подвергали насилию и все сельское население района. Выгоняли из жилищ людей на мороз, отбирали скот и продукты, расстреливали людей в случае неповиновения. Богородицк был и продуктовым складом для всей 2-й танковой армии Гудериана, здесь находились провиант, снабженческие роты, транспорт. Еды фашистам не хватало, фронт требовал ее много и поэтому обозчики повально убивали крестьянский скот повсюду, во всех деревнях, и отправляли мясо на фронтовые кухни.

Вот еще примеры из записей Введенской.

Село Бахметьево. Немцы, как только пришли, стали сразу заходить в каждый дом. А если дверь была закрыта, они ее выбивали. Спрашивали яйца, мед, валенки, одеяла, шали, шапки. К нам вошли с первого раза сразу много человек. Один сразу снял с престарелой бабушки валенки. Ночевали немцы у нас редко. А чаще придут на лошади несколько человек, отберут что-нибудь из скотины и уезжают.

Село Иевлево. Дом, в котором жила наша семья, был небольшой, всего одна комната, пол земляной. В комнате русская печка и лежанка. Там разместились фашисты, спали они на полу, на соломе. Немцы были очень вшивые. Помню, они ловили на деревне кур, топили лежанку и варили суп из кур. Куры были старые и плохо уваривались. Вода выкипала, они подливали холодную. Но все равно мясо куриное было жесткое. Фашисты снимали с себя гимнастерки, усаживались вокруг стола в одних нижних рубашках, разрывали кур и этими же руками тут же за столом били вшей и ели мясо.

В деревне Крутое расстреляли девушку, носившую короткую прическу, ватник и брюки,— решили немцы, что она партизанка. В селе Папоротка был убит сын председателя колхоза, а в деревне Кашеевка расстреляли двух парней призывного возраста.

И деревня Павловка была оккупирована фашистами. Вошли немцы без боя и сразу отобрали у людей весь скот. Расстреляли двух подростков и сожгли все дома. А за что расстреляли, непонятно было — просто так, для устрашения остальных.

В село Кузовку немцы вошли в ноябре. Шли потоком через село на Товарково. На ночь селились по крестьянским избам, вели себя жестоко, убили старушку с внуками, насиловали женщин. У всех крестьян отобрали скот. При отступлении немцы сожгли более двух третей жилых домов. 15 декабря Богородицк был освобожден.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ РАССКАЗ

Михаил Смирнов
(г. Салават, Башкирия)

ХОЗЯЙКА ЗДЕШНИХ МЕСТ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

До деревни, куда Романа с бригадой отправили на две недели в командировку, добрались глубокой ночью. Весь день провели в дороге на стареньком автобусе. Часто останавливались на перекур, выходили из автобуса, чтобы размять ноги и подышать свежим воздухом, шофер, чертыхаясь, подолгу ковырялся в моторе с добровольными помощниками, а остальные уходили на обочину, рассаживались на траве и ждали, когда крикнут, что пора опять в дорогу. И тогда торопились занять места в старом изношенном автобусе, и потихонечку трогались в путь.

В сумерках проехали райцентр. И еще долго петляли по проселочным дорогам. Свет фар выхватывал из тьмы лес, стоящий стеной, а вот мелькнули склоны горы, перед автобусом засеребрилась мелкая речушка, брызги взлетели, вспыхивая искрами, и речка осталась позади. И снова кусты, деревья и заросшие склоны гор, где редкий раз пятнами выделялись полянки. Дорогу перебежала собака. В автобусе загудели, откуда она взялась, но шофер, не оглядываясь, буркнул, что это был волк, они частенько встречаются в здешних местах, а суровыми зимами бывает, что заходят в деревни. Разговоры стихли. И все прильнули к окнам, в надежде, что снова увидят волков. Но вскоре далеко впереди мелькнули редкие огоньки. Это была деревня, куда Романа отправили в командировку. Дорога запетляла по полям. Свет фар то упирался в землю, то смотрел в темное небо, словно пытаясь осветить его, и снова автобус ухал, съезжая с очередного пригорка. А вот снова, когда взобрались на очередной бугор, в ночной тьме вспыхнули редкие огоньки. И вскоре мелькнула изба в тусклом свете. За ней вторая и третья. Автобус заскрипел старыми рессорами и остановился. Шофер вышел. Долго с кем-то разговаривал в ночи, потом развернулся на ухабистой дороге и подъехал к крайнему дому, что стоял на отшибе. Все, добрались...

Вплотьмах, ударившись о низкую притолоку, Роман, потирая лоб, зашел в небольшую старую избу. Возле печи стояла старушка: маленькая, словно подросток, сгорбленная, лицо сплошь в морщинах, темный платок на голове, в кофте и широкой темной юбке.

— Проходите,— надтреснувшим голосом сказала она.— В горницу проходите. Думала, раньше приедете. Я уж чугунок пустых щей сготовила, чай несколько раз подогревала, а вас нет и нет. Все выходила на крыльцо, поглядывала на дорогу. Я уж решила, что завтра появитесь, гляди ж ты, глухая ночь на дворе, а они только приехали. И где же вас носило-то столько времени?

И принялась вытирать руки об фартук.

— Автобус такой выделили, что пешком быстрее доберешься,— буркнул Роман, прошел в горницу и остановился, осматриваясь.— Думали, не доберемся...

Он стоял, осматривая при тусклом свете лампочки небольшую и низкую горницу. Стол возле окна и две табуретки, да еще печка-голландка и все. Да на полу лежали матрасы, застеленные простынями, какими-то занавесками, вместо простыней, и высились стопка разноцветных одеял. Видать, со всей деревни собирали. На неровных стенах несколько фотографий, а в красном углу на божнице виднеется темная икона. Здесь предстояло прожить две недели.

— Чаек пошвыркаете или как? — заскрипела бабка Авдотья и протяжно зевнула, прикрывая ладошкой беззубый рот.— Председатель сказал, что утром заедет. Он уже несколько раз приезжал. Все ждал, когда появитесь. А потом махнул рукой и подался на дальний покос. Сказал, утром заглянет.

Мужики, приехавшие в командировку, тоже зазевали, глядя на нее.

— Спать хочу,— сказал Роман, растирая лицо ладонями, и мотнул головой.— Ух, аж качает, словно еще в автобусе едем. Устали как собаки, пока добрались.

Сказал и передернул плечами.

Он прошел вдоль матрасов, выбирая место, потом кинул сумку в изголовье крайнего матраса, что был возле окна, стянул куртку, разделся, взял одеяло и плюхнулся, укрываясь, а вскоре засопел, не обращая внимания на товарищей. Некоторые ушли на кухню, чтобы налить чай, а другие расположились за столом, достав бутылку, лишь некоторые, как и Роман, побросали вещи и, не обращая внимания на свет, на тихие разговоры, завалились спать. Устали...

Ранним утром, когда за окнами истошно загорланил чей-то шальной петух, взлетевший на кривой забор и захлопал крыльями — зарядку делал, а может себе аплодировал, а вслед за ним устроили перекличку другие, стараясь перещеголять друг друга, Роман проснулся. С недоумением прислушался, окинул взглядом низкую избу, видать спросонья не мог сообразить, куда он попал, а потом громко зевнул и поднялся. Натянул джинсы и, протирая глаза, Роман вышел на крыльцо. Ночью из автобуса и сразу в избу, да и темень такая, хоть глаз выколи и даже по сторонам не смотрели, куда завезли. У всех одно желание было — отдохнуть. А сейчас, выйдя на крыльцо, Роман потянулся, зевнул и застыл с приподнятыми руками, осматривая огромное ромашковое поле, которое протянулось неподалеку от леса. Дорога, петляя по полям, скрывалась в лесу — это через него ехали, по стеклам и крыше хлестали толстые ветви, того и гляди разобьют, а при свете фар были заметны толстые деревья, растущие сплошной стеной. Дорога через лес, на которой две машины не разъедутся, она словно по тоннелю пролежала: зеленому, извилистому — загадочному. Поездка в тридцатое царство... И правда что — тридцатое. Загнали к черту на кулички, словно поближе места не было. Но ничего не поделаешь — это подшефный колхоз. Роман снова потянулся, оглядывая поле, что было рядом с деревней. Оно золотом горело в утренних лучах солнца, а за ним виднелась далекая темная опушка леса. И вокруг деревни холмы, горы, заросшие густым лесом, редкий раз видны проплешины полян, да заметны проселочные паутинки дорог.

— Эх, ребята, гляньте, красота-то какая! — сказал Роман, когда кто-то из ребят вышел на крыльцо, и обвел оком, словно был хозяином его.— Взгляните, как в сказку попали!

— Я все бока отлежал на полу, а ты говоришь, что сказка,— недовольно провор-

чал Алексей, взглянул на часы и поежился, — Что-то прохладно. В городе бы вовсю жарило солнце в это время, а тут еще не раскочегарило. И что красивого увидел — не понимаю! Трава, она и в Африке — трава!

Протяжно зевнул и зашел в избу, плотно притворив дверь.

Роман остался на крыльце. Двор огорожен слегами. Некоторые сломались, другие провисли, едва держась и, казалось, дотронься и они свалятся. Старый покосившийся сарай с худой крышей. Дверь сорвана с петель. Кто-то приставил ее к стенке. Две белых курицы мелькнули и все. Не слышно мычания коровы или хрюканья свиньи. Две курицы — это вся животина, а еще пара ульев виднеется в дальнем конце огорода. Двор, заросший сорняками. Вон, какой репейник вымахал. Заденешь его, вцепится, и не вырвешься, а тут крапива чуть не в рост человека стоит. Только сунься в нее! Сразу будто кипятком ошпарит. За низким заборчиком огород. Несколько кривых грядок. Лук виден, а там стрелки чеснока. Среди сорной травы плети тянутся — это тыква растет. Позади грядок картошка посажена. Вроде бы лето теплое, а кусты чахлые, а может некому ухаживать. Вдоль забора из слег тянется старая дорога. Колея заросшая. Редко по ней ездят. Вдали, что за островками кустов, видны холмы и горы. Казалось, вот они, буквально рядышком. Пройди немного и упрешься в крутой склон...

— Здоров были, — с улицы раздался густой бас, скрипнула калитка, и во дворе появился невысокий, худощавый мужичок в фуражке, надвинутой на глаза, в пиджаке, рубашка застегнута под ворот, засаленные пузырястые штаны и запыленные стоптанные сапоги. — Нормально добрались? Все устроились? Вчера поздно вернулся. Не стал беспокоить. Я председатель, Николай Семеныч Голубев. Можно просто — Семеныч...

Сунул Роману жесткую руку, стащил фуражку с головы и прошел в избу.

Роман заторопился вслед за ним.

— Здоров были! — донесся тягучий бас, и Роман увидел, как председатель остановился в дверях, осматривая горницу и бригаду. — Так, сколько приехало? Ага... Это хорошо! Всем работа найдется. Какая, говорите? Да любая, какая будет! Работы непочатый край, а вот работников маловато. Есть пьющие? Ага... Вы уж особо не налегайте на эту заразу. Прошлый месяц приезжали командированные. Неделю побыли, и пришлось обратно отправлять. Неделю не просыхали! Здесь работа стоит, а они лыка не вяжут. У нас свои такие есть. Не знаем, что с ними делать, а тут еще из города прислали. От, радость-то какая! — сказал он и тут же хмуро буркнул: — В общем, работайте, если приехали работать, а не хотите, можете уматывать. Никого не станем держать. Скатертью дорога!

— Ну, ничего себе — прием! — кто-то воскликнул из угла. — Не успели приехать, а нам оглобли заворачивают.

— И, правда, Семеныч, хватку-то ослабь, — задребезжал голос бабки Авдотьи. — Все ж чужие, а ты сразу кошки-дыбошки. Охолонись чуток...

— Я еще не начинал, чтобы прохладиться, и они не баре, чтобы перед ними спину гнуть, — буркнул председатель. — В общем, жить будете у бабы Авдотьи. Не обижайте старуху. Продукты будем выделять. Сами готовьте. У нас поваров нет. Сегодня отдыхаете и устраиваетесь с дороги, а завтра с утра пораньше машину пришлю. Веткормом займемся. План скинули. Будете ездить в лес, ветви готовить. Инструмент получите. И не теряйте. С каждого спрошу. Старшего назначу. Мы работаем от зари и до зари — это не город, так что привыкайте. Все, я поехал, а вы можете отдыхать. Завтра ждите машину.

И вышел, захлопнув дверь.

— О, с устатку выпить нельзя, — протянул кто-то. — Круто берет председатель, но забыл, что мы чужие.

— Ладно, не болтай, — следом оборвал другой. — Работать приехали, а не отдыхать.

— И правда, ребятки, не держите зла на нашего Семеныча,— снова раздался голос старухи.— Он с виду хмурый и грозный, а на деле хороший и заботливый — страсть! Привыкните к нему...

И пошла работа. Утром, едва начинало светать, ко двору бабы Авдотьи подъезжала грузовая машина. Торопливо позавтракав, бригада начинала грузиться. Забрасывали в кузов топоры и секачи, поднимали одну-две фляги воды, кричали поварам, чтобы не опаздывали с обедом и, громыхая разболтанными бортами, машина направлялась в сторону леса. И вечером, когда уже темнело, возвращались в деревню. Наскоро умывшись, усаживались за большой стол, медленно ужинали. Наверное, даже не обращали внимания, что было на столе, до такой степени уставали на заготовке. И, отвалившись от стола с перекуром, тянулись друг за другом в избу, скидывали одежду, валились на матрасы...

И так всю неделю. С утра уезжали, а вечером, едва живые, возвращались. Ближе к выходным мужики забастовали. Все хотели отдохнуть. Всего лишь денек и хватит, а потом можно опять в лес подаваться на заготовку веткорма. Семеныч долго кричал, наблюдая за мужиками. Где уж тут пить, если сил не хватало, чтобы нормально поужинать. А потом дотащиться бы до матраса и упасть, на ходу засыпая.

— Ладно,— буркнул председатель.— Дам денек на отдых. Можете отсыпаться, а лучше помойтесь. Что-то грязью заросли. Скоро кусками начнет отваливаться. И бельишко бы простирнули да заштопали, а то сверкаете голыми задницами, будто вас собаки драли,— и басисто хохотнул.— Это вам не город, где восемь часов отдали на производстве и трава не расти. В деревне от зари и до зари, а в летнее время уходишь и не знаешь, когда домой вернешься. День год кормит, как говорят. Ну ладно, мужички, отдыхайте,— он махнул рукой и поднялся.

— Это...— Роман привстал, останавливая председателя.— Семеныч, а речка есть? Неделю живем и в глаза еще не видели.

— А что ее искать-то? — удивленно посмотрел председатель и махнул рукой.— Да вон же она, где склон горы виднеется! За огородами пройдите по низинке и упретесь в нее. А что хотели?

— Это...— Роман снова запнулся и кивнул.— Порыбачить бы... Рыба-то водится? Я на всякий случай прихватил снасти.

— Рыба есть,— устало сказал председатель.— У нас речка норовистая. Ямы и перекаты, омуты и мели. В одном месте рыбу ведром черпай, а в другом ни одну не увидишь. А что, на рыбалку собрались?

И взглянул с интересом на Романа.

— Да, хотелось бы порыбачить,— закивал головой Роман.— И на речку посмотреть. Я впервые в этих местах. Хочу взглянуть, какая рыба водится. Ну и вообще...

И неопределенно покрутил в воздухе пальцами.

— Да всякая есть,— опять махнул рукой Семеныч.— Нам-то, взрослым, не до рыбалок, а мальчишки бегают. Да вон, зайди к соседу. Спроси Алексей Петровича или Алешеньку — это сынок его. Он занимается рыбалками. Любого мужика за пояс заткнет. И не смотри, что мальчишка. Ох, толковый! — уважительно сказал председатель и покачал головой.— Шустрый малец! Всю речку вдоль и поперек облазил. Каждый омут с закрытыми глазами найдет. Про каждую рыбку расскажет такого, что в книгах не встретишь. Говорю же, головастый растет — страсть! Но учти, малец с характером. Чуть что не так, сразу от ворот поворот. Поговори с ним. На меня сошлись, при случае. Авось согласится взять с собой. Ну ладно, отдыхайте, а я еще ваш инструмент отдам, чтобы заточили,— он взглянул на Романа и снова повторил: — Ты зайди, поговори с Алексей Петровичем...

И направился к телеге, хлопывая кнутом по сапогу.

Роман следом за ним подался, долго разговаривал с соседским мальчишкой, которого, как он заметил, многие уважительно называли Алексеем Петровичем, и обра-

довался, когда малец кивнул головой, соглашаясь взять на рыбалку, но предупредил, чтобы не опаздывал, иначе один уйдет. И Роман заторопился к себе, потом весь вечер просидел на кухне, разбирая рюкзак и прихваченные с собой снасти.

А утром, едва стало светать, Роман с Алешенькой пошли на рыбалку. Алексей Петрович, пока шел по заросшей колее вдоль огородов, ступал степенно, уверенной походкой, на вопросы отвечал с ленцой, как бы показывая, что он тут хозяин. Одно-два слова буркнет и молчок. А вышли за деревню, Алешенька не удержался. Сверкая голыми пятками, он вприпрыжку помчался впереди Романа, придерживая на плече пук коротких удилищ. Охал, когда задевал крапиву или обдавало его холодной росой, приостанавливался, хмуро смотрел на Романа, словно подгонял его взглядом, а потом снова мчался по узенькой заросшей тропке.

Роман неторопливо шагал вслед за ним, хотя и его подмывало бросить удочку, подсумок со снастями, пробежаться по росной траве, заорать что-нибудь невразумительно-восторженное, потом отбросить снасти в сторону и упасть на росную траву. Затаить дыхание, прислушиваясь, как в кустарнике вовсю заливаются соловьи, а потом перевернуться на спину, заложить руки за голову и смотреть в рассветное небо, которое уже местами зарозовело, а там еще сероватый оттенок виднеется, но еще чуть-чуть, всего лишь мгновение и по небу протянутся солнечные дорожки, сначала несмелые — там одна, здесь одна, а в том месте за облаками скрылись, но пройдет немного времени и полыхнет солнце, заливая золотом округу. Это новый день пришел...

Алешенька бежал впереди Романа и вдруг исчез в большой низине, сплошь заросшей высокой травой. Роман сунулся следом за ним и остановился на мгновение, осматриваясь. Удивленно качнул головой, рассматривая высокую траву. Он впервые увидел такую. Толстые стебли, чуть ли не с палец, а может и поболее будут, они поднимались выше него, покачивая своими метелками, а до некоторых верхушек с трудом можно было дотянуться. Роман скрылся с головой в этих непроходимых зарослях, и ему показалось, словно он попал в книгу «Страна дремучих трав», которую в детстве читал. Оглянись, и увидишь гигантского кузнечика, который, оглушительно застрекотав, пронесся над головой, или огромную божью коровку, что запуталась среди стеблей и ворочается, пытаясь выбраться. И Роман невольно приостановился, оглянувшись, прислушался, но доносился лишь шорох листьев и шуршание метелок. Он опять зашагал по узкой тропке, которая едва была видна в высокой гигантской траве, вокруг него был густой запах влажной земли и травы, и все это смешивалось в такой аромат, что Роману хотелось подольше задержать в себе воздух, чтобы вдосталь насладиться удивительным привкусом природы. И Роман не удержался. Приостановился. Глубоко вдохнул и затаил дыхание, прислушиваясь к шороху травы над головой, к редким возгласам Алешеньки, который мчался где-то впереди него, скрывшись в высокой сказочной траве, а еще он прислушался к себе, к своей душе, и ему захотелось закричать громко, протяжно, восторженно. Но Роман потихонечку выдохнул, покрутил головой, продолжая осматривать высоченную траву, опять удивленно мотнул головой, правда, как в сказке, и неторопливо направился вслед за Алешенькой...

Едва вынырнув из страны дремучих трав, Роман тут же попал под широкие кроны неохватных дубов, которые раскинули свои корявые ветви-руки во все стороны. Словно переплетаясь между собой, они как бы образовали над головой единую густую крону, сквозь которую не пробился бы даже солнечный луч. Летний рассвет, а вокруг сумрачно и зябко. И опять влажный запах земли и пожухлых листьев, и снова захотелось вдохнуть и задержать в себе воздух. Роман мельком взглянул под ноги, где повсюду лежал толстый ковер из желудей, по которым ступаешь, а под ногами едва слышный хруст.

Вскоре между необъятными дубами сверкнула вода под первыми лучами солнца. Роман заторопился, заметив, что Алешенька стоит на опушке и ждет его, то и дело

посматривая на речку, а потом замахал рукой и приложил палец к губам, как бы предупреждая Романа, чтобы не шумел.

Роман вышел на опушку. Дубы, словно спускались поближе к речке, чтобы полукружьем обступить омут, как будто хотели скрыть его от постороннего взгляда. Не каждый может прийти сюда, не каждому разрешено ловить в омуте, как бы они хотели сказать. И правда, со стороны взглянешь и не догадаешься, что за ними находится знаменитый бездонный омут, о котором весь вечер рассказывал этот малец. И вот он, перед ними. Роман, стараясь ступать потише, подошел к мальчишке, стоявшему на краю небольшой полянки, сплошь заросшей высокой травой и разноцветьем. И опять Алешка приложил палец к губам, кивнул и подошел к краю небольшого обрыва. Вытянув шею, заглянул в омут, словно хотел что-то рассмотреть.

— Она здесь,— Алешка не удержался и прошептал, ткнув пальцем в сторону омута.— Здесь, я точно знаю...

Прошептал и опять вытянул шею, а потом присел в траве, словно не хотел, чтобы его заметили.

— Кто — она? — хмыкнув, сказал Роман.— Рыба, что ли? Так где ж ей быть, как не в речке.

И не удержался, засмеялся.

— Тише, тише,— чуть ли не зашипел Алешенька, нахмутив белесые выцветшие под солнцем бровки.— Не рыба, а она — хозяйка здешних мест. Преогромная щука! — он не сказал, а выдохнул, раскидывая руки в стороны, но казалось, что его рук недостаточно, чтобы показать настоящую длину этой рыбины.— Наши мужики уже столько крючков и блесен тут оставили — не счесть! Ни разу не вытащили. И донки опускали. Сетями перегораживали, а она словно чувствует. Ни разу не схватила наживку и не попала в сети. Не дается в руки и все тут! Я однажды хотел глубину измерить. Всю катушку размотал, а дна не достал. Бездонный омут. Правду говорю, бездонный. А она живет тут. Кто-кто... Щука — хозяйка реки!

— Да ну, болтун,— отмахнулся Роман и внимательно осмотрел речку, которая кружила между кустами, одна сторона задевала обрывы, а другая тянулась вдоль заросших гор, где-то сплошь лес, а там каменистый обрыв уходит в воду, а в том месте лужайку видно на склоне, и снова стена леса и речка словно обнимает горы, ласкается к ним, под защиту просится, чтобы никто ее не обидел, а она будет журчать-нашептывать, и нести свои воды в дали неведомые. Смотришь на речку, где-то виднелась мель, а под берегом чернела вода, а там разговаривал перекат, и за ним снова начиналась глубина. Вроде бы и правда щучье место, но чтобы такая водилась, про которую Алешенька рассказывал,— это похоже на сказку. Не может такого быть, сколько лет ее ловят и не могут поймать. Но в то же время, если подумать, зря же не станут говорить. Значит, живет щука, но, скорее всего, куда меньшего размера, чем показывают рыбаки. А они-то уж преувеличить горазды!

И снова хмыкнул.

— Если не веришь, можешь уходить,— заворчал малец.— Я не звал тебя. Сам напросился.

Алешенька обиженно засопел. Отвернулся от него и принялся развязывать пук коротких удилищ, на которых была заметна толстая леска, большие кованые крючки и массивные самодельные поплавки.

И снова не удержался Роман, взглянув на его удилишки.

— А кого ловить собираешься, Алексей Петрович? — с ехидцей сказал Роман, кивнув на разнокалиберные удилища.— Не иначе, сома или кита. Они тоже водятся в вашей речке?

И засмеялся.

— И нечего хихикать,— заворчал Алешка, словно старый дед, и шмыгнул носом.— В нашей речке всякая рыба ловится. К примеру, не только пескаррики и вер-

ховка с сорогой, но даже форелька есть. Мы называем ее пятнушкой — это из-за маленьких пятнышек по бокам. Я всю речку с мальчишками облазил. Каждую ямину проверил. Взрослые мужики советуются со мной, а ты смеешься. Если бы знал, ни за что не пошел бы с тобой на рыбалку. С такими ходить, только время тратить.

Отмахнувшись, он снова обиженно засопел. Отвернулся от Романа и принялся ловко насаживать наживку на крючки и забрасывать в омут. Пригнется, чтобы его не видно было из травы, потихонечку опустит леску с крючком в воду, аккуратно положит удилище на краешек маленького обрыва и камнем прижмет на всякий случай. И все это так быстро проделывал, что Роман с удивлением наблюдал за ним, понимая, что не каждый взрослый рыбак сравнится с этим мальчишкой. Наверняка родился с удочкой в руках.

Роман приготовил свои снасти. Хотел было тонкую леску поставить, но засомневался, поглядывая на мальчика. Смейся не смейся, но пацан знает эти места куда лучше его. Ведь не зря сам председатель уважительно по имени и отчеству назвал его и посоветовал обратиться к нему. И в разговоре председателя не было ни тени насмешки, а наоборот — уважение и ласка. Роман мотнул головой, непроизвольно взглянув на мальчика, который сидел в густой траве, лишь белобрысая голова была видна да изредка рука, перебрасывающая снасть. Всплеснет вода при забросе и снова тишина.

Роман засомневался, а потом снастил две удочки. Одну сделал с толстой леской, привязал самый крупный крючок, какой нашелся в запасниках, поплавок потяжелее и грузило, понадежнее наживку, чтобы не слетела, и, подойдя к краю обрывчика, сделал заброс, наблюдая, как грузило утаскивает за собой леску, и так же, как Алешка, положил массивное удилище на землю и сверху придавил камнем. Так, на всякий случай... А вторую удочку снастил тонкой леской и небольшим крючком, чтобы ловить всякую мелочевку. Сделал, наживил и тоже сделал заброс, а сам присел возле мальчишки, наблюдая за поплавками.

Вода медленно кружила поплавки на поверхности. Потянет небольшой ветерок, появится мелкая рябь на воде и сразу же начинаются поклевки. В основном ловились головчики, сорожечка и верховка, два-три окуня попали, но чаще рыба теребила наживку, не давая себя подсечь, и клев затихал, когда исчезала рябь на воде. И они сидели, коротая время в разговорах.

Алешенька принялся рассказывать про хозяйку здешних мест. Уважительно о ней отзывался. Говорил, когда клев прекращается — это она обходит владения свои и вся рыба старается спрятаться, лишь бы не встретиться с хозяйкой на ее пути. Грозная она — эта хозяйка, и серьезная. Не только рыба, но и местные жители уважают ее. А как не уважать, если сколько лет пытались поймать хозяйку реки, а она словно чувствует и все сети, все донки обходит и ни разу ее не вытащили. Некоторым удавалось подцепить, но никто из них до берега не довел. Вывернется на поверхность. Полежит немного, будто отдыхает, а потом выгнется и словно вздохнет, что надоели вы, людишки, устала я от вас. Махнет широченным хвостом и куда вся снасть подевалась. Как нитки рвались крепкие бечевы и металлические поводки, а крючки словно спички ломала. Махнет хвостом, окатит рыбаков и, красуясь, неторопливо скрывается в глубине омута...

Роман слушал мальчика и голова кругом шла от всех его разговоров. Словно не про рыбу говорил, не про щуку старую, а про сказочное существо рассказывал. И все это с уважением, с оглядкой на омут...

Солнце повернуло на закат, а Роман с Алешкой продолжали сидеть возле речки. Роман прислонился к корявому необъятному дубу, кора за день нагрелась, и казалось, словно дерево живое и хочет отдать свое тепло любому прохожему, кто мимо идет, кто присел чуточку отдохнуть и почувствовал спиной тепло, исходящее от дуба, а вместе с ним и силу, какую дерево отдает ему. И сила эта наполняет путника,

изгоняя усталость. Поднимется он, а усталости словно и не бывало, и пойдет он дальше своей дорогой, одному ему известной...

Роман мотнул головой. И, правда, дуб словно живой. Шелестят листья над головой, словно с ним разговаривают. Жизнь у дуба долгая. Всего насмотрелись за эти годы, и шепчут путникам, рассказывая о прошлом и настоящем, о будущем и... и чего только не предвидится, слушая Алешенькины рассказы. У него, у этого мальчишки, которому-то всего ничего годков, который только начал свою жизнь, а знает столько о своем крае, о деревне и обычаях, о природе и жителях, что диву даешься. Откуда он, можно сказать, несмышлениш, а столько ведает. А может и хорошо, что знает. Так и надо жить. Жить сегодняшним днем, думая о будущем и оглядываясь на прошлое...

— Она пришла,— едва слышно прошелестело в воздухе. Роман непроизвольно вздрогнул, услышав его шепот, и увидел, как Алешка, чуть побледневший, медленно протянул руку и показал на его поплавок.— Хозяйка вернулась в свои владения...

И снова застыл, внимательно всматриваясь в воду.

Роман взглянул на поплавок. Он не шевелился. Потом медленно пошел в глубину, словно там кто-то сидел на дне и тянул леску. Поплавок уходил без рывков, плавно и неторопливо. Вот вам, словно хотели сказать, смотрите, как я умен. И Роман заворожено продолжал глядеть, как его поплавок исчезал в бездонной глубине, а потом остановился. Там остановился, едва различимый с поверхности, словно небольшое белое пятнышко застыло в воде, а потом снова стал подниматься. И опять медленно и плавно. Вот он появился на поверхности. Чуть качнулся и улегся на бок. Роман сидел и смотрел на него. Неужели правда, что существует эта хозяйка реки. Ведь щука, если взяла наживку, сразу ее тащит, а тут словно играла с ней, а может с ними? Это, скорее всего... Роман непроизвольно взглянул на Алешку, который так и сидел, не шевелясь, и внимательно всматривался в глубину, а сам что-то нашептывал...

Роман тоже смотрел на поплавок, который лежал на поверхности, а потом снова дернулся и пошел в глубину, но уже куда быстрее, чем первый раз. И опять раздался едва слышный шепот: «Это хозяйка здешних мест вернулась в свои владения». Неужели правда? Роман, наслушавшись рассказов, растерялся. И не удержался, заметив, что короткое, но крепкое удилище потихонечку поползло к обрыву, непроизвольно схватил его и коротко, но резко подсек. И тут же, где-то в темной глубине омута, заворочалась огромная рыбина. Не рвалась, не тянула леску, а именно ворочалась, словно с боку на бок поворачивалась. И каждый ее поворот тяжелым грузом давил на ладони, словно неподъемную ношу пытаешься оторвать от земли, но безрезультатно. Толстое удилище медленно сгибалось. Еще немного и вершинка коснется воды. Казалось, даже удилище хотело извиниться перед хозяйкой реки за нас, за людей, что потревожили покой и вторглись в ее владения.

Роман мотнул головой, пытаясь удержать в вспотевших ладонях удилище. Он с трудом его удерживал, и ему казалось после Алешкиных рассказов, что там, в самой глубине, ворочается не рыбина, а какое-то сказочное чудище, и если оно поднимется на поверхность, тогда... Роман опять мотнул головой, словно хотел сбросить с себя наваждение. И Алешка, сидевший рядом с ним, не шевелился, а словно загнипотизированный смотрел на темную воду, будто хотел рассмотреть в глубине хозяйку здешних мест...

И тут она решила показаться на глаза. Роман почувствовал, что леска стала ослабевать. Понемногу, всего лишь по сантиметрам, но она — эта хозяйка реки — стала подниматься на поверхность. Не рвалась из стороны в сторону, как всегда делает щука, не пятилась, как собака, и не собиралась пойти на свечу, как это бывает. Она просто стала подниматься из темной глубины. Видать, захотела взглянуть на тех, кто вздумал потревожить ее покой. Медленно, редкий раз ворочаясь, но не делая резких рывков, она неторопливо всплывала на поверхность омута. И снова едва слышно про-

шелестел Алешкин голос: «Это она... Это она решилась показаться нам. Она — хозяйка здешних мест!». Сказал, и снова застыл, не отрывая взгляда от бездонного омута.

Роман увидел, как из глубины показалась темная спина сказочного чудища. И, правда, это было чудище. Хозяйка реки не стала рваться, а неторопливо повернулась на бок, словно разлеглась на поверхности омута, как на мягкой перине, и будто бы хотела показать себя во всей красе при закатном солнце. Она была темно-серо-зеленая, спина более темная, бока чуточку посветлее, с бурыми пятнами и белым брюхом с желтовато-красными и серо-бурыми плавниками и хвостом. И едва она появилась на поверхности, солнце словно специально коснулось ее, чтобы показать во всей красе, и она вспыхнула темно-золотистым разноцветьем в вечернем солнце. Яркая, красивая — воистину сказочная! Она лежала на боку, открыв огромную пасть, а за краешек губы едва зацепился самый большой крючок, который Роман нашел в своих запасниках. Он казался таким маленьким, что было удивительно, что она поднялась на поверхность, а может просто захотела покрасоваться перед ними — кто знает...

Хозяйка здешних мест лежала на боку, едва шевеля плавниками, на которых, как им казалось, была заметна темно-зеленая бахрома. Огромная рыбина редкий раз открывала громадную пасть с острыми зубами, едва шевелились жабры, словно она хотела подышать свежим воздухом. Щука лежала на боку, а Роману казалось, что она покосилась на него темным зрачком, когда он непроизвольно потянул удилище на себя, пытаясь подвести преогромную щуку к берегу. Она покосилась и приоткрыла пасть. И тут Роману почудилось, а может правда, он услышал, как хозяйка реки словно выдохнула, шевельнув жабрами:

— Людишки, как же я устала от вас за долгие годы! Я, хозяйка здешних мест, а вы — незваные гости в моих владениях. Оставьте меня в покое. Уходите!

Огромная щука изогнулась и, не обращая внимания на крючок, развернулась и медленно направилась в глубину темных вод. Удилище стало сгибаться, словно кланялось перед ней, толстая леска все сильнее и сильнее натягивалась, вдруг щелкнула и тут же провисла. Хозяйка здешних мест исчезла в глубине...

Роман и Алешка сидели на берегу реки в закатном солнце и смотрели на темно-золотистые воды. Позади размеренно шумела листва на необъятных дубах, шуршала трава под редкими порывами ветра. Повсюду заливались птицы. А они сидели на краю обрыва и молчали. Алешка, обхватив коленки, смотрел на темные воды. А Роман продолжал держать в руках толстое удилище с оборванной леской и тоже молчал, посматривая на речку. Каждый о чем-то думал. О чем? Кто знает... Но скорее всего, они вспоминали ее — эту хозяйку здешних мест, как она появилась перед ними во всей своей красе, словно хотела похвастаться перед ними — людьми, мол, глядите и любуйтесь мною, но запомните, не дано вам поймать меня. И ушла в свои владения... Они смотрели в глубину, словно прощались с ней, а может, надеялись, что им повезет, и они еще раз встретятся с ней — с этой хозяйкой здешних мест, но не пойманной, а вот такой, какой она предстала перед ними: яркой, сильной, неприступной и — сказочно-красивой...

Илья Чесноков

(г. Белгород)

ПОЛСПИЧКИ

Родился в Чимкенте. В 90-е годы публиковался в чимкентской прессе. В 2001 — 2003 годы публиковался в белгородских газетах. В 2020 году стал призером конкурса «Крылья Победы» как автор стихотворений на тему Великой Победы. Имеет другие публикации.

Это было солнечным апрелем 1992 года. После распада Советского Союза в родном Чимкенте только и разговоров было о том, как теперь будет жить и развиваться Казахстан. Разорванные производственные и торговые отношения между республиками и городами сразу сказались на поставках сырья, материалов и потребительских товаров. Товарный голод надвигался быстро и беспощадно обрушивался на людей. В ходу были еще советские рубли и копейки. Национальную валюту, тенге, начнут печатать только через год и то не в Казахстане, а в Великобритании и Германии. Я учился на четвертом курсе педагогического института. Что будет дальше после учебы, я не имел никакого представления. С работой было непросто. Мой папа работал, как и раньше, слесарем на фабрике, а мама продавцом в хлебном отделе продуктового магазина «Колос», который находился на проспекте имени Ленина. Магазин располагался на первом этаже пятиэтажного жилого дома и пользовался огромной популярностью среди жильцов соседних многоэтажек. Товарооборот в хорошие времена был в магазине всегда огромен. Но наступили девяностые и все изменилось. Об одном из случаев того времени я и хочу рассказать.

Я только вернулся из института и начал разуваться, как вдруг зазвонил телефон. В трубке зазвучал тревожный голос мамы:

— Сынок, приезжай быстрее в магазин! Здесь такое творится! А папа пришел с работы?

Ничего толком не поняв, я ответил:

— Папа еще не пришел. А что случилось?

— Не спрашивай. Напиши записку папе, чтобы он срочно, не переодеваясь, ехал ко мне на работу.

— Хорошо, мама, не волнуйся. Выезжаю.

Быстро обувшись, я моментально выбежал из квартиры. Записку папе я написать забыл. Встревоженный, я не заметил, как промчался через весь город двумя транспортами. И вот, выскочив из троллейбуса, я направился к магазину в ту сторону, где служебный вход. В этом магазине мама работала уже много лет и поэтому я знал здесь все ходы и выходы.

Магазин имел три входа, и у той двери, которая вела в хлебный отдел, стояла толпа людей, хаотично раскачивающаяся из стороны в сторону. Из толпы вылетали крики и ругательства. Над людьми грозовой тучей повисла гнетущая тревожность. Я обошел толпу и стремительно вбежал на террасу со стороны служебного входа, где

обычно грузчик принимал тележки с хлебом. Зашел внутрь, промчался мимо раздевалки, склада и очутился в торговом зале, где находились хлебные полки.

То, что я увидел, поразило меня, как молния. Весь торговый зал был туго набит людьми, толкающимися, орущими и хватающими хлеб. Были, конечно, и раньше большие очереди, но вот такого я еще не видел. Передо мной оказалась стена спин и затылков,двигающихся в разных направлениях. В нос ударил запах свежего хлеба и чего-то кислого и пропотевшего.

— Мама, я здесь. Где ты? — закричал я поверх голов, в сторону двери.

— Сынок, я за кассой! Двигайся ко мне.

И я начал двигаться. Протискиваться сквозь плотно прижатых друг к другу людей было непросто. Приходилось искать удобный момент и протыкивать, продвигаясь вперед. Мне это быстро надоело, и я прокричал:

— Дорогу! Дорогу! Свежая краска!

Люди на какое-то мгновение замерли, осматриваясь вокруг. Я воспользовался этим замешательством и пробрался к кассе.

Запыхавшись, я крикнул:

— Что надо делать?

— Держи кассу! Они двигают ее. И не позволяй, чтобы уходили, не оплатив за хлеб. Помогай, без тебя никак!

Раскинув руки и сдвинув угрожающе брови, я встал в проходе между кассой и стеной, за которой находился соседний отдел.

Кассы в то время стояли еще старой модели. Это были огромные и тяжелые счетные агрегаты, похожие на печатные машинки, с большими клавишами, на которых были выдавлены цифры и буквы. Внизу этого аппарата находился выдвижной отдел для денег, а справа имелась ручка для движения кассовой ленты. Кассы устанавливались на тумбочках, которые крепились к столам. Продавцы-кассиры сидели на высоких стульях, принимали деньги и пробивали чеки. Вот на таком возвышении и находилась моя мама. Она тогда была старшим продавцом хлебного отдела и отвечала за весь процесс торговли от получения товара до сдачи выручки.

Имея высокий рост, мне несложно было наблюдать за движениями покупателей. Первые мои слова, обращенные к покупателям, были еще сдержаны и даже интеллигентны:

— Товарищи, соблюдайте очередь! Не спешите! Всем хлеба хватит! Скоро привезут новую партию.

Произнося «новую партию», я, студент исторического факультета педагогического института, представлял себе совсем иное. Но реальная ситуация говорила сама за себя и я, отбросив всяческие размышления, настроился на серьезную работу.

Народ наседал и, как бы ни старался регулировать движение входящих в отдел и выходящих из него, я постепенно сдвигался то к стене, то к кассе. Посмотрев в сторону мамы, я увидел ее раскрасневшуюся и немного растерянную. Очень быстро она принимала деньги, отсчитывала сдачу, отрывала чеки и что-то еще успевала говорить покупателям. А в воздухе стоял гул, похожий на грохот перекачиваемых камней горной реки.

— Мама,— крикнул я,— где Вася, рабочий? Почему он не помогает? Где он сейчас?

— Я не знаю,— долетели до меня ее слова, утопая в разноязыком многоголосье,— наверное, в соседнем отделе.

Соседним отделом был винно-водочный. Мне стало душно. Я расстегнул пиджак, приподнялся на цыпочки и, приложив ладони ко рту, изо всех сил крикнул:

— Вася! Василий!

Из толпы вынырнули одновременно три мужские головы с взъерошенными волосами и приоткрытыми ртами. Они одновременно крикнули мне в ответ:

— Не?* Что? Не болды?***

Может быть, это и были Васи, но не те. Я со злостью махнул в их сторону рукой. Головы скрылись. Сжав кулаки и сверкая глазами, я крикнул в толпу:

— А ну прекратить орать! Выстраиваемся в очередь! Встали по одному! Заранее готовим деньги и без сдачи! Не отвлекайте продавца!

Во мне забурился сплав из ненависти и уверенности в своей правоте. И это позволяло мне держаться на ногах. Я поймал благодарный взгляд мамы и мне стало немного легче.

Вдруг я почувствовал чью-то руку на своем плече и тут же обернулся. За мной стоял, покачиваясь, Вася. Это был мужчина лет сорока, сорока пяти трудноопределимой национальности, в помятом комбинезоне бутылочного цвета. Седеющая и одновременно лысеющая голова его была покрыта замусоленной кепкой неопределенной формы. Из его редкозубого рта изрыгались какие-то нечленораздельные звуки вперемежку с отравляющим все живое дыханием.

— Ты пьян, что ли? — крикнул я ему в лицо.

— Нет, — ответил он, отшатнувшись от меня и ударившись затылком об угол стены. — А что, собственно, случилось? Я был в соседнем отделе, помогал разли... расставлять бутылки. Коллеги настоятельно попросили.

Я понял, что Вася ничем сейчас нам не поможет, отвернулся от него и продолжил сдерживать людей у кассы. Касса двигалась, как живая, словно было землетрясение в отдельно взятом магазине. Была уже половина шестого. Люди возвращались с работы и сразу шли в магазин. В это время уже начались перебои поставок хлеба в магазины. Другие же продукты стали постепенно пропадать с прилавков. Только хлеб оставался палочкой-выручалочкой для многих людей, которым нужно было домой принести хоть что-то. Почувствовав на себе эти перебои, люди начали нервничать. Паника росла. И результат этого я видел сейчас собственными глазами. Мне в одиночку справиться с ситуацией было невозможно.

Люди, боясь остаться без этого ценного продукта, превращались в неуправляемую толпу, позабыв про культуру, вежливость и элементарный порядок. Они хватали булки, поднимали их над головой, чтобы не помять, и двигались к кассе. В их глазах читалось желание побыстрее выйти из магазина, но мимо кассы сложно было пройти незамеченным. В отдел заходили новые покупатели, брали хлеб, а выйти уже не могли, застревая в массе ожидающих своей очереди. Вот я и занялся тем, что пытался контролировать поток людей на входе, следил, чтобы никто не уходил, не уплатив за товар.

Я повернул голову к кассе и крикнул:

— Мама, а где твоя помощница, Нурия?

— Она сейчас должна прийти на смену. Ждем машину с товаром. Она будет принимать хлеб. Привезут триста серого хлеба и двести батонов белого.

Покупатели с тревогой осматривали торговый зал, жадными глазами прошупывая хлебные полки снизу доверху и наоборот. Но, услышав о скором привозе хлеба, немного успокоились и начали выстраиваться в очередь. Мимо окон магазина проехала будка «НАН»*** и остановилась у заднего входа магазина. Одновременно с этим из приемочного отдела выглянуло заспанное лицо Нурии. Продавщице было на вид около тридцати лет. В ее располневшей фигуре угадывалось безмятежное спокойствие и равнодушие к происходящему. Она, протерев глаза и прикрыв ладонью рот, сонным голосом визгливо выпалила:

— Лидия Дмитриевна! Хлеб привезли! Принимать?

* Что? (казахск.).

** В чем дело? (казахск.).

*** ХЛЕБ (казахск.).

— Принимай, пересчитай внимательно, прими документы и распишись,— крикнула в ответ мама, не отрываясь от работы.

Я, уже немного успокоившись, скомандовал:

— Товарищи, привезли свежий хлеб! Подождите немного. Сейчас продавец принимает товар. Всем хлеба хватит.

Мне срочно нужно было найти Василия, и я отправился к соседнему отделу. Тот, из-за угла заметив мое появление, наклонил голову и хотел было скрыться в дверях.

— Василий, туру!* — требовательным голосом скомандовал я.

Тот резко развернулся, подошел ко мне вплотную и, вытирая пальцами уголки губ, проскрипел:

— Да знаю я, знаю, что машина приехала. Сейчас вот только товарищам руку пожму...

— Василий! — я грозно придвинулся к нему и схватил его за рукав.

— Все, иду, иду.

Грустно улыбнувшись, он обернулся на закрытые двери соседнего отдела, откуда доносилось звяканье посуды, и облизнулся. Пробираясь между людьми и направляясь к складу, он закричал:

— Ну, где ты там, айналайн**, моя Нуричка? Где ты, стройная ты наша? Давай хлеб принимать, мать...

Приемка хлеба началась энергично, но продолжалась она совсем не долго. Уже через несколько минут из приемочного отдела высунулась голова Васи и, обращаясь к маме, прокричала:

— Командир, товар приняли! Сто штук хлеба и сто штук белого батона. Накладные на столе. Водила уехал в другой магазин. Когда будет новый завоз, не знает.

Услышав это, мама, чуть не плача, пригрозила ему кулаком. Хотя, чему это могло помочь? Вася, конечно, видя такую напряженную ситуацию, мог бы подойти и тихо ей это сказать, чтобы не поднимать волну тревоги. Но, находясь в приподнятом настроении, ему хотелось покуражиться и быстрее вернуться к собутыльникам. Нурия же начала неспешно раскладывать булки по полкам и поправлять ценники. Люди, не выдерживая ее медлительности, стали выхватывать батоны, просунув руки сквозь полки, прямо из ее рук.

Услышав о недопоставке хлеба, толпа с новой силой взорвалась: «Нан жок!***» «Хлеба не хватит!», «Нас обманули!», «Припрятали хлеб себе!», «Будем жаловаться!», «Черствый привезли!». Я понял: все, что было до этого — только цветочки. В воздухе над головами летали искорки гнева. Ко мне присоединился Василий, почему-то быстро отрезвевший. Я поставил его в проходе, а сам направился к кассе на помощь маме. Пробираясь сквозь людей, я услышал за спиной голос отца:

— Сынок! Куда мне идти? Я ничего не вижу.

— Папа, иди к проходу, к Васе. Держите оборону!

Отец, уставший после смены, натянув на брови потертую кожаную фуражку, обрел второе дыхание и рванул в толпу:

— А ну посторонись! Зашибу!

Обладая сильным голосом, он мог перекрычать кого угодно. А под хорошее настроение его крик превращался в пение. У него был сильный тенор. Папа много лет выступал в фабричной художественной самодеятельности, был запевалой мужского хора из сорока человек вместе с другим вокалистом по фамилии Соловей. Понимая, что его слова тонут камнями в бурлящем море звуковой какофонии, он мгновенно перешел на пятиэтажный нестандартный лексикон, как на русском, так и на казахском языке. Услышав до боли знакомые выражения, народ немного поостыл, всмат-

* Стоять! (казахск.).

** Дорогая (казахск.).

*** Хлеба нет! (казахск.).

риваясь в небритого мужчину, рвущегося в проход. Папа, доплыв до Василия, вцепился в него, как в родного. И они, схватив друг друга за руки, образовали живую цепь, качающуюся в волнах человеческой нервозности. Я увидел эту картину и, желая приободрить отца, крикнул ему:

— Так держать, Владимир Ильич!

Папа успел мне кивнуть, не выпуская рук грузчика Василия, как вдруг из центра толпы раздался чей-то визгливый крик:

— Бабке плохо!

Я приподнялся и разглядел, как в центре зала образовалась воронка из десятка согнувшихся спин. Люди сочувственно зацокали языками, выкрикивая советы, как спасти старушку. Ее подхватили под руки, оттащили подальше из эпицентра событий к окну и прислонили спиной к батарее. Когда ей стало лучше, она прижала к груди свежий хлеб, откусила кусочек и, озираясь по сторонам и шмыгая носом, начала энергично шамкать его во рту. Пока все внимание было приковано к спасению старушки, подросток лет пятнадцати неожиданно оказался около кассы. Это был невысокий паренек с растрепанными волосами и в распахнутой рубашке. В его узких азиатских глазах вспыхивал огонек азарта и голод. Он прикрыл батон рубашкой и, стараясь незаметно продвигаться мимо кассы, вдруг резко рванулся и устремился к выходу. Я успел это заметить и крикнул отцу:

— Папа, держи пацана!

Отец быстро среагировал и выставил ногу вперед. Но воришка видать ожидал этого и перепрыгнул через нее. И тут же он на мгновение оглянулся назад, чтобы показать отцу язык. А зря он это сделал. Парень не успел заметить, как из соседнего, винно-водочного отдела, выехала тележка, доверху груженная ящиками с водкой. Беглец на полной скорости наскочил на тележку, перелетел через нее и грохнулся на бетонный пол. Батон вылетел из его руки, пролетел мимо мясомолочного и галантерейного отделов и влетел прямо в зевающую пасть случайно забежавшей собаки. Пес, не растерявшись, мотнул головой и выбежал из магазина, пугая прохожих, но радуя ожидавших его четвероногих друзей. Несколько бутылок водки «Пшеничная» вдребезги разлетелись по сторонам длинного коридора магазина. Такой дезинфекции помещения в этом магазине еще никогда не было. На мгновение все покупатели превратились в зрителей. Я воспользовался этими секундами тишины и спокойно проговорил:

— Товарищи, соблюдайте порядок! Не проходите мимо кассы, не оплатив за товар!

По мере того, как постепенно заканчивался хлеб на полках, у мамы в кассе заканчивалась мелочь. Окидывая взглядом весь торговый зал, она, приподнявшись со стула, обратилась ко всем покупателям:

— Товарищи! Мелочи для сдачи нет. Готовьте, пожалуйста, деньги под расчет. Соблюдайте порядок и тишину.

Люди тут же углубились в свои карманы, кошельки и сумочки. Раскрылись ладони и насупились брови. Люди начали считать и пересчитывать. Кто-то радостно уже зажимал в руке подготовленную сумму, а кто-то растерянно шарил, где только возможно, в надежде найти недостающую копеечку. В очереди было много жильцов этой пятиэтажки, где находился магазин. Люди, живущие по соседству на одной площадке много лет, наконец — то встретились. Послышались вежливые слова и засверкали улыбки. Они перезанимали друг у друга мелочь, обещая сегодня же вечером отдать долг. Но некоторые были в полной растерянности, и в таком состоянии их толпа подносила к кассе.

У кассы, обняв два батона правой рукой, оказалась высокая женщина мощного телосложения. На голове у нее красовалась высокая прическа, из которой торчали заколки. Вытаращив глаза на продавца, она протянула мятую купюру вперед и пробасила:

— Вот мои деньги за товар. Дайте мне сдачу копейка в копейку.

— А помельче у вас нет? — на всякий случай спросила продавец.

— Нет! — язвительно выдавила женщина. — Вы должны иметь мелочь для сдачи, чтобы рассчитаться с покупателем!

— Мелочи было много, но вы ведь видите, что происходит. Люди дают только крупные деньги, и вся мелочь закончилась. Могу вместо мелочи дать, например, спички из расчета, что коробка спичек — это рубль. Возьмете сдачу спичками?

Поддавливаемая толпой то справа, то слева, женщина была похожа на пароход, качающийся на волнах у причала. Люди, окружившие ее со всех сторон, стали возмущаться:

— Да отдайте же вы ей эту сдачу! Что она очередь задерживает! Хоть спичками, хоть птичками, хоть чем!

Продавец, почувствовав, что волнение опять нарастает, крикнула в толпу:

— Кто готов сдачу взять спичками вместо денег, встаньте к кассе, а те, кто хочет получить сдачу деньгами, отойдите в сторону и ждите, когда мелочь появится.

— Почему я должна ждать, — протрубил качающийся пароход, — я и так проторчала в вашей очереди полчаса! Вы обязаны обслужить меня, как полагается. Я буду жаловаться!

На пароход с боков наседали мелкие суденышки, выдавливая его в сторону. К кассе потянулись руки с честно заработанными то сложенными вчетверо, то свернутыми в трубочку, а то и просто смятыми деньгами.

Сверив запасы спичек, лежащие у нее под столом, мама обратилась ко всем:

— Товарищи, учитывая сложившееся положение, буду выдавать вместо двух копеек одну спичку, а вместо рубля одну коробку спичек. Иначе не получается!

В эти дни в торговле были перебои почти на все. И на спички тоже. Проблемы были уже и с зубной пастой, и с туалетной бумагой. Всего и не перечислишь. Покупатели осознали и то, что другого выхода нет, и то, что продавец как-то все-таки пытается решить проблему.

Мама кивнула мне головой, указывая под стол. Я понял, что там лежали коробки спичек. Подошел, достал коробки и начал подавать их ей в раскрытом виде.

Теперь все перемешалось: и бумажные деньги, и монеты, и коробки, и вынутые спички, и чеки. Все это летало, мелькало, шелестело, стучалось, щелкало. Кассовый аппарат, словно живое существо, гудел и скрежетал. Клавиши, как зубы, лязгали, пожирая в своей утробе деньги. Чековая лента безостановочно вылетала из узенькой щели, издавая стрекочущие звуки. А мама, как укротительница, нависала над кассовым аппаратом, тыкала в него пальцами, требуя подчинения. Мне показалось, что она разговаривала с ним, нежно похлопывая по корпусу. А я был похож на солдата, подающего из окопа снаряды наверх.

Людской поток ускорил движение. Люди хватали спички, кидая их в ту же сумку, куда и хлеб. С видом победителя они выползали из объятий толпы и, глотая на ходу слюну, устремлялись к выходу. Я, папа и Василий могли немного отдохнуть. Но все же в этой суматохе недовольные голоса продолжали нарастать: «Обманули!», «Обсчитали!», «Недодали!».

Отдохнув у подоконника и набравшись сил, старушка постепенно продвинулась к кассе. Продолжая жевать корочку, она внимательно пересчитала сдачу. Зажав в сухощавой ладошке монеты и подняв небесной голубизны глаза, старушка плачущим голосом произнесла:

— Что же ты, дочка, меня обманываешь! Я все просчитала. Ты мне должна вернуть три копейки, а даешь только одну спичку. А где еще одна?

— Бабушка, — ответила мама — возьмите еще одну спичку и не задерживайте людей.

— Нет уж, дорогая моя. Мне чужого не надо! Я за правду стою, за честность! Ломай спичку пополам и отдай мне половину!

— А зачем вам половина спички? — улыбаясь спросила мама.

— Из принципа, доченька! Из принципа! Ломай, говорю, и дело с концом.

Люди, стоящие рядом, подняли гул, который можно было принять как одобрение честности и принципиальности бабушки.

За старушкой горой возвышался мужчина. Он был одет в черный костюм и белую рубашку, на которой красовался галстук в горошек. В руке он держал пухлый коричневый портфель, застегнутый двумя широкими ремнями. На его голову была накинута фетровая шляпа до самых бровей. По его щекам и подбородку катился пот, огибая еще не состарившийся рельеф лица. Мужчина достал платок, вытер пот, кашлянул и, четко выговаривая, произнес:

— Позвольте, позвольте! Мне тоже нужна будет сдача в три копейки. И что же, извольте мне ответить, я получу? Полторы спички?

— Другого выхода нет, товарищ. Я разломаю спичку пополам и каждому дам по полторы спички, если вам так угодно — ответила мама, едва сдерживая улыбку.

Из толпы подал голос Вася:

— Мужик! Ты что копаешься? Тебе полторашку и старухе полторашку. И все довольны! Двигай корпусом на выход. Как Днепрогэс, перегородил здесь народный поток. Дышать уже нечем.

Старушка, быстро сообразив, что к чему, протянула руки к продавщице и протаторила:

— Давай, дочка, быстрее спички мои. Но мне половинку спички с головкой. Мне с головкой, так как я раньше его подошла.

Мама поломала спичку и протянула ей одну целую и половинку с головкой. Старушка быстро засунула спички в карман кофты, надгрызенную булку кинула в сумку и, прихрамывая, засемила вперед.

Мужчина, зажав свою огромную ладонь со спичками, округлил глаза и завизжал фальцетом:

— Это что же получается? Меня обставили? Этой старухе с головкой, а мне без головки? Я требую справедливости и уважения к покупателю!

Мужчина, надувая щеки, взметнул вверх руки и затряс ими. Портфель навис над людьми, как топор палача. Шляпа с головой затряслась от возмущения. Мужчина стал похож на горную вершину при землетрясении.

— Я найду на вас управу,— загрохотала вершина, не упуская из виду удаляющуюся старушку.

Вася, держась за живот от смеха, прыснул:

— Мужик, ты сперва со своей головкой разберись. Каждому по головке не получится! Тебе достался холостой патрон! Старуха, ковыляй быстрее, а то эта гора тебя сейчас раздавит!

Весь хлебный отдел взорвался от хохота. Мужчина, расстегнув пиджак, пустился вдогонку за старушкой:

— Товарищ бабушка! Бабуля! Остановитесь! Давайте найдем компромисс. Я хочу вам предложить...

Что хотела предложить эта горная вершина в шляпе пожилой женщине, мы так и не узнали. Нам было уже не до этого. Потому что Нурия, высунувшись из-за занавески и поправляя прическу, рывкнула на весь зал:

— Машина приехала! Хлеб привезли!

И все, находящиеся в зале, разом грохнули: «Ура!», «Победа!». Все начали жать друг другу руки и обниматься. Нервное напряжение мигом спало. Вася обнял моего отца и начал его целовать, вытирая слезы.

Мама, защелкнув кассу, сказала:

— Нурия, садись за кассу. Я сама хлеб приму.

Устало облокотившись на стол, она выдохнула:

— Выручка сегодня будет что надо!

Мы с папой быстро направились к запасному выходу помогать маме и Василию в выгрузке долгожданного хлеба. И только тут я вспомнил о записке, которую должен был написать папе.

— Пап, а как ты узнал, что нужно срочно ехать сюда на помощь?

— А мне позвонил мой товарищ по хору, Соловей. Он в этом доме живет. Он зашел за хлебом, увидел то, что здесь творится и сразу позвонил нам домой. Хорошо что меня не перевели сегодня на вторую смену.

Мы закончили с выгрузкой, подождали, когда мама переоденется, и отправились все вместе домой. Горячая смена закончилась. Но завтра все это могло опять повториться. И уже в троллейбусе, как бы очнувшись, я спросил:

— Мама, а ты домой-то хлеб взяла?

Ответом была нежная и усталая улыбка.

Максим Живетьев
(г. Иркутск)

Родился в 1983 г. в городе Иркутске. Окончил биолого-почвенный факультет ИГУ и Институт высоких технологий ИРНИТУ. Кандидат биологических наук, главный редактор Литературного журнала для молодежи «Азъ-арт», член Союза писателей России. Публиковался во многих альманахах и журналах.

С ВИДОМ НА БАЙКАЛ

Капиталина Васильевна сидела за кухонным столом, подперев щеку рукой, и смотрела в окно, за ограду, на Байкал. Никого она не ждала в это утро. Конечно, где-то на задворках души она и хотела, чтобы порадовали ее неожиданные гости, но так было тяжело шевелиться лишний раз, что и не надо, гостей, не надо.

На крыльце послышалось чье-то грубое шарканье.

— Проснулся, алкаш? — язвительно бросила она, терпеливо дождавшись, когда дверь откроется.

На пороге показался сын.

Она посмотрела искоса и презрительно отвернулась.

— Есть не буду.

Она и не ждала.

— Конечно. Опять вчера с Генкой кочегарили. Молока хоть попей.

— Нет, молоко не идет. — Он отхлебнул из ковша воды, — пройдусь.

— Снова в магазин побежал?

— Мать! Ты опять? — разозлился Сашка.

— Шуруй к себе. В каморку свою. Зачем пришел!

Сашка из вредности дошаркал до холодильника, нагреб квашеной капусты и молча вышел.

Капиталина видела, как сын прошел под окнами. Проводила его, осунувшегося, постаревшего, строгим взглядом до калитки и тяжело встала из-за стола. Доковыляла до печи. Налила трясущимися руками чаю. Размочила хлеб. Постояла, о чем-то о своем подумала и пошла на огород.

В обед из города приехал племянник.

Она сетовала, что не наготовила:

— А чего. Этот се равно ниче не ест. Тока пьет. А я чаю. Сейчас картошки пожарю. Как мать? Чего не приезжает? Сто лет ее не видела.

— Работы много. Да и я на пару дней только.

— Хоть так. Сашку-то видел? Спит, поди?

— Да, спит.

— Вот построил себе летнюю кухню и живет там теперь, чтоб меня не видеть. Проспится — поговорите. Он тебе опять рюмку нальет. Тока ты не бери!

— Ладно.

— Вот помру я — как жить будет... И вы в городе. Хорошо, ты иногда приезжаешь к нам, на Байкал.

— Исключительно ради Байкала, — не отпирался Костя. — И в гости заодно.

— Хоть повеселишь бабушку. Я, конечно, иногда выхожу за ограду. Теперь с палочкой: ноги-то не ходят. Посидим, бывало, на лавочке, со стариками. Молодежь у них вся в институт поступила. Поди там, в городе этом, и останутся. А мы тут доживем как-нибудь. А что потом будет — даже думать боюсь.

— Застроят все... под дачи, небось.

— Пока не застроят. Не дадим. Вон вчера у нас сход был. Так говорят, Зойка всех больше орала. Стращала, что по ночам палить будем — и китайцев, и прочую нехристь. Пока наши старожилы тут — никого нового не будет. У нас семей-то осталось всего ничего... Вон только ненадолго все это. А потом — живите, кто хотите.

— Хоть потоп, — попробовал пошутить Костя.

— Эх. Да что я все о нас. Ты как? Куда ездил опять? Рассказывай.

Костя оживился:

— Все как всегда. В Москву летал. На конференцию по экологии города. Там один ученый мегаполис сравнивал с городом Молохом, который питается человеческими жертвами. Дескать он, мегаполис этот, поддерживается за счет постоянного притока населения из деревень, но в седьмом поколении горожане все равно вымирают. Так одна москвичка возмутилась: она, видите ли, тут живет аж в одиннадцатом поколении — так что его теория вроде как не работает. «Как это не работает, — докладчик улыбнулся. — Это ж статистика: кто-то вымирает уже в третьем поколении, а кто-то в одиннадцатом. А в среднем все равно получается, что в седьмом». Вот такой любопытный был случай.

— Возили нас разок в качестве передовиков села в Москву. Новые сапоги оттуда привезла, — баба Каппа мечтательно посмотрела в окно. — Хорошие были сапоги. Удобные. Я их даже на покос брала.

— Был доклад про то, как парки в Москве заселяют улитками, лягушками и прочей живностью, а потом их генетическое разнообразие уменьшается, и они постепенно вымирают. И через четыре года город снова закупает новую партию. «Чтобы жители верили в то, что с экологией у нас все в порядке!» — раздался у меня за спиной громкий комментарий в самый разгар доклада.

— А знаешь, мы на покос далеко ходили по молодости, в падь Сенную. Туда топать часа три. Потом пока накопишь. А подсохшее сено по мешкам и сюда на себе прешь. По тропам да уступам. Лодки у нас тогда не было. Теперь ноги не ходят. Трудились много. Я же в детстве-то жила в степном районе на том берегу, в колхозе. Паспортов тогда не полагалось. Как в рабстве. Один был способ уехать — замуж выйти. Вот так я тут и оказалась. Думала: вырвалась на свободу. Теперь, бывало, сижу за оградой, а прохожие спрашивают: как ты, бабка, сюда попала. Отвечаю: с тюрьмы бежала, да на каторгу попала. Они удивляются: как это может быть. А вот так и было. С колхоза, да сразу в тяжелую деревенскую жизнь. А ты слушай: я тебе еще и не такого понарасказываю. Пошли за стол!

— Ой, баба Каппа, я ж гостинец привез: чай индийский.

Она попивала крупнолистовой круто заваренный чай, подбеленный молоком, и приговаривала:

— Зерно собирали, и потом — в свою очередь — ходили его на мельницу молотить. Работали и так вот приговаривали: «С миленочком на мельнице мололи толочно. У миленочка под мельницу трусы уволокло». Или еще чего пошибче. И работалось легко. Или такое: «Я на пенсию пошла. Немного приделался. Отдохнули руки-ноги — деда захотелось». А ты ешь, ешь.

После ужина Костя убежал гулять на Байкал. Миновал поселок. Перешел по замшелой досточке через речку-ручеек с черной прозрачной водой и оказался у кладбища. Мимо не смог пройти, будто позвал кто, и зашел за покосившийся забор.

Вот зажиточные Вещевы лежат, вот суровые сибирские Суворовы... А вот рядом мраморные надгробия Максимовых... Три семьи... как три вехи...

— Так ведь запретили у нас хоронить — зона, вишь ли, санитарная... — вспомнил он голос Капитолины Васильевны, — и заповедник тут.

С черного надгробья ясным взглядом смотрел на него высеченный портрет Василия Суворова: добрый, стальной и сильный взгляд.

— Зона санитарная, — ухмыльнулся Костя и подумал: — да не зона... подождут немного и можно кладбище сравнять, и дома будут новые... с видом...

В глубине души Костя надеялся, что он ошибался.

«Вот как мы живем? Чем свою жизнь меряем? — задумался вдруг Костя и подпер собой кладбищенский забор, выкрашенный голубой краской. — Работой? Должностями? Тряпками? Домами? Или что о тебе потом на поминках хорошего вспомнят? Чем? Чем можно эту жизнь измерить? И никто тебе этого не скажет, в чем он, этот загадочный смысл жизни. А если вдруг и скажет, даже если красиво сформулирует — все одно глупо и неправильно покажется.

Костя дошел до воды и присел на берегу: «А может тем, что ты для этого мира хорошего сделал? О чем даже и не вспомнит никто? А оно, дело твое, останется?»

Бойкая волна докатилась до его ног и отпрянула восвояси.

Откинув невольные думы, Костя расправил плечи, снял рубаху и пошел купаться в ледяной байкальской воде.

ЧУМА В СТАНИЦЕ

Бабы на базаре шushукались, перебирая тряпье:

— Чума идет, вчера слышала. В соседних селах уже мереть начали, не ровен час эта пакость к нам явится.

— Ты чего, Марфа, брешь. Мой вчера оттуда приехал, ничего такого.

— Просто насупился и сидит весь день и молчит. Ты ж сама сказывала. В глазах тоска, а когда ест, замрет, задумается. Только ложка в руке дрожит.

— Молчит он, конечно, молчит. Боится даже заговорить об этаким безобразии. У вас, как-никак, шестеро по лавкам и вон с животом Аля ваша. Без слез теперь и не взглянешь.

— Богатый двор, жаль будет, если выкосит такое богатство под корень.

— Тьфу на тебя, скажешь тоже.

— Посторонись, бабоньки! — через толпу пробирались казаки на конях.

— Хоть бы спешились, окаянные.

— Христа на вас нету.

— Митяй, и ты тут. Принесла нелегкая.

— Ой, проказник. Опять сегодня на кого глаз положишь. Гарцует тут.

— На тебя и положу, чего выбирать, — Митяй картинно подкрутил рыжие усы, залихвачки подбоченился и гаркнул так, что весь базар слышал: — Садись, подвезу.

— Да ну тебя.

— Какой охальник. Нет чтоб Анютку нашу уважить — вон глазки потупила. И не отворачивайся, дура. Стесняется она.

— Анька у нас святая, не трожь.

— Ой, Митяй. Никак застыдился? — бабы прыснули.

— Мы на заставу опаздываем, — сурово напомнил Аглай.

Приторное беспокойство повисло над заставой.

— Митяй, слышал, что говорят: чума.

— Ты больше слушай. Бабы сплетни.

— А что если не сплетни,— посерьезнел Аглай.— Тикать надо отсюда, пока не поздно. Всем тикать.

Митяй сжал зубами соломинку, помедлил и выплюнул:

— От смерти не убежишь. Все равно настигнет.

Утром через заставу проходил обоз из города. Стеклянные банки, тюки, дети — все спешно погруженное по телегам бесформенными горами. На перепуганных лицах затаилась надежда.

— Куда? — спрашивал хмуро, но подчеркнуто беспечно Митяй.

— Куда-нибудь за Урал. Так надежнее.

— Хм. Ну-ну,— говорил Митяй в ответ.

Поодаль на краю дороги стояли два купца и переговаривались.

— Ты теперь куда путь держать станешь?

— Да со всем семейством в Сибирь, на промысел пойдем — что поделаешь.

— Верно, а я своих увезу, а сам вернусь. По делам. Как раз все уляжется.

Вечером Митяй сидел за столом и размеренно пил квас из деревянной кружки, по обыкновению смакуя каждый глоток, когда дверь распахнулась и в комнату вбежала Анютка.

Митяй аж привстал:

— Ты как тут взялась?

— Батька, мамка сегодня чумой заболели. Помоги, Митя! Спаси! — Анютка обняла его робко и крепко.— Я боюсь! — Нет, она не заплакала, но тело ее сотрясало, будто от безудержных рыданий.— Я к тебе пришла.

Она все решила, и только робость и трепет выдавали ее вопрошающую надежду. И эта безграничная доверчивая мольба во взгляде больших карих глаз и несдерживаемый восторг щенячьей преданности. Они дурманили.

— Увези меня отсюда. Пожалуйста. Я знаю, ты можешь! Только ты один.

— Постой, Анют, а как же дочерний долг...— попробовал образумить ее Митяй.

— Нет, не могу я больше тут оставаться — страх за себя сильнее. Хоть секи. И не уговаривай. Я с тобой хочу. Не могу я больше оставаться в чумном этом месте. Не поможешь — так одна убегу в лес. Только знаю — ты не такой, ты поможешь.

— Пойдем,— тихо сказал Митяй.

Утром Аглай зашел в комнату, взял в руки недопитую кружку кваса, внимательно осмотрел ее, будто что-то пытаясь прознать, и пошел к привязи.

Коня Митяя на месте не оказалось.

Оттиски копыт были глубокие — вдвоем на одном скакали, но не спешили, и в русле ручья след потерялся.

— Вот хитрец! Знает, что нельзя. Ну хоть бы предупредил. Что я — не человек?!

На видном месте Аглай заметил аккуратно привязанный ремешком к кусту кисет с вложенной люлькой — его давний подарок Митяю. Табака в нем не было — его Митяй весь пересыпал в карманы и взял с собой, чтоб потом скурить.

— Не смог не попрощаться,— улыбнулся Аглай и добавил, пристально смотря на ветку: — Извинения приняты. Не ровен час на заставе и не такой беспорядок начнется.

На подъезде к заставе Аглая разбил кашель.

Аля долго не открывала ворота. Наконец подошла:

— Что? Да хоть повалите их — не открою. Чума у нас в хате.

— Дочка, открой.

Перед ней стоял батюшка Серафим:

— Есть кто живой?

— Нет никого. И отец не ровен час преставится.

— Причаститься? Исповедаться?

— Нет. Сами позовем, если попросит.

— А мы церковь новую строим. Все, кто живые есть. Вот построим и спасемся.

Имени святого исцелителя Николая...

Аля не дослушала и захлопнула ворота. Пошла к отцу.

Он был уже совсем плох. Даже не метался и не харкал кровью и гноем. А только спокойно и истощенно лежал. Обманчиво казалось, что ему становится лучше.

Аля подошла, присела рядом, тронула за рукав.

Батя устало открыл глаза и шевельнул губами.

Дочь наклонилась, чтоб разобрать, что он шепчет.

— Аля, сознайся, кто. Мне легче будет.

— Митяй, — сжалась Аля.

— Я знал, — попробовал улыбнуться отец.

— Не думала, что когда-то скажу тебе.

— Ты у меня умница. Все будет хорошо.

И он умер. Аля перекрестилась, взяла лопату и пошла во двор.

Анютка с Митяем далеко забрались в лес. Разожгли костер. Сидели возле него, грелись, рассуждали как жить будут потом, после чумы. Митяй скрутил волглый — уже пожухлый, но все еще мягкий на ощупь — крупный лист березы, набил табаком, дымил, а Анюта прижималась к нему и понимала, что вот оно, счастье, тут, рядом. И больше никого ей не надо. Митяй не противился. Ему было хорошо.

На третий день к вечеру вдвоем они сидели у костра в глуши, у самодельного жердяного шалаша, наспех выстланного ветками, и пили свежий травяной чай, потягивая его, горячий, шумно и с наслаждением. Теплый ветер чуть шевелил листву, конь, привязанный поодаль, переминался из стороны в сторону и обгладывал с близстоящих деревьев листья. Аня покраснела вся, на лбу выступил пот, глаза озорно поблескивали. Митяй смотрел на потрескивающий костер, мельком подумал о том как утром сходит и осмотрит расставленные на зайца силки, улыбнулся в усы. Посмотрел на Аню: та была как в лихорадке и судорожно ему тараторила о том, как безумно его любит и что было бы здорово завтра ни свет, ни заря сесть на коня и скакать куда глаза глядят.

Митяй пристально посмотрел в широко раскрытые глаза Анютки. Такие милые и живые с многочисленными отблесками костра. Он отказывался верить в то, что чума все-таки настигла их. Поцеловал. Анютка горячо его обхватила за плечи, потом за пояс и судорожно повлекла под жердяной навес. Митяй поддался и растворился в приятном женском тепле.

Утром он никуда не пошел. Сидел возле Ани, которую то колотило, то она рвалась к нему, то вырывалась и бежала домой, к родителям, и Митяй догонял ее и уволакивал снова в шалаш, или садил к костру, поил чаем и ее, и себя. Она то бледнела, то серела, то неистово кашляла, то снова розовела и завывала на весь лес. Он не спал возле нее несколько ночей. Наконец она вдруг забылась и вроде бы уснула.

Митяй сходил до силка, принес зайца. Наклонился над трепыхающейся Аниной грудью. Живая. Облегченно выдохнул и стал остервенело сдирать шкуру с зайца. Было жарко. Закопал тушку в остывающие угли. Стемнело. Звезды металась по небу странным неистовым водоворотом. Ему показалось, что Аня уже мертва, и он в приступе отчаяния стал бегать по лесу, кричать, звать на помощь, и ругать себя. Понял, что руки горят, обожженные в углях, пошел до ручья. Не дошел, упал и забился в чумном припадке. Метнулся назад, к Ане, к закопанному кролику, откопал, вцепился

зубами в сырое мясо. Съел. Остервенело грыз кости, хрящи, сухожилия. Потроха и шкурку — съел. Стало вдруг холодно и хорошо. Сознание затуманилось и глаза тяжело закрылись.

Вскоро Митяй вернулся на обезплодевшую заставу. Над крышами домов возвышалась новехонькая деревянная церковь. С минуту полюбовался. И пошел до нее молиться.

Миновал кладбище со свежими березовыми крестами, приблизился к крыльцу. Встретил на пороге отца Серафима. Тот его по-отечески обнял и ничего не стал говорить.

— Она умерла. Я ее пытался выходить, но она все равно умерла. Когда я в лесу сам пришел в себя от болезни, она, ее тело, смиренно лежало рядом.

— Зайди, помолись за нее. Свечку поставь. Как ее звали?

— Аня.

— За рабу Божию Анну.

Помолчал и добавил:

— И за исцеление Господа поблагодари.

Алю он узнал со спины. Она стояла у столика с восемью зажженными свечами и молилась. Он поставил рядом свою. Одну. И они вдвоем долго молча стояли, смотря на образа.

— Митя, пошли домой,— сказала Аля, когда они, наконец, посмотрели друг на друга.

Покинули церковь молча. Отец Серафим перекрестил их со спины и пошел ужинать.

— Я самовар завела. На шишках сосновых. Чаю попьем. Я пироги напекла,— улыбнулась Аля и, придерживая низ живота, сдержанно добавила:

— А тебе, Митяй, роды, чую, придется принять: рожаю я.

— Шутить?

— Чего так побледнел-то? Не шучу. Вот и чай горячий пригодится.

Ирина Соляная

(г. Калач, Воронежская область)

КОРОЛЕВСКАЯ ЩЕДРОСТЬ

Соляная Ирина Владимировна, юрист, кандидат юридических наук. Публиковалась во многих журналах и альманахах. Дипломант и финалист литературных конкурсов. Победитель Северозападного регионального форума-фестиваля поэзии и литературы малых форм «Капитан Грэй» в номинации «Проза», г. Мурманск, 2020 г.

Любания Павлова смутно помнила брата и стыдилась, что облик Петруши стерся в ее воспоминаниях, но помалкивала. Как признаться в том, что не помнишь проводы брата на фронт? Он ушел после выпускного вечера, а возвращался орденоносцем, участником Парада Победы. Восьмилетняя Любания верила, что одного страшного письма об отце, пропавшем без вести, для Павловых предостаточно, и потому гордо показывала всем знакомым весточку от Петруши: «Он написал, что придет в июле! Уже июль!» Старшая Анютка показывала единственное фото брата, но почти стертое, плохо различимое.

Младшая Катюшка родилась в сорок втором и брата не видела вовсе, но ждала, как и все Павловы. Ведь Любания рассказала столько историй о былинном богатыре и его волшебном мече-кладенце, рубившем головы фашистскому войску!

Каждый день Любания и Катюшка гнали козу на косогор. Пока паслась их кормилица, Любания вязала пуховые варежки и рассказывала сестре сказки, а Катюшка высматривала, не пылится ли на горизонте грунтовая дорога. Все восторженные ожидания им испортил Семка Кривоносов. Он вернулся в Малыхино за две недели до Петруши. Со станции приехала телега, заваленная трофейными чемоданами, а сверху громоздился румяный Семка, растягивавший зеленые бархатные мехи гармошки. Мотя бежала к нему с цветами, Тимофеевна плакала от счастья и семенила следом на ватных ногах. «Ну, Катюшка, не горюй,— сказала Любания,— наш Петруша придет как герой, в кольчуге и в серебряном шлеме. Верхом на белом скакуне. А седло бисером расшито». Анютка посмеивалась над Любаней, качала головой. Василек хмыкал: «Придумщица».

Петруша пришел со станции пешком за полночь, Павловы уже спали. Загремел в сених, затопал ногами. Мама вскочила с лавки, не успев даже шаль на плечи набросить. Высокий, светловолосый, загорелый, пахнущий махоркой. Ни кольчуги, ни меча. Только вещмешок и хрусткий офицерский планшет.

Любания провисела на шее брата до утра — не оторвать, и не заметила, как и когда уснула. Утром, когда старшие ушли на колхозное поле, она перемыла посуду, а козу привязала у обглоданного палисадника, хотя та и показывала свою обиду.

Вернувшись в горницу, Любания украдкой рассматривала брата. При свете лучины вечером что увидишь? А теперь она примечала все: белый узкий шрам под носом, резко очерченные губы, выбритые виски и белую полоску кожи из-под воротника гимнастерки.

Все Павловы, кроме Катюшки, были похожи на отца: узкие в кости, тонконосые, белокурые. А младшая — вылитая мать, черноволосая, курносая, пухлогубая. Только смоляные кудри малышки украл тиф.

Брат заглянул за цветастую занавеску. Там на койке спала Катюшка. Брат вытянул из подушки утиное перышко, пощекотал курносый носик и разбудил сестру.

— Ну, здравствуй, Катерина Мефодьевна! — широко улыбнулся он.

Катюшка натянула на нос лоскутное одеяло и испуганно смотрела на незнакомца. Петруша нисколько не смутился, а ловко вытащил сестренку и стал подкидывать к самому потолку, пока она не лягнула его голой ножкой.

— Ох, и худая! Видно, только сныть и лебеду ели! Не ноги, а лапки лягушачьи, — Петруша засмеялся и усадил сестру на кровать.

— Это она после тифа. И не разговаривает совсем, только иногда смеется или плачет, — обняла Любания хмурую сестру.

— Ну, косы — дело наживное, вырастут, и станет наша царевна-лягушка Катериной Прекрасной, — смущенно провел ладонью брат по обритой головке.

Когда все прибежали на обед, Петруша достал из вещмешка два свертка белого и оранжевого парашютного шелка. Анютка подхватила невесомую ткань и закружила по горнице, напевая: «Хочу пышную юбку! Как у королевы!» Мама удивленно пожала плечами: «Желто-горячий. Откуда такой?», а Петруша засмеялся: «С сигнального парашюта». Мама отобрала ткань и строго сказала: «Если с умом, без этих ваших «солнце-клеш», то здесь на три платья хватит, и Катюшке на рубашку». Любания с Анюткой вздохнули, но согласились.

— А мне? — спросил Василек и покраснел, он считался в свои пятнадцать лет взрослым.

Ему достался красно-синий офицерский карандаш, заточенный с обоих концов.

Катюшка ждала очереди и сопела в углу. Петруша протянул ей жестяную банку с леденцами. С голубой крышки улыбалась лупоглазая кудрявая блондинка, а внутри лежали рядами круглые цветные леденцы. Катюша отковыряла одну и сунула в рот. Не зная ничего слаще ревеневого киселя, девчушка скривилась от приторного вкуса и выплюнула конфету на ладошку. Все вокруг засмеялись, а Катюшка неожиданно заплакала и спряталась на койке за занавеской.

Мама, не слишком обращая внимания на ее слезы, дала всем по липкому леденцу и спрятала жестянку в карман фартука. Петруша взял Катюшку на руки, прижал к плечу и, поглаживая по спине, вышел из избы. Они дошли до колхозной конюшни и вернулись довольные и примирившиеся, словно у них появился какой-то общий секрет.

На следующий вечер, когда Любания с Катюшкой гнали козу с косогора, Мотя Кривоносова окликнула их. Она собиралась на вечерки, потому нарядилась в новое полосатое платье с блестящими пуговками, а в толстую косу вплела алую ленту.

— Ну, что? Пришел братушка?

Катюшка радостно закивала, а Любания собралась простодушно выложить все, как на духу, и про карандаш, и про обещанные шелковые платья, как Мотя хмыкнула.

— Знаю-знаю. Видали вещмешок пустой. Консервов-то хоть привез?

— Каких консервов? — спросила Любания и покраснела до самых кончиков волос.

— В металлических банках! — с торжеством в голосе сообщила Мотя.

— А вот и привез! — неожиданно для самой себя выпалила Любания, — даже конфеты в консервах! Одну конфету можно целую неделю сосать, и она все равно сладкая! Вот!

Катюшка не могла поддержать старшую в споре, а потому высунула язык и зашагала в сторону калитки, а Любания заспешила следом, таща за веревку козу. О наемщиках Моти Любания никому не рассказала — что взять с глупой соседки? У нее одни наряды на уме, да пляски под гармошку. А все равно Анютка и стройнее, и кра-

сивее, ей бы платье... Хотя бы и желто-горячее, из парашютного шелка, на платье не написано же из чего оно!

На закате закрапал дождик, размочил глинистую дорогу, прибил жару, и усталая после работы, но неугомонная Анютка тоже убежала на посиделки. Мама тревожилась, потому что семья ужинала без Петруши. Любания шепотом спросила, когда же мама начнет кроить яркий парашют, но та была расстроена и лишь рукой махнула. Тогда сестры пристроились у керосинки и погрузились в потрепанную книжку сказок. Василек штудировал геометрию, по которой был оставлен на осень. Тикали ходики, навевая сон. Дождь перешел в ливень, и уже на окнах чертил дорожки. Вымокшая до нитки Анютка забежала в избу.

— Что-то ты быстро обернулась,— заметила мама.

— Плохие дела у Кривоносовых. Мотя только пришла на вечерки, как ее участковый вызвал. Что-то Семка натворил. Федул-почтальон заявление написал.

— А Петруша где?

— Не видала.

Больше от Анютки ничего не добились, она вытирала полотенцем потемневшие от дождя русые косы и отговаривала беспокойного Василька бежать к соседям. Мама у окна вздыхала, словно чувствовала, что беда Кривоносовых коснется и Павловых. Наконец дверь отворилась, и вошел старший сын. Сняв тяжелый промокший пиджак, он сел за стол и тихо сказал: «Я из сельсовета». Катюшка забралась к нему на колени, а мать придвинула сыну подогретую миску с затиркой. Малышка разевала жадный рот, и каждая вторая ложка отправлялась ей, пока мама не прикрикнула. Все ждали, когда Петруша расскажет все сам.

— Иди-ка спать, царевна-лягушка! — легонько хлопнув сестру пониже спины, Петруша повернулся к матери.— Кривоносков сидит под замком в сельсовете. Из-за письма.

— Оказывается, не соврали про Федула,— протянула Анютка.

— Вот черт хромой! — всплеснула мать руками.

Оказалось, что почтальон Федул отнес «куда надо» письмо фронтовика Кривоносова фройляна Бонке в Штутгарт. И завертелось! Семка когда-то вывернул карманы у пленного немецкого солдата, нашел там портсигар, фотографию и письма от немецкой невесты. Умолчав о бессмысленном трофее, Сема привез его в Малахино, как говорится, «до кучи», а потом взял да и написал письмо немочке: «Не ждите своего Ганса, мы наголову разбили поганые фашистские орды и водрузили над побежденным Берлином красный советский стяг».

— Не для детских ушей! — грозно посмотрела на всех мама и отправила спать.

Дети затихли, только Любания прислушивалась к негромкому разговору, все больше наполняясь неясным смутением. Вокруг еле горевшей керосинки витали косматые страшные тени.

— Сынок, я прошу тебя, отойди в сторону,— тихо сказала мама, и Любания удивилась ее странному тону,— ты не знаешь, какие это люди, Кривоносовы. Пусть Тимофеевна сама с Федулом решит, по-бабьи.

— С Федулом уже поздно говорить,— немного помолчав, решительно ответил Петруша.— Семка — фронтовик, после контузии. Я его не оставляю. Завтра уполномоченный придет. Я хотя бы с ним перетолкую.

— Ну, ради меня, сынок, не надо! — мама положила ладонь поверх его ладони, стараясь убедить, уберечь,— нам еще отца искать. У нас своя беда, у них — своя.

Взрослые еще что-то бормотали, но так тихо, что Любания не расслышала, хоть даже шею вытянула из-за занавески. Наконец они загасили керосинку и отправились спать, но мама еще долго всхлипывала на лавке.

Наутро Петруша ушел в сельсовет, а к Павловым прибежала воющая Тимофеевна с чемоданом трофейного барахла. Мама стояла у двери, широко расставив ноги, упе-

рев руки в боки. Любания никогда не видела ее такой рассерженной. Катюшка смотрела на соседку поверх кружки разбавленного козьего молока.

— Твой Петр коммунист, вон вся грудь орденами сверкает. Вам чего бояться? А за моего дурачка кто заступится? Кто? — Тимофеевна падала в ноги, выла. Ее цветастый платок сбился на затылок, обнажив седые косматые прядки.

— Забудь сюда дорогу! Забирай свое добро! Вон из избы! — мать сердилась и рукой показывала на дверь. Любания почувствовала, что мама не только сердита, но и не меньше соседки напугана.

— Посмотри на детей, голые и босые! — Тимофеевна утерла слезы и подвинула чемодан к ногам мамы, — мне не жалко ничего, бери хоть все. Хочешь, иди ко мне в избу, выбери, что надо тебе. Только пусть Петр поможет!

Из-за печи вышел Василек и волоком вытащил чемодан за ручку на порог. Следом вышла завывающая Тимофеевна.

Стараниями Петруши Семку вскоре отпустили. Непутевый дурачок два дня отлеживался дома, а на третий шустрая Тимофеевна отвезла сына в областной госпиталь. Через неделю, когда соседи устали чесать языками о Семке, Петрушу неожиданно вызвали в военкомат.

Он быстро и хмуро собрался, перецеловал всех и посмотрел на маму долгим взглядом. Когда за ним закрылась дверь, Василек ляпнул:

— Если бы его из-за Семки, то в милицию бы вызвали или в НКВД...

— Ишь, умник! — хлопнула мама Василька по спине полотенцем, — слова-то какие знаешь! Языком не трепли!

Но сама не выдержала и закрыла лицо ладонями. По Петруше заплакали в три голоса, а Любания обнимала ничего не понимающую Катюшку и держалась. Только когда мама ушла на ферму, слезы полились сами. Даже, как казалось, навсегда замолчавшая после болезни Катюшка четко произнесла: «Беда!» и уткнулась носом в плечо сестре.

Радоваться ли тому, что малышка заговорила? Сказать маме или нет?

До позднего вечера в избе царил тягостная тишина, изредка прерываемая скрипом двери. Это Василек мотался к косогору, пока мама не пригрозила ему всеми небесными карами.

Наутро, едва старшие ушли на прополку колхозного поля, Любания с Катюшкой погнали обиженную козу на пастбище. Бог знает сколько дней бедная животинка объедала скудную траву перед двором, а теперь резво трусила впереди девчонок как собачонка. Всегда хмурая Катюшка улыбалась странной, счастливой улыбкой. Любания прикрикнула на нее, копируя маму, потом неожиданно опустилась на землю и горько-горько заплакала. Катюшка обвила шею сестренки тонкими, почти прозрачными ручонками и что-то залепетала, потом стала дергать за плечо, а когда Любания отмахнулась — сдернула косынку с ее головы. Сквозь мокрые ресницы Любания посмотрела вдаль с косогора. По грунтовке пропылил грузовик и остановился возле избы Павловых. Силуэт мужчины, спрыгнувшего с кузова, узнала даже Катюшка. Любания заметалась под чахлыми яблоньками, наспех привязывая козу. Поволокла Катюшку за руку, а потом и вовсе посадила себе на спину и, ожесточенно пыхтя, обзывая сестру толстухой, побежала к своей избе.

Петруша готовил тюрю в большой плошке. Он засмеялся, встречая чумазых и запыхавшихся сестер.

— Кто это такие? Кажется, Золушка и Царевна-Лягушка пожаловали?

Любания и плакала, и смеялась одновременно. Она увидела свое чумазое лицо в осколке зеркала над умывальником и смутилась. Потом умылась и села на лавку рядом с братом. Ей и в голову не пришло побежать за старшими на поле. Катюшка немедленно вскарабкалась к Петруше на колени. Брат прижимал к себе ее бритую голову.

— А я подарки привез. От королевы. Знаете, в Великобритании живет королева Мария, а правит ее супруг — Георг четвертый,— сказал он шутливо, когда девчонки немного успокоились. Доверчивая Катюшка таращила глаза, а Любаня подозревала подвох.

— А как же милиция? — робко спросила она, шмыгая носом.

— Да не был я в милиции! — поднял брови Петруша,— в военкомат вызывали. Всем офицерам-участникам Парада Победы королева Мария прислала посылки. Прямо из Великобритании. А я не получил вовремя, попал в госпиталь, когда рана открылась... Вот посылка и нашла меня.

Петруша кивнул на огромный ящик возле окна, который сестры в спешке не заметили.

— А что там? — робко спросила Любаня.

— Разное. Шинель из сукна, костюм штатский, ботинки, всякие отрезы материи. Но главное — там подарок для Катюшки.

— Разве королева знает о нашей Катюшке? — с сомнением посмотрела Любаня, но у сестры уже заалели щеки, и она захлопала в ладоши со всей энергией, на которую была способна.

Петруша ссадил сестру с колен и вытащил из ящика что-то белое, невесомое. Это были детские носочки, отороченные по верху вязаным кружевом. Катюшка вертела их в руках. Она никогда не видела ничего подобного. Петруша поднял палец вверх и сказал:

— Придется помыть лягушачьи лапки. Ради такого дела...

Вскоре Катюшка ехала на шее у брата, свесив тощие ножки в бесполезных, но невыносимо великолепных носочках. Ее глаза искрились улыбкой, пальцы сжимали ворот гимнастерки брата, а губы лепетали: «Не беда, не беда».

Евгений Асташкин
(г. Омск)

МУСОРЩИК

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

1

Лешкина мать на старости лет пристрастилась навещать мелких торговко-дачников, занимавших металлический стол близ местного продуктового магазина. За столом умещалось всего два-три человека. Кроме овощей порой выставлялись разно-солы в разнокалиберных баночках.

В этом городском закутке никто никого особо не зазывал в гости, поэтому мать была рада и такому уличному общению. Для нее всегда могли потесниться, высвобождая местечко на лавочке.

— Сейчас разговаривала с одним деловитым человеком, он принес для одной сельчанки, что по средам привозит молоко, целый мешок тетрапаков из-под питьевой воды. Умеет человек крутиться. У него много всяких способов заработать хоть на чем. Тебе надо с таким познакомиться, может, что переймешь полезного. А то у тебя туго с этим, мало предприимчивости. Сходи к тем бабусям, пока он не ушел.

— Кто такой? — сразу заинтересовался Лешка, не по годам сноровистый и легкий на подъем.

— Говорит, что родом из Эстонии.

— А, я, кажется, понял, кто это...

Как помянули Эстонию, сразу стало ясно. Не каждый день встретишь в сибирском мегаполисе представителя этой крохотной прибалтийской страны. А Лешка Назаров за всю жизнь повстречал лишь одного такого. Это точняк он собственной персоной. Только что он потерял на их окраине?..

С занятым прибалтом Лешка познакомился на Хитром рынке. Лешка нарисовывался там по выходным уже который год подряд. Приносил на горбу тяжеленный рюкзак с книгами, довольно удачно сбывая их. Обремененный поклажей народ с раннего утра рышуще устремлялся на уединенный проулочек, тянущийся вглубь — от остановки до Хитрого рынка. Люд быстренько занимал все дворики между компактными двухэтажками затейливого старорежимного вида, с крохотными балкончиками. Каждый на газетке раскладывал нехитрый товар, в основном все излишнее или ставшее ненужным в собственном обиходе. Нужда заставляла. Лишь редкие удалыцы умудрялись делать на перекупке чужого неплохой навар.

Сам Лешка стал здешним завсегдатаем тоже не от хорошей жизни. Перебрался сюда с матерью из пропащей глубинки в самый разгар перестроечной вакханалии. Оказалось, что и здесь более-менее нормальную работу трудновато найти, предприятия закрывались с неумолимой очередностью или почти вдвое сокращали персонал. Вот и потянулись люди на эту барахолку невиданными ранее косяками. Хозяева

ближних домов и квартир постоянно жаловались в инстанции, что от торгашей шумно, после них остается мусор. Время от времени люди при погонах проводили рейды, уговаривали собравшихся разойтись по домам, в ответ — возмущенный гуд растрепанного улья. Мол, дома куска хлеба нет, а где еще раздобудешь копейку? Служивые согласно кивали головой: все прекрасно понимаем, но мы всего лишь выполняем вышестоящее распоряжение.

Порой удавалось справиться с народными массами, и дворики очищались. Но на следующие выходные близ Хитрого рынка опять возникала прежняя толчея. А что — привычка уже выработалась. Прямо магнитом тянет сюда. Многие нашли себе новых приятелей, требуется повидаться, не только поторговать...

Вот и Лешка обзавелся здесь новыми знакомыми. Он всегда притулялся рядом с прибалтом Артуром и одной женщиной неопределенного возраста и социального статуса. Заметно молодящаяся, она называла себя Тамарой Петровной. Кто из них первым прибывал на толкучку, тот и занимал на всех троих места. Если прозеваешь, то придется горевать на отшибе, куда разные зеваки и праздничатающиеся не заглядывают. Покупки делают случайные прохожие по пути на Хитрый рынок. Попадется что броское на глаза — на ходу прикупят, хоть и не собирались этого делать.

Глядя на своих новых знакомых, Лешка отмечал про себя иронично: вот две крайние ипостаси! Одна за столько лет так и не обзавелась торговыми ухватками. Принесет пару детских книжечек или иную мелочевку, потом на выручку прикупит стакан семечек — вот и вся удача. Другой всегда при барыше. Он кормится не только на этом рынке. Знает сто один способ делать деньги прямо из воздуха.

Артур всегда старался устроиться мусорщиком в большом доме, чтобы выуживать из мусоропровода вещи, которые вполне можно сбыть. Устраивался шабашить, строя чьи-то дачные домики. Собирал металл для сдачи в скупку. И много чего другого...

Подходя к родному продмагу, Лешка действительно увидел балакающего с дачницами поджарого, неустанного Артура. Бесшумно раскрывались рты, словеса поглощались гулом проезжавших по шоссе автомобилей. На лице у Артура неподдельное внимание — не пропустит и словечка, как будто даже из разговора можно выудить какой-то доход.

— Что тебя сюда занесло? — не мог скрыть удивления Лешка, по-свойски обращаясь к давнему знакомому.

— А я теперь здесь живу, — оговорил тот в ответ.

— Как это?..

— Продал квартиру и купил новую в вашем районе.

— Ты же жил в самом центре, — не мог понять такого форс-мажора Лешка. — Чем лучше наше захолустье? Здесь даже транспорт ходит намного хуже.

А Артур по своей привычке стал подробно объяснять, что он делает на этом пятачке возле магазина:

— Я теперь сюда приношу пустые тетрапаки одной сельчанке. В мешок помещается ровно тридцать три тетрапака. За это мне дают сто рублей.

Он никогда не скрывал своих секретов, словно не боялся возможной конкуренции, не юлил, отвечал подробно на все неудобные вопросы. Не успел поселиться на новом месте, как уже и здесь развернул свой бизнес.

— Вон видишь девятиэтажку? — он указал рукой на самую окраину. — Там моя квартира на первом этаже. Пойдем прогуляемся до меня, если не сильно занят...

Лешка охотно потопал следом за своим знакомым, действительно чувствуя его превосходство во многих житейских сферах. Все-таки он горожанином стал не так давно, а душа у него невыправимо сельская, это многие замечают. Мимо по трассе беспрерывным потоком пролетали легковушки, болезненно давя на перепонки.

Свернули на параллельную улочку, ушам стало легче, прямо блаженней, оттого

что шум удалился и теперь не приходится напрягать голосовые связки. Узенькая дорожка между частными домиками была напроць искалеченной — сплошные рытвины и глинистые ухабы. Вдали открылся вид на широкую девятиэтажку из красного кирпича, за которой начиналась загородная трасса.

Дверь второго подъезда оказалась незапертой — сломан замок. В фойе темно, как в склепе.

— Лампочки постоянно выкручивают,— пожаловался Артур каким-то излишне вкрадчивым тоном.

Хорошо дверь нужной квартиры оказалась совсем рядом. Две полупустые комнаты, сервант с такими же аскетически полупустыми полками. Типовой шифоньер, в спальне диван местного производства а ля эконом.

Примостились на кухне за столиком с совершенно пустой столешницей. Хозяин изобразил минималистический подход к питанию: поставил пару чашек с чаем, сахарницу, сыпанул груды овсяного печенья.

— Все-таки я не совсем понял твой переезд,— пытался разгадать Лешка загадку, прочно поставленный в тупик.

— А я перепродаю свои квартиры,— все очень просто объяснил Артур, словно это было обыденным явлением.

— И какой с этого прок? — не доходило до гостя.

— Конечно, навар не очень большой. Тысяч двадцать, пара средних зарплат. Ищу по газетным объявлениям выставленные на продажу квартиры, примерно такие, как у меня. Кто-то срочно уезжает и соглашается сделать скидку. Я быстро продаю свою и покупаю другую подешевле.

— Но это же сколько мороки с переездом! — Лешкина душа не принимала такого рискованного бизнеса. Да и люди могут передумать в последний момент или резко подорожает жилье.— И сколько раз ты уже переезжал?

— Раз восемь, надо подсчитать...

— Ничего себе! Я такого еще не слыхивал,— Лешка нещадно морщил лоб в раздумье.— Если только поставить на поток...

— Что я и делаю...

Лешка вспомнил, как несколько лет назад случайно встретился в переполненном автобусе с Артуром, при котором были два приличных баула из китайской плетенки. Поинтересовался, куда тот снарядился. «А вот везу в Нефтяники сдавать бутылки. Там их принимают по двенадцать копеек, а у нас по десять. Представляешь?» Артур словно жаловался на такую несправедливость. Можно было только поражаться такой расчетливости — ехать пятнадцать километров в тот конец города ради такой мизерной разницы?..

— Слушай, а зачем тебе деньги? — не воздержался Лешка от вопроса напрямик.— Семью так и не завел, по курортам вроде не разъезжаешь...

И опять он получил полный отчет.

— Я хочу перебраться на родину. Мой отец был военным, а в советское время, сам знаешь, их перебрасывали из гарнизона в гарнизон. Вот и приходилось жить то на Крайнем Севере, то в Азии. Наконец, обосновались в Омске. Родителей уже нет. А в Эстонию вернуться не так-то просто, после того как Союз рассыпался. Я ездил туда, узнавал в консульстве подробности. Надо иметь чистую биографию и банковский счет на десять тысяч долларов. Вот и собираю эту сумму...

При своих многочисленных заработках Артур экономил буквально на спичках. Ежемесячно покупал у одного дельца за полцены фальшивый проездной билет, которые тот печатал дома на принтере. Узнав об этом, Тамара Петровна шепнула Лешке: «Попроси своего товарища, чтобы он и мне доставал такой проездной. Я буду их покупать регулярно». Но оказалось, что тот погорел — контролеры отобрали у него подделку и стали разбираться. Лешка выкрутился, сказав, что нашел его на остано-

ке. Но ничуть не растерялся. Теперь ездит бесплатно по чужому удостоверению, попросив его на время у соседа по квартире. Найдёт выход из любого положения.

После чаепития Артур легко поднялся с табурета.

— Пойдем, я тебе что-то покажу.

Открыл кладовку, а она под завязку забита разным хламом. И сразу стал пояснять:

— Все это я набрал из нашего мусоропровода. Настоящий Клондайк. Смотри, совсем новые грампластинки, как из магазина. И не жалко людям выбрасывать. Тебе не нужно чего, посмотри, уступлю по десятке.

Лешка замотал головой:

— У меня лет десять назад сломалась по неосторожности игла на проигрывателе. Когда-то, да, фанател, покупал даже фирменные пласти за бешеные деньги. Теперь не выпускают таких игл. Хотел было заказать импортную, в Мексике делают неплохие Shure по лицензии. Но оказалось, что такая игла, даже самая бюджетная, стоит как три моих проигрывателя. Нет уж, обойдусь без всяких пластинок...

— А коньки тебе не нужны, вот с ботинками, как раз твой размер...

— Да зачем они мне?..

— А вот бюстик какого-то важного гражданина, жаль, нет надписи. Некоторые такое коллекционируют...

— Только не я...

— Тогда я его сдам одному антиквару, у него свой бутик. А вот кожаные перчатки, уступлю всего за десятку...

Лешка брезгливо отстранился и стал прощаться.

По пути домой до него дошло: хитроумный приятель нарочно пригласил его, чтобы сбыть ему что-то из своих безразмерных запасов...

2

Через какое-то время Артур на рынке поделился с Назаровым:

— Устроился еще и гаражи охранять. Отсиживаю в дежурке ночь, в месяц десять выходов, за каждый платят наличкой по триста рублей. Жаль, без трудовой. Время от времени устраиваюсь официально, — надо же и стаж зарабатывать для пенсии. Набрать лет двадцать и хватит. А ты, я слышал, устроился на Барановский завод?

— Да, уже два месяца там работаю — в учебном центре.

— Я тоже отработал на том заводе два года — охранником на проходной. И какая у тебя зарплата?

— Обещали десятку, но едва устроился, всех перевели на четырехдневку из-за того что мало заказов. Теперь получается восемь тысяч.

— Да за такие деньги надо просто отсидеть свои часы, ничего не делая, — и домой. Просто за то, чтобы люди держались...

— Да, там теперь текучка. Поработают несколько месяцев — и увольняются. У меня здесь на рынке больше получается. Поэтому не буду бросать это дело.

— Торгуй, раз идет дело...

А сам однажды принес на рынок целую коробку электролампочек. В магазине стоваттных и более уже не было в продаже, люди бойко раскупали их.

— Так вот кто выкручивал лампочки в твоём подъезде! — осенило Лешку.

Артур сконфуженно отвернулся, не ответив ничего.

А потом он стал носить на базар уличные фонари.

— Ты добрался и до фонарей, — всю подначивал Лешка своего знакомого.

Артур рассмеялся, не пытаясь опровергать эту версию.

— Пока ты дежуришь в гараже, можно успеть срезать два-три фонаря.

Именно столько каждый раз приносил Артур и продавал их по восемьдесят рублей.

— Хоть бы провода убирал, а то видно, что они отчекрыжены бокорезами,— изгалялся Лешка по-дружески.— А вдруг хозяин узнает свой фонарь?

— На них не написано имя владельца. Все они одинаковые,— наконец признался Артур в своем ночном баловстве.

— Как ты забираешься на гаражи?

— А я припрятал в кустах небольшую лесенку...

Однажды Артур разложил на своей газете литровые баночки с белым порошком.

— Что это такое? — поинтересовалась Тамара Петровна.

— А шут его знает! Шел через железнодорожные пути и увидел выгруженную кучу этого химиката. Лежит под открытым небом. Ну я и набрал несколько банок, буду говорить, что это каустик для чистки посуды. Когда я набирал его, неожиданно сзади подошел милиционер. Я даже не заметил, откуда он взялся. Смотрит на меня и молчит. Я тоже молчу. Так и ушел, не сказав мне ничего...

И действительно, хозяйки стали разбирать у Артура эти банки, чтобы чистить свою посуду.

Но совсем огорошил Назарова прибалт накануне зимы. Он подозвал рыночного соседа и проникновенно произнес:

— Я хочу попросить тебя помочь в одном деле.

Лешка на всякий случай насторожился.

— Я собираюсь переезжать на другую квартиру.

— Опять продаешь?! Неужели нет привязанности ни к одному месту?..

Артур отмахнулся.

— Сделка уже состоялась. Во вторник надо освобождать квартиру. Ты не сможешь мне перевезти вещи?

Хочет сэкономить на грузчиках, сразу догадался Лешка и стал отбояриваться:

— Я же хожу на работу. Только пятница свободная...

— До пятницы нельзя тянуть. Во вторник новый хозяин тоже будет въезжать в мою бывшую квартиру. Отпросись на работе.

— Ну, не знаю... У нас закручивают гайки. Чуть что — и увольняют. А мне тоже нужен стаж.

— Придумай что-нибудь...

Лешка ожидал, что тот захочет чем-нибудь отблагодарить его за услугу, но он даже не заикался ни о каком гонораре. А Назаров должен рисковать на работе...

Ему вспомнилось, что на днях сосед, что живет через огород, предостерег его: «Заведи собаку. Вчера часов в одиннадцать вечера, едва стемнело, я вышел во двор покурить и увидел, что в твоём огороде кто-то шарится. Думал, что это ты, позвал, а тот человек юркнул под яблоню и затаился. Наверно, охотники за металлом». Действительно, в последнее время стали забираться на чужие дачи, выносят тазики, ведра, бидоны. У Лешки на воротах были набиты прежним хозяином увесистые украшения из нержавеющей стали. Его все время укалывало предчувствие: ведь сорвут когда-нибудь. И точно — однажды утром увидел, что на воротах неряшливо зияют не покрашенные места — там, где были эти украшения в виде орнамента. Поживились килограммов на десять. Лучше бы он сам все сорвал и сдал в приемку.

Надо бы повесить в саду фонарь и среди ночи внезапно включать его, отпугивая воров...

— Ты не презентуешь мне один фонарь? — решил спросить Лешка у Артура.

Тот замер в тяжкой раздумчивости и выпятил находчиво, словно делал большое усилие:

— Я могу уступить тебе... ну, скажем, рублей двадцать...

Вот жмот! Хочет, чтобы кто-то за спасибо корячился с его диванами. Пожалел ворованный фонарь...

Лешка выслушал напоминание Артура, что тот в час дня ждет его у своего подъ-

езда, и не стал ничего говорить. Просто как обычно пошел во вторник на работу. Пусть жлоб побегает, поищет каких-нибудь бичей. Меньше чем за двести рупий и они не согласятся рвать свои пупы.

При следующей встрече на рынке Лешка отговорился перед вопрошавшим Артуром, что его не отпустили с работы, зная: тот не поверит в такое оправдание. Ну и пусть, большая беда!..

Это была последняя квартирная сделка Артура. Ввели тринадцатипроцентный налог на такие операции, лавочка закрылась.

Артур стал приносить на базар новые носки с этикетками. Брал их на оптовой базе и они хорошо расходились, хоть накрутка было в пятерку, не больше. Зато постоянный спрос — в любую погоду.

Отношения между Артуром и Лешкой стали более прохладными, хотя и раньше они были в общем-то никакими. На рынке Артур отмалчивался, больше общался с покупателями, боясь упустить очередного.

Раз Лешка увидел на подстилке прибалта несколько книг в обрамлении разноцветных носков. Наметанным глазом он сразу определил, что они неходовые. Люди уже пресытились разными «Анжеликами», детективами Чейза и Агаты Кристи. Теперь ищут другое. Артур отмечал, конечно, что Лешка после базара идет на остановку с сильно похудевшим рюкзаком, а то и вовсе опустевшим. Решил попробовать и его товар. Но если человек в литературе ни бум-бум, он сразу прогорит на этом — будет бесполезно таскать тяжести туда-сюда. А Лешка хорошо разбирался в книгах и принимал только стоящее.

Артур кое-как продал подешевке свои книжки, которые явно выудил на той же мусорке, а две прочно застряли — «Королева Марго» и «Асканио» А. Дюма, в мышино серых обложках, на плохой бумаге, тиражом аж в пять миллионов. Такой ширпотреб был почти в каждой семье. Артуру надоело носить их и он к концу торговли искательно обратился к Назарову:

— Эти книги нормальные? Что-то они застряли у меня. Второй месяц ношу, но никто ни разу не клонул. Тебе не нужны такие? Я бы отдал их по десятке.

— Я такие не принимаю,— поморщился Лешка.

Видимо, Артур заподозрил его в лукавстве и подумал, что он хочет сбить цену, а по пятерке взял бы. Обычно торгаши, если им надоело таскать бросовые книги, оставляли их на чужих подоконниках — может, кому-нибудь понадобятся за бесплатно. Назаров думал, что Артур так и поступит, тот уже складывал в баул свой товар. Вот он повертел в руках одну книгу и вдруг стал с хрустом отрывать у нее обложку, при это косясь на Лешку: как тот реагирует. Не заметив никакой реакции у своего знакомого, лишь Тамара Петровна слабо ойкнула, то же самое проделал и с другой книгой, и лишь тогда положил их у цоколя двухэтажки. Любой, кому они попадутся на глаза, сразу поймет, что их казнили,— лишь бы они никому не достались. Артур явно думал, что Лешка подберет их на халяву, если их оставить целыми на ближнем подоконнике. Тамара Петровна точно бы подобрала и потом носила их на базар месяцами.

Вскоре Назаров сдружился с другими местными делаварами и ему щедро выделили один квадратный метр дефицитной площади на самом рынке. Теперь можно не вставать спозаранку — эти места чужие не занимают. Заодно Лешка арендовал место в чужом гараже, чтобы оставлять там свои вещи. Теперь он мог значительно расширить свой ассортимент. Он выкладывал стопками сотню книг, а по убыванию их приносил из гаража новую порцию. Выручка стала стабильней. Он теперь мог позволить себе пропускать морозные или дождливые дни.

После базара Назаров налегке возвращался на остановку. Во дворах еще оставались припозднившиеся торгаши и среди них Тамара Петровна. Он подошел к ней поздороваться по старой памяти.

— А ты не знаешь, куда подевался этот... как его... мусорщик?..

Так она хлестко окрестила Артура. Уж она-то не стала бы риться в мусорных контейнерах несмотря ни на какую нужду.

— Давно не видел его,— пожал плечами Лешка.— Наверно, уже уехал на свою родину, он собирался...

— Странный какой-то, все деньги-деньги. Так и прожил бобылем, а ведь ему поди уже полтинник...

— В прошлом году столько стукнуло. Он даже не отмечал свой юбилей. Да и с кем? Ни детей, ни друзей...

— Ты хоть выполнил свою «программу», двое детей, пусть семья и развалилась...

— Зато дети у меня молодцы: пишут, звонят, приезжают в гости. Дочка уже замужем, а сын после школы собирается поступать в Омске. Будет жить у меня.

— Посторожи-ка мои вещички,— вдруг спохватилась торговая соратница.— Я сбегая на остановку.

— За семечками? — подначивал Лешка.

— Я быстро,— уклончиво бросила она.

Буквально через пару минут она вернулась с выражением поимевшей новости на лице.

— А наш друг оказывается здесь!

— Кто, Артур?

— Вон там расположился со своими носками. Какой-то угрюмый. Давай перенесем туда мои манатки, там есть свободное место. Еще можно постоять с часок, народ ходит...

Они примостились рядом со старым знакомым. Тот сидел на раскладном стульчике насупившись, глаза спрятаны под козырьком джинсовой кепки.

— Ты где пропадал? — почти обрадовался Назаров.

Козырек немного приподнялся, ему невесело ответили:

— Ездил в Новосибирск, хотел купить там квартиру.

— Ты же собирался совсем в другое место.

— А-а! — махнул он рукой.— В Новосибирске у меня живет младший брат.

— Ну и что? Не хватило денег на квартиру?

— Да нет, у меня скопилось аж шестнадцать тысяч баксов.

— Передумал, что ли?

— У меня похитили эти деньги.

— Не может быть! Чтобы у тебя... Как ты так опростоволосился?..

— Я зашил деньги в пояс и остановился у брата. Разъезжал, смотрел квартиры. А у брата сынок какой-то приبلатненный, к нему ходили разные дружбаны. Раз вечером в жуткий мороз я пошел в магазин за продуктами. Не успел отойти от подъезда, а мне сзади кто-то как врежет по затылку. Когда очнулся, смотрю — исчез мой пояс с деньгами. О нем знали только родственники...

— Ничего себе! Ограбили родного брата...

— Я, конечно, обратился в милицию, написал заявление. Следовательно мне прямо сказал: «Я нисколько не сомневаюсь, что это дело рук вашего племянника».

— И чем все закончилось?

— А ничем. Свидетелей нет, вещдоков тоже. Следовательно предупредил, что такое хищение трудно доказать. Племянник украденное дома не будет держать, спрячет подальше.

— Все равно надо было добиваться...

— Брат косится, да и как у него оставаться после такого? В гостиницах жуткий ценник, а у меня осталось в карманах всего-ничего. Еле набрал на обратный билет...

— Так и сойдет им с рук?

— Вижу, что бесполезно дергаться. Уже прошло два месяца, а меня больше не вызывали по моему делу. Так и спустят все на тормозах...

Лешка был подавлен такой новостью. Вот вам сюрприз от родного братца! Даже подумать страшно о таком.

Небо тоже нахмурилось, начали опускаться на разложенные носки мохнатые снежинки. Артур быстро скидал свой товар в сумку и, не прощаясь, отправился на остановку.

Молча пересматривались с Тamarой Петровной, не зная, что и сказать. На их глазах в прах разрушилась чья-то жизнь. В таких случаях полагается вымолвить что-то весомое, вот, мол, какими бывают повороты судьбы!

Пока Лешка собирался с мыслями, у Тamarы Петровны получилось это по-женски точнее и естественней, чем выразился бы он, уяснивший, что искусный делец, их знакомец Артур в мгновение ока стал гол как сокол. Она, глядя в землю, с расстановкой произнесла:

— Конечно, обидно, когда такое случается. Но я почему-то не испытала к нему никакого сочувствия...

Михаил Спивак
(г. Виннипег, США)

МЕДАЛЬ УШАКОВА ДЛЯ КАНАДСКОГО МАТРОСА

Михаил Спивак — писатель, сценарист, член Союза журналистов России. Родился в г. Кемерово. Проживает в Канаде. Автор нескольких книг. Публиковался во многих периодических изданиях. Автор на канадском радио «Голос Альберты» и телеканале RTV. Сценарист документального сериала «Вещдок». Лауреат литературных премий.

Вьюжило северным ветром, белую пыль несло по чешуйчатым крышам домов. Центральные магистрали бойко чистила тяжелая дорожная техника, а на боковых улочках одноэтажных спальных районов Виннипега, города в самом центре Северо-американского материка, образовались непролазные скрипучие залежи снега. Крупные хлопья, будто просеянная сквозь сито мука, попавшая под вентилятор, липли к лобовому стеклу. Дворники едва справлялись. Мутные фонари отбрасывали длинные тени, и дома, уже укутанные зимним покрывалом, поблескивали в вечернем сумраке яркими пятнами окон.

Я приехал по указанному адресу и позвонил в дверь. Послышалась мелодичная трель.

— Иду-иду, минутку!

Только бы дома оказался кто-то из детей или внуков ветерана, подумал я тогда. Мне и раньше доводилось беседовать с участниками Второй мировой войны. Старенькие даже те, кто застал ее окончание, а мой собеседник воевал на канадском королевском флоте с начала 1942-го. Сколько ему — уже за девяносто. Помнит ли он события далекой молодости?

Дверь открыл неожиданно бодрый старик с лукавой по-пиратски ухмылкой и вихрами редких, седых волос вокруг блестящей лысины. Старик поправил слуховой аппарат и ловко посторонился, приглашая меня войти. С промозглой стужи я ступил внутрь натопленного жилища. Линзы очков моментально заволокло почти непроницаемым туманом.

Голос хозяина, наполненный радушием, звучал приподнято и суетливо. Старик был многословен и рад моему появлению, будто мы виделись не в первый раз, а были завсегдатями одного паба или гольф-клуба уже много лет.

— Заходите, господин редактор, заходите скорее. Дверь закрывайте. Однако, дрянная сегодня погода — штормит. Арктический ветер, так его растак! — сказал он с прямотой старого вояки. — Как добрались по нашему морю разливанному? Вижу, у вас серьезный немецкий транспорт?

Слова его меня удивили. Оказалось, ветерану так сильно хотелось выговориться, что моего появления он дожидался у окна. Откуда бы еще он узнал марку моего автомобиля? Старик не обратил внимание на мои раздумья и с места в карьер пустился в воспоминания:

— Да, немцы отличные жестянщики: им хоть автомобиль, хоть подводную лодку

склепать — пара пустяков. Слышали про «волчьи стаи» субмарин? Да, их подводные лодки, как косяки рыб, плавали в Атлантике, — он вдруг опомнился, прервал собственный монолог, протянул руку и представился. — Дональд МакАдам (*Donald McAdam*), старшина второй статьи флота Ее королевского высочества! — он замялся, подумал и четко отрапортовал: — Разжалованный в матросы старшина второй статьи! В отставке, разумеется. Вы ведь не подумали, что я до сих пор плаваю?

Он рассмеялся собственной шутке.

Старый дом МакАдама, покрытый изнутри лакированным деревом, заливал чуть приглушенный мягкий свет. Я сразу отметил, что обстановка и сама аура жилища слишком аккуратная для одинокого мужчины. Мебель в доме массивная, из натуральной древесины, напоминала готический стиль.

Пока я собирался с мыслями, Дональд сделал широкий жест рукой.

— Рад, что вы позвонили и приехали! Кому сегодня интересно, что происходило семьдесят лет назад? Молодые люди мало что знают о той войне. Вы уж там, у себя в газете, как следует напишите о морских баталиях и мне принесите статью! Что говорите?.. На русском пишите? Какая досада! Я бывал в Советском Союзе с морским конвоем, но русским языком не владею. То ли дело мой товарищ Джонни Себастиан... Я вам про него расскажу. А для меня вы сделайте, пожалуйста, перевод на английский. Да? Спасибо! Сами-то в армии служили? В израильской... в бронетанковых войсках? Ну, только без обид, романтики в танках никакой — грохот и пыль. Ничто не сравнится с морем! — мы из коридора направились в зал, и Дональд вдруг сменил тему. — Знаете, за сколько я купил свой первый дом? — не дожидаясь ответа, сообщил: — За четыре с половиной тысячи долларов. Сейчас таких цен нет. Конечно, зарабатывали тогда меньше. Мой отец в 1908-м году получал одиннадцать центов в час, а я в 1941-м — уже тридцать два с половиной цента! Свой следующий дом я купил в 1961-м году за восемнадцать тысяч...

Интервью грозило оказаться бесконечным, но перебивать словоохотливого старика я не стал. Кто знает, каким сам буду в его годы, если вообще доживу до столь почтенных седин. Вдруг меня тоже потянет на воспоминания, и хорошо, если найдется благодарный слушатель.

Я доброжелательно кивнул и аккуратно попытался задавать наводящие на цель моего визита вопросы. А именно, поговорить с МакАдамом о его высокой российской награде — медали Ушакова. Не так много иностранных военнослужащих удостоились этой чести.

МакАдам не без удовольствия достал из красной коробочки серебристую медаль с голубого цвета колодкой. Пока я вертел в руках медаль и читал сопроводительное удостоверение, старик начал свой рассказ.

— Мне в 1941-м исполнилось восемнадцать. Пришли с повесткой и загребли в армию. О какой добровольной службе вы говорите? Враки все, молодой человек. Вра-а-аки! Военный призыв. Я мог бы попасть в пехотное подразделение или плавать на тральщике вдоль восточного побережья Канады, ловить немецкие субмарины... Куда? В Европу воевать насильно не отправляли. Только добровольцев. Но призыв был обязательным. Плавать вдоль собственного побережья — скукота! Если уж оказался в армии, я хотел увидеть другие страны «на халяву», за проезд-то платить не надо! Формировали нашу группу в Галифаксе. После окончания специальной подготовки полтора месяца я плавал на корабле береговой охраны «Шарни». Потом получил распределение на огромный дредноут «Малайя» (*HMS Malaya*) с большим количеством тяжелой артиллерии. Так я отправился с парнями из экспедиционного корпуса в Великобританию. То было настоящее боевое плаванье.

Он вдруг замолчал и устремил немигающий взгляд в верхний дальний угол комнаты. Только ноздри его раздувались, будто он прямо сейчас вдыхал морской воздух, стоя на палубе того сверхмощного линкора класса «Королева Елизавета».

На одной из полок я заметил фотографию храброго матроса с подписью «Дон МакАдам, 20 мая 1922 года». Я все ждал, когда Дональд вернется в уютную комнату и мы продолжим беседу, но там, на гребне волны посреди бушующих океанских просторов, вновь молодой моряк наслаждался стихией. Его глаза блестели, осанка выпрямилась. Он говорил быстро и увлеченно, поглядывая на мой диктофон, как на дикий зверь.

* * *

...Июль 1942 года. Вышли из порта в Галифаксе. Мы посреди ревущей Атлантики на палубе тяжелого линкора «Малайя» возглавляем конвой в южную Англию. В лицо летят холодные брызги пены в грохоте низвергающейся воды. Корабль то кряхтя взбирается на волну, то носом летит вниз. Сзади плетутся транспорты с тысячами наших парней на борту, в основном, летчиков и пехоты. Парни измучены морской болезнью, им даже в гамаках дурно. На линкоре пехотинцам не лучше. МакАдам хочет во все горло.

— Сейчас блевать будут! — потешается матрос. МакАдам гордится своим хамоватым, но честным юмором. — Вперед, капитан Катберт Коппинджер, добавь пару, и плевать нам на гитлеровские подлодки с их скоростью восемь узлов, против наших двадцати восьми! Тут главное борт под волну не подставить, как морду в боксе — под хук. Перевернемся? Не глупите, молодой человек! Но все равно, не надо. Яху-у-у, мы короли Атлантики!

Рубим носом волны, аж свист в ушах. С подводными лодками, конечно, не все обстоит так просто. Тут я малость приврал. Всего год назад у Зеленого Мыса «Малайя» торпедировала германская субмарина U-106. Тогда линкору повезло, что второй торпедой немецкий капитан атаковал транспортный пароход. Оба судна смогли относительно благополучно выйти из боя. Получив пробоину в борту, заметно кренясь, «Малайя» улизнул в безопасный порт на ремонт. Впрочем, год на войне — это целая вечность. Нельзя постоянно думать о прошлом.

Волнение в океане улеглось и горести забылись. Молодым Атлантика по колено. С шутками и прибаутками приплыли в шотландский порт Росайт. Там кораблей — как домохозяек на сезонной распродаже. Нас отправили в местечко Ниоби (*HMS Niobe*), там располагались штаб-квартира Канадских военно-морских сил в Великобритании и перевалочная база. Толпой неожиданных гостей свалились мы англичанам на голову. А ну, хозяева, принимай! Поселили нас в заброшенном дурдоме. Народ у нас шумный, сами за психов могли сойти. Но не долго мы прохлаждались на берегу, пришло время отрабатывать «бесплатный» круиз до Англии.

19 августа 1942 года на эсминце класса «Хант» в предрассветной мгле крадемся вдоль побережья Северной Франции в районе населенного пункта Дьепп. Легкая пелена тумана тянется над водой. Стараемся не шуметь, чтобы не утратить фактор внезапности. Готовится высадка десанта, парни уже заняли места в баржах.

Раздается команда: «Огонь!» Корабль сотрясло от залпа. Пушки изрыгают пламя, грохот взрывов эхом катится с берега. «Перезаряжай!» Транспорты мчатся к берегу — только бы проскочить самые гибельные метры, когда пехота совсем без защиты. Вдруг огрызнулись немецкие береговые батареи. Проклятье, нас ждали! Первыми залпами мы не смогли подавить артиллерию противника. Ад боя разверзся вокруг нас, но парням в баржах и того хуже. По ним с закрытых позиций лупят мортиры. Тех, кто добрался до берега, немцы встречают густым пулеметным огнем. В небе вспыхнул «Спитфайер» и камнем ухнул в воду.

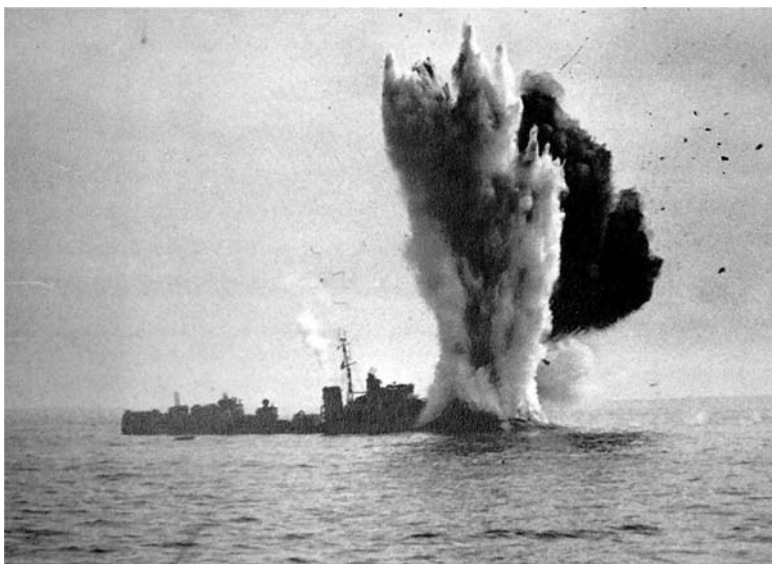
Нашим командос на берегу совсем туго — эсминцам не хватает огневой мощи для надежной поддержки наступающей пехоты. Британское командование побоялось отправить в район высадки тяжелые корабли и мощную артиллерию из-за угрозы

Операция «Раттер». Канадский десант, 19 августа 1942 г.
(источник The Canadian Encyclopedia)

подводных лодок. Наши танки «Черчилль» выгружаются на берег с опозданием, когда атакующая пехота уже смята заградительным огнем противника. Теперь вся бронетехника сама становится легкой добычей противотанковых орудий.

В воздухе тоже фиаско. Вражеские истребители выдавливают наших асов, и уже немецкие бомбы сыплются на наши корабли. Битва на земле и в воздухе проиграна. Проклятье, сейчас примутся за нас! Пришло сообщение — эсминец «Беркли» подбит двумя попаданиями авиабомб. Команду частично удалось спасти на эсминце «Албригтон», после чего потерявший управление «Беркли», чтобы не достался врагу, «Албригтон» торпедой отправил на дно.

Эсминец «Беркли» в момент попадания торпеды с эсминца «Албрайтон». 19 августа 1942 г. (источник <http://www.wrecksite.eu>)

Скоро становится ясно — мы наголову разбиты. Огромные потери! Уносим ноги, оставив на берегу догорающую технику и сдающихся в плен командос. Среди эвакуированных с берега солдат оказались несколько французских монашек из местного монастыря. Хоть кому-то спасли жизнь в той самоубийственной атаке.

Залечиваем раны на берегу: кто душевные — в кабаке, кто физические — в госпитале. Мне повезло пройти боевое крещение и остаться целым и невредимым. Даже благодарность и повышение по службе получил. Отмечаем в кабаке, бухаем... так боль от утраты товарищей притупляется. Затем шляюсь по городу. Это на кораблях мы всегда на боевом посту, а на берегу предоставлены сами себе. График не то чтобы вольный, но и не казарменное положение.

За что меня разжаловали? А вот за то самое — поборогозили мы малость с ребятами. Ну, может и не малость. Газу дали как следует.

В один из праздных дней на берегу я встретил очаровательную шотландскую девушку, скромную и веселую. Представился, слово за слово, познакомились, стали встречаться. Ее родители особо восторга от нашей увлеченности не испытывали. Известно, что на войне случается с подругами военных. Плачут потом в похоронку, и ребенок рождается безотцовщиной. Но никакая война не способна противостоять любви. Стали готовиться к свадьбе.

Местный священник не разрешил жениться в церкви, потому что все боялись германского авианалета. Бомбардировщики могли внезапно появиться. Приходилось соблюдать светомаскировку. У родителей невесты был новый дом. Его разбомбили. По счастливой случайности никто из родственников не пострадал. Незадолго до свадьбы случился новый авианалет.

Гул нарастал, казалось, что он повсюду. Стая черных «птиц» — едва различимые во мгле «Юнкерсы» — заходили с юго-востока. Шли строем. Затем вдруг, один за одним, стали заваливаться на крыло, и тогда послышался душераздирающий вой падающих бомб. Земля содрогнулась от раскатистых взрывов. Бомбы ударили в самую оконечность поселения и дальше — в поле, там на отшибе стоял винный погреб. Его разнесли в щепки. Пожар мы быстро потушили, а воздух пропах разлитым спиртом. Казалось, беда миновала, но тут же хлынула вторая волна бомбардировщиков. Мой тесть и другие мужчины решили схитрить — снова подожгли разлитый спирт и убежали. Летчики противника видели внизу огонь, думали, что горит поселение, и скинули на пустой винный погреб новые бомбы. Поселение не задело.

В общем, свадьба моя была наполнена яркими, в прямом смысле этого слова, образами. Священник зарегистрировал наш брак дома и без больших торжеств. Из гостей присутствовали сестра и брат моей жены и еще девочка с цветами.

За добросовестную службу и проявленную храбрость МакАдам получил месячный отпуск, и на лайнере «Мавритания» поплыл в Канаду. Когда вернулся, узнал, что приписан сопровождать конвой с военными грузами в Советский Союз.

Самый короткий, но и самый опасный путь в СССР лежал из Шотландии вокруг оккупированной Норвегии. Германский надводный флот, авиация и субмарины всячески пытались сорвать стратегические поставки союзников. Задача была настолько важна, что немецкое командование задействовало в операциях крупные силы, включавшие два тяжелых крейсера «Адмирал Хиппер» и «Лютцов», а также линейный крейсер «Шарнхорст», который в 1943 г. в ночном бою был потоплен британским линкором «Дюк оф Йорк» и кораблями эскорта.

Мы в боевом охранении, как овчарки вокруг стада овец. Неповоротливые транспорты кое-как плетутся, и мы вынуждены держаться поблизости, прикрываем с боков и сзади.

Вдруг сонар уловил подозрительный звук. Тревога — гребные винты вражеской субмарины! Мы их засекли, и теперь преимущество на нашей стороне, за счет превосходства в скорости и маневренности. Полный ход! Глубинные бомбы за борт! Глубина двести метров. Ухнули первые взрывы — мимо. Немецкий капитал заметил наш маневр и стал уводить свою подлодку. Мы продолжаем охоту. Бомбы за борт! Взрывы... и тишина. Утопили? Нет... Где-то прячутся, заглушили двигатели. И мы ждем. Патрулируем. Куда им деваться? Как только запустят винты, мы их сразу вы-

числим. Так и есть — заработали. Всплывают. Почему они не утонули во время нашей атаки? Потому что погрузились на двести семьдесят пять метров — глубже, чем мы думали. У них закончился кислород и обшивка дала течь. Сдаются! Пленных погрузили на одно из наших судов, а подлодку пустили на дно.

Германская подлодка U-744 сдается кораблям союзников. После снятия экипажа ее затопили торпедой с эсминца «Икар». (источник <http://www.uboatarchive.net>)

В Мурманск добрались более или менее спокойно. Нам позволили сойти на берег. Любопытно гулять по советскому городу. Возле кинотеатра увидели афишу знакомого фильма «Hudson Bay». Но фильм смотреть не стали, а направились в кузницу, расположенную на пригорке. Мой друг Джонни беседует с кузнецом и переводит мне. Джонни в совершенстве владеет польским, поэтому с русскими может общаться довольно сносно.

Кого забрали в НКВД — кузнеца, за что? Хм, общался с иностранцами, говорите. Мы же союзники! Не важно? Ну, я в этих русских штучках мало что смыслю. Кузнец выковал нам с Джонни в подарок по стальному ножу с кожаной рукояткой.

Разгрузка транспортного судна в порту Мурманска. 1944 г. (источник: энциклопедия «Кольский север»)

Мы несколько раз плавали в СССР, но на берег сходили только однажды. В один их таких походов чуть не огребли. Это уже под самый конец войны случилось. Идем на большом эскадренном миноносце «Гурон» (*HMCS Huron*): солнце светит, настроение хорошее — весна... Вдруг Джонни срывается с места, бежит к спаренному крупнокалиберному пулемету. Воду очередями поливает, грохот, неразбериха, гильзы летят на палубу! Я бегу к борту... Fuck! Вонючее дерьмо! Прямо в борт «Гурону» идет немецкая торпеда! Скользит практически по поверхности воды. Отчетливо вижу ее след, и страшно до усрачки — сейчас рванет! Святые угодники, нам пи...! Капитан орет: «Полный назад!» Тяжелый корабль пятится, как черепаха. Торпеда нас догоняет, сейчас взлетим на воздух и... тишина! Еще секунда... Тихо! Торпеда прошла в нескольких дюймах от нашего носа. Фу, пронесло. Чуть в штаны не наделал.

Вытер пот со лба, как будто действительно только что пережил торпедную атаку. В тот день, 29 апреля 1945 года, кораблями эскорта были утоплены две германские субмарины: U-286 и U-307. Предположительно, «Гуруна» атаковала подлодка U-286, так как подлодку U-307 немногим раньше уничтожил фрегат «ЛокИнш»...

Были и другие случаи, правда, не такие острые. В конце войны у немцев появились самонаводящиеся акустические торпеды «Цаукенинг», которые двигались на шум гребных винтов. На самом деле торпеды так себе. Во-первых, они были тихходными. «Гурон» имел скорость раза в полтора-два выше, чем у акустической торпеды. А еще у нас была английская торпедная ловушка «Фоксер». Это такая громыхалка, которую буксировали за кораблем на канате длиной в двести метров, и за которой гонялась торпеда. Проблема с «Фоксером» в том, что она громыхала на весь Атлантический океан, выдавая нашу позицию. Но все закончилось благополучно. Как видите — я живой, в сентябре 1945-го демобилизовался и с молодой женой вернулся в Виннипег. Джонни? После войны он вернулся Онтарио.

* * *

Дональд МакАдам снова взял медаль Ушакова.

— Я ее заслужил!

Делаю несколько фотографий, благодарю за интервью и прощаюсь. Выхожу в ночь.

Ветер в Виннипеге улегся, густой снег валит большими, мягкими хлопьями. А в окне стоит одинокий старик, как будто все еще на вахте эскадренного миноносца.

Алексей Яшин
(г. Тула)

**ИЗ ЦИКЛА НОВЕЛЛ
«БОЛДИНСКОЕ МЕЖСЕЗОНЬЕ»**

СУХОПУТНЫЙ МОРЯК МОРЗИСТ КИРЯ

— Так за что же-с, за что, — говорю, — меня в военную службу?

— А разве военная служба — это наказание? Военная служба это презерватив.*

Н. С. Лесков «Смех и горе»

♦ Сколько помнил себя с сознательного возраста Кирилл, Киря по-дворовому и школьному, Федорищев, по праздничным и иным дням с застольем отец его, Андрей Филиппович, человек сугубо штатский, даже военную кафедру в Тулуповском политехе, упраздненную в разоруженческих девяностых годах, не застал, после третьей-четвертой стопки пускался в генеалогические, отчасти даже геральдические, воспоминания, передаваемые в роду Федорищевых со времен начала набегов крымских татар на Московскую Русь. Хотя и технарь по образованию и роду занятий, был он любителем отечественной истории. За накрытым столом, как правило с гостями, по обычаю всех непрофессиональных ораторов, что говорят не глядя на всех пространственно, а избрав кого-то одного, кому безотрывно смотрят в глаза, Андрей Филиппович в качестве такового предпочитал сына. Может потому, что Кирилл в невозбужденном состоянии мог долгое время не моргать, а значит не сбивал отца, не без усилий передававшего разбегающиеся в легком подписи мысли на их словесное выражение. Если гости являлись новичками в доме Федорищевых, то Андрей Филиппович строил рассказ пространным, а по времени от распада Золотой Орды. Звучало это в следующем изложении, как в общих чертах сложилось в голове Кирилла.

За сто ровно лет от Куликовской битвы до Противостояния на Угре — это в соседней Калужской области — Золотая Орда распалась на отдельные улусы, а еще раньше отделившиеся от нее сепаратисты Мамай, что обосновались в Крыму, подпали под власть османов и начали регулярные набеги на Московское княжество, иногда на Малороссию и Литву, то есть нынешнюю Белоруссию. Поэтому еще до Ивана Грозного, добившего орду на Волге, на южных и юго-западных границах все растущего Московского княжества, выгнутого вовне от Москвы полукругом от калужских сосновых лесов до Коломны, спешно устраивались кремни, сторожевые посты, крепостцы, соединенные сплошными засеками. Ну-у, вокруг кремлей города разрастались с народом, а маленькие крепости и сторожевые посты заселялись присылаемы-

* Во времена Лескова, то есть во второй половине XIX века, слово «презерватив», то есть предохранение, использовалось только в социальном, как в настоящем эпитафее, и в техническом смыслах — например, устройства искусственного охлаждения продуктов, предшественники нынешних холодильников. Кстати говоря, в нынешнем понимании термин этот появился только в 30-х гг. XX века; до этого — кондом. — Прим. авт.

ми стрельцами, которые поселялись семейственно, их род занятий становился родовым, наследственным.

Стрельцов на Засечную черту, в которую и наш Тулуповск входил, присылали из людных мест, что севернее Москвы, ярославцев, владимирцев и тверичей, потому и язык засечных стрельцов являлся самым что ни на есть северным старорусским, в котором, как мне как-то одна... Андрей Филиппович, почувствовав на себе внимательный взгляд супруги, оговорился... один приятель студенческой поры, из пединститута с исторического факультета, растолковал, многие слова произносились с окончанием на «ище»: громадище, пушище, лешище и так далее. Словом, с подчеркиванием огромности, крупноты, если можно так выразиться. Соответственно и фамилии под эту статью стали стрельцами от имен крещеных и прозвищ давать — а им, как государевым людям, с записью в военные списки-столбцы. Образовались Степанищевы, Иванищевы, Пороховищевы... Вот и наша такая же — Федорищев. Так что, как встретятся вам люди с такими фамилиями, так в точку попадете: из потомков засечных стрельцов! И по внешности даже сейчас мы, их далекие потомки, заметно схожи между собой и отличны от остальных. Вот гляньте на меня, на Кирю и что? — Правильно, кряжистые, со здоровенными кулаками, волос на голове жесток и мелко светится, а глаза чуть навывкате, с голубизной. Иной незнакомый посмотрит и даже слегка испугается: а вдруг по морде хрястнет! Дед вот сегодня, то есть батя мой, не смог прийти, так и он такой же: никакой лысины! Волосы, хотя и сплошь седина, также в мелких и жестких завитках. Та же... тот же студенческих лет приятель-историк, из серьезных отличников, много чего уже знающий, говорил: «Вот, Андрюха, такой же как у тебя облик имели старорусские люди, что от Новгорода и Пскова потом расселились к востоку, образовав княжества в Ярославле, Твери и Владимире. И небольшая смуглость наша от них же — не были они «белокурами бестиями»! — да еще на границе с Дикой степью не одно столетие под тамошним солнцем загорали. А характер решительный и речь быстрая — это уже от нелегкой и ответственной стрелецкой службы. С татарами почти в непрерывных стычках, а попозже с донскими казачками и запорожцами — им тоже палец в рот не клади».

Дед мой, не батя, подлинный дед, давно от нас ушедший, земля ему пухом, с педагогическим тож образованием, работал по партийной линии, курировал облархив в числе прочего, розыск в нем организовал, отыскал-таки столбец этот с упоминанием нашего предка-стрельца. Фотография столбца у бати хранится. Запись в нем старописанными буквами насчет того, что стрелецкий пушечный десятник, это как сейчас, сержант, артиллерийский отделенный командир, Трофим по прозванию Федорищев из засечной стражи Староямного городища за отражение набега сотенной ватаги крымчаков пожалован наказным воеводой Коновницыным наградным серебряным рублем. Это тогда вроде как за георгиевский крест считался.

Я-то на военную службу не попал, а батя мой в артиллерии срочную служил — тоже поддержал традицию от засечных стрельцов-пушкарей. А вот дед, Кирюхин значит прадед, что после войны пединститут закончил и пошел хорошо по партийной части, пока ее самую родную не упразднили за семь лет до кончины его, изменил стрелецкому роду, во флоте служил. Призван в тридцать девятом на только что образованный Северный флот, там же войну встретил и всю ее ломал; демобилизовали только в сорок седьмом: тогда кадровых, то есть призванных до войны, солдат и ун-деров во флоте и авиации подзадержали на пару-тройку лет — чтобы не снижать боеготовности...

Поскольку стрелецкая тема исчерпана, а стопки не устают наполняться, то разговоры за столом переходили к общим темам: о происках америкосов и мудрой политике кого надо, мировом кризисе и падении курса рубля к поганым доллару и евро.

♦ О своем флотском прадеде, Илье Егоровиче, Кирилл, сам-то всего лишь три года как не заставший его в живых, все досконально знал от деда Филиппа Ильича, ро-

дившегося в сорок девятом году — два года потребовалось демобилизованному военному-североморцу, чтобы по прибытии в родной Тулуповск жениться и обзавестись наследником рода и нехитрого капитала: колодки военных медалей и ордена Красной Звезды, да еще высокочтимых в армейско-флотской среде двух нашивок за ранения.

Призванный по кряжести фигуры, среднему образованию и курсов ОСОАВИА-ХИМ'а по радиodelу во флот, Илья Егорович после учебного отряда на Соловках прибыл в Полярный, главную базу Северного флота, самого молодого в стране, где был определен радистом на эсминiec «Стремительный», вроде как флагман тогда еще не богатого надводными кораблями флота за Полярным кругом. После начала войны эсминiec повоевал недолго: в самом старте осени немецкие самолеты с норвежской базы сумели обойти зенитные батареи, плотно окружавшие подступы к главной базе флота, и сбросили бомбы на корабли и пристани Екатерининской гавани Полярного. Прямым попаданием полутонной фугаски «Стремительный» разломило пополам. Половинки мигом затонули, но большая часть экипажа, оказавшись в воде, да еще перепачканные разлившимся мазутом — эсминiec полностью заправился топливом перед выходом в море, — была поднята на борта подоспевших катеров и деревянных ботов. Екатерининская гавань не слишком уж широка; от стоявшего на рейде эсминца до обоих берегов, острова Екатерининского и материкового городского недалеко, поэтому многие из краснофлотцев и сами доплыли. Уже старшина второй статьи Федорищев плавал хорошо, но без подошедшего катера вряд ли бы спасся: при взрыве ранило в ногу. Поэтому его, вместе с другими пострадавшими, прямо от пирса на носилках отправили в стоявший неподалеку главный флотский госпиталь.

После удачного излечения старшина Федорищев вышел из госпиталя с легкой — на всю долгую жизнь — хромотой на левую ногу, а на форменке с первой нашивкой за ранение — редкостная в самом начале войны медаль «За боевые заслуги», поскольку в момент взрыва бомбы, разломившей «Стремительный», не поддался панике: выбегая из своей радиорубки, действовал по уставу — схватил шифровальную, с грифом «Совершенно секретно», книгу, засунул ее в вырез форменки и выпрыгнул за борт. Как он вспоминал, действовал на автомате, почти не чувствуя раны ноги... И когда в конце сорок третьего ему, вызванному в Полярный уже главстаршиной, героический командующий Северным флотом адмирал Головкин вручал «Красную Звезду», то тотчас припомнил: «А-а, так ты и есть тот Федорищев со «Стремительного», что раненый сумел вынести с корабля шифровальную книгу? Ну вот теперь и орден вдобавку к медали носи!»

Увы, все по тем же флотским уставам даже слегка хромающим на кораблях быть не положено. Так Илья Егорович стал и до Победы воевал «сухопутным моряком», а конкретнее — сначала радистом, потом главстаршиной и начальником береговых постов наблюдения и связи. Первый год такой службы пришелся на различные посты на выходе из Кольского залива в Баренцево море: Кувшинская Салма, остров Торос, на полуострове Средний. К осени сорок второго года, как крепкий крестьянин обжигается в своем новом, хлопотном хозяйстве, так и Северный флот, подошедший к началу войны в стадии спешного доустройства, избавился от лихорадки торопливости, установился в своей, так сказать, инфраструктуре от сухопутного фронта, который в его «владениях» почти что не отодвинулся в нашу сторону от довоенных границ с Финляндией и Норвегией, до Йоканьги и далее по Терскому берегу Кольского полуострова, что омывается Белым морем. Людей уже не дергали поминутно.

Послужив полгода на очередном посту в Сеть-Наволоке, обеспечивавшем связь и наблюдение для береговых батарей морской артиллерии, прикрывавших вход в Кольский залив, заслужив звание главстаршины, Илья Егорович получил под свое начальствование пост на стыке полуостровов Рыбачьего и Среднего, где и «застабилизировался» до конца войны.

...И сейчас в домашних застольях, в память о славном краснофлотце, патриархе семейства, после перехода от разговоров к песням, Филипп Ильич, а в его отсутствии (жил он с супругой отдельно) Андрей Филиппович, затягивали гимн Северного флота: «Прощайте, скалистые горы, на подвиг отчизна зовет...». И с особым одушевлением пели строки: «...Растаял в далеком тумане Рыбачий, родимая наша земля!» Так непроизвольно, сызмальства в голове Кирилла и сложилась неразрывная связь ассоциаций: героический прадед — Северный флот — полуостров Рыбачий в почти что осязаемых туманах.

Илья Егорович хотя и окончил пединститут, но по физике, куда как близкой к его военной профессии связиста, радиотехнике. И хотя пошел по партийной линии, в каковой тогда очень приветствовались основательные, образованные люди с большим военным и жизненным опытом: все же год войны за три мирных! Опять тогда еще не появились позднебрежневские «шалуны-партайгеноссе» в среднем партийном звене, что порхали по карьерной лестнице как «и в поле жнец, и на дуде игрец»: неважно где руководить, лишь бы *руками — водить*. Партийный руководитель должен был хорошо, желательно отлично, разбираться в сути дела организации или предприятия. Таким парторгом был Илья Егорович, возглавляя (сам напрашивался!) организации в исследовательских институтах и заводах Тулуповска с профилями, близкими к связи и радиоэлектронике. Даже став, на вершине невеликой своей карьеры, одним из райкомовских секретарей — по промышленности, — он сам себя порекомендовал, для пользы дела, в тот район областного центра, в котором преобладали предприятия и организации такого профиля.

Более того, сына своего Филиппа по окончании срочной службы склонил на вечернюю учебу по существовавшей тогда в тулуповском политехе радиотехнической специальности (сын после армии скоро женился, поэтому совмещал работу с учебой). Но самое удивительное, за что Илья Егорович получил в широких начальственных кругах Тулуповска прозвище, впрочем, вполне добродушное, *радиопарторга*, так это его любительское радиоконструирование и даже личная радиолубительская коротковолновая радиостанция с позывным *UA3PY*. Даже пары-тройки доносов-анонимок, дескать, партийные тайны морзянкой империалистам передает, в «службу Кленового переулка» удостоился. Тамошние «компетентные» хохотали; мол, для целей контроля этого спортивного занятия, возглавляемого в рамках страны героем-полярником Эрнестом Теодоровичем Кренкем, есть инспекция электросвязи, которой в Тулуповске заведует отставной полковник «органов» Авзурагов...

К паяльнику* и азбуке Морзе Илья Егорович приучил сына Филиппа еще в среднешкольном возрасте. У них осечка вышла лишь с внуком и сыном, соответственно: Андрей, отец будущего Кирилла, испытывал неодолимое, явно от предков-стрельцов, тяготение к военной механике, потому и окончил соответствующий факультет политеха. Но здесь наступила эпоха частнособственничества, Андрей Филиппович занялся торговлишкой и постепенно дошел до нынешних времен «среднеклассным предпринимателем, России спасателем», как иронизировал над сыном Филипп Ильич, лишь в преддверии своего семидесятилетия ушедший на пенсию из знаменитого Конструкторского бюро академика Гусакова. Он же, что называется на дому, прошел с внуком Кирей почти полный курс радиотехникума. С азбукой Морзе по второму спортивному разряду впридачу.

♦ День рождения Кирилла случился неудачным, то есть в первый класс он пошел почти восьмилетним. И родители его как-то не сообразились отдать его в школу в неполные семь лет. Как раз мировой кризис случился, мелкопредпринимательские заботы Андрея Филипповича отвлекли от семейных дел, а мать Кирюши, как и все

* Буквально на днях услышал по центральному радио нынешнюю присказку в том роде, кто из современных мужчин знает что такое паяльник и как им пользоваться, тот заслуживает звания уникама...— Прим. авт.

жалостливые русские женщины, даже рада была: пусть чадо еще годик на воле, а не за партией, проведет. С нынешними-то молодыми училками, глупыми и кобылистами! А тут еще раз (первый при Никите в шестидесятых годах...) с американцев собезьянничали одиннадцатилетку. Словом, по окончании школы у Кирилла имелась только одна попытка поступления в университет, если принимать во внимание повестку из военкомата. Дедово воспитание и авторитет Филиппа Ильича в отношении сына со снохой, тем более Кирилла, в таком случае полностью исключал откуп внука от службы, добывание медсправки и прочего инструмента отлынивания. Впрочем, Кирилл не особо-то верил в военкоматовские повестки, исходя из статистики. Слыша в начале весны и осени из телеящика об очередном призыве, где уже привычно фигурировала цифра призываемых в полторы сотни тысяч по всей стране, не выходя за пределы арифметических операций, он вычислял вероятность попадания на срочную в 0,1 %, а в течение года в 0,2 % от численности населения страны, что означало, соответственно, не более десяти и двадцати процентов для ребят призывного возраста. Так что эта самая вероятность попасть в таковые счастливицы не то что мала, но разумна. Да и по жизни он это видел: мало кто из его дворовых и школьных знакомцев, просто знаемых, в армии служил. И в самом, относительно большом областном городе, после спешного закрытия высшего ракетно-артиллерийского училища (с девянотых — института), он видел людей с армейскими атрибутами одежды только в традиционные праздничные дни десантуры, моряков и пограничников. Да и то здесь преобладали парни в тридцать и более лет. Все понятно, время миллионных сражений под барабанный бой, с развевающимися знаменами прошло. Теперь армии мобильные, но достаточные, как говорили с тех же телеэкранов. Политический, совковый оппортунист дед Филипп Ильич ядовито вторил при этом известному эстраднему смехачу: «Пенсия у меня маленькая, но хорошая».

Поэтому, обидно не добрав по своим «эге»-баллам всего-то одного «шара» на радиоэлектронную специальность тулуповского универа (почему-то в этом году она вдруг приобрела популярность?), он вовсе не огорчился, решил, переждав год, повторить попытку. Идти же на платную учебу, о чем было заикнулся отец («Дела, Киря, у меня сейчас, тьфу-тьфу, вроде нормально идут, осилим...»), он — с подачи деда — категорически отказался. Все по его разумным доводам, да и сам он серьезно избрал радиодело своей будущей профессией, Кирилл не стал этот год тратить на обычную подработку: по компьютерной части поденщиком, мелочной торговлишкой, иной лабудой, а устроился — по газетному объявлению — учеником радиомонтажника в опытное производство оборонного радиолокационного исследовательского института. Правда, заведение это, некогда гремевшее в оборонпроме, где был работал в послевоенные годы первый советский военный радиолокатор, в девянотые годы почти затихло, но сейчас оживилось, конечно, в намного меньших, по сравнению с советскими временами, масштабах.

Окончив краткосрочные курсы и сдав на профессиональный разряд, Кирилл до весны трудился в опытном цеху, многое научившись делать, а главное — соображать в части практической радиолокации. А полновесная, уже не ученическая стипендия! зарплата вызвала неподдельное уважение родителей, гордость совкового деда и, разумеется, некоторое чувство самоуважения самого Кирилла. Собирался он работать до второй попытки поступления. Тем более, в университете со следующего учебного года открывалась специальность радиофизики. Это Кирилла очень обрадовало: во-первых, радиофизика — это инженерная теория радиолокации — здесь он в точку попал! во-вторых, именно по причине инженерно-физической сложности этой специальности желающих поступать на нее, во всяком случае, не толпы наберутся. Не случится давешнего казуса с недобраным «эге»-баллом.

«Бог не Мишкиша, видит на ком шишка» — неожиданно сбылась на Кирилла обычная дедова присказка. Негаданно в военкоматовской лотерее, или как там они

выбирают призывников, он получил повестку на весенний призыв. Даже советский дед несколько огорчился, вспомнив о броне девяностых — начала двухтысячных годов для работников оборонных предприятий. Может даже поэтому — «и ты, Брут, проданся красным командирам» (эпопея о Бендере была прочитана Кириллом трижды) — он с неизжитым еще юношеским гонором пошел в военкомат, где очень даже одобрили его отменное здоровье и кряжистую статью потомка засечных стрельцов. Углядев же в коридоре военкомата пожилого флотского офицера, явно трудившегося здесь на пенсионной отставке, Кирилл подошел к нему, рассказал о северноморце Илье Егоровиче, своем прадеде, воевавшем на полуострове Рыбачьем, раненом на потопленном немцами эсминце «Стремительный», о своем желании именно на Северном флоте служить. Кавторанг обнял парня как родного: «Да ты... да я...». Выяснилось, что сам он, в числе прочих флотов, семь лет базировался в Полярном на дизельной подлодке: от выпускника ленинградского училища подводного плавания, знаменитого ЛВВУПП* до четырех звездочек каплея на погонах. А узнав, что крепкий телом и рассудительный языком призывник еще и радиолюбитель со стажем, спортсмен-морзист и имеет профессиональный разряд по монтажу и сборке радиолокационных станций, и вовсе пришел в восторг и прямо повел его к военкому. Несмотря на малую квоту по Тулуповску на флот, еще меньше на Северный, Кирилл в положенный срок, напутствуемый гордящимся внуком Филиппом Ильичем, озабоченным своим *business* отцом и даже слегка всплакнувшей матерью, а также недоумевающими («Мало ему года в пехоте, так, чудила, на удлинненную службу во флоте сам напросился!») приятелями, прибыл на сборный пункт военкомата. Через Москву, затем полторы суток на мурманском поезде, а далее служебным автобусом по левому берегу Кольского залива, он прибыл в Полярный в начале заполярного лета с незаходящим суточным солнцем. Из карантинной казармы любовался неожиданно большим городом, раскинувшимся вольготно своими многоэтажными домами по гранитным сопкам и пологим ущельям между ними. Окна его учебного отряда выходили прямо на Екатерининскую гавань, в которой тонул восемьдесят лет назад раненый на разбомбленном немецкими самолетами эсминце «Стремительный» его прадед Илья Егорович.

♦ С первых дней учебки, естественно попав по сопроводительным из тулуповского военкомата (давешний отставной кавторанг постарался на совесть, расписал как надо!) документам на него в разряд радистов, Кирилл узнал, что главной базой Краснознаменного Северного флота является Североморск — в получасе ходьбы катера от Полярного наискосок по Кольскому заливу, а Полярный суть главная же база Краснознаменной Кольской флотилии, задача которой есть охрана в мирное, а главное в военное время береговых и водных рубежей «владений» Северного флота от норвежской границы до беломорского Терского побережья Кольского полуострова. То есть, как объяснил начальник учебки по-военному кратко и доходчиво, Североморск с его крейсерами, сохранившимся единственным авианосцем, атомными подводными лодками, рассредоточенными по губам кольского побережья и большими противолодочными кораблями крейсерского типа — это стратегия, а наша флотилия есть оперативно-тактическое охранение этой стратегии в местах ее базирования.

Действительно, около пирсов Екатерининской гавани Кирилл видел только стоящие в несколько номеров, то есть ошвартованные борт к борту, сторожевые и торпедные катера, минные тральщики и другие корабли малого класса. «Ничего, служить на них даже ответственнее», — не огорчился Кирилл, что не суждено ему попасть на крейсер, эсминец, стратегическую или ударную атомную подлодку. Сам ведь в военкомате в Полярный напросился! — продолжать прадедову традицию. Назвался груздем, так полезай в кузов.

* Ленинградское высшее военное училище подводного плавания — знаменитая, орденоносная кузница кадров советских (и нынешних) подводников. — Прим. авт.

Но к окончанию изучения уставов, освоения маршевого шага и ознакомления с корабельными радиосредствами Кирилла ожидало огорчение. Ему объяснили, что вакансии корабельных радистов сейчас заняты и вообще все идет к тому, что экипажи все более формируются из сверхсрочников, которых ныне именуют по-американски (здесь солидный, близкий к отставному возрасту начальник учебки по-морщился) *контрактниками*. Поэтому, учитывая добротные рекомендации матросу Федорищеву с места призыва, профессиональное знание радиолокационной техники, навыки радиоконструктора и — здесь офицер уважительно растянул слова — спортивный разряд по азбуке Морзе, оный матрос направляется для прохождения дальнейшей службы на береговую радиолокационную станцию на полуострове Рыбачьем. Заодно кавторанг, отметив некоторое усумнение на лицах матросов при упоминании азбуки Морзе, разъяснил, что нынешняя высококласная техника связи, даже с привязкой к космосу, дело хорошее, но флот по диспозиции всегда должен находиться в состоянии, близком к военному, а в начале боевых действий и спутники могут сбить, телекоммуникационные сети вирусами и иными действиями из строя напрочь вывести, сложно организованную радиосвязь заглушить средствами радиопротиводействия... «словом, товарищи матросы, по крайней необходимости нет ничего надежнее в пехоте мосинской винтовки, а в радиосвязи азбуки Морзе! Говорят много знающие люди, что и в технических службах генштаба, в управлении стратегическими войсками обязательно есть морзисты».

...Сторожевиком, идущим в район Печенги на норвежской границе, матроса Федорищева и еще одного салагу, призванного из Медвежьегорска, что на юге Карелии, доставили на «точку» восточного берега полуострова Рыбачьего. Где-то рядом в войну служил прадед Илья Егорович. Круг через восемьдесят лет замкнулся его потомком.

♦ Уже вполне освоившийся со службой, Кирилл, вновь возвращенный годками* к прежнему дворовому и школьному Кире, в законный выходной, что на их точке не общий воскресный, законодательный ранее для царской, потом советской, а сейчас российской армии, но по дежурному скользящему графику, в ласково-теплый августовский день спустился по пологому склону *своей* береговой сопки в ложбину, обьелся уже перезрелой, значит в самой сладости, морошкой и неторопливо по травянистому взгорью поднялся на соседнюю — в материковую сторону — сопку. По простоте уединенной жизни их точки, на полтора десятка километров, как циркулем отведенных, удаленной от мест обитания других живых душ, все отделение, обслуживающее радиолокационную станцию, давно забыло, что такое отутюженные клешки, форменки с гюйсами, щеголеватые надраенные ботинки. Если по повседневно-выходной форме и одевались, чертыхаясь, то когда радист Киря оповещал командира отделения главстаршину Игоря Семейкина, родом из Курска, что к ним на катере приближается начальство, обычно регламентное инженерное. Понятно, чаще не официально сообщали, а по «флотской перекличке: огонь по линии, ку-ка-ре-ку!». Но таковое случалось редко, раз в полтора-два месяца. А так форма одежды, исключая время сна, регламентируемая как рабочая. Летом — отродясь не знавшие утюга холстинковые, то есть из тонкого брезента, белые просторные штаны и поверх выпущенная роба с вырезом, как у форменки, под которой тельняшка. На голове черная пилотка — если дождик накрапывает, ноги обуты в ботинки-бахилы чуть ли не из бычьей кожи с подрезиненными подошвами. На гражданке такие носят грузчики, строители и канализационные ремонтники. В совсем жаркие летние дни щеголяют, у кого имеются, в кроссовках. На самой же точке в такие дни, в «избушке», в рабочем отсеке станции и в ходьбе между ними и вовсе черные тапочки с запяточниками на резинках. Как объяснили Кириллу, удобные эти тапочки по форме одежды не значатся,

* Годки на флоте, как и земели в сухопутных войсках, принятое обращение друг к другу сослуживцев рядового состава.— При. авт.

но по сложным взаиморасчетам с интендантскими годками даже в такой глухомани они не редкость. Поговаривали старослужащие, что такая обувка суть рабочая форма одежды атомных подводников. Чтобы под водой, затаившись, ботиночными каблук-ками не стукотали.

...Поэтому, взобравшись на сопку, на плоской верхушке поросшую на тонком слое мшастого торфа уже пожухлелым вороничником, не опасаясь помяться, он полуприлег, подперев скулу ладонью правой руки, локоть которой мягко утоп в пружинистом мху. Полное, увы, короткое блаженство несуетливой жизни на кромке Заполярья: в полутора километрах отсюда и вполтину ближе от их точки — берег Баренцева моря, от которого по прямой линии до Северного полюса *ни единого клочка земной суши*.

Не ленив, тем более не трусоват Кирилл, потомок засечных стрельцов рода Федорищевых, но вовсе не сокрушался, что не попал на боевой корабль. Здешняя жизнь, флотский устав, во всем регулирующий разумно человеческие взаимоотношения, сама дикая и контрастная — теплое лето и полярная ночь, которой незлобиво пугали его старослужащие — природа, словом, все так поразило среднерусского горожанина Кирилла в первые две-три недели пребывания на отъединенной от всего мира точке, что и сейчас, ко всему привыкнув, полагал себя то ли жильцом обитаемого Марса, а скорее путешественником минувших веков, добравшимся до края окоема земли. Даже хозяйство их точки не снижает впечатления: радиолокационная станция на колесах, застопоренных гранитными булыжниками, круглосуточно отслеживающая свой сектор моря неспешным поворотом вправо — влево решетчатой, изогнутой в рабочее поле обзора антенной, установленной на коробе рабочего отсека с дежурным, рядом «избушка» — кирпичный домик казармы на отделение, десяток матросов, а между ними уже подлинно избушка без окон и курьих ножек, но с дверью, из гофрированного оцинкованного железа, в которой установлен аварийный дизель и стоят бочки с соляжкой. Это на случай, если в мирное или военное время закоротит или перерубится взрывом, соответственно, проложенный неглубоко — не гранит же взрывать! — силовой кабель от центрального поста, далекого отсюда. В параллель с ним уложен и связной кабель, по которому круглосуточно же идет на этот пост отслеживаемая станцией картина сектора обзора. И еще уставная скамейка с бочкой, наполненной до половины песком — место курения. Но это скорее в здешней безнадзорности для проверяющего начальства. Наконец, утоптанная уже не одним призывом годков спортплощадка: с одной стороны символические футбольные ворота из жердин, с другой — столб с волейбольной корзиной. Понятно, это самодеятельность предшественников. Проверяющие золотопогонники не возражают.

Вот дымок из печи казармы. Это Антон, кок по совместительству, харч на обед и ужин сразу гоношит. Главстаршина Семейкин, впрочем Игорь в общении, вышел из рабочего отсека станции, повернулся лицом к берегу. Что он там высматривает? Наверное, замечтался о своей будущей квартире в Курске, на которую второй год зарабатывает деньги, оставшись на сверхсрочную, то бишь контрактную службу. Невеста, с которой он познакомился в отпуске после окончания срочной, надежная. Это главстаршина безо всякого сомнения в голосе говорит: «Пока я здесь бабки заколачиваю, она тоже без дела не сидит: учится в медучилище и работает одновременно в больнице. Как раз через год и я отсалютую Северному флоту, и она в медсестры выйдет».

А на уставной скамейке сидит прибывший вместе с ним сюда Витя Кайнолайнен, карел из Медвежьегорска, но называет себя финном*. Кирилл усмехнулся: как у Мая-

* Без обиды как для карелов, так и для финнов: это совершенно один и тот же народ, только исторически разделенный в госпринадлежности. Язык у них один — финский; карельского даже диалекта нет. А знаменитый финский эпос «Калевала» был записан в Восточной Карелии, на берегу Белого моря...— Прим. авт.

ковского тот электромонтер Ваня, что «в духе парижан нарек себя электротехник Жан». Но — отменно хороший парень. Сидит же на скамеечке не для курения, а книжку читает. У него сегодня не выходной, но он на подсмене дежурного оператора станции. Вышел из казармы с удочкой на плече Серега Тишинский, москвич, прошлогоднего осеннего призыва, и — курс норд-норд на берег, треску ловить. Кок Антон, по согласованию с Игорем Семейкиным, отправил: «Рыбу жареную на ужин все любят с пюрешкой рубать, товарищ наш главстаршина, а ловить треску кто будет? Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, а?»

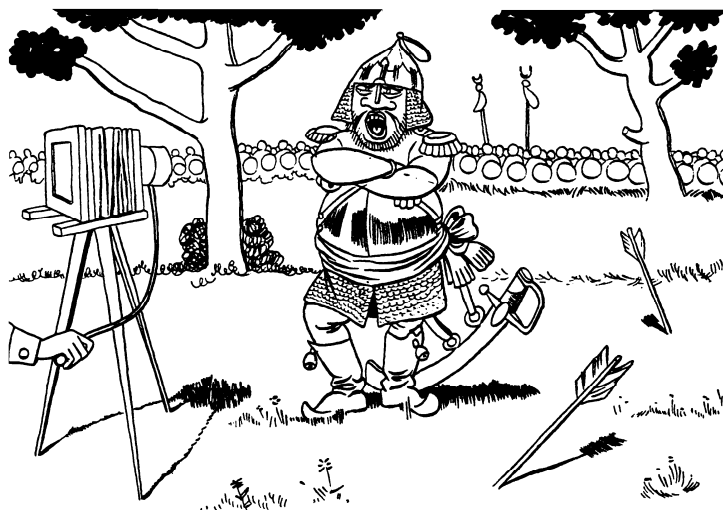
...Кирилл расхохотался, мысленно представив разговор остряка Антона с добродушнейшим, но служакой Семейкиным.

Точно, в другой мир попал. Люди немногие... Кирилл подыскивал нужные слова и нашел: точно вошел в кадры старых фильмов о Максиме Перепелице и Иване Бровкине. И не предполагал, когда случайно смотрел их по телевизору, усмехаясь пропагандистской советской наивности, что все это может быть сейчас в нынешней безличной жизни. Даже не спланивавшая людей отъединенность от большого мира и тот факт, что во флот военкомат и медкомиссия не пропустят невротиков и психопатов, хоть с подозрениями на таковые распространенные ныне характеры молодежи, переносили их крохотное подразделение в кадры тех давних фильмов, той совершенно другой жизни. Просто достаточно современному, наглухо компьютеризированному «онлайкину», почти что моральному уроду, подперченному лицемерием «толерантности» и политкорректности — Кирилл не по-бабски на других здесь кивал, но здраво и себя оценивал, — попасть в естество природы, тем более дикой северной, как вся воспитанная дурь, уничтожающая все естественное человеческое глобальная оцифровка — все в считанные недели отлетают в небытие.

Сейчас же Кирилл почти с ужасом вспоминал о городской своей жизни, исключая только наставительные, не нудные, но занимающие воображение рассуждения деда Филиппа Ильича, домашнюю радиомастерскую и работу в радиолокационном производстве. Нет, да и по инструкции не положено быть здесь интернету. Вместо отсутствующей сотовой связи только раз в месяц короткий телефонный звонок домой через коммутатор в Полярном. Зато Кирилл впервые в жизни стал писать «бумажные», не э-мейловые, письма. Откуда-то взявшийся на точке телевизор хотя и принимает слабенько передачи мурманского телецентра — далеко, но по подстилающей водной поверхности сигнал, когда нет туманов, доходит, — но радиолокатор круглые сутки этот сигнал напрочь глушит. Одно радио, да еще кто-то из предшественников оставил на память братве видик под диски, вот и телевизор пригодился. Уже сложилась коллекция фильмов. Как говорят старослужащие, в полярную ночь хорошо помогают коротать время. И что? — Совсем распрекрасно, голова постепенно сама, без подсказки, учится мыслить. Глаза не портятся. Даже кончики пальцев, отвыкнув от клавиатуры компа и скольжения по стеклу планшета и смартфона, приобретают чувствительность, для которой они и были созданы природой. Кирилл, конечно, понимал категоричность своего юношеского максимализма, но от реальности же никуда не денешься? — Ведь все десять его сослуживцев, совершенно разных мест призыва, образа жизни, воспитания-образования, словом, все различные, даже четырех национальностей — с преобладанием русской, все одинаково забыли о механизмирующем людей интернете, мобиломании, идиотизирующем телеяшике. И все армия... в смысле флот помогли снять наваждение. Значит, военная служба сейчас единственно *предохраняет* человека от превращения его в робота непонятного назначения.

...Кирилл служил добросовестно. И чем ближе шло к дембелю, тем чаще он вспоминал дедовы сожаления, что-де в свое время послушался отца своего Илью Егоровича и поступил в тулуповский политех, а не исполнил его армейскую мечту: идти в военные, для чего закончить в Ленинграде военную академию связи имени

Семена Михайловича Буденного.* При случае расспросил прибывшего на точку с регламентной инспекцией инженерного офицера. Тот его порадовал: академия эта в Питере, правда, с несколько иным названием, жива-здорова. А при хорошей аттестации старшего матроса (Кирилл уже и в чине подрос!) Федорищева до приема в академию допустят после окончания срочной.

Если между шахматными фигурами и большинством современных российских сословий приходится, наморщив лоб, искать аналогии, то между шахматными офицерами и их коллегами в вооруженных силах никакого различия нет — за исключением контрактников, воюющих в «горячих точках», и младших офицеров в гарнизонах глухих мест. В больших же городах, не говоря уже о столицах, улицы в разгар служебного дня заполнены чинами не ниже майорского достоинства в самых разнообразных мундирах. Все они при портфелях-дипломатах, останавливаются перед каждой витриной, в винных отделах магазинов покупают водку хорошей выделки или «мартини» для дам, в аптеках запасаются презервативами. Пистолеты у них отобрал еще «ранний Ельцин».

* Здесь имеется в виду, что дед Кирилла родился в 1948—49 гг., то есть окончил школу в 1966 году, когда завершилась «хрущевская одиннадцатилетка» и имел место одновременный выпуск десяти- и одиннадцатиклассников. Забота советской власти, учитывая и двойные конкурсы в вузы, проявилась и тем, что в этот год, в порядке исключения, было разрешено принимать в военные академии не только офицеров, но и школьных выпускников. Кстати, это же имело место быть в послевоенные годы. В определенных случаях это и сейчас допускается.— Прим. авт.

ЛЕЧИТЬ ПРОБЛЕМУ...

Когда летом 1892 года, в самом конце девятнадцатого века, появилась в нашей стране холера, немедленно же появилось и разномыслие, что́ надо делать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народ думал, что надо убить врачей».*

Н. С. Лесков «Импровизаторы (картинки с натуры)»

♦ Шалопайный Серега Евсюков никогда не задумывался о философских категориях, вполне резонно полагая, что для обретаемой им профессии врача, как сугубо практической и приземленной, всякие наукообразия излишни и вообще вредны. Хотя интуитивно и догадывался: всякие последствия имеют предшествующую цепь причинностей, причем цепь эта не обычная собачья, а хитросплетенная с совершенно случайным сочетанием завитков. Но ведь и самый изощренный ум не может предугадать архитектуру таких сплетений?

К чему это мы? А к тому, что огорчительному конфузу студента-медика Сереги Евсюкова на выпускном госэкзамене предшествовали самые различные звенья, одни из которых не имели отношения к Сереге, другие — к госэкзамену и так далее. Например, его происхождение: из классической семьи — отец инженер, мать учительница — оба с советским началом, но только до окончания школы. Поэтому-то отец только по образованию инженер, а так на подхвате по технической части, правда, в достаточно крупной фирме, и с деньгами не роскошествует, но и не нищенствует. Словом, небольшую свою семью содержит, так сказать, среднестатистически.

Вот-вот, здесь другое звено сплетается с предыдущим, коль скоро о статистике проговорено. Проговорено же было московским профессором, но здесь и другое звено цепи пристегивается. Медицинский факультет, на котором шесть лет учился, а теперь оканчивал Серега, был из разряда классики лихих девяностых, а именно: два десятка с лишним новообразованных в областных центрах, из прежних технических и педагогических институтов, университетов «классического типа» в одночасье обзавелись, в числе прочих, медицинскими факультетами. Коль скоро в те славные годы первоначального, ваучерно-воровского, накопления капитала никому дела не стало до образования, разные министерства которых употребились той фольклорной корове, которую доит деревенский вор, то там просто махнули рукой: открывайте какие хотите факультеты, хоть изучения марсианской флоры и фауны, только не толпитесь в наших приемных. Дескать, не до тебя, паря, не до тебя. Зато областные воеводы с возвращенными их сословию званиями губернаторов поддерживали новооткрывателей: теперь в *их* областях *своих* эскулапов будем готовить! Сложнее дело с кадрами. Поэтому поначалу часто приглашали вахтовым порядком московскую профессуру. Те с удовольствием в Тулуповск приезжали: недалеко, дорога неустойчивая, а здесь покрасуются, пообщаются с робкими (не московское хамье!) студентами, а по вечерам банкеты за счет заведения. Это ведь как отдых на дачке. И милое провинциальное юношество, по наивности неопитованных знаний жаждущее, с восторгом слушало лекции маститых столичных профессоров, которые наизусть лекции читают, а не поглядывая в раскрытые и перелистываемые учебники, как местные преподаватели, спешно набранные из различного народа...

А профессора те свято продолжают со времен первых русских университетов сложившиеся традиции, в каковые по части медицины входят непереносимые остроты и анекдоты. Так и доверие студентов достигается и разрядку дает, мол, мы писали,

* В русской публицистике конца XIX века *запятой* называли уже открытый холерный вибрион, под микроскопом имеющий форму запятой. — Прим. авт.

мы писали, наши пальчики устали... и так далее. Так в обиход провинциального медфакультета входят остроуты, уже местными доцентами из года в год повторяемые. Например: «Хирург все умеет, но ничего не знает; терапевт все знает, но ничего не умеет; все знает и все умеет патологоанатом, но уже поздно». А со статистикой связана присказка: «Есть ложь, есть грубая ложь, наконец, есть медицинская статистика».

Вот на эту медстатистику нанизывается еще одно звено, отдаленно связанное с конфузом Сереги Евсюкова на госэкзамене.

Только что в местном, областном облздраве, в девяностых переименованном в департамент, а ныне и вовсе в министерство, случился грандскандал с оргвыводами. В столице, в настоящем министерстве, остались недовольны статистическим отчетом за прошлый год по нашей области. Особенно не устроили вышестоящих цифры смертности по сердечно-сосудистым заболеваниям. Как раз на должность местного медик-министра заступил совсем молодой, даже не достигший тридцатилетнего возраста родной племянник мощной руководительницы кадрами облбладминистрации, что крепко сидит на своем месте: я, мол, четырех губернаторов пережила и сколько-то их еще будет! По молодой наглости и полному отсутствию административной грации, зарвавшийся молодец не только начал хапать не по чину, но и посмеялся в части медстатистики, объявив подчиненным в том смысле, что если в Москве не нравятся цифры по сердечно-сосудистым болезням, то перепишите этот отчет, убавив эти цифры в несколько раз, а умерших «растащите» по другим нозологическим группам. И привел пример: допустим, отдал богу душу сердечник, едучи в автомобиле или в простонародном трамвае, так и пишите его по графе ДТП. И так далее, сами сообразитесь!

Исправленный статотчет прибыл в Москву одновременно с доносом на зарвавшегося племянника. Известно со времен Гиппократы, Авиценны и древнеиудейского Маймонида, что именно по медицинскому ведомству доносы есть самый распространенный рабочий инструмент. По закону «парных случаев», тоже исповедуемому в медицине, как раз в области сменился губернатор: прежний ушел с должности с очень сомнительным диагнозом «по собственному желанию». А новый удельный руководитель на Руси со времен еще языческих Гостомысла и Рюрика в самом начале своего властвования ведет себя стереотипно и проверенно, как то великолепно описал (сам вице-губернатор, а в нашей губернии председатель Казенной палаты) Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин в цикле сказок про медведя на воеводстве: для начала устраивается кровопролитие — чтобы хорошенько запомнили! Здесь же и заслуженная жертва есть — зарвавшийся племянник. Его с позором — то есть перевели на менее заметную должность в другом месте — изгнали, провели образцовую порку и в самом облздра... то есть министерстве. Дело получило всероссийскую огласку.

...Не будем утомлять и запутывать читателя нанизыванием звеньев цепи, а просто укажем на два основных, что причастны к конфузу Сереги Евсюкова на госэкзамене: учительница мать и новая областная медминистерша. Да еще введение в последние тридцать лет в обиход русского языка множества американизмов. Теперь сочлененную своими звеньями причинно-следственную цепь накинem на попавшего в ее теньта Серегу.

♦ Учился Серега ни шатко, ни валко, но далеко не двоечник, даже ближе к четвeрочнику, нежели записному тройбанщику. А на фоне иностранцев, бывших советских среднеазиатов и ближневосточных арабов, у которых по бедности не было денег для учебы в америках-европах, даже в российских медвузах «с традицией», и вовсе отличником гляделся. На шестом курсе госэкзамена не опасался. Правда, уже год как пресловутая «оптимизация» в медицине — самая грандиозная после строительства Панамского канала афера — наказала и образование: отменили ранее обязательную для всех медиков интернатуру. А в двухгодичную ординатуру по числу мест все не попадали. То есть выпускники всего лишь с дипломом об окончании медвуза единственным местом работы могли иметь только должность поликлинического терапевта.

Самую ничтожную и малоодоходную. То есть все же озаботился Серега: чем с лучшей стороны на госэкзамене покажешься, тем больше вероятность, что на тебя обратят внимание члены комиссии, то есть завкафедрами и главврачи городских лечебниц — руководители ординатур по специальностям. Понятно, что и весь шестой курс — с дальним прицелом на ординатуру — тоже требовал поднапряга, чтобы закрепиться в памяти руководителей ординатур. Конечно, это не относилось к среднеазиатским и ближневосточным студентам: им нужен только диплом, чтобы на своих исторических роинах занять должности по медицинскому чиновничеству.

Вот почему Серега Евсюков, по необходимости, на последнем курсе слегка по-серьезнел, научился у девок лицемерить перед преподами, а у иностранцев, у ближневосточных арабов, льстить, хотя бы по домашнему воспитанию по жизни к таким качествам относился брезгливо. Нужда заставит и петухом запоешь!

Настал момент истины. С начала экзамена волнующиеся выпускники узнали и новость: впервые за двадцатилетнюю практику госэкзаменов их почтило своим вниманием областное медицинское начальство в лице новоназначенной вместо огорчительного племянника здравоохранительной министерши. Почему впервые? Казалось бы, кому как не губернскому медчиновничеству пестовать *собственную* кузницу кадров, гордиться ею и всячески афишировать в прессе, на телевидении, главное, в отчетах для Москвы. Ан нет, здесь нашла коса на камень. Хотя за двадцатилетие выпусков эти кадры уже на три четверти составляли медперсонал города и всей области, трудились и специалистами и заведомостями, один даже сумел стать главврачом областной больницы, но быстро проворовался и ушел в отстой, тем не менее для департамента, потом министерства областной медицины, а значит и для масс-медиа, таковой кузницы кадров как бы не существовало. Более того, все эти двадцать лет, явно с департаментско-министерской подачи, сарафанное радио, традиционно сильное даже сейчас, в интернетовский век, распространяло слух, что-де на медицинском факультете местного университета готовят вовсе не врачей, а фельдшеров и медсестричек!

Причина опять же в исторически глубокой традиционности уклада и устройства жизни древнего, ровесника столицы, города. Избегая неполиткорректного, введенного в мировой обиход Джузеппе Гарибальди* термина «мафия» использовать не станем. Просто именно и только в медицинской сфере в городе еще с царских времен сложилась даже не родственная семейственность, но скорее династичность «духа и порядка», куда чужаков на любые руководящие должности, а также в образовательные сферы и, так сказать, в круг ведущих специалистов-практиков, стремились не допускать. Но в лихие девяностые «все смешалось в доме Облонских», а руководителем областной медицины и создателем медицинского факультета стал не человек «семьи», но чужак — хотя бы он и трудился на гиппократовой ниве областной и городской медицины с момента окончания медицинского института, а в наши пенаты попал по распределению. Но — чужак он и есть чужак. Когда во второй половине девяностых порядок «в доме Облонских» начал постепенно восстанавливаться, то медицинская семейственность и династичность скоренько взяла реванш, отстранив чужака от здравоохранительной власти. Но медфакультет остался за ним, а потому и по сию пору пребывает в глухих нетях со стороны этой власти.

...Потому-то визит новопоставленной министерши на госэкзамен в качестве почетного члена комиссии и вызвал в головах студентов и преподавателей, руководства медфакультета многие думы и догадки, а вдруг? — Но никакого «вдруг» не было и

* Мафия — это аббревиатура MF — блестяще использованная Гарибальди в многолетней борьбе с Австрией за освобождение Италии и создании единого государства традиция «семей» Сицилии и Южной Италии: мафиозные семьи финансировали армию Гарибальди. Это как эсеровские и социал-демократические «экспроприаторы» готовили русские революции в начале XX века. Классическая здесь фигура — Камо в Закавказье. — Прим. авт.

не могло случиться. Все дело в пресловутой административной грации. Новый же губернатор, не зная о традиционности местного чиновничества (только в курс дел входил по прибытию), восхитился, узнав о существовании *своей* кузницы эскулапов, и сделал комплимент медицинской министерше на одном из совещаний с высшими чиновниками области. Той не оставалось ничего иного, как сделать визит осторожной вежливости на медфакультет, избрав в качестве повода любопытствовать насчет качества проводимого госэкзамена. Кстати, и дочь ее подруги со школьных лет этот экзамен сдавала. Ну, это просто совпадение.

Сергея Евсюков хорошо написал тест — первую часть экзамена. Уверенно и даже со слегка наигранной бойкостью отвечал на вопросы в части устной. Уже экзаменаторы одобрительно переглядывались, довольные ответами, явно собираясь следующего «на ковер» вызывать, как министерша, доселе молчавшая, выдерживавшая авторитет и монаршую снисходительность к происходящему — где вы, а вот где мы? — и обратилась к Сергею, уверенно ответившего на последний вопрос: о причинах, этиологии по-медицински, и патологии секреции пепсиногена, активирующего или, наоборот, снижающего выработку пепсина, регулирующего, в свою очередь, поступление соляной кислоты в желудочно-кишечную систему, а значит в крайних случаях провоцирующих всякие язвенно-гастритные хвори, с вопросом общего характера, но по теме: «Скажите, студент, э-э, Евсюков, а как *лечить эту проблему?*»

Вот здесь-то и случился конфуз, который едва не стоил будущей врачебной карьеры Сергею Евсюкову, а его анекдотическая передача наверняка в будущем перейдет в фольклор медфакультета. Причину же конфуза, уже потом, здраво размышляя, Сергей видел в учительнице матери, а более в том возбужденно-веселом состоянии, что обычно для студента, уже почти сдавшего экзамен, причем явно на хорошую, даже отличную оценку. Услышав адресованные ему слова доселе горделиво молчавшей министерши, дамы профессионально чиновной, возраста последней, увы, уже косметической *спа-молочно-восковой*, молодости, полнота которой если и скрашивалась, то только высокой должностью, Сергею бы чуть призадуматься, припомнить из курсов патофизиологии, внутренних болезней и фармакологии, что показана здесь терапия препаратом омеза, а еще лучше (хотя в десять раз дороже!) японского декслан-сопразола с торговым названием дексилант... но всю эту премудрость, в силу возбужденно-веселого, лихорадящего состояния, вытеснил образ матери, школьной учительницы литературы, в силу принадлежности к которой она люто ненавидела современную порчу русского языка: американизмы, околокомпьютерный жаргон, совершенную безграмотность всех, без исключения, вещающих на радио и телевидении. Даже неприятности в своей школе с родителями учеников по этому поводу постоянно имела. И директриса ее дружески уговаривала: «Екатерина Васильевна! Да так сейчас все говорят. Ведь зачем с ветряными мельницами сражаться? Вспомни, Катя, какому нас с тобой русскому языку учили в пединституте (подругами-однокашницами они были), и что мы вокруг слышим? Оставь, не наживай себе хлопот...».

Мать и дома порой, за тем же обедом, выплескивала свое возмущение супругу и сыну: «Как же можно на всю страну по телевизору и радио чуть не сто раз за день говорить: «Участники голосования, *достигшие* восемнадцати лет...»? Или полный идиотизм: якобы политкорректно называть афроамериканцем чистокровного африканского негра! А как обезьянническая, набившая оскомину «перезагрузка»? Мало им американского жаргона, так и чисто русские слова окончанием *инг* вовсю снабжают: паркинг, банкинг, инжиниринг!» Отец, которому в его заботах наплевать было на чистоту русского языка, приняв рюмку перед обедом «для здоровья», подмигнув сыну, шутковато подначивал жену: «Вот-вот, Васильевна, все частят по ящику каким-то фашистским словом навроде «хрен-со-штегом». Да еще эти собачьи дети, телекомментаторы, издеваются над народом, обязательно это «хайль-штег» вставят, когда говорят о подготовке к парадам военным!»

...Но пуще Гитлера и Чингисхана с Мамаем Екатерина Васильевна ненавидела слово «проблема», ранее в русском языке употреблявшееся редко и только в науке, навроде «проблемы математики», «проблемы художественного перевода». «Теперь же,— возмущалась мать Сереги Евсюкова,— эта чертова «проблема» заменила полловину всех русских слов. Понятно, американский диалект английского языка нищенски беден словами, вот у них и на каждом зубе это проблем. А нам это зачем? Я вот как-то вечер посидела и нашла под тридцать слов, контекстно заменяющих эту «проблему»! Противно...».

Теперь же, услышав вопрос министерши, внутренне ужасаясь своим словам, чувствуя что падает в бездонную пропасть, но уже не в силах управлять своей речью, Серега произнес одну из материнных язвительных присказок: «Так ведь лечить проблему все одно, что раскопать теорему! Лечат ведь болезнь, а не проблему?» Сказал и потерял дар речи, хотя собирался далее продолжить по существу вопроса — это про японский декслансопризол.

♦ В заскучавшей было от рутинности экзаменационного действия аудитории тотчас возникло заметное оживление. Глубоко плюющие на все медицинское начальство, знающие себе цену и незаменимость больничные специалисты, члены экзаменационной комиссии, откровенно заухмылялись, даже поощрительно поглядывая на Серегу. Но заведующие выпускающими кафедрами, как истинные верноподданические преподаватели, зашикали на защитника русской словесности, с наигранным возмущением попарно перебывая друг друга: «Позор! Нашел место для остроумия!» «Плохо, плохо их воспитывают деканат и общетеоретические кафедры!» «Никакого понятия о субординации!» «Таким не место в ординатуре, пусть поработает терапевтом в поликлинике, научится вежливости!»

...Председатель комиссии как-то ловко замял назревающий скандал, переведя разговор на все усиливающуюся заботу областного здравминистерства об их факультете «с приходом к руководству известного организатора здравоохранения, поборника улучшающей его качество и доступность оптимизации, оказавшую нам честь сегодняшним присутствием Надежду Семеновну». Выйдя из минутного ступора, Серега каким-то чужим, вроде как бы со стороны произносимым, голосом все же рассказал о терапии препаратами омега, а еще лучше (про сравнение цен благоразумно умолчал) применении японского декслансопризола. Чисто машинально, боковым зрением, он отметил, что обиженно поджавшая несколько плотоядные губы министерша, щеки которой покрылись злым малиновым румянцем, вынула из своей сумки блокнот в кожаном переплете, что-то записала в нем, искоса заглядывая в экзаменационную ведомость, лежавшую на столе перед ее соседом — председателем комиссии. Понятно, запротоколировала полное ФИО Сереги. Это и ежу понятно. Некстати вспомнились и слова веселого московского профессора, рассказчика анекдота о медстатистике: «...Чиновники вообще народ злопамятный, но и здесь медицинские на голову выше!»

На Серегиных рассуждениях о японском препарате председатель сделал экзаменуемому отмашку рукой, дескать, достаточно, малоуважаемый, и так слишком *много* чего сказал. На ватных ногах вышел из аудитории. На расспросы толпящихся в коридоре однокурсников, еще не представших перед экзаменаторами, только — не хуже как только что председатель — махнул рукой и, провожаемый сочувственными взглядами явно равнодушных к чистоте родного языка однокашников, побрел к выходу из корпуса. Но и на улице застывший в безветрии раскаленный воздух середины лета бодрости не прибавил. Требовались радикальные меры. Известно какие: в совсем близкую «Наливайку». Перейдя улицу, боковым зрением увидел, что и министерша покидает корпус, почтительно провожаемая председателем комиссии до стоявшего у самого входа черного служебного «мерса» с водителем. Это Серегу добило, поэтому через пяток минут дойдя до известного всем студентам заведения «Наливай-

ка!», он сразу у стойки хватанул сотку, а еще одну и бутерброд с колбасой перенес на столик.

Отупело глядя на стакан с водярой, Серега гнал из головы все мысли, почти насильно, психотренингом приводя себя в состояние бездумной расслабленности. Но здесь затренькал мобильник. Звонил дружбан Севка: уже все знали о происшествии, а со слов выходявшей по делам из аудитории секретарши комиссии и о счастливом исходе конфуза: устную часть экзамена Сереге зачли и даже со справедливой оценкой. Но — с серьезной укоризной, имеющей малоприятные для отрока последствия. Узнав, точнее — угадав, о месте пребывания борца с американизмами, Севка просил не торопиться, а дожидаться его. Домой он появился поздним вечером: молодой организм, в компании с Севкой и еще двумя одноклассниками, успел дважды нагрузиться и вытрезвиться. Родителям сказал просто, немногословно, что экзамен сдал. И пошел в свою комнату отсыпаться до одиннадцати часов утра следующего дня.

До скорого вручения диплома и выпускной гулянки Серега улучил случай поговорить с двумя завкафедрами, ранее вроде бы благоволившими к нему — насчет ординатуры по направлениям их кафедр. Обе специальности уже с прошлого года полагал он для себя вполне приемлемыми. Но они, отводя в сторону глаза и озабоченно все торопясь уйти по своим хлопотным делам, отчужденными голосами и в сугубо казенных словах говорили об уже «заполненных по вакансиям местах». И малопривлекательной для их солидных фигур рысцой убежали от Сереги.

Но видно господь на горних вершинах небеси, аки сущий в триединстве, почувствовал нашему отечеству, дабы хоть родной язык в его чистоте сохранить, и послал Сереге случайную встречу в коридоре корпуса медфакультета с членом экзаменационной комиссии, заведующим травматологией городской больницы скорой помощи. Николай Александрович, человек прежнего закала, хотя с внешностью еще веселой бодрости, зашел в деканат в чем-то там расписаться по экзаменационной части. Завидев же скандального студента, поздоровался в ответ на приветствие Сереги, приостановился. «Ну и лихо ты министершу осадил! Однако, поосторожнее в жизни будь: жить с оглядкой всегда у нас первый девиз. Оценки у тебя хорошие — уже определился с ординатурой?» Расчувствованный таким вниманием Николая Александровича, которого он знал по первому семестру этого учебного года — со своей группой по курсу травматологии ходил на практические занятия в «травму» больницы скорой помощи, Серега и рассказал о последствиях экзаменационного конфуза. «Да? Видно Надежда наша Семеновна не на шутку разобиделась, раз объявила тебя персоной нон грата. Вот что,— посерьезнел главтравм,— парень ты, я вижу, с головой и, главное, руки у тебя по виду крепкие, с бисцепсами не от каши. Давай ко мне. Место образовалось: обещал для сына приятеля своего, но тот в последний момент испугался костоломного нашего ремесла». Получив тотчас согласие, главтравм (его прозвище у студентов) развернулся и в сопровождении ошарашенного Сереги вдругорядь пошел в сторону деканата. «Полагаю, толк из тебя выйдет, если не на одни слова смел окажешься. А в нашем деле смелость не излишество, но — рабочий инструмент!» — по пути в деканат завершил свой приговор почтенный Николай Александрович.

♦ С официально оформленной ординатурой и памятуя совет Николая Александровича, что «теперь ты не вольнослушатель, на лекции свои на медфакультете, не такие уж и частые, похаживай, не манкируй ими, главное — отмечайся там, но ординатура — это уже работа врачом, за которую деньги платят, но и дисциплину, график и прочее строго спрашивают», Серега даже не стал волынку тянуть, дожидаясь положенного первого сентября. На отцовы «премиальные за окончание» слетал на десять дней в компании с Севкой во всероссийскую здравницу Турцию. Попили водочки, покупались, поусмехались: не зря же у России с османами целых пятнадцать войн было! Еще на пару недель съездил в соседнюю Калугу, куда год назад перебралось

семейство отцова брата — перевели с повышением по службе эмчеесной. Как раз Серегин двоюродный брательник Мишка, с которым они все школьные годы учились в одном классе, окончил тот же универ по компьютерной специальности, а теперь числился аспирантом (все же отец не последний человек в городе!) в калужском филиале Бауманки и работал в «банановой фирме», как он сам рекомендовался для краткости и понятности, дескать, «бананов на наш век хватит». Эти недели с Мишкой, в новом для него городе, с пляжами на Оке и яченском водохранилище, пришлись намного больше Сереге по душе, нежели регламентный, с душком анодированного «под золото», комфорт «всероссийской здравницы». А вернувшись домой, досрочно отправился в больничную травму, удачно застав там Николая Александровича, оформлявшего себе отпуск в бархатный августовский сезон.

Завотделением похвалил за серьезное отношение к будущей профессии и работе и передал «на руки» своему неофициальному заму Алексею Георгиевичу со словами: «Мы с Георгием одного возраста и поля ягоды и в этом богоугодном заведении косты страдалцам собираем напару после институтов, я — рязанского меда, Георгич — аж первого московского. Он тебя всему и обучит... под моим чутким руководством значит. Если к моему возвращению из отпуска у тебя вопросов ко мне не найдется, то значит ученье идет впрок. За сим — адью! Отвальную, ямскую, пристяжную и прочие стопки выставлять не буду. Не из жмотства, но завтра с утра за рулем, с разумно ограничивающей скоростью супругой, и курсом через новопостроенный мост в очередной раз обретенный Крым, а за мостом налево в любимую, умеренно жаркую Феодосию».

«Деньги закончатся — звони, но лучше не мне», — отшутковал на расстанях Алексей Георгиевич, явно не меньший, чем шеф юморист.

...Когда к концу августа вернулся из отпуска Николай Александрович с крымским матово-коричневым загаром, отличающимся от здешнего городского, с этойкой быстро исчезающей краснотой, то вопросов у Сереги не возникло. «Ну-ну, — многозначительно заметил завотделением в свой первый рабочий день «после выхода», понаблюдав ненавязчиво за работой *своего* ординатора, — вижу, Георгич тебе не только анекдоты рассказывал, а ты, в свою очередь, не только их слушал. Старайся. Сейчас лето, трезвый человек не упадет, не поломается. А пьяный? — так ему бог ладошку подставляет, то есть организм, не управляемый излишним соображением, руководится только инстинктом, а тот и управляет телом и его конечностями, и что главное, как мягче грохнуться. Это я к тому, что сейчас время репетиций к осенне-зимним гололедам. Не прежние советские дворники ведь! «Гастритные» арбайтеры только летом своими венниками помахивают, а как непогоды на дворе — фьюить! И на шайтан-арбе в свой чуркестан покатили, до весны. Готовься, студент!»

Пройдя курс молодого бойца до начала следующего года, включая лихорадящую напряженку декабрьских костоломов, в приемном отделении, Серега начал практиковаться и в стационаре с коечными пациентами. Много чего на ус намотал и по врачебной специальности и, так сказать, по медицинскому быту. Уже не задавался вопросом, мол, почему все врачи записи по больничным делам ведут не шариковыми или гелиевыми ручками, а допотопными перьевыми, хотя бы — своего рода щегольство — сто долларовыми паркерами? Алексей Георгиевич разъяснил: «Допустим, что нередкость по нашей травматологии, возьмут тебя за, так сказать, заднее место ментовские. Сидишь у следователя, а он тебе протягивает эпикриз, твоей рукой сочиненный с оплошностями. Что настоящий врач делает? — А он просит у следака стакан водички. Руки якобы от волнения ходуном ходят — р-раз и пролилось на эпикриз, написанный чернилами, которые мигом расплываются до полного непрочтения! Ай да эскулап, ай да сукин сын! И еще сами менты перьевыми пишут — у них свое гестапо имеется, отделом собственной безопасности именуемое...».

Но про ментов Серега и сам знал. Давешний калужский дядька, начинавший тру-

довую жизнь опером в милиции, со смехом рассказывал как-то за праздничным столом. «Я раз записал показания одного уголовного элемента и дал ему подписать свой новенький паркер, на который из лихости ползарплаты отдал, а тот автограф черкнул и не менее залихватски с размаху точку поставил! С тех пор для работы использовал самую дешевую ручку. Перьевую же, понятно дело».

Поскольку и Алексей Георгиевич и Серега принадлежали к ныне самой дискриминируемой категории людей, то есть курили, то сугубо воспитательные беседы чаще велись в каптерке, как его наставник именовал какую-то подсобную комнатенку из владений сестры-хозяйки. Впрочем, с диванчиком и окном. «Навалился класс-гегемон, Серега, на нас с тобой. На этот раз антитабачная кампания что-то затянулась. Ну-у, ты парень сообразительный, понимаешь, что мани-мани во главе всего. А в отношении больных так это вообще издевательство: и без того человеку хреново, так его дополнительно истязают, лишая успокаивающего курения. Опять же это не пресловутая вредная привычка, а нарушение секреции организмом фермента пеп-латиницей, вот и приходится для предотвращения пелагры извне вводить с дымом никотиновую кислоту!»

Много чего впитал в себя Серега из бесед с опытным врачом. Особенно тот кипятился насчет оптимизации, онанизации по его терминологии, здравоохранения, в неполные два года почти до основания разрушившей поликлиническую сеть. «Слава богу и его наместнику на земле Эскулапу,— попыхивал сигаретой наставник,— вроде как сверху эту кампанию онанизации в медицине скоренько сворачивают. Но в минздраве чиновников что г... в выгребной яме, всем надо «инициативами» оправдывать свою нехилую зарплату, так что через полгода-год снова на нашего брата очередная дурь свалится! И в частную лавочку с нашей специальностью по закону — вот здесь-то, по человечеству рассуждая, ему хвала — не уйдешь! Так что, юноша, знание практического жаждающий, будем трудиться на пользу насущную страждущим, держа круговую оборону, между молотом и наковальней, то есть между очередными кампаниями сверху и законными неудовольствиями наших пациентов. Самое обидное в такой нашей срединной ситуации: стрелочники мы от верхоглядных кампаний и козлы отпущения, говоря библейскими сюжетами, со стороны людей болящих. Но нет худа без добра: молот шарашит нас сверху, снизу наковальня народная нам жестко стелет, но в такой ковке из нас в итоге-то дамасская сталь выделяется. Наш врач — явление уникальное по сравнению со всеми там западно-восточными врачами, избалованными инвалютными гонорариями. При всех режимах такова наша русская тысячелетняя обыденность; наш лечебник с виду грубоват, порой лечит одним аспирином, зато с изобретательной головенкой и опытными, как в нашей специальности, руками. При всем этом ловко увертывается от «верхнего» молота с нищенским медицинским бюджетом, а наковальня, ворча и матерясь, все же по излечению помянет нас невзначай добрым словом, приняв на досуге стопку другую «очищенной». Вот так-то, Серега, юноша страст... впрочем, повторяюсь. Ты иди в четвертую палату, чем-то они — медсестра Нина говорила — недовольны, разберись. А я, с разрешения господ-вседержителя, сосну на этом диванчике с полчасика». Серега и сам догадался, что Алексей Георгиевич, судя по разговорчивости в высоком штиле, после утреннего обхода принял у себя в ординаторской стопку этой самой «очищенной» — из даров благодарных излеченных пациентов. Ведь на дворе-то понедельник, первый на неделе трудовой! Гиппократу гиппократово, а маммоне маммоново, как говорит тоже шутник Николай Александрович.

...На прошлой неделе Алексей Георгиевич, «не в службу, но в субординационную дружбу, Серега», послал его в хирургический корпус больницы: отнести тамошнему заведделением заключение по ихнему пациенту из второй палаты, которого Серегин наставник стремился спихнуть в хирургию. «Дело тонкое, по телефону не решается. Ты этого Васильчикова сам ведешь и сам постарайся убедить».

Ожидая прихода заведующим с планерки у главврача, устроившись на широком подоконнике еще дореволюционной постройки здания, невзначай услышал разговор за близким углом поворота коридора. Еще минутой до этого отметил стоящую там каталку с пациентом, явно везомым на операцию. В ожидании «катающей» медсестры, к страдальцу кто-то, невидимый Сереге из-за угла, подошел. «...Так значит, поняли: благодарности оперирующему хирургу и мне, анестезиологу, каждому отдельно». — «Да будет вам что положено, везите же, наконец, в операционную!» — со сдвоенным раздражением отвечал пациент. «Век живи, а два — учись, — усмехнулся Серега, — зато медицина вроде как бесплатная...».

В наше благодатное время даже ленивый может стать «народным целителем». Люди они простые, из биологии только знают, что вода — основа жизни, а лечить ею можно все болезни кроме бешенства. Используются следующие лекарства на основе H_2O : магнитная вода; вода, заряженная биополем ТВ-экстрасенса; заговоренная вода; вода, обработанная торсионным полем; вода из зон с минимумом геопатогенности; биологическая вода (в урино-терапии)... всего 205 препаратов. Да, кроме бешенства, такими водами нельзя лечить человеческую доверчивость, граничащую с глупостью.

Олеся Янгол
(г. Юрмала, Латвия)

ЗАРАЗАТАКАЯ

Наш постоянный автор.

Петухи поют. Навозом пахнет. Бревенчатые стены сарая, прогретые за день солнцем, засыревшие за ночь — дышат едва уловимой плесенью. Куры черкают по утоптанной тропке, теплые со сна. Из кухонной пристройки, для живности, раздастся блаженное — хрю. За буйством и кучерявостью сада поле уклоном идет к реке. Вдалеке слышится — му-у. Рыжую дед уже отвел пастись.

Дед кашляет хрипло и густо. Гнутая папироска в пальцах. Тяжеловат немного, но крепок еще. Идет во двор, кашлем сам с собой разговаривает. Кашель у него говорливый, но все по делу. Хрххы-кхы-хрм. Сейчас это означает — Поправлю-ка забор у вишни. Совсем покосился.

Из летней кухни шкворчание. Бабка яишню жарит.

— Дед, ты бы майку сменил. Уж неделю таскаешь.

— Хрхх-гм-гм.

Что означает — дотаскаю уж до вечера. Видишь, работы сколько.

Аленка просыпается в половине девятого. Сама еще одеться не умеет.

В трусиках, маечке, как есть, бежит через двор, к бабушке на кухню. Молча распахивает дверь и стоит на пороге — я пришла, я проснулась.

— Проснулся, бобочек мой!

Бабушка начинает суетиться. Огонь пригасила, Аленку на руки взяла.

— Идем-ка глазки умоем, платице наденем.

Целует Аленку в заспанные глазки. Аленка щурится, сонно еще улыбается, трет кулачком глазки, доверчиво обняв бабушку за шею. У колодца свежо, даже прохладно. Это потому, что тут вода живет, — Аленка уже знает, дед рассказывал.

На край колодца прыгает маленький, рыже-белый котенок. Аленка тянет ручки к нему.

— Погоди, погоди, дай-ка умою, — бабушка крепко держит Аленку, плескает горстью ей в личико.

Аленка отпугивается, пытается увернуться.

— Ну, ну. Вот, чистенькая, свеженькая теперь. Где там колготочки наши?

Бабушка несет Аленку в дом...

Стеклянная веранда вся солнцем пронизана. Много интересных вещей на веранде. Аленка еще не все исследовала. Вон, за голубой шторкой дедова кровать. Иногда он тут после обеда храпит. Когда дед храпит, Аленка его боится и на веранду не ходит. А сейчас деда нету.

Давно Аленка на шкафу веревку заметила. Надо сначала табуретку на кровать поставить, забраться и со шкафа веревку палкой смахнуть.

Палка короткая, до веревки не дотянуться. Аленка пошатнулась на стуле, но удержалась, слезла на кровать, на пол спрыгнула. В коморе палка была большая,

вспоминает она. Но в комнату страшно одной идти. Там дверь огромная, тяжелая, и темно и пахнет.

А веревка призывно свисает с верхотуры и достать непременно нужно.

— Где там бобочек мой? Иди-ка завтрикать! — бабушка со двора Аленку зовет.

Аленка еще раз пристально глянула на веревку — ничего, я до тебя доберусь — обещает она и бежит во двор.

Дед за столом уже ложкой гремит, хрымкает.

— Хрым-кх-хрым. Ну, зелик-козелик, пожремси?

— Что ты слова-то такие ребенку говоришь!

— А что ж тут такого. Слово-то, оно, что. Главное, как произнести.

— Философ прямо.

— Эх, бабка... Хрым-кррр. На-ка, зелик, моей ложкой кушай. Моя из алюминию. Легенькая. А эти, мельхиор чистый. В руке не удержишь.

Дед ложку свою облизывает, Аленке протягивает. Аленка на него смотрит насупившись. Молчит.

— Удумал чего! Помой сначала, — говорит бабка.

— А что жа, мыть-то, авось не чужие.

Аленка позавтракала. Сначала к кроликам сбегала. Они прямо за летней кухней, у кукурузы. Клеток много. Одна на другой. Аленке нравится дверцы раскрывать, протягивать руку и кролика гладить. Кролик по началу глазами пугается, а потом не пугается. Задними лапками переберет и смотрит на Аленку — выпусти меня на травку. Больших кролей Аленка еще не поднимет. Тяжелые. А деток смело вытаскивает за уши и на травку пускает. Пусть гуляют. А бабушка уже из кухни бежит.

— Ой, убегут, Аленка!

Бабушка кроликов собирает и обратно в клетки.

Аленка про веревку вспомнила. На веранду поспешила. А веревки-то нету!

Кхр-хм. Раздается из мастерской.

Аленка враз смекнула — дед взял! Бежит. Дед уже веревку накручивает. Схватила Аленка за конец и тянет упрямо, и на деда, не мигая, глядит исподлобья — моя!

— Ить! Чего? Зачем тебе?

Дед не отпускает, Аленка не отпускает. Упрямо тянут каждый в свою сторону.

— Ить, заразатакая глазастая! Бабк, ты смотри какая упертая.

Дед строит «злые глаза». Когда дед строит «злые глаза», Аленка разревется может. Бойтся она. Страшно. А дед знает это, вот и пользуется, пока бабка не видит. У Аленки вся упертость пропала, зрачки увлажнились. Если дед сейчас еще и кхрымкнет, она враз убежит. А веревка нужна. Собрала Аленка всю смелость, деду с силой на большой палец ноги как наступит.

— ЗАРАЗАТАКАЯ!!!!

— Да, что опять?!!!

Бабка с полотенцем из кухни выбегает. Дед, согнувшись, за палец держится.

— Молоток уронил.

Аленка из-за дерева глядит на деда с бабкой. Вережка у нее в руках. С порожек слышится — мяу.

А если рыжего веревкой обвязать и в колодец спустить, как оттуда будет мяу слышно? Алена направляется к порожкам. Рыжий поиграть рад. Бежит за веревкой, что тянет Аленка по земле. У колодца он почуял неладное. Присел, и как только Аленкина рука коснулась его рыжей спинки, сиганул в кусты.

Аленка подтащила к колодцу детский стульчик. Но и со стульчика, чтобы в колодец заглянуть, подтянуться надо. В колодце вода темная, гулякая. Если громко шепнуть, шепот еще долго слышно будет. Но только он страшный становится. Аленка делает — у-у-гу — и, соскочив со стульчика, бежит во двор, на солнышко, подальше от прохладной и таинственной тени.

К вечеру, после обеденного сна дед обычно гитару берет. У старой груши за столом струны перебирает. Бабка иной раз просит спеть что-то из любимого. Дед откашляется, дым от сигаретки втянет, глаза в дыму прищурит и поет.

Иногда Аленке нравится послушать, а иногда убегает на задки к кукурузе и сбивает початки, потому что у деда «дурацкая песня».

Дед поет, поет и закашляется. Хррр-кхрым-хра-хра!

— Ох, бросал бы курить што ли!

Бабка из дому пшикалку приносит. Дед пшикнет в рот, посопит еще чуток и затихает.

— Последнюю радость бросать? Не дождеessi! — смеется дед.

А у Аленки уже план есть. Вечером, как дед уснет, проберется к нему на веранду — если, конечно, он храпеть не будет — и утащит сигареты. На заднем дворе на кучу распотрошит.

— Заразатакая! Всю пачку распотрошила! Бабк! Что ты с нею будешь делать!

Раздается по утру.

— Докуришся, докуришся! Дохтур ужo вона, ругается.

— Кхрррыым! Хрк-хрк!

Бывают дни тихие, спокойные. Тепло, жары нет. И небо в прозрачной серой дымке. И дождик время от времени сонный. И Аленка, словно погода, тихая. В глазах тень лесная прячется. Бродит по двору. То курам посыпет, то кролей навестит. А бывает, к деду потянет в мастерскую. В мастерской все интересно. И запах Аленке нравится, и стол длинный, усыпанный инструментом всяким, стружками. На стенах полки с жестянками. А в жестянках шурупчики, гайки. Дед иногда снимет с полки, даст перебрать.

— Вона, смотри. Эти вот, с полукруглой головкой, ты их в коробочку ссыпай. А вот эти, с потайной, в баночку.

Аленка перебирает. Стараются. Потом пальчики железом пахнут и серой пылью присыпаны. Для Аленки шурупы, как человечки, потому что дед сказал, что у них головки.

А еще любит Аленка смотреть как дед из дерева режет. У Аленки ладошка маленькая — прохладная и теплая одновременно. Лежит доверчиво на дедовом колене. Стружки из-под резца завиваются, как локоны у куклы. Аленка заворожено смотрит на вырезанные фрукты, овощи. Яблоки пузатые, груши длинные и кривые. А еще тыква есть. Тыкву бабушка уже раскрасила. А дед потом лаком покрыл. Она уже давно на полке в комнате стоит и блестит, когда солнце выглядывает.

— Ну, зелик-козелик, скупаешь? Кхрым-кх-кх.

У Аленки взгляд неподвижен. Ждет, когда из дедовых рук выйдет новая груша. Ей сейчас не скучно. Она сейчас вся в волшебстве дедовом. Спокойно сегодня. Слышно, как капли дождя шлепаются в бочку с водой.

Вечерами в дождливые дни можно и дома побыть. Игрушек здесь нет. Аленка свои из города не взяла. Но тут всякого интересного полно. Дедовы деревянные фрукты-овощи, а у бабушки в серванте за стеклом много всякого блестит. Тоже можно достать — только не расколи, пальчики порежешь. Аленка осторожно вытаскивает фарфоровые фигурки. Вот Емеля со щукoй в руке. А еще тетенька в полосатой красно-черной юбке. Она шатается из стороны в сторону, как колокольчик. А на самом верху серванта большая фигурка красавицы Аленушки. Сидит, пригорюнившись, склонившись над озером, и за братиком своим горюет. Это бабушка рассказывала. Аленушку брать нельзя — высоко.

В избе пол кривой. Дерево когда-то на крышу повалило, пол и повело. Чтобы телевизор включить, в гору идти надо. Бабка вздыхает.

— Ничего, бабка, зато физкультура.

— Мне физкультуры за день хватает. А тут и вечером еще на гору лезть.

— А чего ты его выключаешь-то! Он же ж современный. Вон, у всех соседей включен в ризетку, только пульт нажать.

— Да что мне соседи! Вещь-то ненавидеть. Сохранней, когда выключено. И железке отдых нужен.

— Ненавидеть... Ну, бегай, бегай в горочку. Говорю ж — физкультурка. Хрым-кх-кх-хр.

Дед бывает смешной. И в такие минуты Аленка даже не боится, когда он хрымкает. Но чаще всего Аленке хочется что-нибудь устроить эдакое. И не потому, что она деда не любит. Да она и сама объяснить не может... хочется, и все.

— Бабк, что она у нас все молчит-то? Уж пятый год пошел.

— Заговорит когда надо. Да и сейчас, если нужно, все скажет. А ты-то сам рассказывал, в детстве до пяти немтырем бегал.

— Ну, я-то... Чего мы, голопузия немтая. С нами и поговорить некому было. Мамка с папкой в поле. А тут тебе и телевизор, и я, вон, под боком кхекаю. Сказку на ночь скажу. А все молчит... Себе на уме, заразатакая.

— Вот что ты ее так прозвал-то!

— Дык, я ж, любя, зелика моего, козелика.

— Это я знаю, да, Аленка. А соседи, что могут подумать?

— Ить, соседи твои. Бабки языкатые.

— Вот любишь ты всем прозвища-то давать, дурень старый.

— Хркхе, кхе, кхе... Бабк, где там моя пшикалка-то?

— Ой, шас, шас, дед. На трюме лежит.

Все чаще деду пшикалка нужна.

Аленка глаза напрягает, и сама вся напрягается от какой-то неясной мысли. Дед страшный только когда кхекает или храпит. А так с ним интересно. Она больше за ним бегает, чем за бабушкой.

Днем, после сна, одеялко откинула, испарина еще на лобике, волосы кучеряшками скрутила. За окном листья сирени с солнечными лучиками перемигиваются. Даже в глазах рябит.

Аленка слышит голос бабушки. Не такой. Так бабушка никогда еще не говорила. Чуть выше живота сжалось что-то и через комок в горле к глазам подступает. Страшно сделалось. Чего деда-то не слышно?

Выбежала Аленка из комнаты, через темный предбанник, тяжелую дверь с размаху, со страху с силой — и на веранду. Дед у лавочки лежит и лицо синее. А у Аленки страх пропал, знает, что делать надо.

Бабушкин голос за кроличьими клетками, там только телефон связь берет. Ало, але, скорая!

Бабушка уже плачет и на коленях рядом с дедом. А он рукой слабо ее за руку.

Где же эта пшикалка? Аленка вспоминает, как дед ходит. Он рано просыпается, раньше, чем Аленка. Она не знает, как он там в раннем ходит, а потом, днем, все дорожки его знает. У забора, колодец, сарай, куры, поросенок, за калитку. Нет нигде. Все кусты облазила.

— Долго-то как, — слышит она бабушкин отяжелевший голос. И еще быстрее соображать начинает. Утром-то куда он ходит?

Может к реке? Через огород, туалет, вниз, по картофельному полю, кукурузному.

Там всегда пар идет по утрам. Там река. Но Аленка там еще ни разу не была. Далеко, и кукуруза высоченная, а в ней звенит и стрекочет.

А сейчас побежала, глаза зажмурила, кулачки сжала. К реке бежит. И вот она, река. Теплая, блестит и не страшная. Плеск тихий. Спокойно. Ива плакучая в воде ветки полощет. Лодка лежит перевернутая. Удочки дедовы, сетка. Вон, вон пшикалка, у самой сетки валяется! Видать, из кармана выпала, а дед не заметил. Аленка схватила, бежит обратно. А там уже гудит что-то громкое и пронзительно.

И деда у лавочки нету.

Через двор, через вишни, к забору. Там старая калитка в тени, проводком подвязана. Аленка знает, что досочку можно откинуть и на улице. И гудит мотор. Машина большая тарахтит. Бабушкин голос и голоса чужие.

— Деда! — Аленка изо всех сил крикнула, продираясь сквозь калитку.

Дверь в машине железная закатывается уже.

Увидели Аленку. Бабушка на руки схватила. А дедовы ноги уже из машины торчат.

Аленка к деду руки тянет, пшикалка в кулачке зажата.

— Зелик ты мой, козелик. Заразатакая любимая. Хрм-хр-хр.

Ефим Гаммер

(г. Иерусалим, Израиль)

ТЯПА-ЛЯПА

(юмористический рассказ)

Ефим Гаммер — член редколлегии израильских и российских журналов «Литературный Иерусалим», «ИСПРАГЕО», «Приокские зори», автор 29 книг стихов и прозы, лауреат премий имени И. А. Бунина, Н. С. Лескова («Левша») и многих других. Живет в Израиле, печатается в России, Израиле, США, Франции, Германии, Англии, Канаде, Австралии, Швеции, Дании, Финляндии, Украине, Беларуси, Латвии.

1

Жила-была наколка — рожица кривая на двух ножках, по прозванию Тяпа-Ляпа. Жила-была не в районе Бермудского треугольника, где все туманно и зыбко, и всякая нечисть бродит по водам, заманивая в глубины. А на курорте, в благословенном Крыму, под поэтическим небом Коктебеля: тут что ни шаг — поэтесса, что ни взмах руки — поэт, да и вино в бочках. Жила-была, хлеба не ела, воду не пила. Но смешно морщилась, дивно корчилась на запястье, когда рука — хозяйка ее — подносила стакан ко рту. Не ко рту Тяпы-Ляпы, понятно. А ко рту обладателя наколки, человека вполне зрелого для вечно молодого поэта по псевдониму-имени Катет, который намылился в ЗАГС ради женитьбы на Гипотенузе, подающей творческие надежды, когда не работает в гардеробе местного самодеятельного театра «Верхом на Пегасе».

Женитьба его должна была состояться по любви. А любовь — зла, вот и потребовала Гипотенуза свести со свету татуировку с Тяпой-Ляпой. А то торчит на самом видном месте. Причем, на той руке, какой предназначено расписываться в ЗАГСе.

Люди увидят, сочинят злые стишки:

*«Девушку с глазами дикой серны
Полюбил мужик в любви неверный».*

Какая женщина потерпит соседство с этой зеленоватой, как Змий-искуситель, Тяпой-Ляпой, впечатанной по глупости в руку мужчины? А что подумают соседи и свидетели со стороны слабого пола? Не в стихах подумают, типа:

*«В ночи не сыщешь ярче света,
Чем от присутствия поэта!»*

А подумают брэнной и настолько замшелой прозой, что тошно становится, когда мыслишь под них: мол, баловник Катет на заре туманной юности предлагал уже руку некой Тяпе-Ляпе. В память о первых поползновениях любви и выгравировал на личной коже, словно фирменный знак, ее портрет.

Фигушки!

Словом, Катет, еще не доходя до ЗАГСа, влип по уши в кашу перловую с подливкой из чужих слез и угрызений собственной совести.

— Или Тяпа-Ляпа! Или я! — сказала Гипотенуза.

И сочинила язвительный стишок:

*«Восторженный козел,
Девицу увидав,
Сказал: «Гав-гав!»,
Держа в уме:
«Мне-ме-е».*

Катет не смутился, и не в таких поэтических переделках он бывал на Парнасе, когда его сталкивали к подножию мощным в исчислении лошадиных сил трактором соцреализма, чтобы закопать в землю.

Без долгих колебаний он избрал, конечно, Гипотенузу и отправился к ближайшему косметологу-татуировщику сводить со свету Тяпу-Ляпу.

В результате похода рука у него стала чистая, с глянцем на месте наколки.

Думал: вот и окончилась эта скверная история с непредвиденной даже в кошмарном сне ревностью.

2

А что Тяпа-Ляпа?

Лежит себе на дне мусорного ведра, куда ее стряхнули с лоскутка человеческой кожи, и пошевелиться от ужаса не может. «До чего жизнь — штука непредсказуемая!» — проносится в ее мыслях.

И то: вела-вела... В кино вела, в рестораны... И привела к банкротству жизненных сил и полной безликости.

Кем она была прежде? Не просто Тяпой-Ляпой, а синеокой красавицей «дней его мятежных, когда встречал девиц он нежных, лобзал в уста и говорил подруге: «Поэт! Как много в этом звуке!». Она находилась на виду и всегда при неотлучном Катете, накрытом столе и бутылке. И если кто-то приставал к нему, значит, приставал и к ней. И получал по мордасям. Причем, не без ее помощи.

Как там ни толкуй о слабости женского организма, но ведь и она, прочно впечатанная в руку Катета, участвовала в мордобойных схватках, и делала кисель на роже обидчика. При этом вполне профессионально — ни разу не схлопотала «фонарь» под глазом. Выходит, не только ее покровитель, но и она, Тяпа-Ляпа, способна была за себя постоять.

«Способна была за себя постоять!» — с тоской подумала наколка в полумертвом своем положении. И от тоски душевной готова была разбить голову о железную стенку ведра. Но вместо синяков и ссадин народились стишки — недаром питалась каплями пота с тела своего возлюбленного.

*«Любовь отпросилась по малой нужде.
Ушла и за площадью скрылась.
А мне — в стенку гвоздь, и висеть на гвозде,
Роняя из глаз своих сырость».*

С угасанием творческого порыва и силы оставили Тяпу-Ляпу. А если нет сил, то и не надейся на избавление из плена. Осознала это и — в рыдания, а из рыданий — в истерику, и оттуда еще дальше, пока не забилась в судорогах. Ибо представила себе, как коварная Гипотенуза гладит Катета по той же руке, где раньше находилось ее изображение, и соблазнительно говорит в стихах, иначе — тварь такая! — не умеет:

*«Мой любимый ты, мой хороший,
Полюбила тебя не за гроши,
А за ум твой, характер и совесть —
Вот такая любовная повесть!»*

Что тут ответишь? Надо бы стихами. А как они подвернутся, если ты трясешься в судорогах.

«Не трясись!» — весело сказала себе Тяпа-Ляпа из левого полушария мозга в правое, где произрастает не чертополох, а совсем иное растение, описанное Пушкиным в классическом стихотворении «Анчар».

Как у Пушкина?

*«И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила».*

А у нее, и без того от природы зеленой?

У нее не менее ядовитое, и с точным адресом: Коктебель, улица Блока — это на-счет Катета, и Коктебель, улица Грина — в отношении его невесты.

*«Был он не прост,
Хоть судьбою обижен.
Деньги любил,
Как бесплатный сыр.
Вот и ухаживать стал,
За той, что живет поближе,
Чтобы не тратиться
На такси».*

3

Вначале Тяпа-Ляпа, впад в истерику, даже не заметила, что уже бьется головой о стенку мусорного ведра. Потом заметила и прибавила энергетики ударам — голова не живая: ничего с ней не случится.

Догадалась правильно. С головой ничего худого не произошло, и фигуру не испортила.

Тут мусорное ведро и опрокинулось.

Тяпа-Ляпа выбралась наружу.

Теперь ее не привяжешь ни к какому запястью: сама себе хозяйка — ходи, куда ноги ведут, дерись, с кем пожелаешь.

Осмотрелась, куда попала? Вроде как медицинский кабинет. На столе прожекторная лампа, рядом зубоврачебное кресло с кожаной подушечкой наверху. Стену украшает зеркало, над ним висит плакат с пояснительной для клиентов этого заведения надписью: «Игла для татуировки зовется «пешня», «пчелка», «шпора» или «жало», тату-машинка — «бормашина» или «швейная машина», тушь — «мазутой» или «грязью». Сама же татуировка называется «реклама», «регалка», «расписка», «клеймо» или «портачка».

— Фу! — скривилась Тяпа-Ляпа. — Чтоб я так жила, какие имена придумали! «Регалка», «портачка». На «тату», положим, согласна. А на «регалку» или «портачку» ни в коем разе! Кто меня с таким именем полюбит? С таким именем можно только разлюбить! О, да это идея!

И Тяпа-Ляпа взобралась на стол, чтобы вооружиться «пчелкой».

Свадьба пела и плясала.

Гипотенуза пела: «Ля-ля-ля, ля-ля-ля, полюбила кобеля!»

Катет плясал возле нее. Гости танцевали тоже, но вокруг них. Водили хоровод, водили, пока не украли невесту. Почему? Да потому, что таков стародавний обычай: самое милое дело, напоить невесту и спрятать куда подальше, чтобы жених потом раскошеливался во благо ее возвращения.

Очнулся Катет от веселой пляски, глядь, а Гипотенузы нет в наличии. Ни за столом, ни под столом. Гости кричат ему, будто в насмешку: «Горько! Горько!» Действительно, горько: с кем, скажите на милость, целоваться, когда суженая неведомо где?

Целоваться Катету и впрямь было не с кем. Не с наколкой же своей — Тяпой-Ляпой. А ведь как раз с ней и мог, если бы различил ее, полупрозрачную, зеленоватого отлива, возле стула невесты.

Тяпу-Ляпу так и не заметил. А она, тайком пробравшаяся на свадьбу, засекала все, что ей было нужно.

И как наливалась шампанским Гипотенуза, и как похитили ее бородатые люди, обманув бдительность жениха.

И как повели в соседнюю комнату, которая называется по народному «спальня», а на псевдонародном наречии «Конюшня Пегаса».

И как там произошло форменное преступление, когда эти бородатые люди, чтобы произвести впечатление, загалдели наперебой в рифму.

В результате...

*«Пегас скончался от восторга,
Вкусив под хохот стог стихов.
Теперь не вытащить из морга
Его недавних седоков».*

Тяпа-Ляпа выведала все, что надо и не надо, включая оперативный материал для криминальной хроники, и притаилась в ожидании: что еще будет? Похитители невеселы, умаявшись от стихотворной речи, разлили водку и стали уговаривать Гипотенузу выпить рюмку, выпить две, чтоб кружилось в голове.

Наколка знала из опыта посещений ресторана на запыстье попивающего не только сырую воду Катета, что при смешивании шампанского с молочком из-под бешеной коровки получается коктейль по прозванию «Белый медведь», и он, этот коктейль, так туманит нетренированные алкоголем мозги, что наутро девушка не помнит, что вытворяла ночью.

Но с охмелевшей Гипотенузой выходила история и того похлеще. Она уже не помнила, что делала даже минуту назад. И слыша за стенкой крики «Горько! Горько!», лезла целоваться с бородатыми дядями, укравшими ее ради выкупа.

Поцеловалась с одним, поцеловалась с другим и сладко зевнула: «А теперь спать!» И бряк с ног — прямоком в кровать.

— Спящая красавица! — удовлетворенно сказал один бородатый мужчина и почмокал языком, выпив с удовольствием водки.

— Настоящее сокровище! — сказал второй бородатый мужчина и тоже почмокал языком, выпив с удовольствием водки.

Так они говорили и пили, говорили и пили, пока это занятие им не надоело. И тогда они пошли в гостиную, где свадьба пела и плясала, чтобы поторопить Катета с денежной выплатой.

Тяпа-Ляпа воспользовалась их оплошностью, допущенной при охране невесты от посягательств посторонних личностей, и взобралась на похрапывающую новобрачную со своей «пчелкой».

— Тик-тик-тик! — тихонько заработал ее хитроумный инструмент, украшая лоб спящей соперницы татуировкой. — Тик-тик-тик! Тик-тик-тик!

*«Когда раскаянье придет,
Ты скажешь мне: «нет-нет, послушай...»
А я: «Ты съела бутерброд,
Который я хотела скушать».*

5

А свадьба продолжала веселиться.

— Эх! Ах! Та-ра-рах!

— Мы покажем скок и мах!

— Все сегодня для души!

— Спляшем, братцы? Все пляши!

— Эй, жених! Теперь уместно

Дать нам выкуп за невесту.

— Выкуп вам я дать готов

Хоть в две сотни добрых слов!

— Нам слова твои до феньки.

Вместо слов мы просим деньги!

Хмельная толпа загудела:

— Деньги! Деньги! Деньги на бочку!

Бочки поблизости не оказалось. Ее заменил пиршеский стол.

Катет с барской щедростью и легким сердцем выложил на скатерку, между салатом «Оливье» и баночкой килек в пряном посоле, кучу денежных знаков. И соврал, не моргнув глазом, что это якобы гонорар за книгу стихов, принятую к изданию в Москве пяти тысячным тиражом в расчете на последующие допечатки.

— Получайте выкуп мой.

Жду невесту я домой.

Хмельная толпа свадебных гостей подхватила его призыв:

— Невеста! Тили-тили-тесто! На выход!

От непрекращающихся воплей Гипотенуза немножко отрезвела и очнулась. А затем чихнула так сильно, что сдула с себя невесомую Тяпу-Ляпу вместе с ее безотказной «пчелкой».

После этого девушка поднялась с кровати и, немного шатаясь, двинулась из спальни на призывные крики: «Горько! Горько!» В дверях растерянно остановилась, увидев, как внезапно вытянулись физиономии у всех собравшихся ее поздравить с законным браком.

А физиономии у гостей вытянулись по причине всеобщей грамотности. Каждый из них, будь у него даже начальное образование, что необходимо не только поэту, имел возможность прочитать на лбу невесты такую татуировку: «РЕГАЛКА», она же «ПОРТАЧКА».

Хмельным людям тут же почему-то захотелось еще выпить. И совсем расхотелось кричать: «Горько! Горько!»

А Катету с той же скоростью расхотелось целоваться, хотя он и вышел навстречу Гипотенузе с распростертыми объятиями.

Так и стоял, застыв, как и поднялся из-за стола: рот раскрыт, а слова — «люблю!» — не слышно, будто проглотил его заодно с последней порцией выпивки.

Тяпа-Ляпа злорадно корчила рожицу, наблюдая со смехом за этой немой сценой.

— Ха-ха! Худенькие да прозраченькие тебе не нравились — живи теперь с длинной, как экватор, Гипотенузой. Так тебе и надо! — произнесла весело, но достаточно тихо, чтобы ее никто не услышал. А то ведь и побить могли.

Яков Шафран
(г. Тула)

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской
литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.*

НАДЕЖДА

Посвящается моей бабушке Рае

Стояла ясная солнечная погода без единого облачка на небе. Выжав выстиранные пеленки и повесив их на веревку, протянутую через весь двор, Рая, девочка семи лет, оглянувшись и никого не увидев, забилась в свой потайной, в зарослях малины, уголок между сараем и забором. Здесь за березовым поленом в фанерном ящике, укрытом от дождя клеенкой, сидела подаренная ей отцом тряпичная кукла. Взяв на руки, она прижала ее к себе.

Ягоды на кустах уже начали чуть краснеть. Рядом с малиной, как всегда, буйно росла крапива, и жужжали большие черные, отливающие желтым мухи. Это жужжание и густой тяжелый дух, идущий от зарослей распаренной крапивы, были неприятны девочке. Но это было единственное место, где можно было на какое-то время укрыться от требовательного, властного взгляда мачехи, у которой постоянно находилась работа для Раи.

Вот и сейчас послышался повелительный голос:

— Ну, где ты опять?! Нужно покормить Соню и Лизу, я приготовила им.

Это были сводные сестры Раи — пяти и трех лет. Третьей сестре, Ане, было еще три месяца, и мать кормила ее грудью.

Девочка посадила куклу обратно, прошептав ей: «Не грусти, я скоро вернусь», устало поднялась и пошла в дом.

У Раи был родной брат на семь лет старше ее, но он уехал в город, когда мать при родах девочки умерла. В городе жили родственники отца, и брат устроился у одного из них, сапожника, подмастерьем с проживанием. Отец же Раи быстро женился — хозяйство и дочь-младенец. Мачеха, правда, выкормила девочку, однако нехотя, поневоле, и уже с четырех лет та стала прислуживать ей, ухаживая за Соней и только что родившейся Лизой и убираясь в доме. Отец был молчалив и всегда в работе — он был единственным сапожником на все небольшое местечко, потому заказов было очень много. Лишь иногда он не выдерживал ругань жены на дочку и, прижав Раечку к груди, как та свою куклу, произносил: «Ничего, ничего, потерпи, дочка, вот вырастешь, придет Бешт...». Бешт был добрым волшебником из еврейских сказок, которые изредка в субботний вечер рассказывал он ей перед сном, спасителем от злых колдунов и духов, от разбойников и молитвенником за души несчастных людей.

Однажды, вдруг откуда-то взявшись, поднялся сильный ветер, и новое красивое, только что выстиранное субботнее платье мачехи слетело с веревки и упало в еще не просохшую после вчерашнего дождя лужу. Рая в это время сидела в своем закутке. Сколько так платье пролежало в грязи, неизвестно, но когда мачеха увидела, она побагровела и закричала:

— Где ты, а?! Почему не смотришь? Ну, подожди... Я тебя сейчас, и на отца не посмотрю! Где ты забавляешься, проклятая? Чтоб ты провалилась там, где ты есть!

Отец сидел на скамье в своей сапожничкой, дверь которой выходила во двор и была открыта. Он отложил работу, тяжело дышал, закрыв глаза, и большие натруженные руки его, лежавшие на коленях, дрожали. Желваки ходили на скулах его бледного лица, но он молчал.

Раечка появилась из закутка. Мачеха швырнула грязное платье прямо ей в лицо.

— На, стирай и суши, как хочешь, но чтобы к вечеру платье было как новое! — Она резко повернулась и, ни на кого не глядя, направилась к дому.

— Жена! — наконец воскликнул отец. — Не надо так!

— Ну, что от тебя, старого дурака, взять? — резко обернувшись, ответила та. — Фаршилтнир*! Зачем душу свою надрываешь? Кормишь, поишь, всему потакаешь... Что еще нужно? Ох, ни до чего хорошего все это не доведет...

Ни в чем не виноватая Раечка, по щекам которой вперемежку со слезами текла грязная вода, взмолилась в своей душе: «Мама, мамочка моя, где же ты? Почему бросила, оставила меня!?!» Она представила себе образ матери, который ей, как мог, нарисовал отец, когда она спрашивала его о ней. Мама смотрела на Раечку с любовью, молча — ну что она могла сказать дочке? — и слезы тоже текли по ее щекам...

...Однажды приехал в их местечко родственник — так, «седьмая вода на киселе», но добродушный, улыбчивый человек. Приехал он — большой-небольшой человек — однако, из Питера. Зашел и к ним в гости. А тут снова крики мачехи, вздохи отца и слезы Раи. Послушал он, послушал, да и говорит отцу, когда они остались наедине в сапожничкой:

— Слушай, отпусти девочку со мной в Питер, там у меня знакомая молодая семья есть, и им как раз нужна прислуга. Интеллигентные люди, только что свадьбу сыграли, ребеночек намечается. Будет в чистоте жить в городской квартире, сыта будет, одета, обута — они обеспечены, все то же будет делать, но без всяких коз и курей, да и без криков и оскорблений. Дело ли так жить? Правда, мачехи разные бывают, и многие не в пример твоей жене.

— Страшно отпускать одну в такой большой город, — сказал отец. — Но и здесь ей ой как не сладко. Мое сердце разрывается, когда слышу такое. — И он кивнул в сторону двери. — А каково ей-то все это терпеть?

— Вот и не надо терпеть. Поверь, все будет хорошо.

На том и порешили...

И вот Раечка в городе Петрограде. Хозяева и впрямь хорошие попались, культурные, слова обидного не допустят, тем более крика. И она в ответ на их доброту старается, все делает по совести, хорошо, не откладывая в долгий ящик. Хозяева и приодели, и приобули ее — она приехала, в чем была, так как ничего другого у нее и не было, захватив с собой только любимую куклу, — кормят со своего стола, и в награду за старание отпускают погулять.

Вот и сегодня между делами Рая решила прокатиться на трамвае. Сидит, смотрит в окна по сторонам — какой город красивый! Куда там их губернскому, где останавливалась с родственником по пути в Питер, до него, не говоря уже об их местечке. Потом решила выйти на остановке и пройти пешком. Идет и видит: много людей столпилось на площади, у завода, что ли, не может понять. Решила подойти, посмотреть, что там. А там какой-то коренастый, невысокого роста и лысый человек с бородкой говорит с возвышения, а все его, затаив дыхание, слушают. И Рая тоже стала слушать, однако мало что понимала.

Вдруг к ней подошел человек, по виду рабочий или ремесленник, и сказал:

* Черт тебя возьми! — на идиш.

— Слушай, малая, ты худенькая, везде пролезешь, протиснешься между ног, не чета мне, мне где уж... Понимаешь, записку нужно передать человеку, который выступает — вон, видишь,— а люди так плотно стоят, что не пролезть, да и отвлекать их неохота. А тебя никто и не заметит, как проберешься. Ну что, сделаешь?

— Сделаю, дядя,— сказала Раечка, чуть не захлебнувшись от гордости, и взяла сложенный вчетверо листок.

Она, действительно, достаточно легко пробралась вперед, и когда очутилась перед возвышением, с которого выступал тот человек, периодически выбрасывая правую руку перед собой, словно показывая куда-то, а левую держа в кармане пиджака, то немного заробела. Но потом, набравшись храбрости, она сказала:

— Возьмите, это вам! — И протянула записку.

Человек нагнулся к ней, взял листок, улыбнулся и другой рукой погладил ее по голове.

— Спасибо, девочка.

Рая, окрыленная выполнением порученного ей, как взрослой, дела, стала пробираться обратно. Того рабочего, как девочка его не выглядывала, уже нигде не было. Тогда она, немного смущаясь, спросила у женщины, стоящей рядом с ней, показывая на выступающего:

— Тетя, а кто это?

— Это, девочка, Ленин!

— А кто он такой? — спросила она, не понимая, имя ли это, фамилия, либо слово, означающее принадлежность кому-то или чему-то.

— Он за простых людей, за народ: за меня, за тебя, за вот всех их,— ответила та, показав на людей, одетых в простую, неброскую одежду, плотной массой стоящих перед возвышением, казалось, каждой своей клеточкой слушающих выступающего. Лица их были светлы, и в глазах светилась надежда. Надежда. Но ведь и Рая приехала в этот город с надеждой на свою лучшую детскую долю. И она своим детским сердечком хорошо поняла в тот миг, что эта лучшая доля ее как-то связана с этим человеком, с Лениным. А он, будто почувствовав движение ее чистой детской души, улыбнулся ей.

Рассказ написан по старым записям со слов моей бабушки

ДВЕНАДЦАТАЯ ОСЕНЬ

Моей матери посвящается

Этот осенний день выдался волшебно солнечным, светлым. Девочка стояла у окна и радовалась, радовалась всему: и богатой красками листве, и переливчатому сиянию, и тому, что сегодня воскресенье и у папы, наконец, выходной, и не последние числа месяца, когда нужно делать «баланс» (это страшное слово, отнимавшее отца даже в нерабочие дни, она очень не любила). А больше всего радовалась сегодняшнему с папой и младшими сестренками походу в ТЮЗ. Вот и новое платье уже на стуле висит, его старшая сестра вчера вечером погладила — у нее сегодня воскресенье и ее не будет с ними,— а рядом нарядные туфельки, почти как у взрослых, стоят. Жалко, что по улице сейчас в платье не пройдешь, уже холодно, нужно пальто одевать. Но ничего, в театре покрасуется.

А вот и папа вернулся из парикмахерской, все же с «дамами» идет в театр. И мамочка из кухни, как раз к его возвращению, несет на подносе так вкусно пахнущий завтрак — любимые в их семье картофельные draniki с теплым молоком в кувшине. Мама поставила поднос на стол и включила радио. Она как чувствовала, передавали хорошую песню. Папа разделся, помыл руки, и семья села за стол...

Вдруг раздался длинный звонок в дверь. «Кто это? Может быть, подруга, но мы

не договаривались?» — подумала девочка. Квартира была коммунальной, и кто-то уже открыл дверь. Раздались приглушенные голоса, и соседка постучала в их дверь: «Это к вам», — сказала она.

Мама открыла, и в комнату вошли трое незнакомых людей...

Девочка словно оцепенела, когда чужие люди стали рыться в книжном шкафу, вытаскивали книгу за книгой, рассматривали, вытряхивали каждую, будто надеясь — что-то выпадет из нее. Рылись даже на ученических полках, в детском письменном столе, вытряхивая из ящиков прямо на пол тетрадки, учебники, дневник, куда она, как любая двенадцатилетняя девочка, записывала стихи о дружбе и любви. Потом они перешли к гардеробу, и все повторилось.

Когда закончили, на лице старшего отразилось неудовольствие. Видимо, не нашли того, что искали. Отец и мама сидели у стола, к ним жались испуганные младшие сестренки. На отце не было лица, он как-то сразу постарел, посерел, руки его лежали на коленях, но были напряжены. В глазах была опустошенность... Мама подошла к нему, встала сзади и, положив руки на плечи, глядела на этих людей, словно говоря: «Ну, ничего не нашли ведь, так оставьте нас в покое. Завтрак вот безнадежно остыл. А драники уж и не разогреешь. Какие это будут драники?»

Девочка так и не села, как *они* вошли. Так и стояла, как в ступоре, и глядела, не мигая, на все происходящее.

Старший, обращаясь к отцу, предложил пройти с ними. Когда тот подошел к вешалке и стал надевать пальто, она еще не верила, что он сейчас уйдет один, без нее с сестренками, вернее, его уведут. Но вот *они* окружили его, чтобы вывести. Отец обернулся и проговорил: «Не волнуйтесь, я ни в чем не виноват и скоро вернусь». Однако девочка не почувствовала уверенности в его словах. Когда один из *них* открыл дверь, вдруг оцепенение ее прошло, она бросилась на старшего и стала бить его кулачками в грудь, крича: «Не трогайте моего папу! Не смейте его забирать! Он хороший!» Слезы катились по щекам. Младшие тоже заплакали в голос. Тот, криво улыбаясь, взял ее руки, сжал их, отвел от себя и, обращаясь к матери, сказал: «Заберите».

Мама обняла дрожащую в судорожном плаче девочку и отвела в сторону. Когда за *ними* и отцом закрылась дверь, мать тяжело опустилась на стул и, рыдая, уронила голову на стол. А девочка подошла к стене, на которой висел портрет человека с аккуратно зачесанными назад волосами, с усами, со спокойным уверенным взглядом, с ямочкой на подбородке и легкой улыбкой на лице. Она знала, что это самый главный человек. И в ее детском сердце, переполненном большим горем, родилась страшная ненависть к этому человеку, так как, если он главный, то виноват в случившемся с отцом, по его команде эти люди забрали любимого папочку. Девочка взяла стул, встала на него и, уже взявшись за рамку, хотела снять этот портрет, разбить стекло и в клочья изорвать изображение, но мама, закричав, остановила ее руку: «Не делай этого! Опомнись! Хочешь, чтобы нас тоже забрали?!»

Она отдернула руки от портрета, слезла со стула и, подойдя к матери, обняла ее и младших сестер. Обе плакали. Только мать, не верившая, что отца отпустят — слишком много было примеров вокруг, — плакала от горя о том, как и на какие средства они теперь будут жить. А девочка, кусая губы, плакала от ненависти. Где ей, ребенку, убитому горем, было понять, что не этот человек на портрете виноват в произошедшем с отцом и в происходящем вокруг. А виноваты те крупные и мелкие «князьки», восседающие повсеместно, боящиеся потерять свои места и посты, которые, как им мнилось, они завоевали праведной революционной борьбой и боями гражданской войны, в страхе потерять всю эту сытую, обеспеченную привилегиями жизнь из-за альтернативных выборов, объявленных принятой накануне Конституцией, написанной вот этим самым усаемым человеком. Откуда ей было знать, что он хотел, дабы на смену этим заживевшим и ничего не желающим делать для народа «князькам» через

выборы пришли молодые, знающие и умеющие профессионалы. Откуда девочке было знать, что «князьки» повсеместно, повязанные общей судьбой, подготовили списки, куда внесли честных, порядочных и умных людей, дабы уничтожить их, чтобы не стало среды, из которой могли бы появиться конкуренты.

Всего этого девочка не знала в этот солнечный осенний воскресный день, в год своего двенадцатилетия, когда надломилась ее душа. Обо всем этом она узнает намного позже, уже в зрелом возрасте. Узнает и поймет. Однако кто вернет цельность и чистоту души, цельность и чистоту разума ее, только вступающей на стезю жизни?

Рассказ написан по старым записям

Галина Солонова
(Брянская обл., г. Сельцо)

МАГИЯ ОГНЯ

Галина Алексеевна Солонова родилась на Брянщине. После окончания педагогического ВУЗа работала в системе народного образования на разных должностях. Писать рассказы для взрослых и детей начала в зрелом возрасте. Член Союза писателей России, член международной общественной организации «Союз писателей и мастеров искусств».

Виктор медленно шел по улице, наслаждаясь теплом вечернего майского солнца. Его внимание привлекла вывеска «Бар», украшенная декоративными коваными розами. Он остановился, оценивая мастерство кузнеца. Решил зайти...

Сел у барной стойки на свободное крайнее место. Чуть поодаль две молодые пары увлеченно беседовали друг с другом, поджидая приготовляемые для них напитки. Девушка, явно скучавшая, часто поглядывала по сторонам. В белой с накрахмаленным воротником рубашке за стойкой жонглировал бармен. В ход шли бутылки, стаканы, фужеры, бокалы и рюмки разных размеров. То и дело подхватывались блендер, дозатор. Вглядываясь в лицо хозяина барной стойки, освещенной висящими над головой абажурами, Виктор неожиданно узнал своего школьного товарища.

— Василий, — позвал он тихо.

Тот быстро подошел, радостная улыбка пробежала по лицу:

— Рад тебя видеть, друг. Какими судьбами?

— Случайно я здесь. Вижу, что тебе не до меня сейчас. Предлагаю встретиться послезавтра в десять утра у Измайловского «Вернисажа». Сможешь?

Василий на мгновение задумался, что-то просчитывая в уме:

— Буду. Обязательно приеду.

— Вот и лады. А сейчас сваргань мне простенький безалкогольный напиток...

* * *

Рукопожатия и объятия при встрече двух друзей-товарищей говорили о желании общаться.

— Это ж сколько мы не виделись... Двенадцать лет, — уточнил Василий.

— Да, после выпускного так и не встречались. В баре я наблюдал за тобой. Ты работал виртуозно, артистично. И как тебя угораздило стать барменом? Ведь окончил ты машиностроительный институт.

— На последних курсах учебы стал подрабатывать, постепенно приобрел практические навыки, индивидуальность. К окончанию института предложили работать на постоянной основе. Я и согласился. А что: зарабатываю неплохо, правда, ответственность и физическая сила нужны.

— Сегодня ты посмотришь на мою работу,— уверенно продвигаясь среди множества людей вглубь комплекса,— сообщил Виктор.

Вскоре остановились у большой железной двери с вывеской «Кузница». Василий недоуменно взглянул на друга. Вошли. Просторное помещение. Несколько человек стояли у стены. Василий не заметил, как Виктор исчез.

Пышущий жаром горн привел Василия в оцепенение, магия огня его заворожила. Наконец он перевел взгляд на множество щипцов разной формы, что висели рядом, наковальни с крошевом окалины, верстаки, на которых рядком лежали инструменты, обрезки металла. С любопытством рассматривал гидравлический молот. «Вместо дюжего детины-молотобойца»,— догадался Василий. Вдруг что-то знакомое из детства почудилось ему.

— Друзья, наш заключительный день семинара мы закончим мастер-классом, который проведет член Союза Кузнецов, Народный Мастер кузнечного дела Виктор Яхонтов,— объявил мужчина богатырского телосложения.

«Видимо, руководитель этой встречи и, конечно, кузнец»,— подумал Василий. Он встрепнулся, устремляя изумленный взгляд на школьного друга, который предстал перед публикой в кожаном фартуке и рукавицах. Виктор закинул в печь порцию каменного угля, несколько металлических полос отправил в горн. По его внешнему виду было видно, что он по уши влюблен в свое дело. Мастер ловко выхватил щипцами из горна раскаленную добела полосу. Под уверенными ударами молота полоса послушно меняла форму, превращаясь в три хвоста. Орудую точно и быстро молотком, он заострил каждый хвостик, превратив их в художественные круглые завитки. Виктор виртуозно подхватил щипцами только что изготовленное изделие и продемонстрировал публике. Новая металлическая раскаленная полоса под магическими движениями рук, инструментов и включенного молота приняла вид изящного цельнокованого ножа. Будто от чудного сна пробудили Василия аплодисменты...

— Ты — настоящий маг! — возбужденно сказал Василий подошедшему Виктору.

— Здесь недалеко небольшой скверик. Пойдем, посидим.

Уединившись в уголке открытой веранды уютного кафе, друзья молча смотрели друг на друга, думая каждый о своем. Весеннее солнце щедро посылало свои лучи, лаская молодую листву деревьев, что стояли рядом с верандой. «Чив-чив, чив-чив-чив»,— пели радостно хором воробьи.

— Я поражен твоим мастерством. Расскажи, как ты всего этого достиг,— наконец заговорил Василий.

Виктор улыбнулся:

— Ты помнишь, когда нам было по двенадцать лет, я уговорил своих родителей отпустить меня с тобой в село, где жили твои бабушка с дедушкой. Дед Матвей повел нас в кузницу. Вот тогда я впервые увидел танец пляшущего огня в горне, волшебные руки твоего деда. Он из куска металлической полосы смастерил жука и подарил его мне.

Виктор отхлебнул глоток кофе капучино, помолчал. Василий не торопил.

— Из нашего районного центра ты помчался в столицу, а я нашел кузнеца и записался к нему в ученики. Бывало, сутками от горна не отходил: лемеха кривые мне учитель все поставлял, а я их выправлял. Внутри меня творческий огонь все больше разгорался. Хотелось создавать самому что-то новое, сказочное. Привлекала художественнаяковка. Начал с простых завитков и петель. Не все получалось. «Металл надо чувствовать, а не творить на ощупь,— говорил мой наставник. Помогло то, что окончил машиностроительный техникум. Я понял, при какой температуре металл калится, когда становится послушным, как пластилин. Да и без вдохновения никак. Иногда мучаешься, ночь не спишь, пока в голове не сложится образ будущего изделия. Сейчас требование к эстетике металла возрастает.

Виктор замолчал, обхватив кофейную чашку обеими руками, будто согревая ее содержимое упругими ладонями.

— Эстетика эстетикой, а финансовая сторона твоего дела не страдает? — осторожно спросил Василий.

— У меня собственная кузница. Сейчас кузнечное дело переживает второе рождение. Богатые люди строят большие дома, заказывают металлические, с элементами декора, заборы, ограждения различные, перила, декоративные лестницы, двери и ворота. Простые клиенты — решетки, всевозможный инструмент, сувениры, — Виктор достал из кармана джинсов и протянул на ладони кованого майского жука, — вроде таких, как этот. Дарю на память о нашей встрече. На его брюшке номер моего телефона, и если что — звони...

* * *

Глубокая ночь, а Василию не спалось. Подробно вспоминались события прошедшего дня. Ему мерещились то пляшущий огонь в горне, то висящие инструменты, то раскаленные металлические полоски. «Я радуюсь за школьного друга, его мастерству, — думал он. — Но меня поражает, как сказал Виктор, «ни с чем несравнимое удовольствие», которое получает он в процессе работы и по ее завершении. Виктор назвал меня жонглером и артистом. Я тоже могу мастерски приготовить напитки, знаю секреты их рецептов и тоже приношу пользу посетителям. А удовольствие я получаю от своей работы? — неожиданно жар хлынул ему в лицо. — Что это? Мне стыдно?.. Да, моя работа не для настоящего мужика. Мои дед и прадед работали кузнецами, а я погнался за столичной жизнью. И что, я счастлив? Деду Матвею уже восемьдесят восемь, бабушке чуть меньше, они еще живы, а я, единственный внук, за последние два года не удосужился навестить их»... Через не закрытое шторой окно Василий увидел свет, который начал теснить прохладную ночь. Он взял в руку подаренного жука, что сидел на тумбочке рядом, ощутил прохладу металла и, вспоминая деда, кузницу, так и не уснул...

Целую неделю Василий находился под впечатлением встречи с Виктором и тех чувств, которые посетили его той бессонной ночью. Договорившись с хозяином бара об отпуске, он поехал к бабушке и дедушке. Ранним утром село ему показалось каким-то новым. Люди спешили к автобусу с названием «Мираторг» — «видно, на работу едут, а ведь недавно работы у многих селян не было», — отметил про себя Василий. Новое здание магазина, стройный ряд строящихся и обновленных домов — все это по-хорошему впечатлило Василия.

— Внучок, внучок приехал! — восторгалась со слезами на глазах бабушка, обнимая внука.

— Ну, наконец-то! Думали и не дождемся, — распахнув руки для объятий, сказал дед.

— Сейчас будем завтракать, у меня все готово: мама еще вчера утром сообщила о твоём приезде. Какое чудо — этот сотовый телефон, — «щебетала» бабушка, накрывая на стол.

— А что, дедуль, цела еще кузница? — ошеломил своим вопросом внук.

— Конечно, цела, я смотрю строго за ней, иногда по старинке что-то кую.

— Так пойдем туда прямо сейчас, — загорелись глаза у Василия.

— Нет уж, имей уважение. Сначала позавтракаем...

* * *

Конец мая дарил тепло, запахи сирени, что красовалась почти у каждого дома.

— Эх, погода, какая чудная стоит. Наше село здорово преобразилось. Замечатель? — шагая неспешно, говорил дед Матвей.

— Почему так кузницу далеко построили, за селом? — удивился Василий.

— Строил ее еще твой прадед, в честь него назвали тебя его именем. А на краю села — это ж поверье исстари было такое: кузнецов почитали за людей, связанных с потусторонними силами, наделенных магическими приемами, колдовством. Считали, что опытный кузнец мог «прижать» болезнь, «прищемить» беду. Амулеты для этих целей люди заказывали у кузнеца... Вот мы и пришли. Узнаешь?

Дед Матвей достал из кармана ключ и открыл дверь. Она приветливо заскрипела. Василий ожидал, что изнутри пахнет сыростью, затхлостью, полетит пыль, качнутся по углам паутины. Ничего этого не случилось. Было сухо, опрятно, все лежало, стояло и висело по своим местам. Только помещение теперь по сравнению с детскими воспоминаниями было маловато.

— Такое впечатление, что здесь кто-то работает, даже уголь каменный есть! — воскликнул внук.

— А как же! Я и работаю! Изредка, правда: силы уже не те. Жив старинный обряд. Молодожены хотят придать брачным узам крепость железа. Вот и заказывают подковы, сердца.

— Деду, давай сейчас разогреем горн и попробуем что-нибудь сотворить,— предложил Василий.

— Ну что ж! Разогревай горн. Сувенирное сердечко будем ковать. Только орудовать молотком по моему указанию будешь ты...

Огонь, искры, звон металла, раскаленное железо, стук потрепанного жизнью молотка, команды деда: «Бей! Бей!» — все для Василия превратилось в музыкальный ритм, зазвучало симфонией.

— Готово! Подхватывай «сердце» щипцами! — эхом прозвучали слова дедушки.

Василий был смущен, но счастлив,— и это он чувствовал и осознавал.

* * *

На следующий день он позвонил Виктору:

— Приезжай, друг, скорее в село к моему деду. Поможешь на более современном уровне оснастить нашу кузницу. Хочу стать сельским кузнецом...

Александр Петренко
(г. Краснодар)

БАТЬКИНА ЖИНКА

Наш постоянный автор.

Хрупкая дверь жалобно затрепетала.

— Откройте немедленно! Военный патруль!

Минуту спустя, старший по званию, козырнув, вручил отпечатанную на серой бумаге повестку. Женщина взяла ее в руки, смахнула набежавшие слезы, подняла глаза к небу. В столице поверженной Германии стояла тихая предосенняя жара. Три месяца прошло с момента подписания акта о капитуляции.

— А вдруг это не из-за давнишних событий? — пронеслось в голове. — Может, коменданту срочно понадобились переводчики. А вдруг работу предложат? Ведь написано же явиться с документами. Сколько воинских частей занимаются вывозом материалов и оборудования из Германии. И в каждую требуется переводчик. Понятное дело, без тщательной проверки на такую работу не устроиться. Особисты будут проверять. Но ведь сколько лет прошло. Может, глубоко копать не станут. В их конторе сейчас и других проблем выше крыши.

* * *

Надежды Галины Кузьменко не оправдались. Домой из комендатуры она не вернулась. Отправили в фильтрационный лагерь. При обыске у женщины обнаружили двести десять марок. Берегла на черный день. И он настал. Но дензнаки не пригодились. Изъяли при обыске.

В Киеве поместили в одну камеру с уголовниками. Следователь предложил сделку.

— Будешь ездить во Францию. Общаться с эмигрантами из России. Выявлять тех, кто сотрудничал во время войны с немцами.

Галина отказалась. Сослалась на то, что плохо знала бывших белогвардейцев.

— На роль предательницы не гожусь. Противно это.

Незадолго до Нового года вынесли приговор: восемь лет лагерей.

* * *

УРА! УРА! УРА!

ПОЙДЕМ МЫ НА ВРАГА,
ЗА МАТУШКУ ГАЛИНУ,
ЗА БАТЬКУ — ЗА МАХНА.

(Из махновской песни).

По собственной воле (из-за вечно пьяного отца) или по желанию родителей юная гимназистка оставила учебу и оказалась в женском монастыре. Тамошнее бытие обительниц на виду. Послушницы передавали из уст в уста:

— А наша Анфиска-то, ну та, которую, в миру, Галинкой кликали, с полицейским Евстигнеевым, того...

Молодая монахиня слухов не опровергала. Собрала нехитрый скарб, да и покинула обитель вместе с сыном барона Корфа.

Отбыли к новому месту жительства. В родовое имение суженного.

Однако родители выбор сына не одобрили. Кандидатку в невестки быстренько спровадили назад.

Запасной вариант так же отпал. Ухажер Евстигнеев, узнав о бегстве возлюбленной, свел счеты с жизнью. Настоятельница монастыря, устав от скандалов, не пожелала видеть любвеобильную монахиню в обители Господней.

* * *

О знакомстве и сватовстве батьки и Галины ходят легенды. Среди них и такая. Нестор, наслышанный о необыкновенной учительнице, нагрянул в школу. И предлог сыскал соответствующий. Потребовал редкую книгу, хранящуюся в тамошней библиотеке.

Ничуть не испугавшись грозного атамана, девушка сообщила.

— Издание уникальное. Подобные раритеты за пределы школы выносить никак не можно.

Нестор кричал, что без книги и шагу не сделает!

Галина швырнула тяжеленный том на пол.

— Подними!

— Не на ту напал! Тебе треба, вот и гни спину.

Батька выхватил револьвер.

— Для такой упрямой и всего барабана не жалко!

Из ореховых глаз девушки вылетели такие искры, что лихой атаман осознал: училка — его женщина.

Дабы произвести впечатление на Галину, Нестор прибарахлился. Обзавелся набором шелковых сорочек, раздобыл высокие сапоги. Не отставала от ухажера и учительница. Облачилась в мужской костюм. Носила каракулеву шапку.

Родители Агафы — Галины, набожные люди, потребовали от Нестора перед свадьбой поклясться, что ходит в церковь.

Став женой атамана, дама щеголяла в пальто, отороченном мехом котика, и в светлых ботах. Сложно поверить, что эта улыбающаяся элегантная особа наравне с мужиками ходила в атаку. Случалось, что и из пулемета строчила. Расстреляла махновцев, застав за грабежом и насилием над женщиной.

* * *

Село Песчаный Брод заняли красные. Не мешкая, приговорили к расстрелу местных кулаков. Среди них оказался и отец Галины. Бывший жандарм Андрей Кузьменко. Спустя несколько часов батьке доставили депешу. Махно отправил туда отряд из трехсот человек.

Утром в освобожденный Песчаный Брод приехал атаман и убитая горем жена. Тут же разыскали ту, которая выдал родича. Местную жительницу по фамилии Бродская.

Дочь зарубила предательницу собственноручно.

На площадь вывели плененных красноармейцев. Лучшая подруга бывшей училки Феня Гаенко расстреляла всех лично. Атаман сидел мрачный. Молчал и не вмешивался в происходящее.

* * *

Женщина и на войне остается женщиной. «Крестьянская царица», несмотря на многочисленные протесты, взяла на воспитание маленькую дочь командира Стального полка, коммуниста Михаила Полонского. Нестор расстрелял его за подготовку заговора.

В последние дни лета двадцать первого года, преследуемый красноармейцами, Нестор с Галиной и небольшим отрядом пересек Днестр у деревни Монастырка. Батяка еле держался на ногах. В последнем бою схлопотал пулю в шею. Навылет, через щеку.

Их встретили люди чужой страны — Румынии.

Женщина первым делом стянула с себя мокрую одежду. Пограничники, вдоволь налюбовавшись на даму в неглиже, доставили беглецов на заставу.

В начале двадцатых годов Советское правительство не имело официальных дипломатических отношений с соседней страной. Однако сей факт не помешал наркому иностранных дел направить ноту генералу Авереску с требованием выдать Махно.

Румынское правительство тянуло время.

Перебежчиков держали в бараке. Кормили кукурузной похлебкой.

* * *

Через некоторое время чета Махно сбежала. Власти вздохнули с облегчением.

В апрельские дни двадцать второго года измученные люди смогли-таки перейти польскую границу.

Нестора и Галину немедленно арестовали и заставили предстать перед судом. Обвиняли в подготовке восстания в Галиции.

В тюремных застенках Галина стала мамой. Родила девочку. Европейские и американские анархические организации оплатили не дешевые услуги адвокатов. И те выполнили поставленную перед ними задачу. Варшавский окружной суд вынес оправдательный приговор. Услышав это, Нестор сделал заявление для прессы. Сообщил корреспондентам, что посвящает жизнь беспощадной борьбе с советской властью. Но ожидаемого отклика из эмигрантских кругов не последовало. Денег на святое дело никто не предлагал.

* * *

Бывший атаман сильно изменился. Даже попытался свести счеты с жизнью.

В среде русской эмиграции бытовала другая версия. Анархистка Ида Метт уверяла: «На правой щеке Махно замечен шрам. Галина попыталась убить мужа во сне. Кажется, у нее был роман с петлюровским офицером». Врачи оказались на высоте. Спасли бунтаря от смерти. А власти усилили полицейский надзор. В конце концов, от греха подальше, семейство депортировали во Францию.

В Париже Нестор устроился плотником в оперный театр. Затем работал рабочим в одном из цехов концерна Рено. Жили впроголодь. Обострилась чахотка. Галина всерьез опасалась, что малолетняя дочь заразится от отца. Забрала малышку, переехала в другое жилище. Открыла лавку бакалейных товаров «Махно».

В тридцать четвертом году батяку окончательно одолела неизлечимая болезнь. Стали гнить ребра. Жена навестила умирающего супруга в госпитале.

— Ну, ты как?

Бывший хозяин Гуляйполя ничего не ответил. Из глаз усталых, мутных катились слезы.

Лавка разорилась. Преуспевающей бизнес-леди из Галины не получилось. Чтобы как-то выжить, работала где придется. В сапожной мастерской изготавливала заго-

товки для обуви. Бралась стирать белье. Прошла медицинскую комиссию и стала получать мизерное пособие.

После оккупации Франции фашисты вывезли атаманскую жинку и дочь Елену на работы в Германию.

* * *

Из обвинительного заключения по следственному делу 1. Кузьменко Г. А., 2. Михненко Е. Н. «В августе 1945 года оперативной группе НКВД района Митте-Берлин стало известно, что в г. Берлине проживают жена и дочь руководителя анархистских банд на Украине Махно Нестора — Кузьменко Галина Андреевна и Михненко Елена Несторовна, которые в эмиграции занимались активной антисоветской деятельностью... Дело... направить на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР».

* * *

Батькина жинка в лагере утратила былой шарм. Дама с глазами цвета ореха в котиковом пальто исчезла навсегда. Отбыв положенное по приговору, на свободу вышла советская старушка в заштопанном платочке.

Шли годы. Наступила хрущевская «оттепель». Галине посоветовали обратиться в компетентные органы с просьбой о реабилитации.

«По Вашему заявлению Прокуратура УССР изучила дело, по которому Вы были осуждены. Материалами дела виновность Ваша доказана, и оснований для реабилитации не усматривается.

Зам. Начальника отдела по надзору за следствием в органах госбезопасности Г. Малый».

* * *

Галина (Анфиса) Андреевна Кузьменко-Махно до конца дней жила контрреволюционеркой на законном основании!

Вячеслав Софронов

(г. Тобольск Тюменской области)

КАЧЕЛИ-КАРУСЕЛИ

Родился в 1949 г. в Тобольске, где последние годы работал преподавателем истории в местном педагогическом институте им. Д. И. Менделеева на должности профессора. Автор нескольких исторических романов: «Кучум» (3 тома), «Отрепленные люди» (4 тома), «Земля печали», изданных в российском издательстве «Вече». Имеет ряд научных трудов и монографий по истории Сибири. Лауреат нескольких литературных премий.

Качели изобретены были еще в незапамятные времена и у многих народов считались вещью сакральной, мистической. Среди русских песен можно найти массу связанных именно с качелями, когда каждый норовил проявить свою доблесть, храбрость, отвагу. Сейчас, когда на детских площадках видишь раскрашенные столбики высотой чуть выше метра, то остается лишь вздохнуть, подумав, вот ведь как измелечал народ, куда им до наших высот!

Да, во времена нашей молодости качели ставили высотой никак не меньше пяти метров и были они пусть не возле каждого дома, но едва ли не на каждой улице. Существовал и свой обряд, когда парень приглашал девушку занять место напротив него, а значит, довериться, проявить расположение. А это уже многое. И действительно, разогнать закрепленную меж веревок доску, большого ума не требовалось, но вовремя остановиться, не совершить мертвую петлю, подвергнув тем самым смертельной опасности и себя, и свою избранницу, тут нужна была определенная выдержка и сдержанность.

Большинство девчат, взлетая на уровень крепежного бревна, начинали повизгивать, то ли от страха, то ли от иных чувств, чем доставляли парню неслыханное удовольствие. А когда еще можно остаться недосягаемыми от всей массы собравшихся снизу и с завистью взирающей на летунов? Ты и она. Она и ты. И ярко синее небо, которое так и зовет, манит к себе. Разве можно было в те годы испытать большее счастье, испытующе смотря в глаза друг другу? Да ни одно развлечение не сравнится с подобным полетом, когда непонятное чувство радости переполняет тебя и ни за что не хочется останавливаться и возвращаться на унылую землю.

И у нас во дворе отец с дедом соорудили подобный снаряд, доходящий почти до крыши двухэтажного дома, и сразу пустующий прежде двор заполнился десятком желающих покачаться всласть, взлететь в немыслимую высь. Только вот не все соседи восприняли это новшество с радостью, и однажды ночью кто-то срезал веревки, показав тем самым свое взрослое отношение к нашим детским радостям.

Но, как узнал много позже, далеко не всем любителям качелей они принесли в жизни радость и развлечение. Уже будучи человеком можно сказать взрослым, как-то летом выбрался в сторону моря, благо отпуск позволял это сделать. Нас в купе подобралось трое парней, все примерно одного возраста. И где-то в средней полосе, в районе Мичуринска, на очередной остановке, видим, карабкается по ступенькам дед

без одной руки, а следом бабка его засовывает в тамбур разные корзинки со снедью и даже настоящий глиняный горшок со сметаной по самый край. Мы кинулись помогать деду, оказалось, что билет у него как раз на пустующее место в нашем купе. А бабка, пока поезд не отошел, успевала давать нам наставления:

— Сынки, вы там за дедом моим следите, смотрите, чтоб ел исправно, а то у него желудок больной, врачи велели есть, как положено мужику...

Что она еще говорила, мы уже не слышали, потому как остановка была совсем коротенькая, поезд уже тронулся. Дед же по-хозяйски расположился на нижней полке возле окна и начал выгребать свою снедь из многочисленных плетеных корзинок и пакетов, причитая:

— Куда ж она мне столько наложила: два десятка яиц вареных, половину жареного гуся, да еще огурцов, помидорчиков, яблочек, а вот горилки положить, точно, забыла. Вот ведь, курва старая, говорил ей, не забудь, нет, как специально позабыла... Уж я ей, как вернусь-то!...

Но нашлась и горилка, замотанная в чистую холстинку, и он вывалил все свое богатство на приставной столик, заявив командным тоном:

— Чтоб все съели! Без остатку! Выбрасывать добро не по-христианскому обычаю, а мне все это богатство до конца отпуска не одолеть. Все поняли? И чтоб без всякого отказа...

А отказываться никто особо и не думал. У меня в запасе было всего пара уже зачерствевших бутербродов, думается, что и у моих спутников тоже. Поблагодарив запасливого деда и его старуху, начали с истекающего жиром гуся, а потом пошли в ход и остальные продукты. Само собой, приняли и по чарочке, которую запасливый дед, как оказалось, тоже возил с собой.

— Фронтная чарка, у немца в окопе захватил, наших таких не встречал, потому и памятна, завещаю, чтоб ее со мной вместе в гроб положили. Вот на том свете все явятся пустыми, а я, будьте-нате, со своей, глядишь, Господь и нальет чего, глядишь, не обидит.

Вообще дед оказался мужиком своим, разговорчивым, про таких обычно говорят — заводной. Он подробно рассказал про свое хозяйство, куда едет и на сколько дней. Я же поинтересовался, где он лишился своей руки, на что он просто отмахнулся:

— К чему теперь вспоминать, чего нет. Все равно вторая не вырастет. Осколком срезало, да до того чистенько, словно хирург какой. Я бы и дальше воевал, да вот упекли в госпиталь. Так положено, говорят. А вот уж там мне культя моя такую службу сослужила, век не забуду....

— А что такое? — заинтересовались мы. — Воспаление началось или что другое? Расскажи, дед...

— Воспаление точно началось, только в моем мозгу, — охотно отозвался он. — Весна же была. Госпиталь наш от фронта далеко, фриц не тревожит. Ну, само собой, ходячие солдатики начали на санитарочек да сестер медицинских чересчур пристально так поглядывать. У кого дома кроме старенькой матери — никого; а у иных семья, ребятки — и они туда же. И я, хоть и безрукий, а влюбился по уши в сестричку одну, Анютой звали. Глазища, что блюдца чайные, волосенки русые, губки пухленькие. Чего скрывать, проходу ей не давал. И она, гляжу, не особо противилась от обхождения моего. Уже подумывал с политруком потолковать, чтоб печать нам в документы поставить, а там уже и выписка не за горами, увез бы с собой, как девку замужнюю...

Дед сокрушительно вздохнул и на какое-то время умолк, видно вспоминая ту свою Анюту, с которой у него почему-то не сложились отношения.

— И что случилось? Кто помешал? — поторопили мы его.

— Осталось там чего? — дел встряхнул бутылку. — Вроде есть, плесну себе малость... — он налил себе чарку, ловко перевернул ее в широко раскрытый рот, крикнул и продолжил.

— Говоришь, кто помешал? А качели проклятые. Они всему виной. И культя моя, мать ее культину...

— При чем тут качели? — удивились мы все. Разбилась, что ли, Анюта ваша или другое что?

— Ой, ну, коль начал рассказывать, негоже останавливаться. Слушайте, как все вышло. Качелины те были здоровущие, башку задерешь и шапка с головы свалится. Постарались солдатики, что на поправку шли. Ну, и очередь к ним, само собой. Все по парам. И я сговорил Анюту. Она еще упиралась долго, мол, как ты с одной рукой справишься, а я хорохорюсь, сдую, так раскачаю, навек помнить будешь.

Он опять умолк, посмотрел в окно на сидящие вдоль полотна деревья, словно они напоминали чего, а потом, решившись на что-то, рассказал, как все вышло, после чего он лишился своей Анюты.

— Встали мы, значит, на доску качельную. Она на одном краю — я на другом. Уцепился здоровой рукой крепко-накрепко, чтоб не соскользнула и начал потихоньку раскачивать доску. Вначале так это легонько, а потом все шибче да шибче. Анютка, видать, за меня переживает, глядит во все свои глазища, как бы не сорвался. Вот уже так доска расходилась, что еще чуток и перелетим через поперечное бревно. А я чуток присяду, ногами изо всей мочи как поддам — и летят качелины! Словно аэроплан какой-то!

Вот тут самая беда и вышла... Из одежки больничной на нас что было? Халатик, пояском перепоясанный, у которого полы во все стороны развиваются да кальсоны на одной пуговичке. И вот эта проклятая пуговичка в самый ответственный момент возьми и оторвись. А кальсоны с меня так вниз до самых ступней и свалились. Ну и все мое богатырское хозяйство на виду оказалось.

Слышу, внизу смех стоит, все пальцем в мою сторону жают. А Анютка зарделась, словно маков цвет, и глазища свои в сторону отводит, будто ничего не заметила. Я и так, и эдак кручусь, чтоб скрыть то, что посторонним людям показывать не следует, только ничего не выходит. И качелину эту не затормозишь и кальсоны одной рукой натянуть тоже никакой возможности нет... Я бы вниз сиганул, только думаю, Анютка тогда тоже разобьется из-за дурости моей. Едва дождался, когда парни, что вокруг стояли, поймали доску руками, она и остановилась. Все вокруг ржут, как жеребцы, а я не знаю, куда глаза спрятать...

Анютка сразу бегом через всю толпу, а я кальсоны подтянул и к себе в палату. Там мне пуговицу ту пришили крепко-накрепко суровой ниткой, кинулся ее искать, извиниться хотел, а она не выходит. Подружки ее гуторят мне, мол, опозорил девку перед всем госпиталем, и чтоб ноги твоей тут близко не было. Я же и виноват остался...

Мы сдержанно похихикали после его рассказа, кто-то спросил:

— А провожал вас кто? Не она?

— Да я тебе, дурья башка, только что втолковывал, что в глаза Анюту больше не видел. А этак уже другую, после того, как меня комиссовали, приглядел. Вот живем, уже не помню, который годок. Но тоже не без приключений. Только вместо качелей меня на сей раз карусели подвели, не знаю, как и живы остались. Судьба, видно, так у меня выстроилась, нечистый ножку свою нет-нет да подставит...

— Да ты расскажи, дед, что за история на сей раз вышла, — попросил кто-то из парней, но нет, дедок уперся, набычился и упорно крутил головой. — Все, горилка кончилась и рассказам моим конец. Хватит с вас.

— Так мы найдем, — кинулся из купе один из парней, — чтоб я да не нашел... — и он действительно вскоре вернулся с бутылкой, замотанной в старую газету. — И далеко ходить не пришлось, у проводницы выторговал, гуляем!

— Ну, деваться некуда, коль слово дал, только много мне не наливайте, силы уже не те, — предупредил дед, пододвигая свою чарочку, — а историю с каруселью, так и быть, расскажу, может, вам, молодым, она на пользу пойдет.

Он как-то неохотно пригубил налитую ему порцию, похрустел огурчиком и без всякого перехода начал:

— Вот скажите, кто всякие игры да веселухи придумал? Ну никак же не Господь Бог. Скажите — человек?! Может, и так оно. Но ведь кто-то подсказал ему, как то да это соорудить, да запустить. Возьми тот же самолет, вроде для дела собран, а сколько человеческих жизней через то бьется, не счесть. Была ране лошадка, запряг, да и ездай, куды тебе требуется. Устал, отдохни. Куда спешить? Разве что на тот свет, так туда завсегда успеешь. Вот и развлекашки разные для искушения людского образовались. Одно дело, качели, ежели с умом, то никакого тебе вреда не будет. А вот без удержу всякого, оно и выйдет, как у меня на тот раз, о котором уже вам рассказывал.

Мы заметили, что деда от выпитого повело куда-то на философские рассуждения и попробовали напомнить ему, что он обещал рассказать, что за случай произошел у него с каруселями. Он сделал вид, что обиделся, но глаза его, заросшие густыми поседевшими бровями, озорно блеснули и он хитро погрозил нам пальцем:

— Вы, сынки, наперед кобылы в оглобли не встревайте, будет вам и про карусели. Историйка простенькая и опять же по моей дурусти вышла. Меня после фронту взяли счетоводом в одну контору. На счетах, значит, щелкать. Там две руки ни к чему. И так у меня этнто дело здоровски получалось, что не знал, куда от разных грамоток и выпелов деваться. Одно слово, уважаемый человек. Даже начальство передо мной издала шапки сымало: «Здрасте, Петр Иванович». Я, однако, и не сказал, что Петром меня кличут. Вот... А баба моя, да вы ее видели, как она меня провожала, все искала себе работу полегче. Она вышить или скроить что, себе ли, знакомым кому, большая любительница и как минута свободная выдастся, сразу тряпочки свои в руки, и все, затихла. И мне этак-то спокойней. А робить где-то все одно надо, вот ей и присоветовали идти билетершей в городской сад. Его только летом открывают, а зимой занимайся, чем хочешь. Она и рада. А билеты проверять на эти самые карусели, по мне так даже не работа, а обычное баловство. Но чего ей скажешь, коль так решила...

Дед опять помолчал, допил остатки из своей фронтовой чарочки, облизал губы, не закусывая, и, словно решился на что-то важное, махнул единственной рукой и продолжил рассказ дальше:

— Что мне в ее службе нравилось, так это то, что всегда все новости первой узнавала. И перед людьми на виду. И я пристрастился в парк тот хаживать. Как работу свою на счетах щелкать закончу, все бумажки заполню, сложу стопочкой и на выход. Домой загляну, детей-то у нас не случилось, она тоже фронтовичка, сорвала себе нутро, раненых поднимая, но жили ладно, дай Бог каждому. Дома, значит, перекушу чего и айда в парк. Пройдусь туда-сюда, с друзьями-знакомыми словечком перемолвлюсь, и к ней, на карусели. Сажу на лавочке, поджидаю, когда звоночек брякнет и по репродуктору объявление скажут, мол, парк наш до завтра закрывается. Выключим агрегат, на замочек входные дверцы закроем и чинно-важно под ручку домой вместе шествуем. Не жизнь, а благодать Божья. До того мне это нравилось: вечером не спеша домой возвращаться, все дела переделав, представить себе не можете.

Но вот как-то у главного бухгалтера на службе нашей какой-то юбилей случился. Само собой стол накрыли, все вокруг него уселись, стали тосты сказывать. А ведь только обычай какой, ежели за здоровье именинника не выпил — негоже. Пей до дна. А там второй тост, за ним третий. Я глянь на часы, а Шуручке моей, жену мою так кличут, вот-вот закрываться пора, будет меня ждать, куды подевался, что приключилось. Ну, я извинился и бегом в парк. Как раз успел, когда карусели последний круг сделали, народ вниз сошел и к выходу потянулся. Мы с ней вдвоем остались. И дернула же меня нелегкая предложить ей такое...

Дед опять остановился, мы думали, что он ждет очередной порции, но он наотрез отказался.

— Нет, свое выпил. Хватит. Я вот думаю, как мне такая дурная мысль на ум пришла. Это же каким дураком надо быть...

— Да что за мысль? — кинулись мы расспрашивать, — что случилось? Мы же не знаем, что дальше было?

— Да ничего особенного, — спокойно ответил дед, — предложил я своей бабе на карусельке той прокатиться. А то, говорю, сколько лет ее сторожишь, а сама ни разochку и не попробовала. Садись, давай, а я рубильник включу.

Она ни в какую. Боюсь одна — и все тут. Я ее уговаривать и так, и сак, не соглашается. А потом и заявляет:

— Вот если с тобой вместе, тогда другое дело...

Я и согласился, давай, за чем дело встало. Залазь вон на эту поросюшку, держись крепче, а я сзади на оленя с рогами взберусь. Все по ранжиру и будет...

— А рубильник кто включит? — она мне. — Машина сама ведь не тронется, крутиться не начнет.

— Да я успею. Включу, а пока она разгоняться станет, запрыгну на своего олешку позади тебя.

— Смотри, не промахнись, — говорит.

— Не сумлевайся, я хоть с одной рукой, но прыгать не разучился.

— И что дальше-то было, — не выдержал кто-то из парней.

— А то и было. Включил я рубильник и, когда олешек мой мимо проплывал, хоп, и верхом на него.

— Кто же остановил вашу карусель? — уже едва сдерживаясь от смеха, продолжил выпрашивать все тот же парень, который, судя по всему, живо представлял себе все происходящее.

— Кто ж ее остановит, когда весь народ из парка по домам разошелся. Остались лишь мы, горемычные, крутиться на карусельке.

— И как оно, ощущение?

— А ты попробуй, тогда скажешь, когда кругов сто, а то и двести намотаешь, — беззлобно ответил дед.

— Неужели не попадали? Оно ведь так и разбиться можно...

— Так мы ведь фронтовики, всякого натерпелись, вам не понять, куда там. Вот хлебнете с наше, тогда и поговорим...

— И все же, как карусель остановили? — осторожно спросил я деда.

— Рыбаки на наше счастье еще затемно на рыбалку шли. Глядь, а карусель гудит, как самолет на старте, вся цветными огоньками полыхает. Пригляделись, а там два дурня: дед и баба круги нарезают, все зеленущие, глаза закатали, словечко вымолвить не в состоянии. Догадались рубильник найти и остановить всю эту свистопляску...

— Так вам теперь можно в космонавты прямым ходом идти, — на все купе захотел парень, что бегал за водкой, — все бы испытания выдержали.

— А давай ты первым начнешь, потом расскажешь, каково там, — резко оборвал его дед. — Там таких смешливых ох как любят, быстро научат уму-разуму.

Все как-то сникли, поняв, что обидели старого фронтовика, и принялись тихо укладываться. Утром оказалось, что дед сошел на какой-то станции, а мы и не слышали, не попрощались. Зато на столике обнаружили его выдавшую виды чарку. То ли забыл, то и нам на память о себе оставил, как узнать. Спросил у попутчиков, нужна ли она кому, но все отказались.

Так и оставил ее себе, поставил дома на полку, и как попадетса на глаза, сразу вспоминается старый фронтовик, его рассказы, и думается: а может и прав он, что баловство да развлечения разные до добра не доводят. Видно не таков русский народ, что не знает меры ни в работе, ни в веселье. И не зря у нас постных дней больше, нежели скоромных. Если бы не строгости церковные, давно бы мы все в распыл пошли, и не стало бы такой страны — России.

Николай Макаров

(г. Тула)

КРЫМ

(Из цикла «Воспоминания батальонного врача»)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

...В Рязанский радиотехнический институт я не поступил. Дальше приемной комиссии меня не пропустили. С «волчьим билетом» («Не годен в мирное время, ограниченно годен к воинской службе в военное время») не брали в этот институт.

Происходит срочная переоценка ценностей. И с другом детства Толькой Крадевым мы сдаем документы в Крымский медицинский институт. Во, куда меня занесло после Рязанского радиотехнического шока. Где сдавались вступительные экзамены по физике и математике, по которым у меня в школе были «железные» пятерки с плюсом. Или с двумя плюсами, даже.

Конец июля. Жара — под сорок в тени! (А кто, спрашивается, вас заставляет лезть в эту самую тень?) В общаге нас образовалась группа «отличников» — единомышленников из двенадцати человек.

Футбол. Волейбол. Купание в мелком Салгире и глубоком водохранилище. Кино. Изредка — учебники. Кстати, немного забегу вперед: из нашей «тепленькой» компании поступили одиннадцать человек. Из двенадцати. Конкурс на лечебный факультет среди школьников был ужасающий даже по тем временам, меркам и размерам — восемнадцать с половиной человек (!!!) на одно место.

У медалистов, у стажников, у «дембелей», у окончивших медучилище — конкурс был намного и намного меньше. У нас проходной балл — десять из десяти («пять» — физика, «пять» — химия) и «зачет» по сочинению. Но отвлекся.

Первое августа. Жара — за сорок. Все (!), как один, абитуриенты мужского пола — в темных пиджаках, темных брюках, темных полуботинках, в белых рубашках, естественно, при галстуках и все... в липком, вязком, раздражающем поту. От жары ли? От мандража ли? Но все — в поту... А на мне (подсознательно сработали, тогда еще только в зачаточном состоянии, инстинкты психолога) — светлые брюки в клеточку, цветная в попугаях рубашка с короткими рукавами, не заправленная в брюки, ворот расстегнут чуть ли не до пупа, старые сандалии на босу ногу...

Экзамен по физике. Главное — не попасть к Генералову! Зверье!! Зверина!!! «Режет» за малейший промах, за малейшую, не там поставленную или озвученную запятую. «Четверка»: и собирай вещички — вокзал отходит.

На подоконнике, перед входом в экзаменационную аудиторию, лежит учебник физики за шестой (!) класс. На открытой странице жирным шрифтом выделен «Закон Торричелли» (это — про атмосферное давление). Машинально смазываю его взглядом, вхожу в аудиторию, отдаю экзаменационный лист, получаю билет... Первый вопрос — «Закон (!!!) Торричелли» (!?!). Второй — биофизика. Третий — ядерные реакторы. И задача... при нем. Да, задача... Та еще задача попалась. Дана электриче-

ская цепь: куча всевозможных конденсаторов, катушек, сопротивлений и дано — входное напряжение. Требуется суший пустяк. Такой маленький пустячок. Определить напряжение на выходе. Для меня — пара пустяков: 21 вольт. И точка! (До сих пор помню в мельчайших подробностях). Знаю — 21 вольт. Более того — уверен на сто процентов: 21 вольт! А доказать, то есть решить по формулам эту задачу, не могу. Заклинило у меня что-то тогда, не пойму? Но целый час бился над получением злосчастной формулы — так ничего и не добился. Хоть тресни!..

Очередь неумолимо выносит меня к столу... Да... да... да... К столу Генералова! Зверюга!! Зверина!!! Прощай, институт!..

— Задачу решил? — сквозь очки на меня зыркнули бесстрастные, беспощадные глаза хищника.

— Решил! — Наглости моей не было предела. А что, в конце концов, было мне терять?

— Ответ!

— 21 вольт! — Генералов берет мою писанину (аж, три исписанных, непонятно чем, листа). Видит окончательный итог: 21 «вольт», трижды подчеркнутый и... откладывает листы, листики, листочки в сторону. «Отлично!» «Пять баллов!».

...Экзаменатор (или экзаменаторша?) по химии, молодая, красивая женщина, видя мое обличие, прыснула от смеха и спросила:

— Откуда ты?

— Это, ну, дети — откуда, оттуда и я! — она засмеялась во весь голос.

— Бери билет...

Сажусь за первый стол. Быстро записываю ответы на все три вопроса (вопросы оказались пустяковые даже для моей «четверки» по школьной химии) и... и зависаю над задачей. Ни черта в задачке не понимаю. И так, и эдак: как эту задачу решить (вот и сказала «четверка» по школьной химии)? Сиж. Верчу головой. Стены голые. Ни одного плаката. Соседи далеко. Да и кто на вступительных рискнет подсказывать? Тем более, потенциальному конкуренту. Жду неизбежного. Жду краха... Опять, что ли, вокзал тронулся?.. И тут слышу... Чего же я слышу? Слышу, как прямо передо мной очередной «абитура» отвечает мою задачу. То есть, формулы, как в моей задаче, а цифры — другие. Еле-еле успел за ним записать... Моя очередь...

...Темы для сочинений абитуриенты выбирали сами. Какие хотели — такие и выкрикивали. Демократия полная: собрали нас всех, выживших после двух экзаменов, в актовом зале и ректор института предложил нам самим назвать темы сочинений, какие мы хотим писать. Оценки за сочинения ставиться не будут. «Зачет» — поступил в институт. «Не зачет» — вокзал окончательно уедет.

Пишу: «Ленин в произведениях Маяковского и Горького». За полтора (из шести положенных) часа написал сочинение. Без черновика. Сразу — набело. В школе, совсем недавно, три раза (!) то же самое писал. Да к тому же, Маяковского почти всего наизусть знал.

Написал сочинение за полтора часа (я сижу, как всегда, за первым столом, перед бдительным оком экзаменатора) и сдаю свой опус. Следует недоуменный вопрос:

— Где черновик?

Оказывается, сочинение сдавать без черновика нельзя. Не положено. Мало ли что сидел рядом, перед глазами и никак списать не мог — черновик должен все равно быть. Еще полтора часа я писал черновик...

...На лечебный факультет (а кроме него в институте в те времена был еще и педиатрический; детских врачей на нем готовят, а не педагогов и, тем паче, не педиков) приняли более трехсот человек.

Исключительно лиц мужского пола, христианского вероисповедания, в основном, славянской внешности и, естественно, соответствующих анкетных данных.

Но имелись и исключения. Как без них-то? На наш первый курс приняли всего одиннадцать (!!!) девчонок.

Девять — дочери, внуки, племянницы Номенклатуры. Одна, ростом около 140 сантиметров, с мужем,— из какой-то островной папуасии Тихого океана. И одиннадцатая...— но о ней следующая история...

...Историю ее поступления я знаю из первых рук. Вступительные экзамены она сдавала со мной в одной группе (опять подводит память — не помню ни ее имени, ни фамилии). И потом в одной группе мы участвовали весь сентябрь в битве за урожай помидоров и винограда в одном их крымских совхозов.

Немного о ней самой. Мать ее— учительница из южно-украинской какой-то деревни (или как там у них называются сельские населенные пункты). Об отце не было никаких сведений. Не отличница. Хорошистка. Твердая хорошистка. Внешность? Ах, внешность... Но не вытравить из воспоминаний ее портрет: голова и груди (в отдельности, естественно) — одинакового размера, по форме и величине чуть меньше волейбольного мяча каждая; огромные, ядреные ягодицы, переваливающиеся под юбкой, в любое мгновение готовую расплзтись по швам; такие же ядреные бедра, толстые икры и... изящные щиколотки, переходящие в сорок второй — сорок третий размер идеальной по форме стопы.

Что еще? Ах, да,— соломенно-желтая (Тимошенко, умри от зависти!), в руку толщиной (в ее руку), ниже колен (!), туго заплетенная коса. Без бантика. На резинке от бигудей. Нос — картошка, хорошего среднего размера картошка. И глаза... наивные, бездонные, сине-васильковые глаза, с пробегающими бесенятами-искрами...

Первый экзамен. Физика. Отвечает весь билет без запинки. Оценка — «хорошо».

Мать подает ректору (демократ был до мозга костей, не чета нашим нынешним дерьмократам) апелляцию. Ректор созывает экзаменационно-апелляционную комиссию по физике. Она отвечает без подготовки. Ровно сорок минут ее откровенно валят. Но не «свалили». Ректор выносит вердикт: физика — «отлично!»

Второй экзамен. Химия. Отвечает весь билет без запинки. Дополнительные вопросы — ответы без запинки. Оценка, естественно,— «хорошо».

Мать второй раз подает ректору (а был его негласный приказ: девчонок и лиц с «ущербным» пятым пунктом на лечебный факультет не брать, а может, такое указание было и выше) апелляцию. Ректор созывает экзаменационно-апелляционную комиссию по химии. Она отвечает без подготовки. Ровно восемьдесят минут ее нагло валят. Но не «свалили» и в этот раз. Ректор во второй раз выносит вердикт: химия — «отлично!»

Третий экзамен. Сочинение. Накануне экзамена ее мать идет к ректору на очередную аудиенцию. И очень ласково, не повышая голоса, доходчиво, на чистом русском языке, без хохляцкого акцента, объясняет ему: если за сочинение родная и единственная ее кровиночка не получит «зачет», то... и т. д., и т. п...

Так я с ней и оказался вместе в совхозе на битве за урожай. В учебную группу она попала со всеми девчатами (всего их было — одиннадцать человек) нашего первого курса лечебного факультета к медалистам и иностранцам. В первую группу.

А я стал учиться в восьмой группе. И на всю жизнь запомнил ее в локоть толстой косы и сине-васильковые бездонные глаза...

...В этой «битве за урожай» местное начальство дурило нас, как только могло, солидно подкармливая нашего руководителя, какого-то ассистента с какой-то кафедры. Он, в свою очередь, назначив старшим недавнего «дембеля» из Мелитополя, совсем забил на нас. Считай, отпуск для него дополнительный.

Из всей нашей группы «передовиков производства» мужского пола только у меня имелось представление об изнанке и светлой стороне деревенской жизни, остальные — горожане. Поэтому, как только я понял, что нас жестоко и жутко дураят, принимал адекватные симметричные меры.

При уборке помидоров с огромных площадей, через полчаса работы я не утруждался наклоняться за каждым помидором отдельно, а, якобы гуляючись, шел к предыдущему бурту овощей (собирали помидоры «по корень» и высыпали их в большие кучи). Так выполнял две—три, а то и четыре дневные нормы.

Через две недели — «битва за виноград». Здесь проще — переворачиваешь узкую из твердого картона бочечку вверх дном (дно-то у бочечки выпуклое внутрь) и сыпешь половину ведра винограда в это углубление. Бочечки-то и снизу, и сверху выглядят одинаково. И здесь перевыполнял план в два — три, а то и четыре раза.

Но даже и после такого «перевыполнения плана» меня в денежном эквиваленте уравнивали со всеми. Пришлось по душам поговорить с нашим старостой — «дембелем» с чисто англо-саксонской фамилией Романенко и восстановить справедливость в товарно-денежных отношениях, получив, естественно, в четыре раза большую сумму за добросовестно проделанную работу.

...В марте 1967 года, записавшись в институтский парашютный кружок, я совершил три прыжка. Сдал все нормативы по физической и психологической подготовке, меня зачислили в институтскую команду с отнюдь неплохой перспективой на будущие успехи в этом виде спорта.

Но...

Ох, это, не к ночи будет помянутое, «но». На тренировке со штангой, взяв запретельный вес, порвал мышцы спины, и всю весну вплоть до экзаменационной сессии ежедневно посещал физкультурный диспансер.

На этом и закончилась моя спортивная карьера парашютиста.

Но...

Опять «но!» — выходит, я подспудно, в непознанных глубинах подсознания готовил себя к службе в Воздушно-десантных войсках.

Мистика?

...В Симферополь приехал с гастролями какой-то крутой эстрадный гипнотизер-телепат, позиционирующий себя учеником великого Мессинга. Естественно, не обошел он и Крымский медицинский институт со своими выступлениями.

Сидя в последнем ряду рядом с Борисом Байзером, выдал свой первый афоризм:

— Внушает мысли, но не внушает доверия!

Пожимая мне руку, Борис напутствовал меня:

— Возьми за правило — постоянно рожать такие меткие выражения и публиковать их в печати.

С тех пор утекло много времени, мои афоризмы и миниатюры публиковались в тульских областных газетах, в журнале «Чаян», сборнике «Ока», журнале «Приокские зори», вышли в свет три книги афоризмов и анекдотов.

Как-то так.

ОБРАЗЫ И ТРОПЫ ПОЭЗИИ

Андрей Новиков
(г. Липецк)

Наш постоянный автор.

ТИХИЙ СВЕТ

Я встану спозаранку,
Пойму, что день нелеп,
Бычков открою банку,
Нарежу черный хлеб.

Где утро в темя дышит,
И брезжит тихий свет,
Садись, избранник свыше,
На скромный табурет.

И будет стол, поверьте,
Гостеприимно прост,
Так выглядит бессмертье,
За это первый тост.

На середине лета
Зачем такой сарказм,
И неживых предметов,
Не суетный соблазн?

Черна под утро зелень,
Двора угрюмый свод,
Лишь остается верить,
До дрожи: все пройдет!

ДОЛ

Швыряет полдень на весы небес: где гром, а где прохладу.
Пастух, бегущий от грозы, застывшее у речки стадо.
Огонь и хлябь — благая весть, покуда в напряженье полном
Поток готов в запруду сесть перед раздвоенностью молний.
Они родят лиловый дым, по полю он ползет украдкой.
Курия и смешиваясь с ним, пастух дрожит под плащ-палаткой.
Осмысливая страх и вздор, пугливість вымокших животных,

Достал он красный помидор, лоб утерев ладонью потной.
И дух отчаянно хмельной, среди пернатых и растений,
Качают головой больной кусты в стеклянном оперенье.
И дол, в затишье на испуг явился, первозданно скроен,
Как будто делом наших рук освоен и благоустроен.

БОГОМАЗ

Моления предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья,
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная с миротворенья.

Пусть светится от золота оклад,
И в паутине красок римский отрок
Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.

Левкас никак не отпускает кисть,
Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отобразив перечень пророчеств.

Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз,
Без участи, тоски и сильной страсти.

ВИДЕНИЯ

От ночных, непрочитанных бдений
Бьет в ладоши большая луна,
Разругались фрагменты видений,
Не на ночь, а на все времена.

Друг на друга, столпившись, орали,
Призрак призрака драл за волосы,
Просто сытую жизнь выбирали,
Все, как мы, и сопели носы.

И над всем — ощущение озноба,
Как одели в сырое белье,
И летали на крышке от гроба,
На весы, бросив сердце мое.

Будет долго оно колотиться,
К равновесию чаши сведя,
Память выше — летает, как птица,
Голоса уходящих будя.

Вот она, правда жизни тупая,
Бытия указующий перст.

Откупаюсь от них, отступаю,
И целую серебряный крест.

ПРОШЛОЕ

Однажды на блошином рынке
Купил я старые ботинки,
И вытертый фотоальбом —
Страницы у него горбом.
Чужое прошлое тревожить,
Скажу: конечно, мы не можем!
К тому же и ботинки жмут —
У прошлого характер крут.
Но все же я открыл страницы,
И увидел в разводах лица
Чужих, исчезнувших людей,
Во время полное идей.
Они так жили — не тужили,
Росли, женились и дружили.
Учились. При холодных лбах,
Лежали смиреннько в гробах.
Чреда веселых детских рожц.
Вот куплен первый «Запорожец».
И на его горбатый зад,
Семейный нависает сад.
Курсант у моря чинит шлюпку,
Цыган на снимке курит трубку,
Легкоатлет назло врагам
Глядит на стартовый наган.
А здесь, на фото, ели-пили,
Плясали, смешивая стили.
Потом уснули без прикрас,
Упав на старенький матрас.
Семейное чужое фото,
Увы, теперь листает кто-то,
Достав его из забытья.
И этот кто-то — это я!
Зачем? Понять, что время зыбко,
Что жизнь — досадная ошибка,
И в проявлении любом,
Вмещается в один альбом...

ЧЕЛН

Смолою вышитую грудь
подставил челн волне воспетой.
— Отчаянным безумен путь?
Меня не слышат, нет ответа.

А как по песне угадать
Судьбу, что пригрозила смотром,

Когда сомнений благодать
Тебя одолевает, отрок.

Где плеса выросшая весть
Шумит заботами земными,
Прибрежных трав упряма смесь,
Духмяным шепотом обнимет.

Знак зодиака невесом,
Светящиеся ставит стежки,—
Так оттолкни луну веслом,
Скользи по световой дорожке.

Плыви, молись чужой мечте,
Пьянящий страх еще не вedom.
Мечта в бездумной суете
За нами уплывает следом.

БАШНЯ

Нам достался Господь бесшабашный,
Трудоголик, водитель калек.
Вавилонскую строили башню —
Был такой у страны нацпроект.

Он стоял у корыта с цементом,
Он дразнил октябрятским значком.
Осыпалась листва позументом
И лежала природа ничком.

Шлакоблоки замешивал потом,
И пока вырастала стена,
Польский спирт разбавляли компотом,
И его разливал Сатана.

Он шумерам кидал каравай,
И над ними глумился без слов.
Подъезжали к подножью трамвай,
Доставлявшие новых рабов.

Помолись в производственном цикле,
Непорочный осваивай план,
Будет солнце — серебряный сикель —
Опускаться в дырявый карман.

Так росла до небес без возврата.
Белым камнем над миром сиять
В окруженьи рабочего мата,
Языки и себя забывать.

Валерий Демидов
(г. Тула)

Член Союза журналистов СССР и Интернационального (Международного) Союза писателей. Лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ПОЭЗИЯ

Красотой твоей пленен,
очарован слогом искренним.
Ты в истории времен
остаешься светом Истины.

Величавость твоих чувств,
на которые способна,
я давно понять хочу
в полуночном мраке комнат.

Отделяешь плевел сор
от духовных зерен знаний
и приковываешь взор
к Вечности, что рядом с нами.

Засмеюсь. Заплачу. Вздогну.
Отмотаю время вспять
и увижу — волей рока
ты изранена опять.

Перебиты крылья бытом,
ритм не бьется с сердцем в такт.
Ты бессовестно забыта
в мире дьявольских атак.

То укрыта пледом теплым,
то на холоде дрожишь,
то заплачешь в чьи-то стекла,
то в пыли дорог лежишь...

Муза! Муза! Не оставь нас.
Бог разгонит, верю я,

стаю хищных горностаев
в скорбном мире бытия.

И средь ангелов небесных
будут виться строки те,
что возвысились из бездны
человечьих слов и дел...

Статная. Легка походкой.
Глубок омут твоих глаз.
Ты не стала сумасбродкой,
взойдя рано на Парнас.

Будет время новых «штилей».
Новых рифм придет прибой...
Хоть нас бури жизни били,
не расстались мы с тобой.

ПОНЯТЬ ХОЧУ

(Из серии «Времена коронавируса»)

Понять хочу, что за напасть
на нас сегодня навалилась?
Бесчинствует в России власть,
безмолвствует народа сила.

А ведь не сразу мы пришли
к такому, братья, положенью, —
как стадо долго нас вели
к полям последнего сраженья.

Мы заменили веры суть
неверьем сытого блаженства,
но ведь не вещи нас спасут,
а дух Христова совершенства.

Нам маски закрывают рот,
сказать не можем слова правды...
Очнись, запуганный народ,
прорвись из цифровой ограды!

Все больше давят нас налоги,
звучит бессовестная ложь
о том, что строятся дороги,
что быт уже с Европой схож,

что жить намного лучше стали,
что сброшен брежневский застой
и осужден товарищ Сталин
за лагеря под Воркутой...

Хоть слышатся повсюду стоны,
народ в терпении своем
подобен тихим водам Дона,
спит, околдованный враньем.

Все больше в зомби превращает
нас телевизора экран
и то, что он для нас вещает,—
спектакль, где лживая игра...

Не надо этот мир менять —
самим бы лучше измениться,
свои грехи умом понять,
найти в душе добра частицы.

Есть все хорошее от Бога
в сознание каждого из нас,
но ищем мы ответы в блогах
и верим громким именам,

в молитвах тихих не страдаем,
не просим Господа о том,
чтоб рядом ангелы летали
и говорили о святом...

Понять хочу, когда настанет
иная жизнь в моей стране,
когда свой блуд народ оставит
и плюнет в морду сатане.

Понять хочу, какая сила
должна родиться свыше в нас,
чтобы она остановила
поток греховных метастаз?

И пусть пока я знаю мало,
но верю, что ответы все
там получу, где начиналась
земная жизнь в ее красе.

Ни ад, ни райский сад Эдемский
нам не знакомы в жизни сей,
но дорог Хлев тот Вифлеемский,
в котором Истины музей...

Как трудно нам себя понять!
Ищу я вас — Любовь и Вера.
О, Дух Святой, вселись в меня,
изгнав влиянье Люцифера.

ПРАВДА О ЛЖИ

(Маленькая поэма о большом явлении)

*«В болтливости скрывается ложь,
а ложь, как известно,
есть мать всех пороков».*

М. Е. Салтыков-Щедрин

Не будем лгать,
когда солгать есть повод,
не станем сеять семена греха,
и оправдания:
«Что же здесь такого?» —
не пожелаем снова услышать.

Рождает ложь
себе в обмане равных,
в ней ген бесчестья и вражды живет.
Есть в каждой лжи
частичка голой правды,
но редко кто ту правду узнает.

Почти всегда
бывает ложь красива,
в ней нет сомнений и тревожных нот.
Ложь обладает
внутреннею силой
и может сделать все наоборот.

Чем больше слов,
тем меньше доля правды,
и всякий раз, встречая чью-то ложь,
мы многословью
этому не рады,
коль понимаем, что цена ей — грош.

Подчас смешно
вранье слепое слушать,
поскольку знаем правду на сей счет.
Ложь разъедает,
будто язва, души
и хочет что-то высказать еще.

Она повсюду:
в бойком Интернете,
среди коллег на службе и в быту,
подвластны ей
и взрослые, и дети...
Ложь выдают за смелую мечту,

ложь убивает
истину и правду,

она способна привлекать к себе.
Есть что-то в ней
сродни дождям и граду,
камням в траве, сокрытым при косьбе.

Ложь и коварство —
главный удел трусов,
и даже малой лжи хватает там,
где погибает
от ее укусов
любовь мужчин и прелесть наших дам.

Ложь — как змея,
к чужим умам крадется,
она способна мысли поменять.
Как от огня
дым стелется и вьется,
так обвиняет чья-то ложь меня.

Мы лжем другим,
но, безусловно, чаще
мы лжем себе, пытаюсь обрести
то состояние
радости и счастья,
с которым легче трудности пройти.

Чем больше ложь,
тем легче мы ей верим.
Она всегда шагает впереди,
своим крикливым,
пышным лицемерьем
способна чью-то жизнь разбередить...

Ложь ненавидит
искренность и смелость —
ей по душе угодливость и страх,
и юношей
безусая незрелость,
и мягкотелость, терпящие крах.

Ломает ложь
служебные карьеры,
от Бога нас уводит в мир греха.
Не знает ложь
ни края и ни меры...
Всю суть ее не выразить в стихах...

Одно хотел бы
я иметь сужденье:
молчи, коль правду не сумел сказать.
Ложь — сатаны
оружье, наважденье,
грязь, где нам долго, видимо, лежать...

РОДНИКОВЫЙ ЯЗЫК

(Есть ли тайна у русского слова?)

«От слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься»

Матф. 12:36—37

Тайна есть у слова русского —
этим словом жив народ.
Ни с французским и ни с прусским
не сравнить славянский род.

Бог есть Слово. Ответ Неба
в речи той, где брани нет.
Словом Бог нам на потребу
сотворил весь белый свет.

И язык наш — русский, дивный —
потому-то и хорош,
что в нем мало паутины
и назойливых порош.

Он могуч, красив и ярок,
с явной долей озорства,
без кокетства и фигляра,
даже с тенью волшебства.

В нем и творчества возможность,
и гранит законных прав,
дух свободы и надежность,
сила мысли и игра...

Слово — это песня мамы,
от отца в судьбе наказ,
сказка бабушки, корнями
уходящая в века.

Как язык, таким же точно
предстает и весь народ,—
коль язык людской порочен,
то порочен и весь род.

Много праведного света
в языке святых отцов,
и на все для нас ответы
в откровеньях мудрецов.

Удивительный источник
есть в евангельских строках,
и хранит нас дни и ночи
Иисусова рука...

Слово ранит, убивает,
воскрешает дух и плоть,
в каждом деле помогает
слабость с ленью побороть.

Русь Святая! Словом громким
поднималась ты на бой,
шла с бедой по самой кромке
и гордился мир тобой.

Языком исконно русским
воспевал народ в стихах
красоту холмов и спусков,
тихих речек берега.

Не бездушно расточали
летописцы реки слов,
а старательно ночами
побеждали правдой зло...

Есть ли тайна в русском слове?
Есть! Грехам ведь вопреки
Русь писала свою повесть
по-мужицки, по-людски.

И хотя душа молчала,
не умея говорить,
от нее шли все начала,
чтоб добро боготворить.

И в таинственном сплетенье
двух начал — Христа и речи —
появлялось провиденье
о великом, человечьем...

Это вот «самостоянье»
человеков в мире грешном
с русским словом покаянья
Богом принято неспешно.

Не уйдет русскоязычье,
коли сны с природой видим,
коли слышим пенье птичье,
не рождаем зло в обиде.

В черном слове гибнут души.
В светлых звуках жизни дар.
Пусть же речь прольется в уши
и журчит нам, как вода.

И в молитвах пусть, и в столах,
в разнопевье языка

слышится любовь Христова
до тех пор, живем пока.

СТАРЫЙ ИНОК

Ветхий дом
покосился и вымок
от холодных осенних дождей.
Здесь, в лесу,
живет старенький инок —
одинок, без жены и детей.

Ранним утром
зимою и летом
он встает, чтобы снова сказать:
«Слава Богу!
Во времечко это
помолюсь я Твоим образам».

На колени
падет пред иконами
и, крестом осеняя себя,
многочисленными
поклонами
очищает наш мир в скорбях.

В тишине
каждый шорох он слышит,
видит то,
что не видим мы,
знает, чем наша совесть дышит
и чем заняты наши умы.

На себя
принимая те боли,
что испытывает народ,
он сознательно
и добровольно
ему душу свою отдает.

Только люди
не знают об этом,
утопая в мирской суете,
мир духовный
многим неведом,
как и муки Христа на кресте,—

есть другие
дела и заботы,
занимающие их плоть,
все торопятся
в лучшие годы
накопить, пошалить, побороть...

В ветхом доме
горят лишь свечи,
да печурка дровами гудит.
Здесь молитвами
каждый вечер
защищает нас инок один...

Я НЕ СВЯТОЙ...

Я не святой.
Угрюмый и застенчивый.
Мне кажется, что и живу не так,
и мысли мои
часто переменчивы,
и быт мой поглотила суета.

Ищу вокруг
приветливые лица.
Себя стыжу — во многом виноват,
и понимаю,
что давно уж длится
период грешных мыслей и бравад.

Итожить то,
что было за плечами,
давно пора, но этой жизни суть
не любит
откровений и печалей,
которые я в памяти несу.

Открыться в том,
что только мне известно,
так хочется подчас перед людьми,
но я скрываю
чувств душевных бездну,
в которую ввергает этот мир.

И лишь в природе
вижу упоение
спасительной энергией любви —
здесь место
очищения и забвения,
здесь кающихся Бог благословит.

Мне святости
найти бы хоть частичку,
грехи отбросить, как ненужный груз,
но быт земной
упрям и фанатичен,
не прекращает хитрую игру.

Видать, не может
человечья воля
то изменить, что дьявольской рукой
незримо в нас
страданиями и болью
рождается по силе колдовской...

Я не святой.
Я грешник в мире этом.
И каюсь в том, чем Бога огорчил.
Зима пройдет,
а за зимою лето,
но для сомнений нет уже причин,—

когда Господь
в душе и в наших мыслях,
когда по Слову Божьему живем,
становимся
непобедимы мы с Ним,
в Ковчеге Его Истины плывем.

КАК ХОРОШО, ЧТО Я ТАМ БЫЛ

Мест красивых
в России немало,
я хотел бы везде побывать,—
там, в Тамбове,
родилась где мама,
там, в Смоленске, откуда мой батя.

А еще мной
любима Тула
и окрестности тульских мест,—
здесь немало
моих минуло
лет по схеме «приезд-отъезд».

Жизнь мотала
меня изрядно
по поселкам и городам,
но люблю я
их безоглядно,
видел много радостей там.

Край одоевский
прошлым дышит,
в нем и ныне — историй клад...
Край арсеньевский
тоже слышит,
как над ним времена шумят...

Жаль, лесами
ходил не всеми,
в деревнях не во всех бывал
я, считавший,
что будет время
вновь короткий сделать привал.

Но судьба
моя дальше мчится:
то в Москву, то на Дальний Восток,
и смешались
уже все лица,
седина легла на висок.

И теперь
всей душой понимаю,
что частенько глупым бывал,
не ценил
ни поля с урожаем,
ни в сарае тугой сеновал.

Все казалось
обыденно, просто:
в речке — рыба, в лесах — грибы,
и могилы родных
на погостах,
и веселый дымок из трубы,

а кудахтанье
кур на насесте
и шипение важных гусей
не считал я
непонятой вестью
птичьей братии
к живности всей...

Как я рад,
что во мне сохранилось
все, что пенилось белым весной,
что под солнцем
зимою искрилось
и что летом влекло новизной!

Хорошо,
что я разное видел:
как пастух выгоняет коров,
как доярки
в неприбранном виде
чуть светает — уже за порог.

Тем горжусь,
что бывал на мехстане,

на комбайнах различных сидел
и хвалил
повариху тетя Таню
за веселые байки к еде.

Видел я
в просторечии мудрость,
понимал непосредственность лиц,
и частенько
в крестьянское утро
выпивал по десятку яиц.

Мне теперь
без сомнений понятно,
что ухабистость сельских дорог
иномаркам чужим
неприятна,
людям тем, от земли кто далек.

Родниковой
водицей умыться
мне важней, чем водой городской...
Вновь деревня
пусть тульская снится
или край небольшой костромской...

Андрей Ребров
(г. Санкт-Петербург)

БОРОДИНО ЛИСТА
Стихотворения разных лет
К 60-летию со дня рождения

Андрей Борисович Ребров — родился в 1961 г. в Ленинграде. Один из основателей Православного общества писателей, созданного по благословению митрополита Иоанна (Снычева). Пребывание в святых местах русских — на Валааме, в Оптиной Пустыни, в Дивееве, Святогорском, Псково-Печерском монастырях оказало большое влияние на его произведения. Секретарь СП России, дейст. член ИППО. Лауреат всероссийских лит. премий. Академик ПАНИ, АРС и др. Имеет церковные и гос. награды. Гл. редактор журнала «Родная Ладога».

Цвели целительные травы
Под взором солнечным небес.
И, как Мамврийская дубрава,
Дышал иссопом русский лес.

В душистой дымке золотистой
Ягненок пасся на лугу,
И женщина несла тернистый,
Смолистый хворост к очагу,

Где, до поры, тая дыханье,
Заветно тлел огонь костра,
И старец, будто в ожиданье,
Стоял у ветхого шатра...

И голубь реял крестоносно,
И шло служенье муравья...
Все было значимо и просто,
Как в вечной книге Бытия.

* * *

Поветшала скитская дубрава,
Понищал одеждами народ.
Лишь церковей намоленные главы
Золотят осенний небосвод.

Снова, Русь, в убогом одеянье
На заветный свет их
ты спешишь.

Века и природы увяданье —
Время для спасения души.

БЕРЕЗЫ

Отъярились осенние грозы
И забрезжались в ясной дали
Столь привычные взору березы —
Златокрылые светы земли.

Замахали призывно ветвями,
Листвяным опереньем искрясь,
Прикровенно являя пред нами
Немирскую свою ипостась.

И, быть может, во дни увяданья,
Их нетленного вида страшась,
Просветлеет, стяжав покаянье,
Многогрешная чья-то душа.

Сергей Даштамиров

(п. Каменоломни, Ростовская область)

ПАЛИТРА ЖИЗНИ

(Венок сонетов)

Наш постоянный автор.

1

Как наша жизнь полна противоречий!
Того понять нам не дано, пока
Еще мы пьем дыханье ветерка,
И солнца луч ласкает нежно плечи.

Не ценим слез разлук и радость встречи,
Парим в мечтах, взирая в облака,
Даем присягу — на сердце рука! —
Но клятвы верности недолговечны.

Как горы таинства полны и властны!
В своем величье как они горды!
А девушка с кувшином у воды —
Стройна, скромна, печальна и несчастна.

И вижу в ней знакомый образ я:
Склонилась ива скорбно у ручья...

2

Склонилась ива скорбно у ручья.
(Как хочется ее очеловечить!)
И ветви опустила, словно плечи,
Как женщина — забытая, ничья...

Убитых горем многих видел я.
И пусть твердят иные: время лечит —
В церквях мерцают памятные свечи,
И жалит боль — гремучая змея.

Под солнцем ярким блещут купола,
И слух пленен мой звоном благовеста;
У входа в храм счастливая невеста:
Как яблонька в цвету — нежна, светла.

В поток роняет ивушка печаль,
А он бежит, приветливо журча.

3

А он бежит, приветливо журча,
Ворочает, сдвигает камни грозно,
То брызгами обдаст вас, то серьезно
Вновь загремит — в нем удаль силача!

Но кто из нас, друзья, не замечал
Те юноши невинные забавы?
Ни почестей не жаждет он, ни славы —
Ну а любовь не требует врача!

Своих он сил не ведает пока,
Седой валун учтиво обтекает.
Он просто молод! Читит и уважает —
Как повелось, как должно — старика!

Бежит ручей — а птицы вслед щебечут —
Безудержен, судьбе своей навстречу.

4

Безудержен, судьбе своей навстречу
Стремится он, не ведая преград;
Он любит жизнь, он ей беспечно рад!
Не знает: этот путь не бесконечен.

Взвалил рюкзак решительно на плечи,
Куда идти — не мучает вопрос!
Не лгал когда б синоптиков прогноз —
К концу пути и ноша стала б легче.

Грохочет гром, и молнии мечами
Насквозь грозятся путника пронзить;
К нему стрелою огненная нить —
А он идет, грозы не замечая...

Тот парень — не мое ли повторенье?
Влюбленный в жизнь, в нем дышит вдохновенье.

5

Влюбленный в жизнь, в нем дышит вдохновенье;
Легка походка, верен шаг его,
И взгляд искрится паренька живой:
Он знает цель, и в сердце нет сомненья!

Здесь звонким ямбом выложены звенья
Стихов венка сонетов моего:

Не знаю ярче света ничего,
Чем тот, что нам дает любви свечение.

Сияньем этим путник озарен.
Увы, где ярче свет, там тень темней! —
Но кто же в счастье думает о ней?!
А мой двойник — он счастлив и влюблен.

Любовью пьян, в плену сладчайших грез —
Не видит ивы серебристых слез.

6

Не видит ивы серебристых слез
Тот, кто своих не испытал страданий,
Разрухи, голода не знал; в изгнание
С тоской не вспоминал родных берез.

Но разве в том единственный вопрос,
И это ли достойно порицанья,
Когда страна сдана на растерзанье,
Когда в умах и в душах перекося?

Мне больно видеть; я страдаю вновь
От зарева кровавого заката,
От мысли, что готовы брат на брата
Идти опять, пролить родную кровь.

Я эту боль сложней бы перенес
Чужой беды, не принятой всерьез.

7

Чужой беды, не принятой всерьез,
Я каюсь: юн был и не смог заметить,
Но за грехи не побоюсь ответить,
Когда Всевышний мне предъявит спрос.

Лишь слабого удел страшиться гроз.
Как пилигрим — а с кем его сравню я? —
Бежит ручей, волной волну волнуя:
Близка уж цель — желанный виден плес!

Он старых русл сухих минует редко,
Как странник тот, хранит он посох свой:
Причудливый надрез коры земной —
Иссохший след ушедших в землю предков.

В пути он твердо держит направление —
В нем буйство чувств, стремительно течение.

8

В нем буйство чувств, стремительно течение,
И грозно пенится, кипит струя,
Но в мощи этой, в бешенстве ручья
Я новой жизни вижу зарожденье!

Как мысли яркой, важному решению,
Схожденью Благодатного Огня,
Ей не могу не радоваться я —
Поет душа, безгрешны побужденья.

И этой светлой музыкой дыша,
Стремлюсь для вас сплести венок сонетов:
Труд не простой для опытных поэтов —
Я буду делать это неспеша.

Межзвездный росчерк — вспыхнула комета!
А здесь художник с кистью у мольберта.

9

А здесь художник с кистью у мольберта.
Застывшей музыкой — его пейзаж:
Кому-то «классика», кому-то «джаз» —
Но все пропитано лучами света.

Свечение «природного портрета»
Ласкает душу, радует нам глаз;
Теперь настал момент спросить у вас:
Сродни ль, друзья, художники поэтам?

Приятель! Мысль сакральную озвучь!
Ручей — романтик, он поэт бесспорно;
Несет поток стремительно и споро,
С его волной играет яркий луч —

Он, солнечный — с маэстро заодно —
Кладет мазок к мазку на полотно.

10

Кладет мазок к мазку на полотно.
Не достает порою вдохновенья:
Художнику поможет озаренье —
Но повторить Творца не суждено!

Я тоже увлечен был, но давно,
Смешеньем красок, светом, бликом, тенью,
Но понял: без таланта — все мученье;
К тому же жизнь богаче все равно.

А жизнь — что карнавал, где много масок;
Там нелегко, под маскою, понять:
Тебе семнадцать или двадцать пять —
Там музыка гремит, там буйство красок!

Все в красочный восторг погружено.
О, как ярка палитра жизни! Но...

11

О, как ярка палитра жизни! Но...
Внимательнее к ней бы присмотреться.
Чувствительнее взгляда только сердце —
Оно подскажет, что судьбой дано.

Любовь — мускатно-пряное вино;
На вкус напитки разные бывают,
А жизнь театром часто называют —
Не так в ней, как в спектакле, как в кино.

Подмостки... рампа — я плохой актер!
Но гложет мысль меня: играю так ли?
Свою ли роль? В каком чужом спектакле?
Кто в этом балагане режиссер?

Предстанет память старой кинолентой —
Порой лишь два в ней различимы цвета.

12

Порой лишь два в ней различимы цвета.
Когда тебе не мил весь белый свет,
Когда душе больной покоя нет,
То кажется, что в жизни нет просвета.

Пусть слез полна подушка до рассвета,
Не унывай! — мой дружеский совет —
Иссохнут слезы, ты найдешь ответ
В стихах священных Нового Завета.

Зажги свечу, и пламя не скрывай,
Оно пусть ярче весь твой дом осветит;
Прекрасна жизнь на голубой планете —
С надеждой утро каждое встречай!

Рождение дня вещает солнце ало.
Невеста в белом: так всегда бывало.

13

Невеста в белом: так всегда бывало.
Не лилии — ромашке полевой
Скорей откроем сердце мы порой,
Когда надежда душу истерзала.

Когда же немощь к ложу приковала,
Как жаждем мы, чтоб человек родной
Чела коснулся любящей рукой,
В последний раз чтоб выдохнуть устало.

Не нужно пышных фраз и горьких слез.
Мне верную оценку даст Всевышний;
Мой сущий дух круг сделает над крышей,
Чтобы полет продолжить среди звезд.

Светило в полдень белого накала,
А скорбь вдовы — под черным покрывалом.

14

А скорбь вдовы — под черным покрывалом.
Ее никто не держит напоказ:
Ни Волги дочь, ни та, чей дом Кавказ —
По всей России страждущих немало.

Как от потерь Русь-матушка устала!
За что так Бог испытывает нас,
И женщины из воспаленных глаз
Роняют слезы тяжелей металла?

А в храме — то поют за упокой,
То вновь обряд крещения справляют,
Огни под образами зажигают —
Мы все хранимы Божею рукой.

Но вдруг! — то вспыхнут, то погаснут свечи —
Как наша жизнь полна противоречий.

15

Как наша жизнь полна противоречий.
Склонилась ива скорбно у ручья,
А он бежит, приветливо журча,
Безудержен — судьбе своей навстречу.

Влюбленный в жизнь, в нем дышит вдохновенье.
Не видит ивы серебристых слез —
Чужой беды, не принятой всерьез.
В нем буйство чувств, стремительно течение.

А здесь художник с кистью у мольберта
Кладет мазок к мазку на полотно.
О, как ярка палитра жизни! Но...
Порой лишь два в ней различимы цвета.

Невеста в белом: так всегда бывало,
А скорбь вдовы — под черным покрывалом.

Константин Емельянов

(г. Александрия, штат Вирджиния, США)

СТИХИ РОЖДАЮТСЯ, КАК ДЕТИ...

Родился в г. Алма-Ате, Казахстан, в 1966 году. Окончил факультет журналистики Казахского госуниверситета в 1989 году. Стихи печатались в журналах России, Германии, Финляндии и США.

ЛЕДЯНЫЕ ХОЛОДА

Воздух из стекла и стали,
С неба падает звезда.
Вот такие вдруг настали
Ледяные холода.

Я сижу ни стар, ни молод,
Изо рта клубится пар,
А в окно стучится холод —
Предлагает свой товар.

Ветер плачет, ветер воет,
Дождь и снег идут стеной.
Все стеклом опять покроет
Этот холод вековой.

Попритихли где-то птицы,
Им опять не повезло:
Холодами расплатиться
За июньское тепло.

Небеса молчат слепые,
И как будто навсегда,
Нас накрыли ледяные,
Серебристы холода.

РИФМЫ

Ни кола, ни двора
На чужой стороне,
Только блески костра
Пусть останутся мне.

Разбросали поленья
По мокрой траве —
Будто рифмы в строфе.
А поленья костра
Очень быстро горят,
От цветного шатра
Ярко искры летят.
И спускаются в землю
По тонкому рву —
Будто рифмы в строфу.

Виктор Евдокимов
(г. Торонто, Канада)

Виктор Николаевич Евдокимов родился в Ленинграде. Детство и школьные годы провел в Феодосии в Крыму. Получил диплом инженера-механика в Тульском государственном университете в России. Уже двадцать лет живет в Канаде. Стал известным в академическом мире писателем, автором четырех монографий по истории денежного обращения города Каффы в Крыму в 13—15 веках. Пишет стихи. Лауреат литературных конкурсов.

* * *

Я споткнулся на ровном месте, в который раз.
Точно, точно. Все так и было. Не в бровь, а в глаз.

Под ногами не видно кочек — сплошная гладь.
Если нет. Ничего не видно — как можно узнать?

Но всегда. Я заметил. Точно. И в этот раз.
Появлялась в окне девчонка. Красотою, как на показ.

И нога, вдруг, моя сгибалась — тянуло вбок.
Будто кто-то, подставив ногу, к земле увлек.

Улыбался улыбкой глупой. Я слышал смех.
На красу засмотреться, о, Боже, совсем не грех.

* * *

Восковые свечи. Матовый огонь.
В пламени я вижу: скачет красный конь.

Грива распушилась пылью золотой.
Крутит, быстро машет блестящей головой.

Фитиль спиралью вьется, светит чернотой.
В прыжке конь задевает край свечки восковой.

Воск горячий брызнул, пролился и застыл.
От него кусочек я пальцем отломил.

Конь остановился и встал вдруг на дыбы.
Ему кусочек бросил восковой травы.

Заметалось пламя пылью золотой —
Расцветило стены утренней зарей.

И с души моей испарилась цвель,
Что на ней оставила зимняя метель.

МЫШКА

Плинтус в углу. За ним темная дверка.
Чуть приоткрыта, как табакерка.

Встал на колени. Открылась беззвучно.
Здесь приключение — не будет мне скучно.

Голову ниже. В огнях видна зала.
Прямо как в сказке, что мама читала.

Свечи. Рояль. За ним белая мышка.
Ноты видны — полосатая книжка.

Рядом мышонок играет на скрипке.
Мышка довольна — сужу по улыбке.

Пол под коленкой скрипнул легонько.
Мышка взглянула. Мне стало неловко.

К двери подошла. Покачала головкой.
Хлопнула дверца с засовом-иголкой.

Никита Рыжих
(Украина)

Победитель международного конкурса «Искусство против наркотиков», бронзовый призер фестивалей поэзии «Собака Керуака» и «Кашитановый дом», лауреат ряда конкурсов.

* * *

Меня зовут Григорий, я чернец.
Где и когда мне пищей стало море,
А страстью — ветром посланный венец?

До дна, до дна — пусть в чаше этой горе —
Но все равно мне хочется отпить,
Ведь в горле целый ком сухой досады,
И сердце бьется сильно, словно нить
Оно порвется, видимо, однажды.

Меня зовут Григорий, Божий хлыст
Влечет не плоть — души моей частицы.
Скорее, я очищен, а не чист
В момент восхода пламенной денницы...

* * *

Сей трудный путь пройдя до половины,
Не умер я, а превратился в пыль,
Ту, из которой боги — исполины
Тихонько прорастают в нашу быль.

Зима. Мороз. Гул леса величавый.
Быть может, величав машины гул?
...Итак, я умер. Бейте барабаны
И снегом покрывайте мой аул.

Вдруг, пепел — снег? Вдруг, я — всего снежинка?
Вдруг, облако — минервы пьяный глаз?
Мани меня к себе, сыра тропинка —
Я волокусь с тобой, как рьяный газ.

Господний путь пройдя до половины,
Узрел я: предо мной растет тропа
В далекие миры, где нету домовины,
Где не нужна телесная стопа...

* * *

Нас ровно шесть —
Летающих альбатросов,
А вам не счесть
Ни моряков, ни тросов,

Но смысла нет
В походах дальних диких,
Весь белый свет
Не зарастет клубникой.

И целый мир
Не будет подконтролен,
Ни вам эмир,
Ни вам имперский воин,

А как же честь?
Вы спросите и косо

Посмотрите нам вслед,
Летающим без побед...

Нас ровно шесть —
Летающих альбатросов...

Марина Фомина
(г. Тула)

Пишет стихи, прозу. Издала два поэтических сборника: «День равноденствия» и «Пусть будет в вашей жизни волшебство...»; книгу сказок «Сказки Леди Махаон» и краеведческие сборники о Тульской земле: «Небесный покровитель», «В поисках озера Байкал» и «Портрет на фоне усадьбы».

* * *

Спелым золотом колоса,
Медью сильного голоса
Сталью духа мятежного,
Снежного дня серебром,
Бронзой подвига ратного,
Звоном доспеха булатного,
Ртутью крови пылающей
Полон был пламенный горн.

В недрах планеты родившийся,
Мощью металла налившийся,
К роли великой готовился
Сей титанический сплав.
Силою неудержимую,
Разумом непостижимую,
Вырвался в поле истории
Дух вулканических лав.

Он на просторы бескрайние,
В степи, леса неприкаянные
Вынес и мудрость глубокую,
И вдохновенную грусть,
Гордость, отвагу великую
И необузданность дикую —
Силой небесной крещеную
Благословенную Русь.

ДОРОГА К ХРАМУ

Есть храмы. И дороги к ним
Бегут широкой лентой быстрой.
Над ними — солнца яркий нимб
И небосвода купол чистый,

Где ветер гонит облака —
Святые ангельские стаи.
Там поступь путника легка,
И благодать над ним витает.

Есть храмы. И дороги к ним
И многолюдны, и тернисты,
Через туман и едкий дым
Ползут по склонам каменистым.
Там грозный ураган ревет
Дождливым днем, холодной ночью,
И ветер беспощадно рвет
С паломников одежды клочья.

И кровь, тяжелая, как ртуть,
Из жил уходит грамм за граммом...
И это — тот же самый путь
К одним и тем же светлым храмам.
Их камни кажутся немы,
Но в том молчанье — суть ответа:
Кто слеп — для тех довольно тьмы,
Кто хочет видеть — вдоволь света.

* * *

Праздник середины лета:
Утро раннее, восход,
Солнце золотистой лентой
Прочертило горизонт.
Первыми проснулись птицы,
Распеваются в гнезде.
Чтоб умыться и напиться,
Травы тянутся к воде.
Ива, расплетая пряди,
Удивленно смотрит вниз:
На озерной тихой глади
Новый выставлен сервиз.
В чайных чашках белых лилий
Пряный плещется отвар:
То дожди вчера налили
Сладкий липовый нектар.
Вот прозрачную пушинкой
Прилетела стрекоза,
Ей на блюдечке кувшинки
Приготовлена роса.
Днем лягушки заглянули,
Стайка уток приплыла,
И пятнистые косули
Посидели у стола.
Никому не будет тесно
В жаркий полдень у воды,
Всем в тенечке хватит места,
И напитков, и еды.

Солнце прячется за прудом.
Стихли звуки, меркнет свет.
Вечер. Вымыта посуда,
Чашки убраны в буфет.
Завтра будет продолженье
Посиделок, а пока
Только звезды в отраженье,
Словно крошки пирога.

ЧЕРЕМУХА

Весенних свадеб торжество,
Шитье и кружево наряда.
Как жаль, венчального обряда
Недолговечно волшебство.

Вуаль душистых лепестков,
Кружа, с черемухи слетает —
Так бережно жених снимает
С невесты свадебный покров.

И вот уж буднично скромна
Супругою в платке зеленом
Со взором, зноем опаленным,
Встречает каждый день она.

От черной к белой полосе
Жизнь потечет привычной гладью.
Но вдруг блеснет янтарной прядью
Нить лета бабьего в косе.

То яркий, но короткий миг.
Увы, за ним еще скорее
Тень неизбежного старенья
Покроет утомленный лик.

От холода застынет сок,
Редя, старческая крона
Стряхнет и под ноги уронит
Последний высохший листок...

Но все — потом. Сейчас же сад
И лес — весь мир благоухают,
А я, блаженствуя, вдыхаю
Черемух терпкий аромат.

Как гость на свадебном пиру,
Я пью хмельной нектар цветенья,
Ведь ради этого мгновенья,
Быть может, только и живу.

Марина Юрченко
(Казахстан, ВКО, г. Павлодар)

Родилась в Семипалатинске. Живет в Павлодаре. Окончила Павлодарский педагогический колледж, факультет журналистики Казахского Национального государственного университета имени Аль-Фараби, аспирантуру по специальности «Журналистика». Стихи писала в детстве и в юности, позже вернулась к этому занятию.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОКТОР. НАЗНАЧЬТЕ МНЕ В КАПЛЯХ ВЕСНУ!

Здравствуйте, доктор. Назначьте мне в каплях весну!
Мне не хватает весенней живительной влаги,
всплеска внезапных стихов на обрывках бумаги,
первой грозы, от которой не клонит ко сну.
Здравствуйте, доктор. Назначьте мне в каплях любовь!
Просто без памяти, напрочь мне нужно влюбиться.
Вдребезги память, пусть сердце взлетит голубицей,
вдаль устремляясь, врываясь в зовущую новь.
Здравствуйте, доктор. Назначьте мне в каплях чудес!
Нужно предельно большую принять дозировку.
Нет, не помогут уколы, а только страховка —
в случае, если под ребра поселится бес.
Здравствуйте, доктор. Стихи пропишите опять
самого мудрого, лучшего в мире поэта!
Чтобы я нежно любила на свете все это,
Вы мне назначьте, а я... побегу покупать...

ПУСТЯКИ

Уходит жизнь по пустякам:
сказал не то, искал не там,
служил не тем, пригрел не тех...
Не лечит плач. Не греет смех.
Не звучен гром. Не хмелен ром.
Идет весна с пустым ведром —
о, как серьезные, вопреки
размеру, эти пустяки.

А я... Еще ведь помню я,
как шла за острые края,
летала в мерзлых облаках,

сгорала в пламенных строках,
метала бисер, жгла мосты,
рвала и дружбы, и холсты,
и, споря с ним про «тень осла»,
одна любовь свою несла.

А нынче, видно, неспроста
дивится лени тень листа:
напрасно ждет неробких слов,
не сотрясающих основ.
Любовь ушла? Ушла легко?
Любовь ушла недалеко!
Люблю! И этот пустячок
сверкает в небе — и молчок...

НА ВОСТОКЕ

На востоке, на родине солнца,
в непрестанно палящих лучах
счастлив тот, кто последним смеется
после битвы на острых мечях.
На востоке, поодаль от Мекки,
сохранились дворцы Гранд Палас,
возведенные в бронзовом веке,
только можно в них жить и сейчас.
На востоке, на родине рикши,
тенью прошлого бродит ишак.
Там скромнее других нувориши,
а бедняк ходит гордый, как шах.
На востоке, на родине пери,
любят ласковых трепетных жен,
могут драться за них, будто звери,
и без усталости лезть на рожон.
На востоке, на родине Бога,
богохульствует лишь идиот.
Ну а солнце покружит немного —
и опять на востоке взойдет...

Александр Гаммер
(Казахстан, ВКО, г. Павлодар)

Родился в 1972 году в Павлодарской области. В 1999 закончил педагогический ВУЗ, пять лет учительствовал, затем десять лет работал журналистом на телеканале. Был автором и ведущим итоговой информационно-аналитической программы. Стихи писать начал еще в детстве. Печатается в литературных журналах Казахстана и России, участвовал в нескольких поэтических сборниках.

ЗЕМЛЯНИЧНАЯ РАДОСТЬ, ВИНОГРАДНАЯ ГРУСТЬ

Помнишь ночь на поляне, на дикой?
Мир огромный, один на двоих,
Перезрелой лесной земляникой
Пахли алые губы твои.

Медуницы и мяты помятость...
Жаль, обратно туда не вернусь.
Ты — моя земляничная радость,
Ты — моя виноградная грусть.

Бог любви все сомнения выжег,
Словно взрыв, до пожара в крови.
Мы учились без фильмов и книжек
Колдовскому искусству любви.

Тех мгновений сакральная святость!
Много лет пролетело — и пусть!
Ты — моя горьковатая сладость,
Ты — моя сладковатая грусть.

В ПЛЕНУ ЗЕРКАЛЬНЫХ ОТРАЖЕНИЙ

Промокший город — тонущий «Титаник»,
Огонь в камине, теплое вино
И крутит полковой киномеханик
Немое черно-белое кино.

Рябит в порывах северного ветра.
И капли, что до дрожи холодны.
Вмещает миллионы километров
Экран миллиметровой толщины.

Механика отточенных движений
Игральных карт, помеченных крестом.
Живут в плену зеркальных отражений,
Быть может, и не ведая о том.

Куда-то все спешат в осенних лужах
По улицам пустого городка,
Зонтами разноцветными утюжа
Тяжелые седые облака.

Динамика немых изображений,
За кадром кадр...
А может быть и я
Блуждаю в лабиринте отражений,
В котором вечно вертится Земля.

БЕРЕЗОВОГО СОКА ПОЛГЛОТКА

О чем мечтал?
Пока рассвет в тумане
Отбросить все, нырнуть в ночную мглу,
Собрать мешок несбыточных желаний,
Веревкой приторочить их к седлу.
Мечты, мечты...
И все они за гранью,
Пустынная дорога далека.
В каком краю рассыпались желанья
С порядком похудевшего мешка?
А что осталось в нищенской поклаже?
Большой стакан парного молока,
Сушеный цвет лекарственных ромашек,
Березового сока полглотка.
Давно уж нет того идеалиста...
Как жалко, не воротишь время вспять.
Вдохнуть бы аромат весенних листьев!
А дальше?
Дальше можно не дышать.

БРОДЯЧИЙ СКРИПАЧ

Ветви — что руки-плети.
В городе в ранний час
Бродит осенний ветер
Или играют джаз.
Будто бы так и надо —
Слабый, протяжный стон,
Или звенит стаккато,
Или хрустальный звон.
Ноты — шуршит бумага,
Поздний рассвет зардел.
Бродит скрипач-бродяга,
Вечность — его предел.
Так провожает лето
Ветер, малыш-шалун,
Дрожью упругих веток
Или же нервов-струн.

Александр Ланцов

(с. Нивны Арсеньевского района Тульской области)

Родился в 1953 году в селе Нивны Арсеньевского района Тульской области. Образование высшее. Награжден памятной медалью Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы — 2018». Лауреат литературного конкурса «За волю и любовь к жизни», победитель конкурса в группе «Поэзия Примиусья». Лауреат первого Всероссийского конкурса «Стихия Пегаса».

* * *

*Посвящаю Тимохину Василию Яковлевичу,
чьи останки покоятся в братском захоронении № 22
в поселке Красный Арсеньевского района
Тульской области.*

Расскажу о Тимошке.
Он в бою был не Бог,
Но зато на гармошке
Сбавать «барыню» мог.
Собирались солдаты
Под аккордов поток.
Обхватив автоматы:
«Поиграй нам, браток!»
Ночь и чистое поле,
Мы уже не поем,
Нас вчера было трое,
А сегодня — вдвоем.
Лишь гармошка на полке.
Он же с криком «Ура!»
В битве в Красном поселке
Лег навечно вчера.

* * *

Ничего нет в селе, кроме крика вороньего.
Горький запах полыни, разрушенный храм,
И погост, а на нем мое детство схоронено,
Дом родимый с глазницами выбитых рам.
Улететь бы на юг с перелетными птицами...
Но милее мне горькая наша полынь
И знакомые женщины с милыми лицами —
Наша стужа теплей, чем чужая теплынь!
Я иду и балдею от крика вороньего,
Загребаю ногами листья лопухов,
Терпкий запах вдыхаю навоза коровьего,
Очищающий душу от смертных грехов.

ОСЕНЬ

Вновь природа прощается с летом,
Умывает нас осень дождем.
В краски яркие роща одета,
Мы по золоту листьев идем.
Не слышны соловьиные трели,
И не шелкает кнут пастуха.
Там, где летом луга зеленели,
Пожелтела, завяла трава.
Опустели осенние нивы,
Лужи скованы льдистым стеклом.
Улетающий клин журавлиный
На прощанье махнул нам крылом.
Но в затянutom тучами небе
В непогоду, в дожди, в неуют
Про прекрасную быль и про небыль
Нам осенние ветры поют.

НАЙДИ СВОЙ ПУТЬ

Минус тридцать,
На улице зимняя ночь,
Лютый холод вползает
К тебе под одежду.
Можно все потерять,
И не все превозмочь,
Но нельзя потерять
Веру, честь и надежду.
Много в мире путей,
Много в мире дорог,
И окольных тропинок
Немыслимо много.
Где хотелось пройти —
Почему-то не смог,
И идешь по чужой,
По ненужной дороге.
Ты идешь и не видишь
Конечную цель,
Покоряешь зачем-то
Чужую вершину.
И не в силах свернуть
Или спрятаться в тень.
К счастью, ты человек,
Не стальная машина.
Где-то рядом твой путь,
Где-то рядом твой рок,
Ошибаются все,
Идеальны лишь боги.
Ты обязан пройти,
Где хотел, но не смог...
Не иди по чужой,
Хоть и лучшей, дороге.

Владимир Резцов
(г. Тула)

ГЛАВЫ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ

Наш постоянный автор, дважды лауреат (в жанрах поэзии и литературной публицистики) всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

ЗЯТЬ И ТЕСТЬ

Если злая судьба,
что же делать теперь?
Горе не постучалось,
а вышибло дверь.

Плен любимицы
тяжко воспринял старик.
Из широкой груди
рвался жалобный крик.

Только Эд его волей
могучей сдержал.
Крепко сжав кулаки,
лишь суровее стал.

Он и храбр, и при нем
полководческий ум,
Но куда же деваться
от горестных дум?

«Я воюю с врагом,
не слезая с коня,
И при жизни Великим
считают меня.

Пишет Рим, я достоин
божественных кущ...
Может, я и велик,
только не всемогущ:

Дочь не в силах вернуть.
Путь несчастной во мгле,
А отец — не волшебник
на этой земле...»

Промелькнула надежда:
а может, за дочь
щедрый выкуп послать?..
Но — иллюзии прочь...

Ах, зачем так прекрасна,
голубушка, ты,
если гибель тебе
от твоей красоты...

Стиснув зубы, он снова
бросается в бой,
чтоб арабам воздать
за разор и разбой.

Но не много ль врагов
Сатана навертел?
Давит с юга Мунуза,
с востока — Мартелл.

Отступая, сражался
несчастный отец..
Как-то к ночи примчался
арабский гонец.

Он с поклоном вручил
от Мунузы письмо.
Аквитанца, как гром,
поразило оно!

Эд не верил глазам:
от Лампагии весть!
Сам Мунуза писал:
«О, возлюбленный тесть!

Мы вступили с Лампагией
в брак по любви,
так что сыном своим
ты меня назови!

И, коль скоро с тобой
мы в родстве, *машалла*,
То теперь добрым миром
уладим дела.

Войско я отведу,
ибо ты мне не враг,
и здоровье тебе
да подарит Аллах!

Счастье в нашем шатре
от супружеских уз,
и за это тебе
мой привет и союз.

Пусть твой враг будет мой,
а мой так же твоим.
Так мы вместе с тобою
врагов победим».

И приписка Лампагии:
«Милый отец!
У несчастий бывает
счастливый конец.

На коленях тебя
о прощенье молю.
Да, Утман мой супруг,
и его я люблю!»

Озадаченный герцог
не знал, что сказать.
Что еще за гримаса
судьбы? Что за зять?!

Не бывало на свете
таких параной:
стала герцога дочь —
мусульманской женой?!

Как посмотрит на этот
конфуз Ватикан:
был поборник Христа,
ныне — друг мусульман?!

Вся Европа поднимет
убийственный крик:
мол, продался арабам
и спятил старик...

Но, подумав, вздохнул
через пару минут:
«Пусть себе покричат.
Поостынут — поймут.

Ну, а кто не поймет...
Что же... Бог их прости...
Жизнь достойно прожить —
не ручей перейти...».

Счастье наших детей!
Что на свете ценней?
Эд желал счастья дочери,
думал о ней.

Ну и что ж, что араб?
Если любит — пускай.
Кто сказал, за любовь
не положен нам рай?

Разве к людям в душе
был жестоким Христос?
Разве с сердцем Своим
не любовь Он нам нес?

Да и случай не тот,
чтобы здесь выбирать:
нависает с востока
мартеллова рать...

АБД АР-РАХМАН ИБН АБДАЛЛАХ

Карл, узнав о таком
положении дел,
и взаправду решил:
«Эд умом оскудел!»

Он не понял отца,
хотя сам был отцом.
Посчитал Аквитанца
тогда подлецом,

проклиная его
неуживчивый нрав.
Впрочем, может, Мартелл
был не так уж неправ?

Как еще расценить
можно сговор с врагом?
Как о нем говорить?
Как о деле благом?

Разве с маврами вместе
на братьев идти —
это честь?! Да бесчестнее
нету пути!

Гневно бросил Мартелл:
«Покарай его Бог!»
И в сердцах город Бурж
в Аквитании сжег.

Эд взъярился в ответ,
снова город отбил.
Только зять на подмогу
к нему не спешил.

Почему он не шел?
Да не мог он тогда:
у Мунузы своя
приключилась беда.

Недруг был у него,
как у Эда Мартелл.

Этот недруг испанской
землею владел:

от халифа на это
имелся фирман.
Звали этого недруга
Абд ар-Рахман.

Он порядок навел,
успокоил страну
и во имя *Пророка*
замыслил войну,

чтобы дальше
зеленое знамя нести
и под ним по Европе
с *Кораном* пройти.

«А не примет Коран —
так огнем и мечом
всем народам ее
объясню, что по чем.

И солдатам ислама
нельзя без войны:
разленятся и станут
к боям негодны.

Их ведь надо еще и
кормить-ублажать,
а иначе взропщит
железная рать.

Нет, пусть лучше голодных
накормит война,
а храбрейшим богатства
добавит она.

В рай погибших за веру —
да примет Аллах!» —
Думал Абд ар-Рахман,
он же ибн Абдаллах.

И приводятся
в боеготовность полки.
Запасаются стрелами,
точат клинки.

Объезжают коней,
снаряжают обоз...
Будет в Галлии море
и крови, и
слез!

Елизавета Баранова (Весина)
(г. Тула)

БЕЛЫМ-БЕЛО

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

* * *

...А мне приснился первый снег —
такой смущенный,
угловатый,
как в мир пришедший человек,
уже проживший жизнь когда-то,

как происшествие — само,
и неуместность,
о которой
молчат, когда не все равно,
когда излишне разговоры...

...И наступал в ту ночь четверг,
не чистый,
но...
кристально-белый.
И все вобрал в себя тот снег,
все, что еще не отболело,

и не забылось,
не ушло,
из глаз вдали еще не скрылось...
За что — мне снился он?
За что?
Как стала сном его светимость?

И двор был бел,
как бел сусек.
И белой делалась застреха.
Как был похож тот первый снег
своей судьбой на человека! —

Своей нетронутой судьбой.
Своей судьбой — новорожденной.

Нет,
нет,
он снег, он не святой,
всего лишь — шел когда-то — он же!

...Но было то, что умолчать
и скрыть за ночью невозможно...
И было видно в мелочах
его движений:
он же.
Он же...

* * *

Те просветы — на небе — высокие —
не вернет мне декабрь,
хоть дерись.
Но,
сливаясь невидимо с окнами,
загорелся свечой декабрист.

Эти в розовых блестках подсвечники,
эти искры бенгальских огней —
не красивы настоль,
сколь доверчивы
те соцветия к сумраку дней.

Как среди ледяного смятения,
как в такой ледяной полумгле
вы взрываетесь светом, растения? —
Расскажите, пожалуйста, мне.

...А желаний — в мешок не уместятся,
не уместятся даже и в два...
Золотое сечение месяца,
и дорога к мечте — изо льда...
Что мне хлопоты —
предновогодние?
Что мне сны, коль они не сбылись? —
Над любыми моими невзгодами
обсыпленно цветет декабрист,

многослойно цветет,
многоярусно,
будто в сказочной дымке Земля.
А на улице — падают градусы
и все ниже и ниже нуля.

И теперь на планету —
неделями,
так как мой декабрист не задуть,
затяжными,
косыми метелями
будет с неба сходить млечный путь.

звуки все,
как стоны самых разных спектров.

Среди звенящей тишины,
среди морозного убранства
кому шумы разрешены?
Кому
нарушить сон
удастся?

Едва исчезнет прежний звук,
как песня слышится — слепая, —
стальные птицы, будто, с рук —
незримых,
призрачных —
слетают,
и, набирая высоту,
кричат — протяжно,
монотонно,
и весть — тревожную —
несут
о неразлюбленном,
о ком-то.

...Посмотришь вверх —
там — наверху,
с пятирублевую монету,
стальные птицы, — раз — махнут
крылом — блестящим —
чуть заметно.
А здесь — внизу —
да нет, не скит,
не монастырь,
не пустынь тоже.
Но снег — нехоженный — скрипит
на все лады, какие можно!

И тепел дом.
И синевой
огня в камине вечер скрашен.
Но снова чувствуешь спиной
хождение маетных мурашек.

И стон.
Опять.
Тоскливый стон.
И крылья вновь засеребрили.
И тайна стона —
как синдром
тайги,
дремучести,
Сибири.

Как чудачки лоб расшибут,
молясь за всех,
так я тревожусь
и снова меряю маршрут
своей зимы на протяженность.

* * *

Когда появляется эта —
морозная — сказка на окнах,
когда укрывается ветка
затейливым тюлем — в оборках;

когда прорезаются крылья
снежинок из белой салфетки,
и бабочек — зимних — засилье
порхает в квартире соседки;

когда желтогрудые почки
синиц
набухают на вербе,
когда той — единственной — ночью
сбывается чудом поверье;

когда новогодняя елка
на улицу смотрит из дома,
и сердце — нет, нет, да и екнет
от радости —
это знакомо?!

И снова — еще одним — шансом —
желать можно все,
без запрета,
и месяц в бокале с шампанским
купнется
и выскользнет в небо,

а в небе — созвездья сверкали
всегда алгоритмам согласно...
Но жизненных свечек спирали
когда-нибудь все же погаснут...

Поэтому:
если
от года
осталось не больше недели —
все то, что для счастья негодно,
оставь в позапрошлом—
не медли!

Людмила Авдеева
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

НЕ СТАНЕТ СЕРДЦЕ ЛГАТЬ РОССИИ

Не станет сердце лгать России,
Как матери не станет лгать.
Мне только бы набраться силы,
Успеть всю правду рассказать.
Я — часть своей большой эпохи.
И я — Вселенной этой часть.
Собрав всю жизнь свою по крохам,
Земле любимой честь отдать
Смогу строкой, своей Любовью,
Надеждой, Верой. Я за Русь,
Коль будет надо, даже кровью
На поле снежном распишусь.

* * *

Забвенья реки есть и реки славы,
И реки откровения души.
Но не меняй коней у переправы.
С друзьями расставаться не спеши.

И не меняй свой край родной, Отчизну
На край чужой, без песен соловья.
Там, где родился, воздух самый чистый
И плодородна матушка-земля.

Ведь только здесь, у отчего порога,
И это знаешь ты наверняка,
Тебя ждет мать, молясь усердно Богу
За возвращенье блудного сына.

* * *

Дела, поездки, разговоры...
Нет времени, чтоб оглядеться
И на природу бросить взоры,
И вспомнить юность, вспомнит детство.

Связь пустозвонства с суетою
Лишает нашу душу света,
Лишает счастья и покоя
Не только нас, а всю Планету.

А ведь, наверное, не сложно
Задуматься, какой дорогой
Идти всем вместе к ярким звездам,
Исполнив заповеди Бога.

У ЖИЗНИ НЕТ КОНЦА

Кто сказал, что смерть — это конец.
Сон — брат смерти, а сестра — разлука.
Все продумал мудро наш Творец,
Чтоб мы снова встретили друг друга.

Мы сыграем каждый свою роль
И уйдем, как в театре, за кулисы,
Унося с собой печаль и боль,
Радость, предначертанную свыше.

Мы уйдем, впадая в вечный сон.
Позовет нас вечная разлука.
Может, станет наш последний стон
В шуме ветра незаметным звуком.

Смерть не вызывает страх в душе,
Раз душа дарована нам Богом.
Словно воду в золотом ковше,
Истину возьмем с собой в дорогу.

Истину, что жили мы не зря,
Хотя, может, жили мы и мало.
Встретит нас как матушка Земля.
Небеса прикроют покрывалом.

Солнце, ветер, снег или дожди
Нас проводят в дальнюю дорогу.
Нет конца у жизни, просто мы
Из гостей вернемся снова к Богу.

Сергей Филиппов
(г. Москва)

Наш постоянный автор.

* * *

Так время незаметно тает,
Что человек, прожив свой век,
В конце лишь с грустью замечает
Его неутомимый бег.

Что, по сравнению с днем вчерашним,
Вокруг не та уже среда,
И вместо нив, полей и пашни
Встают впритирку города.

Машины мчатся вереницей
По автострадам в три ряда.
Что свежий воздух — по крупницам,
А в кране — грязная вода.

Что разгибать, вставая, спину,
Все тяжелее каждый год.
Что резко изменился климат,
И хлеб на вкус уже не тот.

Что, как и прежде, жить для тела,
И вечно что-нибудь прося
У Бога, глупо, но поделаться
При этом ничего нельзя.

* * *

Нас каждого берут в тиски
Аж вплоть до гробовой доски.
Коль захотят, наложат штраф,
Неважно, прав ты иль неправ.
Едва подумаешь, и уж
Ты в поле зрения спецслужб,
И твой мобильный телефон
Стал не помощник, а шпион.

Такая жизнь теперь у нас,
За всеми нужен глаз да глаз.

Чтоб не пошел народ вразнос,
Чтоб кто-то бомбу не пронес.
Не бунтовал. В пример при этом
Приводят «желтые жилеты»
И объясняют нам, мол, вы же
Все не хотите, как в Париже?

Живем, дрожим, боимся, как
Террористических атак
И самых страшных новостей,
Так и давления властей.
И трудно и предположить,
Что во Вселенной может быть
Земля — единственный объект,
Где Разум есть? А может, нет?

* * *

Ночь. Пусто, тягостно и грустно.
По улице бреду пешком.
Фонарь горит, но как-то тускло.
Аптека где-то за углом.
Вновь, хоть прошло уж больше века:
«Ночь, улица, фонарь, аптека».

Столетье прожитое зря.
Что изменилось в новом веке?
Всем также все «до фонаря»,
И это «точно, как в аптеке».
«Исхода нет», и прав был Блок,
Всю жизнь вместивший в восемь строк.

* * *

Как снизить темп? Как минимум — раз в десять?
Вновь ощутить «зеленую тоску»?
В Москву из Петербурга ехать месяц?
Полдня из Переделкино в Москву?

На ранних поездках, а не по пробкам,
Сверяя с навигатором маршрут.
Все делать «с чувством, с толком, с расстановкой»
И не жалеть потерянных минут.

Боимся опоздать и вновь промешкать.
Куда-то вечно рвемся, а зачем?
Кому нужна, скажите, эта спешка?
Весь этот бесконечно-бурный темп?

Знакомые, приятели, коллеги
Мелькают, суетятся, мельтешат.
И каждый, будь то Ленский или Онегин,
Торопятся и чувствовать спешат.

* * *

Свобода — спорное понятие.
Пора внушить себе, пора:
Игра в свободу, демократию
Довольно вредная игра.

Мне, например, давно уж ясно,
Как таковой, свободы нет.
Свободомыслие опасно,
Свобода слова — просто бред.

И я, друзья мои, доволен
Тем, что свободен от идей
Ее достичь, и несвободен
От близких и родных людей.

Как все, я вырос в несвободе,
Ей присягал и ей служу.
Она уже в моей природе,
Я ей, как жизнью, дорожу.

Ее, не бог какие, всходы
Готов покорно пожинать,
И вам — рабам своей свободы,
Меня до гроба не понять.

Анатолий Белинский
(г. Москва)

Анатолий Белинский родился в 1944 году в Краснодарском крае, детство и юность провел в г. Ростове-на-Дону. Окончил Ростовское художественное училище им. М. Б. Грекова и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по специальности «художник-конструктор». Почти сорок лет проработал в бюро технической эстетики в разных НИИ, одновременно занимался пейзажной и портретной живописью. Живет в Москве. Стихи пишет с юности. Произведения публиковались в литературных альманахах и журналах. Дипломант Международной поэтической премии «Образ». Автор книги стихов «Мелодии Нескучного сада», вышедшей в московском издательстве «Образ» в 2020 году.

НА ПЛЕНЭРЕ

Павлу Белинскому

На пленэре в любую погоду
Я рисую нехитрый пейзаж:
Низкий мостик и темную воду,
Старый тополь и старый гараж.

Старый город над древней рекою,
Старый дом в летаргическом сне
Переулкa — с зеленой тоскою
Старомодных гераней в окне.

Не подвержен процессам старенья,
Всеми брошен и всеми забыт,
Я своим же люблюсь твореньем,
И я сам по себе знаменит.

Не часы, не минуты, а годы —
Да простит мне Господь эту блажь! —
На пленэре в любую погоду
Я рисую все тот же пейзаж.

ОСЕНЬЮ

Мне по душе лесов убранство
И пестрых дней веретено.

Вновь просветленное пространство
Пьянит, как старое вино.

Душа тоскует о зеленом
И, растворяясь в голубом,
Уходит ввысь зажженным кленом,
Забыв о бремени земном.

КЛЕН

Я метался всю ночь, как в бреду:
Снилось мне — меня будто убили.
А наутро пришли и срубили
Клен-красавец у дома в саду.

Плакал сын, я его утешал,
Мол, тот клен всем давно уж мешал:
Он разросся, он света лишал
Тех соседей, что снизу...
Но предательски ныла душа,
Стыла кровь и звенело в ушах,
Словно вором прошел по карнизу.

ОТРАЖЕННЫЙ СВЕТ

Еще не все мной песни спеты,
Еще идти мне и идти
И крест безвестного поэта
До самой старости нести.
Слагать нехитрые куплеты,
Чужие пестовать следы.
Творить добро. И быть при этом
Всего лишь отраженным светом
Недосягаемой звезды.

НЕПРОСТО

И жил я непросто,
И видел я мало:
Сноровки и денег
На все не хватало.

За модой не гнался,
С жильем не дружил.
Вином и хандрою
Порою грешил.

И странное дело:
Чем было труднее,
Тем кисточку пальцы
Сжимали сильнее,

Тем за полночь чаще
Скрипело перо,
Тем легче писалось,
Чем меньше везло.

ЗВЕЗДА

Звезда полуночной тревоги
В остылом мраке воскресит
Мои кремнистые дороги,
Мои тернистые пути.

Звезда пустующих причалов,
Звезда лесов, звезда полей...
Меня носило и качало
На крыльях юности моей.

Душа мятежная просила
Красот каких-то неземных.
Ну а вокруг была Россия,
И видов не было иных.

А за окном — поля и рощи,
Зарниц багряные хвосты...
Живи себе — чего же проще!
Нет в мире лучше красоты.

Но негасимая, как прежде,
Звала, далекая, как бог,
С неодолимостью нездешней
Звезда дорог, звезда тревог...

Да и сейчас, в сетях уюта
Познав степенность и покой,
Я различаю все же смутно
Ее луч света золотой.

ПУБЛИЦИСТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Валерий Румянцев
(г. Сочи)

СЛОВО ПИСАТЕЛЯ КАК ЗЕРКАЛО ЕГО ЛИЧНОСТИ

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Многие известные современные писатели России стремятся как можно чаще появляться на ТВ, радио, раздавать интервью, «присутствовать» в глобальной сети. И ничего плохого в этом нет: ближе познакомившись с личностью писателя, читатель будет лучше понимать особенности его литературного творчества и, скорее всего, поновому оценит его Художественное Слово. А кто-то впервые услышит имя прозаика или поэта и, возможно, вскоре откроет его книгу для прочтения.

Жаль только, что целый ряд известных российских писателей, образно говоря, растолкав локтями своих литературных героев и представив нам свое лицо», не понимают, что их «физиономии» не вызывают симпатий. Имею в виду «лицо» их интеллекта и культуры. Часто поражает примитивизм мышления, незнание истории своей страны, политическая близорукость... и даже порой косноязычие. Своими выступлениями они лишь способствуют уничтожению исторической правды, нашей культуры, морали, чести и достоинства, да и теряют «писательский вес» в глазах читателей.

Вот всего несколько примеров.

«Гордость» современной русской литературы Михаил Веллер в своей передаче на радиостанции «Эхо Москвы», говоря о возрастающей популярности Сталина, заявил: «В перевороте двадцать пятого октября семнадцатого года товарищ Сталин сыграл роль предельно небольшую... в общем, в первом ряду он и близко не был».

Никоим образом не покушаясь на компетентность господина Веллера в исторических вопросах, хочу все же заметить, что реальная картина выглядела совсем иначе. На 6 съезде РСДРП (июль — август 1917 года) Сталин выступил с Отчетным докладом ЦК. А уже на заседании ЦК РСДРП 5 августа 1917 года его избрали членом узкого состава ЦК. 10 октября 1917 года на заседании ЦК его избрали членом Политбюро, куда входило всего ЧЕТЫРЕ члена ЦК. В ночь на 16 октября 1917 года на заседании ЦК Сталин стал членом Военно-революционного центра. Именно он выступал с докладом о вооруженном восстании (В. И. Ленин в это время скрывался в Разливе). Так что в данном вопросе Михаил Веллер или заблуждается*, или несколько лукавит.

Кто же после этого будет доверять его художественному слову? Только те, чей

* Позволю себе ремарку: я перестал вовсе слушать передачи Веллера на радио-ТВ после того, как в одной из них Михаил Иосифович изумился, услышав от задающего вопрос слушателя, что румыны суть православные по вероисповеданию (?!). «Надо в энциклопедии посмотреть», — заметил он... — Прим. гл. ред.

мозг не осмеливается мыслить самостоятельно, а «питается» мифами, сочиненными врагами социалистических идей и России.

В Ютубе можно встретить немало роликов с выступлениями Михаила Иосифовича, в том числе и таких, где он призывает толпу к силовой смене власти. Но это чистой воды провокация.

Да, действительно, сейчас сложилась ситуация, когда ««низы» не хотят, а «верхи» не могут». Однако этого недостаточно; еще необходимо появление партии трудящихся, которая поведет за собой массы. А такая партия пока не сформировалась. «Низы» не хотят, но ведут себя пассивно. Никто не сможет отнять у нас наше священное право на бесправие. Прибегая к иронии, можно сказать: так много людей с головой ушло в политику, что выпускаемые ими пузыри создают эффект брожения в обществе.

Вместе с тем, В. В. Путин не должен забывать, что опасность редко кричит о себе и шаг в пропасть определяет весь дальнейший маршрут.

Другая «знаковая» фигура современной русской литературы — Людмила Улицкая — в своем интервью, рассуждая о книге Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» и истории России, заявила: «Если бы эта страна прочитала эту книжку своевременно, то в голову бы не пришло выбирать руководителем страны человека из КГБ... организации, которая уничтожила огромное количество лучших людей поколения, нескольких поколений...».

После подобных «казусов Улицкой» у думающих читателей сразу же возникает вопрос: «Если были уничтожены лучшие люди поколений и остались только середнячки и худшие, то кто же построил мощную индустрию, разгромил фашистскую Германию, создал шедевры в искусстве и литературе, первым в мире прорвался в космос?...». Значит, напрашивается другой вывод: уничтожили в основном как раз тех, кто мешал сделать СССР мировой державой.

В этом же интервью Улицкая с сожалением говорит о том, что «сегодня в книжных магазинах книги «Архипелаг ГУЛАГ» лежат пачками, и никто их не покупает». А не покупают потому, что эта книга закладывает в головы читателей «мстительные фантазии, фобии, недостоверные факты и гипертрофированную антисоветчину» (Юрий Поляков). Слушая интервью Улицкой, так и хочется воскликнуть: «Прошу вас, гражданка, очистить стул!» (Ильф и Петров).

Оба деда Людмилы Евгеньевны в сталинские годы были репрессированы, поэтому ее обида на органы госбезопасности в какой-то степени понятна. Однако обида — не лучший союзник в поиске истины. Мой дед по матери — Румянцев Иван Иванович — тоже был репрессирован: 20 декабря 1937 года арестован, 30 декабря 1937 года осужден по ст. 58-10 к ВМН, 3 января 1938 года расстрелян. Фактически только за то, что был священником и в кругу приятелей критиковал некоторые мероприятия советской власти. Но это же не значит, что я должен смотреть на белое и говорить: «Черное!».

Людмиле Улицкой нужно задаться другим вопросом: почти все архивы КПСС рассекречены, но почему до сих пор не доступны для изучения историков фонды отдела административных органов, то есть отдела, который осуществлял контроль за органами ОГПУ-НКВД-КГБ, Прокуратурой СССР и Верховным судом СССР? Почему до сих пор на документах вышеупомянутых фондов стоит гриф «секретно»? Пока историки не изучат эти документы, мы толком так ничего и не узнаем о событиях 1937 года, и нас будут кормить мифами про многомиллионные безвинные жертвы.

Почему буржуазная власть не снимает грифа секретности? Понятно почему. Тогда народ узнает правду. И рассекреченная правда никак не будет соответствовать тому, о чем с утра до вечера долдонят наши СМИ, а за ними повторяют веллеры, улицкие, быковы и другие альбацы.

Когда обнаружат хотя бы часть вышеуказанных документов, вскрыется интереснейшая картина: в 1937 году в НКВД до трети сотрудников имели небольшевикское прошлое, лица с рабочим и крестьянским происхождением составляли абсолют-

ное меньшинство, существенная часть сотрудников были идейными сторонниками Троцкого, руководителями высшего и среднего звена, в основном, были лица не славянского происхождения, и т. д., и т. п.

А вот еще одна «достопримечательность» современной русской литературы — Татьяна Толстая. Для каждого, о ком пишет, Толстая находит «доброе» слово: известная журналистка для нее — «вонючка»; переводчики — «идиоты, мерзавцы, му...звоны», патриарх — «вредный дурак», и т. п. А еще Татьяну Никитичну повсюду окружают «козлы, кретины, бездари и неучи».

Когда в Приморье бандиты начали убивать работников правоохранительных органов, Толстая публично заявила: «Когда узнала, что стали ментов мочить, прямо от радости задрожала».

По ее словам, роман «Кысь» она написала именно про русских. Люди там питаются «черными зайцами», кушают мышей и червей, отчего и становятся русскими. Она убеждена, что у русского человека «тяга к разрушению», ему бы «выпить, буяннить, все заблевать».

И вот резюме Толстой: «Любовь к России — это слюни сладкие. Это вообще дурной тон».

Да-а, много злости накопила Толстая за свою жизнь. Видимо, она руководствуется принципом «Время собирать камни за пазухой и время бросать их в чужой огород». Полагаю, что для нее потеря дара речи могла бы стать даром судьбы.

Вот такие у нас сегодня «властители дум».

К моей статье ««Капканы» на литературной дороге» читатель, по имени Евгений (других данных не указал), написал такой комментарий: «Нынешнее писучее полководье подобно болоту, в коем тонут истинные таланты. Набор фамилий — Веллер, Быков, Кабаков и т. п. — не литературные золотники, а всего лишь медные пятаки, остервенело надраенные до блеска либеральными СМИ и столь же безнравственным ТВ. Ныне — ни одной фигуры на литературном поле, которая могла бы даже приблизительно сравниться с социальной мощью Шолохова, Бондарева, Белова, Шукшина... Взамен — сиюминутная меркантильность, вычурные авангардные выкрутасы, липкий страх взрезать социальные нарывы на теле России — это удел и прокрустово русло нынешних писак».

Лучше и не скажешь!

А такой представитель изящной словесности как Эдуард Лимонов (только не подумайте, что я начну цитировать его нецензурную брань) в конце своей статьи «Властители дум» написал: «Подведем итоги. Культура обществу более не нужна. Автор в ранге творца и указателя дороги — не нужен... Цивилизация безлична. Она производит продукты одноразового пользования. Вот таким мне представляется ответ на вопрос: почему перевелись Властители Дум». Вот уж действительно хозяин своего слова становится его заложником.

Однако по этому вопросу есть и другое мнение. Автор многочисленных романов Сергей Алексеев так ответил на вопрос «Почему писатели перестали быть «властителями дум»?»: «К счастью, русская литература вечна, как и высший образовательный инструмент — Язык. А писатели перестали быть властителями дум по одной причине — не узрели открывшегося окоема, то есть нового горизонта. И по старой, еще советской, кальке ушли в конъюнктуру: вместо производственной прозы, восхваляющей руководящую роль партии, стали писать про руководящую роль церкви... Примитивизм мышления напрочь отвратил читателя от эдаких дум писателя».

Что можно одной фразой сказать о модных на сегодняшний день писателях? Только то, что мода приходит и уходит, а манекены остаются.

Наше государство олигархического капитализма не будет активно приобщать молодежь и взрослых к чтению высокой литературы, которая формирует полноценную личность. А ведь именно читая произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тол-

стого, Достоевского, Чехова, Шолохова, Есенина, Джека Лондона и других классиков, молодые люди узнают, что есть любовь, честь, гордость и порок, предательство и великодушие. Познать все это только на своем опыте человеку практически невозможно.

К великому сожалению, люди предпочитают легкое чтиво. Впрочем, удивляться не приходится: линия наименьшего сопротивления — самая оживленная дорога.

После реставрации капитализма в России новая власть тоже захотела, «чтоб к штыку приравняли перо». И стала активно тиражировать и пропагандировать только те «перья», которые способствуют «расчеловечиванию» личности и падению нравственности в обществе.

Не хочется сбиваться на чисто публицистический стиль, но «как не впасть в отчаяние при виде того, что совершается дома». В статье Андрея Юревича и Дмитрия Ушакова «Нравственность в современной России» приводится ужасающая статистика:

— ежегодно 2 тыс. детей становятся жертвами убийств или получают тяжкие телесные повреждения;

— каждый год от жестокости родителей страдают 2 млн. детей, а 50 тыс. — убегают из дома;

— ежегодно 5 тыс. женщин гибнут от побоев, нанесенных мужьями;

— 12 % подростков употребляют наркотики;

— темпы роста детской преступности в 15 раз опережают темпы увеличения общей преступности;

— в современной России насчитывается около 40 тыс. несовершеннолетних заключенных, что примерно в 3 раза больше, чем было в СССР в начале 1930-годов.

И список чудовищных цифр можно продолжить на нескольких листах.

Еще французский философ Эмиль Дюркгейм отмечал: «Нравственность — это обязательный минимум и суровая необходимость, это хлеб насущный, без которого общества не могут жить».

Сегодня наметилась такая закономерность: когда молодежь не читает произведений современных писателей, у нее нет желания углубляться в мир классиков. Уровень языковой культуры напрямую зависит от чтения художественной литературы. Мы уже не удивляемся, когда читаем и слышим языковые ляпы в СМИ. Например, на новостном интернет-портале можно было прочитать: «Медведев после изнасилования уволил главу МВД Бурятии», «Мужчина отбил жену у медведя» и т. п.

Как будет выглядеть русская литература в ближайшем будущем, сказать трудно. Мы теряемся в догадках и в более глобальных вопросах: что будет с Россией и остальным миром при «распаде» духовной составляющей человека и человечества? Эту мысль великолепно проиллюстрировал Игорь Волгин в одном из интервью: «Весь ход современной истории свидетельствует о том, что теперь не только Россия, как говорил Достоевский, но и весь мир «стоит на какой-то окончательной точке, колеблясь над бездной». Если воспользоваться метафорой Семеновского плаца (где писатель подвергся процедуре «недовершенного расстрела»), можно сказать, что человечество уже как бы взшло на эшафот, и неизвестно, будет ли оно в последний момент помиловано. Но если, к счастью, это случится, и всемирная история продолжит свой победительный бег, возникает вопрос: извлечем ли мы из нашего смертного опыта такой же урок, который усвоил себе Достоевский? Послужит ли эта милость (если она будет явлена) нашему духовному возрождению?».

Сегодня, когда человеческая глупость перешла все границы и обогнула земной шар, Судьба всем нам бросила вызов. Пессимисты утверждают: когда мир доиграет комедию, аплодировать будет некому. Но это не наш путь.

Мы ждем от мыслящих людей деятельности, направленной на поиски более оптимистического пути. И не последнюю роль в этом должны сыграть поэты, прозаики и драматурги.

Юрий Сычевский

(г. Рочестер, штат Нью-Йорк, США)

ИНТЕРВЬЮ

КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖАНР

Эссе

Родился на Волге (Самара). Окончил Куйбышевский индустриальный институт и очную аспирантуру в МХТИ им. Д. И. Менделеева. Основная специальность — кибернетик. Действительный член (академик) Европейской академии естественных наук. Русская литература — духовное увлечение. Пишет рассказы, стихи, сценки, эссе: около 100 работ. Победитель конкурса юмористических рассказов, организованный журналистами МГУ им. М. В. Ломоносова в 2012 г. Член Клуба русских писателей Нью-Йорка. Публикуется в периодической русской печати США, Канады, Дании.

Интервью, как жанр публицистики, т.е. беседа журналиста с одним или несколькими лицами по какому-либо актуальным вопросам, широко используется сейчас различными СМИ. Интервью прочно утвердилось на телевидении. В частности, на канале «Культура» — «Судьба человека» с Борисом Корчевниковым. В нем сочетаются такие особенности как: содержательность, емкость, краткость выражения, зрительность, популярность. При подходящем эстетическом оформлении оно выступает в качестве нового самостоятельного вида художественного показа. Я хочу предложить вам, уважаемые читатели, для обсуждения такую тему: «Интервью как новый самостоятельный жанр художественного выражения»*.

А может ли интервью стать вполне **самостоятельным** видом художественного повествования в **письменной литературе**? Законен вопрос: а почему обязательно самостоятельным? Ну, хотя бы потому, что интервью в его литературном значении не подходит ни под одно из определений: рассказа, очерка, новеллы, эссе и других малых форм эпической прозы.

Какие **отличительные его черты** можно отметить. Это, прежде всего, количество участвующих в нем действующих лиц — всегда больше одного. Это разговорная форма в реальном режиме времени в виде «качели» (вопрос-ответ-вопрос-ответ и т.д.) Третьей, очень важной на мой взгляд, чертой является возможность обсуждения многих актуальных, совершенно **разных** (и на первый взгляд не стыкующихся между собой) **тем в одном кратком** художественном произведении. Здесь мне хочется вспомнить Н. В. Гоголя, который в «Мертвых душах», желая «разом посмеяться» над негативными сторонами жизни в тогдашней России, прибегнул к эффективному приему, избрав объезд Чичиковым поочередно совершенно отличных друг от друга поместий. Условно можно сказать, что Чичиков провел «**рассредоточенное**» интервью с группой помещиков. Но Гоголю пришлось написать для этого целую «поэму».

В записной книжке А. П. Чехова есть такие строки: «За новыми формами в лите-

* Значение этого слова, как метода социологического исследования, здесь не рассматривается.

ратуре всегда следуют новые формы жизни». Но мы видим, что за новыми формами ЖИЗНИ следуют **новые формы ЛИТЕРАТУРЫ**.

Так может ли интервью занять достойное место в художественной литературе как обособленный **жанр малой формы** эпической прозы? Я думаю, что да, если усилить в нем **авторскую** «составляющую». В этом случае автор, как это ему и положено, будет «и швец, и жнец, и счастья кузнец». Ведь ему придется выступать и за ведущего, и за собеседников и, главное, он — автор всего спектра тем, выраженных в вопросах и ответах на них. Автор сам ставит себе **«сверхзадачу»**, чтобы созданное им произведение было «конгломератом», а не «россыпью» обсуждаемых тем. Его интервью может быть и шире, и глубже своего «прародителя», если он умело внесет в него описание факторов, вызывающих необходимость его написания, — обстановки, места и времени. Его «герои» могут быть ярче, умнее/глупее реальных. Исходя из сказанного, я предлагаю назвать результат такого творчества — **«авторским интервью»**. В авторском интервью есть большая возможность показа художественного мастерства. В качестве примера авторского интервью можно познакомиться с моей работой под названием: **«Пусть от удачи вам будет больше сдачи!»**.

Возможно ли (и существует ли?) **«художественное» интервью** в других видах искусства? Например, в **музыке**? Мне кажется, что ближе всего к нему подходит джаз, в традициях которого уже заложен разнообразный тематический диалог его участников, а ведущий, он же автор, — «и на дуде игрец!».

Ольга и Наталья Артемовы
(п. Медвенка Курской области)

ОГНИ ДАЛЕКОГО МАЯКА
Рецензия на книгу Алексея Яшина
«Страна холода»

Наши постоянные авторы, лауреаты всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

«...Связующими бесконечное время узелками в неясных пока самому ему размышлениях о единстве всего прошлого, нынешнего и неугадываемого человеком будущего для Николки казались маяки», — это цитата из новой книги Алексея Яшина «Страна холода». Перед нами классическая повесть о взрослении человека, стоять которой на полках рядом с произведениями об отрочестве Толстого, Аксакова, Короленко, Горького. Главный герой — маячный пацан Николка. Он родился в Заполярье и до двенадцати лет жил с родителями на отдаленных островах. Действие книги начинается в судьбоносный для героя момент: семья решает перебраться с острова Большой Олений в город Полярный. Николке — без месяца двенадцать лет. Но перед нами уже сложившийся, думающий человек, натура сложная, многогранная. В столь юном возрасте мальчик, выросший на островах, самостоятельно принимает жизненно важное решение: не поступать в Нахимовское училище (отправиться туда ненавязчиво предлагают ему родители). Паренек руководствуется не свойственными для его возраста «хочу — не хочу». Отнюдь! Он анализирует свой характер, копию отцовского: нетерпимость к проявлению стороннего командования, особенно такого, когда требуется «явная дурь». Да и в душе отрока уже властно заговорило истинное призвание. Николка решил посвятить себя радиodelу. Автор приоткрывает завесу в будущее, и мы видим, что мальчик не ошибся, когда по-флотски объявил родным: «Следую своим особым курсом». Возникает вопрос: как сформировался этот сильный уникальный характер? И автор делает шаг назад — возвращает нас и Николку к тому моменту, когда семья его переехала с острова Седловатый на Большой Олений.

Как прошел там первый день девятилетнего мальчика? Солнечным лучом прорезает повествование короткая фраза: «Дыханье перехватывало от счастья...» И этим сказано все. Суровая природа заполярных мест: «землей-то трудно ее назвать: гранитные, двухметровой высоты обрывы берегов», «на три стороны только камень, камень», полугодовая полярная ночь... Но цветет «неугасимое лето», что-то нашептывает блестящее синее море, «вспыхивает и стреляет» северное синие... В стране холода всегда тепло, ибо согрета она сыновней любовью людей, на ней живущих. «Тяжело заработанное тепло дома, а в мечтаньях о нем — еще теплее». Николка «с началом школьного возраста девять месяцев в году пребывал в Полярном, в интернате при школе». Он хорошо, вдумчиво учится, но его душа тянется туда, к скалистым берегам, где загораются маяки.

Просто и задушевно пишет автор о семейном укладе в доме Николки. Мы не видим здесь показной нежности, обилия каких-то особенных ласковых слов ни между самими родителями, ни между родителями и детьми. Но одной-двумя фразами автор

дает нам понять, что все здесь самой высокой пробы, и замес семейных отношений сделан не на чем ином, как на уважении, доверии и любви.

Мать с отцом — первые и главные учителя мальчика. «Учился Николка у родителей мудрости и содержанию жизни человеческой». На первый взгляд кажется, что все мысли матери только о семье: она-то немалая! Трое сыновей у них с Андреем, да еще двух привезла на Север из сгоревшей архангельской деревни — они от первого мужа, погибшего на фронте. Вскользь автор замечает, что в войну мать Николки возглавляла бригаду трактористов. Нет. Совсем не проста эта простая женщина. Метки, цветисты присказки и замечания архангельской поморки: «где — пить, где — пить»; «поле-то глазасто, а лес ушаст»; «от слова девка брусвянеет, а парень разума набирает»... Они пустили корни в душе Николки, обещая превратить ее в благоуханное словесное разнотравье. Уже в девятилетнем возрасте мальчуган к любой мудреной ситуации находит ядреную фразу, с приметочкой: «как говорит мать». Она ведет сына хорошей дорогой, и поводыр их — доброе, честное ее сердце.

Но, бесспорно, главную роль в воспитании мальчика играет отец. Это личность неординарная. Он из семьи староверов. И не оттуда ли идет упрямство его характера, принципиальность? Андреев — кадровый моряк. Участник двух войн — Финской и Отечественной, имеет награды. На флоте был он сигнальщиком. В мирной жизни Андреев — электрик. Раз пришлось ему «морзянить прожектором» о заболевшем на маяке, призывая срочную помощь. Эта работа отца видится нам символической. «Все в человеке идет от детства», — философствовал Андреев. В бурном океане жизни он зажигает для сына «маяки». В «разговорные часы» делился с мальчуганом выстраданной мудростью. Щедро рассыпаны в книге отцовские откровения (как тут ни вспомнить «Поучения Владимира Мономаха детям своим?»), так необходимые взрослеющей душе. Думается, не утратили они актуальность и для сегодняшних мальчиков, близоруко щурящихся над экранами смартфонов и ноутбуков. «...На ученье налегай, но в азарт не входи, а подкрепляй для усвоения собственным соображением», — вдумчиво произносит мужчина, чем-то напоминающий сыну Дмитрия Донского с картины «Утро на Куликовом поле». А разве утратило остроту звучания такое отцовское поучение: «Ты радио-то слушай, а все на веру не принимай. Соображение, значит, развивай»? Потому «сильно уважающий историю» Николка порой сомневался в полной правоте учительницы. Вот, например, критически слушал ее выкладки о неготовности страны к Великой Отечественной войне. «Если бы были не готовы — не выиграли бы», — размышляет Андреев, а за ним по обрывистой тропе анализа следует сын. Для него отцовский авторитет выше учительского. Еще бы! От своего домашнего героя пацан получает не только теорию, но и те познания, что приобрел Андреев под вражеским жестоким огнем. К примеру, какие сопки выбирают для зенитных батарей.

Но более всего, замечает Николка, отец воспитывал его собственным примером. Андреев ни разу не выходит из себя. В самые страшные минуты жизни (когда ищет детей в пургу, сообщает военным о торпедо, пытается разобраться в сути чужаков с ружьями, забредшими на остров) он лишь бледнеет и становится молчаливее, чем-то напоминая окружающие надежные скалы. И даже свое призвание, свое место в прославленном ракетно-пушечном НПО «Меткость», Николай Андреевич нашел именно благодаря отцу. Когда мальчуган размышлял о неодолимой властной силе, потянувшей его к радиodelу, перед его мысленным взором вставала обычная картина маячной жизни: «отец что-либо лудил паяльником»...

Медленно текут волны Баренцева моря, неторопко идет жизнь маячного мальчика. Все новые мощные прожекторы льют на его путь призывный свет. Вглядимся внимательнее в лица и других «сигнальщиков». Среди них «богатырь духа» бывший энквэдэшник дядя Лазарь. Повидал он на своем веку, что называется, «и за троих, и за того парня». Познал и почет, и суровую кару по законам военного времени за на-

рушение дисциплины из желания помочь бедствующим. Побывал Лазарь Федорович в лагерях, но не озлобился, не утратил ясного взгляда на жизнь. Не собственные душевные раны — предмет его разговоров. Лазаря Федоровича тревожит, что люди «расслабились душой». Именно после откровенной беседы с дядей увидел Николка провидческий сон, о котором утром забыл, но вспомнил его много-много лет спустя в «лихие девяностые». Навсегда ушла в глубину подводная лодка, покрылись ржавчиной торговые суда, и бывший флотский сигнальщик Андреян понял суть происходящего: «Приказано сдать эсминец на утиль. Погибаем, но не сдаемся!» Воистину маяки — «узелки», связующие прошлое, настоящее и будущее. Николка со слезами смотрел, «как медленно тонет корабль с открытыми кингстонами»...

Да и как не плакать? «Вся жизнь Николки проходила в сугубых владениях Северного флота». С малых лет понимал он, что «только сильная армия и флот позволяют стране семимильными шагами идти вперед». Третьеклассник Николка наблюдал встречу «Ермака» «с только что спущенным на воду и прибывшим в Мурманск на свою долголетнюю службу первым в мире атомным ледоколом «Ленин». В заливе круглосуточно теснятся корабли и суда. На Четвертой точке базируются атомные подлодки, только-только появившиеся в Советском Союзе и в Америке. На каждой губе — военно-морская база, «жизнь кипит не хуже, чем на Большой земле». Много чего видел величественного на островах пыльный мальчуган. Жадно слушал рассказы старожиллов о папанинцах. Навсегда породнился он с этой суровой землей, на которой вырос крепким телом и духом. И ставшие историей папанинцы, и простые труженики маяков, и матросы, осваивающие технику нового века, для Николки тоже «сигнальщики».

В детстве «хотел он связать во что-то единое прошедшее, нынешнее и неведомое будущее». Потому настойчиво ищет разгадку тайны, кто первым ступил на скалистый берег Большого Оленьего, и ответ находит в финале повести, нащупав, наконец, с помощью старой учительницы заветный «узелок». Потому и обращает жадный свой взор к неиссякаемому богатству мировой литературы. В библиотеке Николку знают как «самого постоянного и аккуратного читателя». Литературные пристрастия мальчика делают ему честь. Он читает Гюго, Диккенса, Лондона, Лескова, Лациса, популярные научные книжки и краеведческие брошюры. Даже принимается изучать латынь. Старший брат Толька рассказывает ему поэтичные истории, которые сам слышал от последнего лопарского сказителя Трофима Лоушкина. Есть что-то символическое в том, что на Полярном семья поселяется в здании бывшей райбиблиотеки.

А еще пацана на всю жизнь одаривает впечатлениями неповторимая жизнь Крайнего Севера, где на каждом шагу — уйма забав. Сызмальства он умеет стрелять, рыбачить, управлять лодкой. А походы за ягодами? А сортировка «посылок», принесенных штормовым морем?.. «Получается, не такая и бедная событиями жизнь, если человек научился отмечать обычные ее явления даже среди серых гранитных обрывов, ледяного и кипящего холодом моря, раздирающего душу крика чаек», — делает важный вывод маячный мальчик.

Закончив школу, Николай навсегда уедет из родных мест на Большую землю, в Тулу. В своей душе парень увезет огни далекого маяка. Они будут светить ему, прорезая мрак невзгод, в «торгово-воровские времена с девизом «купи — продай»... И не задуть его, не погасить ни-ког-да и ни-ко-му. Так повелось в русской литературе. Не вянет аксаковский аленький цветочек, и «никогда не потухающее солнце» Константина Воробьева освещает родные его курские просторы, и, будто свечи, горят лики предков наших в полутьме памяти... «...здесь была настоящая икона: прямо от берега их острова, что в двух десятках шагов от маяка, уходила вдаль и чуть поднималась вверх доска этой самой иконы... Дух захватило у Николки от этой, рукой Верховного мастера написанной величественной и суровой иконы». И у читателя замирает сердце при чтении «Страны холода», и долго звучат в ушах удары волн о скалистый берег, а

перед мысленным взором льется свет далекого маяка. Он не погас. И не погаснет. Такие, как Алексей Яшин, не дадут разрушить его.

Бывает, прочитаешь писания иного автора, и только головой покачаешь: «Вот строчит фальшивомонетчик!» Потому как подлинности, искренности повествования — грош цена. Иное дело книга Яшина. Здесь каждая строчка бесценна для автора и читателя. У музы Алексея Яшина «лица необщее выраженье». Это не попрыгунья-стрекоза, щебечущая для забавы публики, коих много нынче скачет на просторах новейшей литературы. Яшин приглашает читателя к серьезному разговору, затрагивает в его сердце струны Гражданина. В повести щедро рассыпаны самородки народной мудрости. И льют в душу вечный свет библейские откровения. Заставляют задуматься изречения философов и признанных мастеров слова. Но не менее интересны, ценны личные наблюдения автора, которые посылает он нам через своих героев. Вот такое, например: «Всякое знание требует путеводителя». И долго сидишь, замерев, над строками: «...в каждом из непрерывной цепи живущих воскресает память отцов, она и воспитывает этого каждого опытом жизни и устремлением к дисциплинированному знанию». И мы уже делаем шаг в сторону, из страны холода — в Соловьиный край, где проживали деды наши, которых мы не видели никогда, но короткой жизнью своей и мученической смертью оставившие нам самые важные заветы...

Ценна книга Алексея Яшина и тем, что он открывает нам красоты Заполярья, воспевает «суровую, но славную жизнь» северян. Согретая душою автора страна холода не может ни привлечь пристальный взгляд читателя. Поэты, писатели — первооткрыватели по сути своей. Ведь и Рязанщину полюбили мы благодаря Есенину, и Ясная Поляна светла для нас именем — Лев Толстой...

Несмотря на серьезность тем, поднятых в повествовании, читается оно легко, с интересом. Его отличает своеобразный юмор, умение героев пошутить и над собой, и над окружающими.

Поражает лексическое богатство повести Яшина. Автор не перегружает ее обилием северных слов. Он вводит их умело, по необходимости: стряпейка (кухарка), обрядить баню (затопить и вытопить), не ходить росомашой (нараспашку), грабилка (то, чем собирают чернику), Студеное море (Баренцево). Но метко поставленные на свои места, они врастают в плоть книги, создают тот неповторимый колорит страны холода, который нам, непосвященным, помогает совершить в нее увлекательное путешествие. Этому же служат и флотские команды.

С чужих слов так не напишешь. Понимаешь, что рассказчик в стране холода чувствует себя не гостем, а, образно говоря, как рыба в волнах Баренцева моря. И неудивительно! Из примечания следует: «настоящее повествование в части фактологии сюжета и характеристики главных персонажей в определенной степени автобиографично». Алексей Афанасьевич Яшин родился в Заполярье. Он Почетный радист России, у него много высоких званий и престижных наград. А. А. Яшин закончил Литинститут имени А. М. Горького, живет в Туле. Является главным редактором ордена Г. Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори». Издание это подлинно патриотического направления. В наши непростые времена оно, как маяк, светит для всех, кому безразлична судьба Отечества.

Главный герой повести Николка получил в школе прозвище Бдительный. Втайне мальчик гордился им: оно звучало как название эсминца. Крепкой рукой ведет корабль «Приокские зори» его капитан Бдительный. Эсmineц не налетит на скалы, не потонет в море чернухи. Ведь его путь освещают надежные далекие маяки. Теперь они горят и для всех нас.

Людмила Воробьева
(г. Минск, Белоруссия)

СЕВЕРОМОРСКИЕ ИСТОРИИ АЛЕКСЕЯ ЯШИНА, ИЛИ ПОЛЯРНАЯ КОЛЫБЕЛЬ АРКТИЧЕСКОГО ДЕТСТВА

О ПОВЕСТИ А. А. ЯШИНА «СТРАНА ХОЛОДА»
В ДВУХ КНИГАХ*

*Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша»
им. Н. С. Лескова.*

*От этих строчек никуда не деться —
Мне даже в самой дальней из сторон
Приносит их из северного детства
В любой конец планеты аквилон.*

Владимир Федоров

Вероятно, прочтя заглавие повести Алексея Яшина «Детство в Гипербореях» — первой книги его дилогии «Страна холода», — читатель будет заинтригован таинственной связью скрытых смыслов. Словно из небытия памяти всплывает миф о когда-то существовавшей на Кольском полуострове древней цивилизации гипербореев. Абсолютно логично складывается все и в описании автора: это — волшебная страна на далеком Севере, Земной рай его детства, где живут подобные гиперборейцам сильные и одаренные люди. Именно они своим героическим трудом открывают новую страницу в истории освоения Крайнего Севера и приумножают мощь и величие советской Державы.

Предваряя повесть «Детство в Гипербореях», известный критик Леонид Ханбеков в предисловии к ней точно заметит, что прочитав не одну книгу Алексея Яшина, становится ясно: мурманская тема Заполярья и Северного флота — сквозная тема в его творчестве, постоянно напоминающая о себе, о чем бы он ни писал, касаясь старины глубокой или нашей нынешней современности. Справедливости ради отмечу, что мне довелось убедиться в этом неоднократно. Алексей Афанасьевич Яшин идет своим собственным путем, подчас петлистым, не всегда простым, но так или иначе обязательно приводит нас в свою «Страну холода», на свою «малую родину», в свое детство, наполненное североморским колоритом первозданного полярного края.

Не секрет, что нет человека без родины, без страны детства, даже если оно прошло в столь необычной точке нашей Земли, у самой кромки Северного полюса, начиная свой разбег с островков Палагубного, места, где родился Алексей Яшин, затем Седловатого, где он провел младенческие годы, и ведя его дальше, на остров Большой Олений и город Полярный, — таков географический маршрут детства и отрочества на карте жизни писателя. Вот вам и «маячный пацан», познавший с детства мир маяков, полярные дни и ночи суровой морской жизни Кольского полуострова! Два

* Страна холода: Детство в Гипербореях. — Москва: «Московский Парнас», 2009. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи. — Москва: «Новые Витражи», 2021. (в электронной форме обе книги см. на сайте www.pz.tula.ru)

разных, контрастных мира предстают в реальности, что воочию отражает и физическая карта — Крайний Север и вся остальная Большая земля. Даже обладая богатой фантазией, не побывав в этой стране вечных снегов и ветров, многое не постичь. Воистину — легендарная Гиперборей!

К тому же вызывает восхищение и сама личность писателя: ученый-биофизик с мировым именем, доктор технических наук, профессор, академик, главный редактор литературно-художественного и публицистического ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори», лауреат международных и всероссийских премий, человек уникальных и разносторонних познаний, недаром его называют «тульским энциклопедистом», который никогда не перестает удивлять нас, не перестает быть оригинальным. Основательный и эпохальный жанр классического повествования — явление крайне редкое в сегодняшнем литературном мире. Алексей Афанасьевич, вне всякого сомнения, — непревзойденный мастер-профессионал современного отечественного бытописания. Каждое его произведение, будь то рассказ или повесть, при желании вполне может перерасти в хороший и основательный роман. Что примечательно: несмотря на все свои весомые регалии и звания, он закончил еще и Литературный институт имени А. М. Горького. Сама собой возникает параллель с его книгой «Житие наше оцифрованное», приуроченной к 85-летию создания Союза писателей СССР. Пожалуй, Алексей Яшин оказался единственным писателем на всем постсоветском литературном пространстве, кто так всесторонне и обстоятельно раскрыл историю этого эпохального события в своем нынче не имеющем аналогов, редком и весьма любопытнейшем издании.

Однако вернемся к нашей повести. Хочется отметить самобытную русскую традицию автора, которая прослеживается в его классическом стиле и сугубо индивидуальной манере подачи материала, манере его художественного письма, обогащенной щедрой народной речью. Русская национальная почва, составляющая основу творчества писателя, также является прочной основой бытия и для героев его произведений. Североморская биография Алексея Яшина, которая так пронзительно высветилась в его книге «Страна холода», имеет самое прямое отношение к описанным им событиям и персонажам. Нет, не океан ностальгии по давно ушедшему детству изливает он на страницах своей повести, но, прежде всего, автор обращается к исторической памяти, генетически неразрывной с памятью кровной, родовой. Заслуживает уважения и тот факт, что становление его героя показано на фоне становления и укрепления индустриальной мощи великой страны. Впечатляет и ярко выраженный краеведческий подход писателя, который обращается к истории освоения Севера первыми русскими землепроходцами, крепившими силу и величие Российской империи. Если в своих предыдущих изданиях Алексей Яшин возрождает старую добрую русскую традицию литературно-художественного лубка, то в этой дилогии он тоже по-своему неповторим и уникален: самобытность его тексту придают рисунки художника-этнографа XIX века Н. Н. Каразина, позаимствованные им из книги русского писателя Василия Немировича-Данченко «Страна холода» (1877), брата известного драматурга Владимира Немировича-Данченко. История знакомства с точно такой же книгой, оформленной иллюстрациями Каразина, случилась с автором еще в Заполярье, когда он, шестилетний малец, разглядывал картинки у соседа-маячника Матронины. Следовательно, в жизни не бывает случайного: рисунки тех мест, где прошло детство и отрочество Алексея Яшина, получили свое второе дыхание на страницах уже его собственной книги-дилогии «Страна холода». Что ни говори, а мурманское происхождение еще не раз скажется в его произведениях, не раз позовет читателя в морские северные дали, туда, где когда-то жили мужественные и открытые гипербореи.

Н. Лесков, желая выделить творческую личность на фоне обыденной, примелькавшейся повседневности, дал следующее исчерпывающее определение: «Человек с идеями, — словом, художник». Стоит отметить, что проза Алексея Яшина, которой

он постоянно стремится придать интеллектуально-художественную литературную форму, располагает к вдумчивому, умному чтению и не позволяет его книгам бесследно затеряться в современном потоке масскультуры. На примере его новой повести мы в очередной раз убеждаемся в том, что перед нами большой мастер диалогий и тетралогий, их многочисленных и взаимосвязанных между собой циклообразующих элементов, проявляющихся в развитии общего сюжета, в бесконечной трансформации единых, неизменных образов. В эпоху стремительного развития компьютерных технологий подобный жанр ходит в прошлое. Время с момента выхода первой повести «Детство в Гипербореях» (2009) и до появления второй «Под опекой Арктогеи» (2021) заняло у автора ровно 12 лет, как видим, — долгая дорога в детство длиною в жизнь. Однако пришло время сказать и о главном герое книги: Николае Андреяновиче, литературном alterego автора, его «другом я», отпуск которого, как он говорит, давно затянулся на Большой земле. Вот уже 40 лет он живет в среднерусском городе и, проработав на оборонку в НПО «Меткость» ни много ни мало, а тоже 40 лет, продолжает трудиться доцентом Тулуповского госуниверситета. Николка, достопамятный Николай Андреянович и сам автор — одно лицо. Своего рода, некое былинное триединство, хорошо знакомое нам по русским сказкам.

Неудивительно: повесть вобрала в себя реальные картинки детства, связанные с «малой родиной» писателя. Вселенная зарождается с детства, открывая каждому из нас художественное, поэтическое восприятие мира. Но самые сильные чувства, в чем откровенно признается автор, вызывает в человеке именно его «малая родина», откуда художник получает свой золотой запас и постоянно черпает вдохновение. Память с годами дает о себе знать и возвращает нас к родным берегам. Все замыкается на круги своя. С берегов Кольского полуострова, омываемого водами Баренцева и Белого морей, что за Северным полярным кругом, и начинает Алексей Яшин свое повествование, которое подобно течению природных вод идет через созерцание бытия, мира и человека, времени и национальной истории, включающей в себя целостный духовно-нравственный путь народа.

Бытует старое и проверенное мнение, что все мы родом из нашего детства. Хотя стать избранныками своего детства дано не каждому. Тут необходимо редкое умение — особый талант о нем рассказать. Но эти книги не так просто написать. Внутренний мир ребенка невероятно сложен, многообразен. Конечно же, живы образцы русской классики, где тема детства была сквозной темой всей русской литературы. Прообразом своих героев там всегда выступали сами авторы: автобиографические повести С. Аксакова, Л. Толстого, Н. Гарины-Михайловского, К. Чуковского, А. Гайдара. В данном случае предмет исследования Алексея Яшина — тоже детство — святая пора познания и открытий, а вместе с тем пора проб и ошибок, пора приобретения первого жизненного опыта. Воспоминания о детстве — ценность, которую мы носим с собой ежедневно. Ведь только в детстве человек ощущает себя настоящим творцом Вселенной! Куда же все это исчезает с годами? — кто знает.

Алексей Яшин показывает читателю типичные траектории взросления своего героя, малолетние движения его робкой и одновременно бесстрашной в своей жажде познаний души, в перспективе, возможно, повлиявшие на всю его дальнейшую жизнь. Можно прочертить следующую параллель, которая прослеживается в повести, — самоанализ как основа бытия Николки и как основа всего повествования. Мы имеем дело с достаточно глубокой философией детства, осмыслением мира и себя в нем как единой частицы целого. Автор глазами невероятно быстро взрослеющего Николки, постигающего «новостройки очередной пятилетки», пытается передать нам исторический опыт жизни народа, его трудовых буден, хочет показать достижения советской науки, являющейся ничем незаменимым созидательным ресурсом. Заполнярье в 50-60-е годы двадцатого столетия — энергичный и стремительно развивающийся край. Николка подрастает, жадно впитывает знания, и окружающая жизнь на-

бирает обороты, и многое он уже узнает из областных телевизионных новостей: «об успехах сразу двух рыболовных флотов — Тралового и Сельдяного, добыче апатитово-нефелиновых руд, производстве никеля, меди и железно-рудовых окатышей для Череповецкого металлургического завода «Северная Магнитка», о строительстве новых гидроэлектростанций, счет которых уже подходил если не к десятку, то близко, и изысканиях под будущие Кольскую атомную и первую в мире Кислогубскую приливно-отливную электростанции. Всего не счесть. Именно этим мировоззрением общего коллективного труда наполняется его детство и отрочество, которое оказало свое влияние и на судьбу уже зрелого героя, Николая Андреевича, избравшего стезю научной деятельности. Очевидно главное: важна память не только детства, а память, вбирающая в себя исторический и жизненный опыт поколений.

Необъятный остров Седловатый:

*Здесь минус полсотни неделями
Привычно и яростно жмет:
Мой рай, замеченный метелями,
В особом режиме живет.*

Владимир Федоров

Не задаться целью поведать читателю хотя бы отдельные моменты из жизни Николки на острове Седловатом,— значит равным счетом ничего не рассказать и о самой повести «Детство в Гипербореях». Жизнь шестилетнего Николки на полярном островке Седловатом, где его родители несли маячную флотскую службу, переезжая с одного маяка на другой, как ни странно, была полна чудес и всевозможных происшествий. Казалось бы, небольшой островок в Кольском заливе, а для Николки и его друзей — целый огромный мир!

Время всегда выбирает лучшее, отсеивая все несущественное и оставляя в памяти лишь самое значительное, приметное. Автор ведет свое описание, словно находясь в кругу русских художников, ни на шаг не отступая от отечественной традиции. Его также волнуют категории осмысления времени, поэтому и к Николке приходят мечты и сны, наполненные природой, удивительными вещами и предметами быта, а еще поражает детская память, цепкий, пытливый ум ребенка и совсем недетский, по-взрослому философский взгляд на окружающий мир. Алексей Яшин — мастер бытовых загадок, мудрый, отчасти ироничный. Увлекательный сюжет, никогда не скучный, сочный язык, умный юмор, анекдотические ситуации, подчас вызывающие легкое изумление,— все это, разумеется, делает его тексты невероятно привлекательными.

Наш маленький герой живет в необъятных владениях Севера: ледяные ветра, морские шторма, приливы и отливы, тюлени, касатки, киты, непроницаемые молочные туманы, северное сияние, полуголые сопки, летний двухмесячный полярный день здесь сменяется зимним, когда длится одна бесконечная ночь без заката и рассвета. Суровый и одновременно красивый край! И люди сюда ехали не только за «длинным рублем». Что-то еще держало их и не отпускало, может быть, романтика этих неизведанных мест. Особая статья — маяки Кольского побережья и маячные дома, где несут свою вахту-службу опытные мореманы, потому как и сама территория острова — военно-морская. Громадина маяка-сирены, будто магнитом, тянула к себе мальчуганов. Скучная, лишь на первый взгляд, размеренная заполярная жизнь оживлялась появлением торговых судов, рыболовецких сейнеров, крейсеров и торпедных катеров, не считая подводных лодок и военных кораблей.

«Дел-то сколько надо переделать?» — не то вопрошает, не то восклицает Николка и спешит выбраться из дома. Ох, только кружит спросонья голову «могучий дух

скороспелых шанег со свежей засахаренной морошкой», вкуснейшая яичница из порошка, да на сале, какао на сухом молоке со сгущенкой. Вот испробует он все и поскорее отправится в путь. Наш Николка «по возрасту — вождь малышни». Ясно как Божий день, никому не дожидаться его возвращения до самой полуночи! «Остров-то такой великий...» — сетует он.

Не нами сказано, что беспределен только один мир: детство. И не поверите, какое же множество необыкновенных приключений ожидает его: и бот с коровой, которую вот-вот должны доставить на остров, только бы успеть, не пропустить необычное приключение, и долгожданная баржа с пайковым продовольствием, и рыбалка, и тонкости отливки свинцовой дроби, в которые парнишку посвящает отец, и боевые каскетты, без этого в их мужской, мальчишеской, жизни никак, и новенькие книжки с картинками, что стоят и ждут своего часа на этажерке, а еще самая любимая книжка, та, что у маячника Матронины, с картинками и дивными сказками о старых тундровых оленеводах-лопарях. Где еще увидишь такое?!

Ни один русский писатель не мыслит себя вне связи с природой, не представляет себя без наблюдения за ее временами года, без сладостного хождения и странствия на природе, ведь всякая человеческая любовь, несомненно, закладывается у нас в детстве. Золотой век детства, свои полярные путешествия и у Алексея Яшина, свое состояние гармонии и единения с природой. Трехлетняя детвора могла отличить и норд-норд, и зюйд-ост, так по-флотски называют ветра. Каким образом? — известно только островным жителям. Нравственное взросление человека не может быть вне связи с природой. Тайны Меловой бухты, хранящие отпечатки диких древних обитателей Баренцева моря, неожиданно раскрываются Николке, и манят его секреты Торфяного озера, и будоражат его воображение морские ежи, звезды и крабы. Разве можно все охватить, пусть и за такой вечный, нескончаемый день, какой бывает лишь в детстве?! Вот как красочно, в лучших традициях русской классики Алексей Яшин описывает один день из жизни своего маленького героя: «Однако Николка засиделся у Гусаровых, а может просто за делами-заботами и не заметил, как день уже давно перевалил за свою середину и близится к вечеру: солнце, что летним утром, провисев короткую светлую ночь над горизонтом Баренцева моря, где-то прямо над Северным полюсом, отрывалось от водной глади и подскакивало, как виделось с Седловатого, над Кильдиным, затем до полудня, до высшей своей точки в небе, обходило остров по дуге на юг и замирало уже над невидимым отсюда Мурманском, а затем также по дуге огибало Седловатый уже с запада и снова снижалось до уровня Баренцева моря слева, за полуостровом Рыбачьим». Почувствуйте, каков стиль и каков авторский язык!

«Замечено, что впечатления, какие мы получаем в детстве, бывают всегда чрезвычайно сильны, живы и долговечны, оставляя в душе неизгладимые следы на всю последующую жизнь», — проникновенно писал Н. Добролюбов. Вещи и предметы могут порой рассказать о человеке гораздо больше, чем он сам. Николку тоже окружает мир разных любопытных вещей: уютная этажерка с книгами, зуммер телефона, необходимый маячникам, часы с двадцатичетырехчасовым корабельным циферблатом. Да и свои маленькие секреты есть у него — тайный клад, где хранит он свои невиданные богатства, массу всевозможных предметов: и патроны, и гильзы, и даже медные и серебряные монеты, уйму дорогих ему мелочей, о чем никогда и не догадаешься.

Кроме того, автор целенаправленно обращает наше внимание на философскую, интуитивную логику познания героя, на присущую ему с детства дедукцию. Николка идет собственным логическим путем и доходит до сути вещей сам, без посторонней помощи. По-флотски это звучит так: «Следую своим особым курсом». Если мать слегка тревожилась, что Николка не похож из-за своей задумчивости на других детей — «мечтательный, не от мира сего», то отец наоборот — относился с понимани-

ем: «Это хорошо, хотя другие будут замечать: «тугодум, мол, парень. На самом же деле значит — до всего сам с малых лет доискивается. Значит, толк из него выйдет!». И вовсе не забавы ради сидит Николка до полуночи на мысу между бухтами и непрерывно смотрит на прибывающую воду — размышляет, ведь сколько всего, пока еще ему непонятного, происходит в человеческой жизни. Как похожа она на эти нескончаемые приливы и отливы! Каким-то удивительным образом писатель соединяет в своей повести хроникально-бытовое время с условным. Мотив сна переплетается с реальностью, и сновидения неотступно следуют за нашим героем. А здесь на Севере — они особенные. Поди отличи, например, ночной сон от дневной яви, когда за окном утро без рассвета. Сон — небывалое сочетание бывалых впечатлений. Радостен, сладок для наивного пятилетнего человечка его занимательный сон-утеха! Кажется, не заканчиваются мальчишеские сны, но они помогают и нечто такое отгадать, может, то, что происходит в действительности, ибо чистая детская душа живет в большей степени иррациональным в отличие от души взрослой.

В русле нашей темы детства в дилогии Алексея Яшина «Страна холода» параллельно рассматривается и тема семьи. Во многих произведениях русской литературы XIX века затрагивалась эта тема, и везде семья представлялась в различных обликах, являя нам свой тип и свою традицию. Алексей Яшин как писатель глубокой социально-отечественной культурной памяти немало внимания во всех своих книгах уделяет семье, ее решающей и немаловажной роли в становлении человека. Отцовская и материнская линии крепко переплелись в его судьбе: с одной стороны — отец, который был родом из калужских крестьян, выходец из калужских старообрядцев-половцев, моряк-североморец, с другой — архангельская мать с примесью шотландских кровей. Мать родилась в большом монастырском селе Великий Халуй Архангельской губернии — Северный край между Онегой и Северной Двиной. Эти места и связанные с ними революционные события он подробно опишет в своей повести «Коммуна комиссара Гоши». Говоря о матери, автор непременно упоминает ее архангельский неповторимый говор, обладающий своим особым, непередаваемым наречием.

«Так Толька-то с середины ночи ушел на Меловую бухту к утреннему отливу с острой камбалу ловить. Вчерась-то много я теста сготовила, вот и шаньги испекла, и еще осталось, а отец велел к вечеру, как с маяка придет, рыбак с камбалой запечь. Вот Толька и отправился; должен уже скоро и заявиться», — невозможно удержаться, дабы не привести хотя бы небольшую выдержку из повести, в которой писатель передает образный разговор матери, согревающей их дом своим теплом, своей заботой, любовью, лаской к детям и налаживающей уютный быт в тех северных, подчас напряженных, жестких условиях. Мы по крупице впитываем самобытный литературный язык писателя, при этом испытывая истинное наслаждение от его тонкого знания великорусского слова, обладающего неповторимым речевым своеобразием. Истоки этого языкового богатства Алексей Яшин черпает в творчестве любимых русских художников слова: Лескова, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Писемского, Гончарова, Гоголя, Герцена, Толстого, и, конечно же, Достоевского. Вообще, если говорить откровенно, что видно даже невооруженным глазом, — сами названия глав у автора неординарны и харизматичны. Он часто прибегает к пословицам, поговоркам, сказкам, прибауткам, крылатым литературным выражениям, афоризмам русских писателей, оригинально вписывая их в контекст нашей современности. Алексей Яшин наделяет своих персонажей красочным народным языком, природным юмором, которым свойственны и языковые курьезы, и остроумные характерные выражения. Примеры? Сколько душе угодно! Так, его глава «Старшие братья: одна мать и два отца» — это вовсе не сказочное, мифическое заглавие, а самая что ни на есть сушая правда, живая и доподлинная история его семьи, в которой было пять братьев. Его отец прошел две войны: Финскую и Отечественную. С детства Николка усвоил один характерный для всех фронтовиков момент — то военное поколение никогда не лю-

било рассказывать о войне. Так или иначе, а Николке приходится в чем-то постигать и хитрованство, и, если порой ему не удастся разрешить «чужую доuku — злую муку», он хитроумно откладывает ее до лучших времен, когда подрастет. Пусть пока неведом ему Екклезиаст, сказавший о том, что всему есть свое время, но мальчуган рано или поздно до всего дойдет собственным умом.

Поистине знаменательным событием для Николки и для всей большой семьи была поездка в отпуск — «поездка за три моря», как любил называть ее отец, на манер путешествия купца Афанасия Никитина. Он много и страстно читал, причем не раз удивлял Николку, наряду со своими литературными, еще и философскими познаниями. Их отпуск проходил на Большой земле, в калужской деревне отца Дворцы, куда глава семьи приезжал настоящим щеголем, предпочитая блеснуть добротной, красивой одеждой. Баренцево море с его холодными штормами сменялось для мальчишки живописной и по-летнему ласковой рекой Угра.

Отчетливо звучит у Алексея Яшина и эмоционально сильный мотив свободы детства, разумной самостоятельности героя в своих поступках, в своих первых жизненных решениях. Будет прав отец, придерживающийся собственного мнения, коим охотно поделился и с сыном, когда высказывал ему мысль о непреложной пользе детства в суровых условиях, вырабатывающих в человеке стержень характера: «Где родился, там и пригодился». Осталась в цепкой детской памяти эта мудрая народная пословица, не теряющая своей актуальности. Спустя много лет в своей повести «Детство в Гипербореях» он так и назовет ее завершающую главу. Интересная жизнь, наполненная смыслами созидания, окрыленная большими человеческими устремлениями и целями, запечатлелась в его памяти навсегда: Седловатый, Полярный, Североморск — вечные маяки надежды и света.

Но можно ли вернуться в свое детство? Автор на сей счет не питает особых иллюзий. Вы заинтригованы? Тогда вновь начнем издалека, вспомнив и о Богине Северного полюса — Арктогее.

Остров Большой Олений:

*Если надо, сочиню я лето,
Нарифмую золота и сини...
А пока под парусом рассвета
Пусть звенит студеная Россия.*

Владимир Федоров

В продолжение повести «Детство в Гипербореях» написана Алексеем Яшиным и его повесть «Под опекой Арктогеи» — вторая книга «Страна холода(2)». После «беспамятных лет младенчества» для Николки наступили иные времена — события на «чужбине»: школа в Полярном, колыбели Северного флота, учеба-воспитание в полярнинском интернате. В жизни героя начинается период, знаменующий его отроческое взросление на острове Большой Олений. Как говорится, «лиха беда, начало...».

1958 год — Новый год и новая жизнь для всей семьи: новогодняя елка из Мурманска, сполохи северного сияния и «звон хрустальных колокольчиков». Северная Богиня Арктогея — Богиня рассвета — среди первозданной красоты Заполярья придаст их бытию более светлые краски, более острые впечатления. Центральная идея повести — становление человека — живые доказательства строительства эпохи, зарождения новых городов, электростанций, заводов, комбинатов. Энергичный труд человеческого созидания — как метафора старины и нови — приветственные гудки трудяги «Ермака» и первого в мире атомного ледокола «Ленин». «Главное — рос Николка в то прекрасное время, когда холод физический, атмосферный многократно

перевешивался теплом добрых, хотя внешне и грубоватых, людей советской, русской Гипербореи», — вдохновенно напишет автор.

Выразительно, до боли сокровенно передано в книге чувство Родины, большой и малой. А может ли она быть малой?! «Море, неугасаемое лето, сопки и извивающиеся вокруг них вытянутые узкие заливчики и проливы. Как передать словами заложенное веками и возрождающееся в каждом детстве поколения чувство неотделимости от твоего мира, твоего моря и проливов среди брусничных сопки? — Это развернутое время втянуло в воспоминания уже Николая Андреяновича... Славянская равнинная кровь отца разбавлена материной — поморской, новгородского смешения прибрежных племен: от угорцев до варяжского племени русь. Темна история каждого рода. Не потому ли детские впечатления есть осязания этой земли, скал и моря, накопленные сотнями раставших без следа и памяти поколений...» Разве может память народная, уходящая своими корнями в память каждого рода, раствориться во времени, исчезнуть в крови человека? Да, «учился Николка у родителей мудрости и содержанию жизни человеческой», — знает на собственном опыте автор. «В каждом из непрерывной цепи живущих воскресает “память отцов”», — писал основоположник течения русского космизма Н. Федоров. Она и воспитывает каждого из нас опытом жизни и опытом приобретенных знаний.

Во всем у Алексея Яшина ощущается эпохальный размах повествования, историческая ретроспектива, прочитывается серьезное понимание наследия поколения XX века, видится глубокая философская подсветка. «Детский ум ребенка убежден в бессмертии носящего его тела», — заметит он, тем самым придавая большое значение этому первоначальному периоду в судьбе своего героя. «Маячный пацан» Николка, вся жизнь которого проходила в сугубо владениях Северного флота, по воинской дисциплине, впитал и дисциплину внутреннюю, строгую дисциплину усвоения новых знаний. Полярный житель острова жил по своим четко установленным правилам: постоянный и аккуратный читатель библиотеки, причем, брал он и научно-популярные, и историко-краеведческие книги, в частности, по истории Кольского края, обязательно по радиodelу, заядлый коллекционер-нумизмат, знающий буквально все денежные единицы. Что тут скажешь?! Поэтому не особо его удивляет поездка в Крым, в пионерлагерь, и даже Черное море не кажется таким заманчивым! Тянет домой, к северным берегам. Свое кровное ближе, дороже. Да и каникулы у любознательного школьника «на новом месте идут «неторопко», по-русски, как в старину. Не будет впоследствии и уже наш взрослый герой Николай Андреянович рваться ни на какие заморские курорты, а свой отпуск, не уподобляясь модным веяниям, предпочтет проводить дома, тихо и буднично, за приятным чтением хороших книг. Характер, заложенный в детстве, — налицо!

Человек проявляется в мелочах, из них складывается жизнь, и зоркий, проницательный взгляд автора многое подмечает. Внешнее спокойствие и внутренняя собранность давали повзрослевшему Николке определенную свободу действий, необходимую для принятия судьбоносных решений самостоятельно. «Несостоявшийся нахимовец» объяснял свой выбор сообразно новому времени — появлению физиков и лириков — его целиком и полностью захватило радиodelо. Вот так у самой кромки Арктики, у самого Баренцева моря рождался будущий известный ученый и писатель.

«Почему с детства тянет человека даль, ширь, глубина, высота, неизвестное, опасное, то, где можно размахнуться жизнью, даже потерять ее за что-нибудь или за кого-нибудь? Разве это было бы возможно, будь нашей долей только то, что есть, «что Бог дал», — только земля, только одна эта жизнь? Бог, очевидно, дал нам намного больше», — писал И. Бунин в своей лирико-автобиографической книге в пяти частях «Жизнь Арсеньева». «Вернись хоть на миг воспоминание детства: море, качающийся на волне катер и незакатное в полуночи июльское солнце, а вдали, у самого горизонта — скользящий по тихой глади купола мира серый корабль!» — словно

вторя первому русскому нобелевскому лауреату и последнему гениальному певцу той уходящей России, с проникновенным лиризмом художника-живописца напишет свое пронзительное слово о детстве и Алексей Яшин.

Карта памяти его жизни и судьбы навсегда прочертила линию: Заполярье — Северный флот — Мурманск.

Вместо эпилога, или nota bene самого автора

Оглядываясь назад, бытописатель Алексей Яшин ставит перед собой актуальную цель: показать историческую память правдивой, соотнести ее с координатами современных реалий и вызвать у читателя явный интерес к нашему общему прошлому. Дабы подвести сюжет всей дилогии «Страна холода» к его конечному обобщению, заглянем и в авторский эпилог, коим и заканчивается вторая книга, — «Любопытствующим о будущем...» По ходу повествования он обращается к ранее написанному и отнюдь не случайно вновь говорит о глобальном расчеловечивании. Вырисовывается яркий контраст, два абсолютно противоположных мира: детство Николки, наполненное творчеством, и нынешнее время повальной компьютеризации и всевозможных гаджетов, буквально в ранних лет губительно действующее на детскую психологию ребенка. Невероятно сложно ныне прокладывать личную дорогу в большой мир, ставший человеку недружелюбным, полнотой технологизированным.

Отойдя от книжных событий повести, Алексей Яшин ищет ответы на вопросы в произведениях известных философов, выдающихся деятелей литературы и искусства. Писатель, публицист и логик А. Зиновьев в своем философско-социальном романе «Человеиник» определяет нынешнюю эпоху как глобальный «человеиник», создающий людей-роботов. Появляется существо, предсказанное в романах-антиутопиях XX века, которое в христианских категориях называют «человеком последних времен». Кибернетическая образность и связь нашего мира с миром будущего — это уже не фантастика. Глобальная цифровизация и глобальные категории расчеловечивания человека — визитная карточка нового века. Подобное мы с вами как раз и наблюдаем сегодня. Великий провидец Ф. М. Достоевский предостерегал человечество об опасности замены знания и чувств информацией, бездуховностью, безнравственностью. В третьем тысячелетии на чашу весов также поставлены разум — Анти-разум. Алексей Яшин говорит об этом в своей книге «Женщина в человеинике», когда дает характеристику нашему времени, теряющему семейные ценности, в книге «Болдинское межсезонье», когда создает образы современной «молодой поросли», поглощенной механистическим стилем жизни, в книге «Житие наше оцифрованное», когда сокрушается о том, что человеческая душа заменяется схоластической цифрой и программой, неспособной сохранить творческую индивидуальность, забывающей и не чувствующей живое, родное слово. Привычный добрый мир рухнул, человек растерян и подавлен, не зная, как ему выживать в условиях крайне измененного современного мышления. Уход от традиционной духовности и творческой художественности, о которых Алексей Яшин так вдохновенно рассказал в своей новой дилогии, привел нас и к утрате массового читателя. Человеку с компьютерным мышлением необходима лишь информация, а не сама книга, открывающая тайны и загадки его внутреннего мира, вдохновляющая его мыслить творчески и помогающая ему выбирать верный путь в жизни. Программа искусственного интеллекта стирает память и саму личность. Мы видим, как все искусственное приходит на смену некогда естественному ходу вещей.

Философия Вселенной такова, что она соединяет в себе интеллектуальный Космос, Землю, Природу. Человек несет в себе микрокосм, целый великий мир, в котором отражается и макрокосм человечества, где очень важна коллективная память системы микромира, каждой его частицы в отдельности, особенно память генетическая, сохраняющая нас духовно. Компьютер, голая цифра это уничтожают. Опера-

тивная память не может заменить памяти исторической, уходящей своими корнями в память человеческого рода. Мир состоит из разных контрастных систем, предусматривающих единую форму бытия целостности всего, в чем, по убеждению Н. Бердяева, состоит «смысл истории». Энергия космоса сулит миру живые связи ноосферы как новый выбор человечества, подключающий вселенский масштаб Духа, нравственного Разума. Но сможем ли мы совершить этот грандиозный прорыв в будущее, ибо нарушена и катастрофически уничтожается биосфера Земли, а вместе с нею нарушается и гибнет экология человеческой души?

Великий Инквизитор, или современный Молох глобализации, пророчески предсказанный Ф. Достоевским, должен быть побежден планетарной Всечеловечностью — альтернативой Абсолютному Злу бездуховности, — гениально им же и предлагаемой миру. Человек должен сохранить в себе человека творческого. Именно об этом на страницах своей книги «Страна холода» напоминает нам и одновременно предостерегает нас об опасности потери главного — самих себя — Алексей Яшин. Без сомнения, его книга — как яркое свидетельство нашей созидательной эпохи — состоялась. Каким-то непостижимым образом в ней соединилось все воедино: детство, Северное Заполярье, память поколений, история страны, наше настоящее и наше общее будущее!

Вадимир Трусов
(г. Мончегорск)

ЗАПОЛЯРЬЕ КАК ТОЧКА ОТСЧЕТА
(о повести А.А. Яшина
«Страна холода — под опекой Арктогеи»)

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Алексей Афанасьевич Яшин, обладатель множества научных и литературных званий и живущий в г. Туле, родился и вырос у нас в Кольском крае, где воевал, а позже служил на маяках Кольского залива его отец, от коего не отставала, естественно, и мама будущего ученого и писателя. В общем, расстался с Севером А.А. Яшин в семнадцать лет, но по сей день сохранил самые теплые впечатления и чувства о «малой родине». Именно тем далеким, нелегким, но и по-своему прекрасным годам и посвящена повесть писателя «Страна холода — под опекой Арктогеи».

Родители автора, как я уже упоминал, много лет отдали службе в СНИС Гидрографического управления КСФ, и жили, вместе с детьми, на островах Седловатый и Большой Олений, в Палагубе и только уже потом перебрались с г. Полярный, в то время главную базу флота. Излишне напоминать о суровых условиях пребывания на заполярных островах, находясь довольно долгое время в практически полной изоляции от Большой земли! Сие и взрослым нелегко, нужен, наверное, для этого особый склад характера и души; а детям и подавно тяжело. И тем не менее дети жили там, учились и помогали родителям, и, естественно, постоянно контактировали с местной природой, суровой и прекрасной, как и положено истинным и полноправным «островным аборигенам».

Вообще говоря, проза, созданная А. А. Яшиным (к слову — дважды доктором наук и членом СПР, основателем и главным редактором литературно-художественного журнала «Приокские зори»), весьма обширна. Значительную ее часть объединяет общее название «Рассказы Николая Андреяновича», меняется лишь порядковый номер книг. Вот и представленная повесть имеет в подзаголовке уточнение «Одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича». Кто он такой, спросите, сей рассказчик. А это главный герой цикла автобиографических повестей и романов Яшина, являющийся полным альтер-эго автора. Есть он и в «Стране холода...». Только здесь он не солидный доцент, писатель и прочая, а шестиклассник Николка, живущий на одном из островов Кольского залива.

Кстати, десять лет назад увидела свет первая «Страна холода (Детство в Гипербореях)», где описано самое раннее его детство, начало жизни на островах и первое освоение окружающего мира. То есть, по сути, мы имеем полное описание детства и отрочества Николая Андреяновича, изложенное автором в присущей ему манере: свободное построение правильных синтаксических конструкций, не утомляющих читателя, соблюдение хронологии изложения описываемых событий, с некоторыми отклонениями и отвлечениями на «вставки» в тексте; несомненно интересное описание службы, взаимоотношений и быта «маячников» начала пятидесятых годов XX в.

Плюс к тому всегда присутствующая в прозе Яшина ирония, а равно и авторская самоирония.

Повторяю, перед нами произведение не только «правильно написанное», но и очень интересная и полезная повесть для широкого круга читателей самого разного возраста. Автор отнюдь не пытается завоевать внимание читателя «поддельной пошлятиной», коллоквиальным сленгом, солененькими сценами из жизни «маячников». А вот настоящие как комические, так и драматические, жизненные коллизии, истинно морские «байки», подлинные эпизоды в повести есть во вполне достаточном количестве.

Но это все «техника», конечно же, предельно необходимая, но совершенно не достаточная для создания зрелого произведения. Главное же, на мой взгляд, состоит вот в чем: в книге показана повседневная жизнь обычных тружеников Заполярья, четко вписанная в повседневную жизнь великой страны, и две эти «жизни», малая и всеобщая, вполне гармонично соотносятся, даже при учете всех «загибов-перегибов» и тому подобных явлений, порой совершенно не бесследных для жителей СССР. Повесть — это честный и грамотно написанный фрагмент огромного полотна, где все свершения более чем шестидесятилетней давности переданы через призму отношения к ним простых людей, через поступки этих людей, на которые сии «свершения» могут повлиять, либо уже повлияли.

Фраза о том, что «без прошлого нет будущего» у нас уже повторена тысячекратно; так вот пример именно той ценнейшей информации, коей вообще мало кто ныне владеет. А скоро и вообще владеть не будет никто. Вот и рекомендуйте книгу к детскому и юношескому чтению. Да что дети — для меня, коренного северянина, прожившего в Заполярье практически полвека, повесть явилась в некотором роде открытием, ибо с этой частью жизни я, по воле судеб, вообще никогда не сталкивался. Есть такая фраза в одной из песен известного «рокера», мол, чтобы стоять, я должен держаться корней... Ну так давайте не забывать свои корни, и повесть «Страна холода — под опекой Арктогеи».

Я намеренно не стал пересказывать эпизоды книги, описывать кратко содержание, поскольку рецензия или отзыв — это не синопсис. Сколько бы аз не талдычил фрагментарно, все одно, мои усилия в данном направлении не возымеют должного действия. Но вот если кому-то не безынтересно, как ловят подростки на яликах треску «накидкой», как переходят через «перейму», как «выбрали» место для пионерлагеря КСФ, на каких островах стояли маяки службы СНИС и что это за служба» и многое, многое другое, тогда исполать вам, книга вызовет несомненный интерес и принесет реальную пользу. А чтение нисколько не утомит даже самого капризного из нас.

А название «Арктогея» пусть никого не пугает. В избирательном толковании это и богиня севера и, одновременно, некоторая область северных, заполярных земель. В том числе и наше Кольское заполярье. И те, о ком написана повесть, в некотором роде, это наши, заполярные, «труженики моря».

Игорь Карлов
(г. Москва)

ТЕПЛЫЕ СЛОВА О «СТРАНЕ ХОЛОДА»

Наш постоянный автор, лауреат всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова.

Новый том на моей книжной полке: Алексей Яшин, «Страна холода (2): Под опекой Арктогеи». Известный российский прозаик и публицист, выпускник Литературного института им. Горького, член Союза писателей России, автор десятков книг, лауреат полутора десятков литературных премий в странах Союзного государства и многочисленных медалей, главный редактор всероссийского журнала «Приокские зори», сотрудник редакционных коллегий ряда столичных и провинциальных изданий в России и Белоруссии, биофизик, Заслуженный деятель науки РФ, дважды доктор наук, дважды профессор, академик, Алексей Афанасьевич Яшин продолжает серию рассказов своего излюбленного героя — Николая Андреевича. На сей раз писатель, сам уроженец и горячий патриот Заполярья, с которым не порывал связи, куда бы ни заносила его судьба, возвращается к повествованию о детстве Николки, сына смотрителя маяка, обитающего вместе с семьей на одном из островов Баренцева моря, к повествованию, начатому книгой «Страна Холода (детство в Гипербореях)».

Творчество А. А. Яшина, во многих отношениях яркое и самобытное, интересно еще и как пример жанровых поисков в современной русской прозе. Сегодня обокраденные пронирыливыми извращениями от шоу-бизнеса поборники русского искусства затравленно вздрагивают при словах «художественный поиск», поскольку «арт-рынок» построен на спекуляции самыми мерзотными пакостями, которые дешевы в производстве и продаются куда как легче, чем рожденные из «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» произведения. Отступая от темы, давайте уж здесь честно скажем, что именно «арт-рынок» и убивает искусство, ибо подлинные шедевры при их гениальной окказиональности рынку невыгодны, а вот вонючие поделки как раз штампуются с периодичностью функционирования испорченного желудка и могут стать основой иного «бизнес-плана».

А вот разбирая «Страну холода», есть смысл поговорить о том, что такое настоящий поиск в искусстве. Подлинный творческий поиск немыслим без базы, без учета, уже созданного предшественниками, то есть без традиции. В том-то и смысл новаторства: добавить нечто ценное к уже имеющемуся в копилке человечества. Так обстоит дело не только в искусстве, но и в науке, в медицине — в любой сфере деятельности. Не учившийся лекарь суть шарлатан и вредитель. Следовательно, не прошедший длительной и суровой подготовки художник не может быть назван новатором от живописи и даже признан порядочным маляром. Подходящие для него названия — только пачкун и мазилка. Новаторство вовсе не в отказе от традиций, ведь культура (даже сельскохозяйственная) — это всегда труд, возделывание дикой природы, ее оплодотворение разумом и духовностью, а без такого возделывания невоз-

можно не только искусство, но — шире говоря — культура и цивилизация как таковая. Осознанное насаждение дикости в искусстве неминуемо приведет к одичанию человечества, к такому его состоянию, когда род людской откатится к собирательству и меновой торговле. Тогда никакого рынка уже не нужно будет.

Так дельцы от псевдоискусства в погоне за легкой наживой готовят свою гибель. Что ж, туда им и дорога. Однако, погибая, они утащат за собой в небытие не только ту пошлость, которую безосновательно именуют «современным искусством», но и подлинное искусство, и цивилизацию.

А в подлинном искусстве, разумеется, тоже идет поиск, ведь отразить внутренний мир современного человека истинному мастеру необходимо адекватными эпохе средствами. Следовательно, разговор о настоящих творческих поисках необходим, как бы ни мешали ему самозванные «деятели культуры», шулерски жонглирующие украденными у добропорядочных творцов терминами, и новая книга Алексея Яшина, как сказано выше,— благодатный материал для подобной дискуссии.

В чем же своеобразие жанровых поисков автора, и как проявляется преемственность в его тексте? Каков творческий метод А. Яшина? К какому литературному направлению отнести его книги? Считать ли его очередное произведение «взрослой» или «детской» литературой?

Прежде всего, следует отметить, что не любая книга, в которой главным героем выступает ребенок, относится к детской литературе. «Детская литература», на мой взгляд, вообще понятие отвлеченное, пригодное для названия издательства, но не для критического анализа. Разумеется, есть книги, написанные специально для маленького читателя, но это изобретение инфантильной новейшей истории. Большая часть произведений, относимых ныне к детскому чтению, «зажигают не по-детски». Русские сказки или греческие мифы в их неадаптированных формах могли бы, скорее, сломать неустойчивую психику. Роман «Хижина дяди Тома», по известной оценке Линкольна, развязавший гражданскую войну в США, тоже легкой вещичкой не назовешь. «Аленький цветочек» поднимает серьезные взрослые проблемы. Публиковавшиеся в журналах для детей стихи Хармса чаще всего цитируются людьми с пробивающейся сединой. Вот и Яшинское повествование о Николке с острова Большой Олений адресовано опытному и мыслящему читателю. Однако постановка в центр художественного исследования психологии формирующегося человека само по себе показательно с точки зрения жанра.

И тут в первую очередь вспоминается жанр романа воспитания. А. Яшину и как писателю, и как ученому, разумеется, близки многие идеи эпохи Просвещения, а потому и его герой Николка наделен чертами героев Гете, Вольтера, Руссо. Яшин — современный писатель, которому очевидны заблуждения XVIII века. Яшин — русский писатель, посему к европейской светскости относится со здоровой иронией. Яшин — писатель-реалист, следовательно далек от любых «штилей» и канонов классицизма. А все-таки в глубине души Яшин согласен с Руссо в том, что «естественный», близкий к природе, к первобытному состоянию, человек жизнеспособнее и нравственнее, чем выходец из высшего общества. С ним, с «естественным человеком», связаны надежды Алексея Яшина, от рождения присущая «*homme nature*» витальная сила вызывает исторический оптимизм автора, хотя и сдержанный, но явно ощутимый в каждой книге.

Важной, может быть, важнейшей особенностью жанра воспитательного романа является социальный аспект. Конечно, А. Яшину безразлично, что за люди окружают его Николку, в какой степени и какими способами влияют на формирование личности мальчика. Однако в данном аспекте историческая преемственность у Яшина проявляется, можно сказать, от обратного, через переосмысление творческих наработок писателей-предшественников. Такой подход представляется вполне закономерным, поскольку о Николке с Мурмана заботятся люди, резко отличающиеся от

тех, с кем судьба сводила, например, его сверстника Дэвида Копперфильда из Лондона. И хотя родители обоих подростков довольно скупы в проявлении чувств, однако в советском Приполярье это проявление искони присущей русскому северу сдержанности, а в Британии середины позапрошлого века — пуританской ментальности. Оба мальчика учатся в интернате, однако для Николки учеба — дорога во взрослую жизнь, дорога, на которой его сопровождают равнодушные учителя и добрые приятели, а для героя Диккенса пребывание в воспитательном доме — настоящее мучение. Николка растет в гармонии с природой, Копперфильд — под кирпичными сводами капиталистического города. Главное же отличие: в Николке взрослые видят складывающуюся личность, будущего гражданина, которому предстоит нелегкая, но яркая жизнь, а в Дэвиде — средство обогащения, раба, с детства запроданного семейством в один из торговых домов.

Обобщая все образы, созданные в «Стране холода», следует, не мудрствуя лукаво, сказать, что персонажи книги Яшина — добрые. Не сладенько-добренькие (в духе открыточных рождественских историй, характерных для того же Диккенса), а по-настоящему добрые, сформированные суровой природой Севера, жесткой эпохой послевоенного восстановления страны, трудными условиями островной жизни, но не озлобившиеся, крепко помнящие, что такое хорошо, и что такое плохо, понимающие, что жизнь имеет смысл, выходящий за пределы исключительно материального измерения и одинокой человеческой единицы.

Безусловно, в становлении именно таких характеров решающее значение приобретает воссозданный автором в произведении исторический момент. Если образы романа Диккенса отражают присущие периоду первоначального накопления капитала аморализм, алчность, бездушие, то герои Яшина бытуют в Советской стране второй половины XX века, и для них социально (здесь чрезвычайно важно подчеркнуть: не идеологически, а именно социально) детерминированный гуманизм эпохи становится сутью мировоззрения. Пусть в чем-то наивны, но милы люди, окружающие Николку и на Большом Оленьем острове, и на других островах, и в городе Полярном, и на родине отца в деревне Дворцы. Все эти североморцы и калужане, подводники и учителя, сельские жители и горожане — как они симпатичны и непосредственны! А. Яшин, оставаясь верным принципам реализма в литературе, далек от того, чтобы живописать нам исключительно положительные образы. Конечно, нет! Иначе они вышли бы ходульными и нежизненными. Подчас кто-то из героев книги хитрит, кто-то в погоне за лучшей жизнью выискивает способы заработка полегче, кто-то, не славив с искусством игры на мандолине, в сердцах расшибает неподатливый инструмент о стену сарая, мальчишки покурявают тайком от родителей, взрослые матерят Хрущева за допущенные ошибки, иногда тянутся к бутылке... Слабости северян нам понятны, мы прощаем их недостатки по отмеченной выше причине — это люди добрые.

Свет их доброты для Николки подобен свету маяка, за которым смотрит отец: этот свет в будущем не раз выручит, покажет нужное направление, внушит надежду. И сам маяк, следовательно, приобретает черты образа-символа. Да, свет отчего дома, свет доброты согревает и поддерживает главного героя «Страны холода», приучает к жизни непростой, небогатой, но наполненной теплом родства, свойства, землячества, вековой правдой семейного уклада, уважением к труду, к службе Отечеству, осознанием гармонии человека и природы. И мы, заглянув в послесловие книги, убеждаемся: приарктическая Гиперборея в итоге научила Николку быть счастливым.

Следует отметить, что роман воспитания после Второй мировой войны получил дополнительный импульс к развитию, психологически достоверно отразив взросление подростка в мире, обожженном глобальным пожаром. Огромную популярность получило, в частности, произведение Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Переклички с этим романом тоже слышны в повести «Страна холода» (2), и они тоже переосмыслены автором по принципу «от обратного». Герои обоих произведений не

приемлют фарисейства, не признают «липы» в любых ее проявлениях. Но на поверку выясняется, что если американское общество насквозь пропитано лицемерием, то в советском неискренность мира взрослых проявляется в довольно узком сегменте идеологии, отливаясь, скажем, в нескладные лозунги, прославляющих царицу полей кукурузу. Однако идеология и реальная жизнь в книге А. Яшина практически не пересекаются. Приняв как данность сформулированные властью идейные принципы, люди живут прежде всего не политическими, а государственными, народными и, разумеется, личными насущными интересами, именно их ставят во главу угла как собственного бытования, так и бытования своих детей.

Потерянно слоняющийся по Нью-Йорку Холден Колфилд не уважает и боится родителей, с подозрением относится к учителям, раздражается при общении со сверстниками. Американский юноша представляет собой ярко выраженный психотип одиночки, и вопрос о его социализации относится к разряду мечтаний (хотя и в мечтах своих Холден остается одиноким: он предпочел бы оказаться единственным взрослым на планете детей). Принципиально иная ситуация у Николки из книги А. Яшина. Семейный лад, коллективистские принципы школьного обучения и воспитания, самоотверженное мальчишеское братство создают личность, активно взаимодействующую с другими членами общества, готовую к проявлению лучших своих качеств, к творческому поиску, и в этом отношении гораздо более свободную.

Инфантильному герою Сэлинджера потребовалось пережить череду разочарований и совершить несколько горестных открытий, касающихся собственного внутреннего мира и внутреннего мира окружающих, чтобы понять святость миссии старшего брата, чтобы увидеть призвание в удержании тысяч малышей, оставшихся без присмотра взрослых, от падения в пропасть. Николка с Большого Оленьего (хотя он и младше Холдена) уже готов заботиться о братьях, об одноклассниках, о доме, о домашних питомцах, об острове, на котором живет; и нет сомнений в том, что в будущем он способен осознанно взять на себя заботу о стране, о народе. С такими парнями, как Николка, хорошо учиться в одной студенческой группе, служить в одном армейском подразделении, работать в одном КБ. Таких приглашают свидетелями на свадьбу, зовут в крестные. На таких держится Россия.

Для понимания своеобразия жанра повести «Страна холода», безусловно, следует принять во внимание локализацию действия произведения. Главный герой, как уже неоднократно отмечалось, живет на острове, и это чрезвычайно показательно. И хотя Николка не раз посылается автором то в город Полярный, то «на большую землю» — в Калужскую область, все же он по рождению и мировосприятию островитянин. Так дорог автору герой, что хочется его на какое-то время защитить от возможных дурных влияний, от предстоящих тягот повседневной жизни, растянуть его пребывание в островном заповеднике, поместить в устойчивую и благоприятную систему координат, чтобы как можно дольше любоваться нетронутым северным цветком, пусть и неярким, зато спокойно-красивым.

И вновь приходят на память традиции тех книг, в которых островная жизнь становится способом выражения позиции писателя. В этой череде и «Утопия» Томаса Мора (здесь само заглавие стало обозначением жанра), и аллегорический роман Таллемана «Езда в остров любви», и «Робинзон Крузо» Дефо (роман просветительский), и сатирико-фантастические «Путешествия Гулливера», описанные Свифтом, и сентиментальный роман Карамзина «Остров Борнгольм», и «Остров сокровищ» Стивенсона (тоже роман воспитательный в той же мере, в какой приключенческий), и мрачная социальная фантазия Голдинга «Повелитель мух», и «Обитаемый остров» Стругацких (фантастическая антиутопия по жанру).

Каждый раз, когда в литературном произведении мы сталкиваемся с островным пространством, мы сталкиваемся с пространством не географическим, а культурным, обособленным в национальном либо историческом плане от иных (предшествовав-

ших или же смежных) культурных явлений. Помещенные на острова герои литературных произведений представляют собой поведенческие модели, которые авторы выносят на суд читателя в качестве то образца, а то предостережения. Поэтому и «Страну холода» с полным правом мы можем считать стоящей в данном ряду попыткой индивидуальной, социальной и национальной самоидентификации. Отображая жизнь на Большом Оленьем, на других островах Кольского залива, автор производит над собой и своим героем художественный эксперимент и тем самым провоцирует читателей на подобное же самоопределение. В ментальном смысле для каждого из нас есть возможность либо принять сконструированный А. Яшиным мир и остаться на острове вместе с Николкой, либо решительно направиться к другим берегам. Третьего не дано.

А теперь о теплых словах, т.е. о языке писателя Яшина (который важен и интересен ровно в той же степени, в какой значимы его жанровые поиски). Слова в «Стране холода» в самом деле теплы, поскольку передают сердечное отношение автора к своим персонажам и читателям. Текст «Страны холода» — одна из редких в нашей литературе попыток противостоять раковой опухоли, поразившей современный русский язык.

Очумевшие от телевизора, загоняющие себя в родственную наркотической интернет-зависимость, россияне — нерадивые наследники Ломоносова, Карамзина, Пушкина — отравили родную речь корявыми штампованными заимствованиями, залили кислотой мата, заразили трихинами тупорылых невыразительных жаргонизмов. Доброе, меткое, яркое слово нынче почти неслышно в городской толпе или на деревенской заваulinке; в деловом «словообороте» воцарились канцеляризмы-мизантропы; в сфере образования правит бал псевдонаучный говор молодящихся профанов; умно и правильно излагающий мысль (как в устной, так и в письменной форме) комментатор — редкий гость в средствах массовой информации. А те, кто именуют себя писателями, зачастую выставляют свои словеса на панель все того же «арт-рынка» или скандального сиюминутного успеха точно так же, как сутенер гонит на «работу» подопечных «девочек».

Посему каждому из нас, носителей русского языка, нужно крепко подумать, прежде чем выпустить из уст слово: не воробей оно, да нагадит на голову ближнему может (и весьма обильно, ежели изрекать его не подумавши). Нам бы всем помолчать годок-другой, размышляя о русском слове, в тишине приглубливая его, любясь им, учась у него — глядишь, после того и промолвили бы нечто доброе, полезное, душевспасительное... Не выйдет, конечно, умолкнуть дружно и надолго! Но хотя бы на час в сутки всякий может приостановить поток высказываний и прислушаться к тому, как, чем они отзываются в его собственной душе; но хотя бы на минуту любой в любом разговоре способен прикрыть рот, попробовав представить, какие чувства и мысли рождает в собеседнике его витийство; но хотя бы на секунду каждый в силах сдержаться рвущееся в мир словцо, дабы ощутить его вкус и весомость.

Неплохо бы также взять в руки хорошую книгу, вчитываясь в хорошие слова. Например, «Страна холода» щедро изукрашена яркими речениями, от которых на душе становится веселее и легче. Почти наугад раскрывая страницу, обязательно встречаешься с фразой, которая не столько повествует о событиях или описывает быт героев, сколько выражает суть их жизни. Судите сами: «С Николкой, конечно же, никто на этот счет не советовался, но на то и уши даны слушать разговоры отца с матерью. Секретничать же в семье и в заводе не было принято. По северным, маячным меркам тринадцатилетний парень по разумению — если не дурак, перед которым шапки не снимают, от рождения — уже не задает глупых вопросов по житейской части. И без родительских рассуждений понимал: когда все трое неоперившихся, как старшие Георгий и Толька, сыновей большую часть времени на отлете в Полярном, то и сама семья внешне и по сути смотрится этакой кривобокой». Или вот

такой абзац: «Ребята притихли на лавках вдоль стен, но зорко смотрят: не опоздать бы и, обжигая пальцы, побыстрее схватить с вытащенного матерью противня раскаленный сладкий пирог или творожную шаньгу и со вдохом проводить глазами отправляемый остывать рыбник — запеченную в хлебном домике трехкилограммовую треску или плоскую истекающую жиром камбалу».

На многих страницах книги встречаешь зазорные и мудрые присловья, присказки, пословицы и поговорки, яркие обороты народной речи: «девять месяцев зима, остальное лето», «чему посмеешься, тому и поработаешь», «где тамыш, чтобы коту звонок привесила?», «сказал бы словечко, да волк недалечко», «болтать — не мешки ворочать», «от Колы до ада три версты». Включает А. Яшин в свой текст и колоритные диалектизмы («у него рука броска, себе лоб расшибет, если баским не покажется»), и народную частушку («Загрустил миленок мой, ничего не кушает, У приемника сидит, оперную слушает»). Все это создает особую языковую среду, именно теплую среду, которая и от мурманской метели сбережет, и от житейской тоски.

Само оглавление «Страны холода» можно прочесть как яркий текст, в котором встречаются душевные, запоминающиеся обороты речи: «Лиха беда начало, а мы пойдем с конца...», «На море зыбит, каникулы на новом месте идут неторопоко», «Мил черт одному сатане...», «Обряжение бани...», «Торпеда, подожди до обеда», «Чужая доука — злая мука, или живи да оглядывайся», «Мы к вам, а и вы к нам тоже», «За морем телушка полушка, да рубль перевозу», «Не тупи ученье — потеряешь соображение», «Воспитательные мысли не на сковородке готовятся», «Островной берег не имеет начала и конца». Простые, казалось бы, слова, забавные, ни к чему не обязывающие рифмовки, а встают за ними проверенные народным опытом истины. И тянет читателя заглянуть в каждый раздел книги и разобраться, для чего обряжают баню, где готовятся воспитательные мысли, с какой стороны заходить к повествованию. Чтобы разобраться, в конце концов, как следует жить!

За каждым словом в «Стране холода» видится нам то легкая усмешка автора, то его озабоченное лицо, когда пойдут воспоминания о прошлом, то нахмуренное чело, если речь коснется дня завтрашнего. В целом, познакомившись с повестью, выносишь для себя впечатление беседы с мудрым человеком, познавшим жизнь, понявшим в ней нечто такое, чем он готов с нами поделиться, помочь нам. Так пусть же его труд пойдет нам впрок.

ХРОНИКА ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ

Журнал выходит в электронном (см. стр. 2) и в бумажном виде. Последний издается на коммерческой основе Издательство Тульского госуниверситета. Поэтому для заказа нужного числа экз. следует обращаться к Барановой Елизавете Михайловне по e-mail: elisafine@yandex.ru. Редакция этими вопросами не занимается. По вопросам заказа альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори» обращаться к Шафрану Якову Наумовичу по e-mail: bonyans@yandex.ru

Достаточное число авторов согласилось и с нашей традиционной, отчасти новой, редакционной политикой, суть которой состоит в следующем. Как и ранее, мы публикуем на сайте нашего журнала четыре номера в год — в последние дни каждого квартала. «Приокские зори» оставляют для себя статус всероссийского, а де-факто и международного издания. Поэтому для публикации единственным критерием отбора было и остается: талант автора, истинный — не «квасной»! — патриотизм и народолюбие, воспитанный в нас советской властью искренний интернационализм. На том и стоим.

По просьбе авторов, желающих самим отпечатать экз. журнала с их публикацией, редакция высылает им файл издательского оригинал-макета нужного номера с обложкой в цвете. Поскольку теперь даже в небольших городах хорошо развита сеть мини-типографий с печатью на «электронке» от одного экз., то здесь авторы с какими-либо трудностями не столкнутся. Это принятая ныне во всем мире практика печатания «по заказу». Мы здесь Америку не открываем...

Редакция журнала

БИБЛИОГРАФИЯ

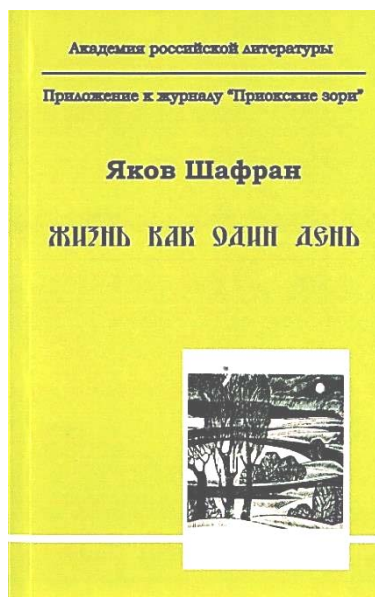
Уважаемые авторы! Начиная с № 3, 2008 журнала, введена регулярная рубрика библиографий вновь выходящих книг, изданных как в Туле, так и в других городах России. Непременным условием публикации в данной рубрике информации о вышедших в текущем квартале, соответствующем номеру журнала, книгах, как «авторских», так и различного рода сборниках и пр., **является их своевременная доставка в редакцию «Приокских зорь»**. Кроме того, публикуется информация и о ранее изданных книгах, поступивших в редакцию.

Уважаемые авторы! Не будьте безразличны к судьбе своих книг; помните, что публикация библиографии в журнале «Приокские зори» делает их известными не только в Туле, но и во многих других городах и регионах России. Не забудьте занести экземпляр в редакцию журнала или прислать по почте.

И еще раз приглашаем в «Библиотеку журнала «Приокские зори» — проставлением этого логотипа на титульном листе книги (вверху страницы) и в аннотации на оборотном листе. В этом случае вы вполне можете рассчитывать на появление в журнале отзыва, рецензии на вашу книгу. Возможна и внеочередная публикация отрывка из вашей книги.

Просьба обратить внимание на нижеследующие строки.

С начала III квартала 2011 года «стартовала» книгой Якова Шафрана «Жизнь как один день» новая серия книг в рамках «Библиотеки журнала «Приокские зори» — «Приложение к журналу «Приокские зори». Серия продолжающаяся, ее книги будут выходить в однотипном оформлении с обложкой «под журнал»:

Книги каждый автор издает сам на базе наиболее удобного ему издательства. К сожалению, журнал «Приокские зори» не имеет никакого государственного или частномеценатского финансирования, поэтому не обладает возможностью материально помочь авторам серийных книг.

Издание серии будет способствовать повышению престижа журнала, в чем его авторы, несомненно, заинтересованы.

Авторы же серийных книг получают следующие, несомненные, преимущества:

— это уже не «самиздат», которым, честно говоря, является подавляющее большинство современных малотиражных изданий;

— поскольку журнал выходит под эгидой Союза писателей России и Академии российской литературы, то и книги серии-приложения также имеют отношение к ним;

— как правило, на каждую выходящую книгу серии в журнале «Приокские зори» публикуется рецензия или отзыв, *если автор об этом позаботится*;

— наиболее существенное: книги серии, наряду с публикациями в журнале, могут участвовать в конкурсе на присвоение звания лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, ежегодно присуждаемой — в четырех номинациях — за лучшие публикации в журнале «Приокские зори».

Редакция журнала по просьбе авторов, желающих издать свои книги в серии, высылает файлы и шрифты для однотипного оформления обложки (многие из авторов «Приокских зорь» уже их получили).

О намерении издать книгу в серии автор извещает редакцию. При необходимости редакция может затребовать для ознакомления сверстанный текст книги или отрывок из нее. По напечатании автор предоставляет в редакцию 2 экз.

На момент формирования содержания настоящего номера в редакцию журнала «Приокские зори» поступили следующие издания:

1. *Бийский Вестник*. Литературно-художественный, научный и историко-просветительский журнал (г. Бийск Алтайского края).— 2021.— № 4. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
2. *Северо-Муйские огни*: Авторский литературный журнал.— 2021.— № 2, 3 (опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).
3. *Север*: Литературно-художественный и общественно-политический журнал.— 2021.— № 3 + 4 (опубликованы новеллы Алексея Яшина из цикла «Болдинское межсезонье»).
4. *Отчий край*. Щекино литературное: Краеведческий альманах. Вып. № 4.— Тула: Из-во «Аквариус», 2021.— 276 с.
5. *Донская сотня*. Литературно-художественный альманах (Ростов-на-Дону). Кн. 23.— 2021.— 168 с. (Опубликованы материалы Евгения Скоблова и Алексея Яшина).
6. *Смоленский литератор*.— 2021.— № 4.— 96 с. (Опубликованы материалы Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).
7. *Время Творцов*: Литературный альманах (Смоленск). Кн. 3.— 2021.— 236 с. (Опубликованы материалы Владимира Сапожникова и Алексея Яшина).
8. *Роман Тишковский*. Поэмы (1960—1975).— М.: Издат. Дом «Буки Веди», 2019.— 200 с.
9. *Тарские ворота*: Литературно-художественный альманах.— Вып. 10.— Омск: ИД «Наука», 2021.— 456 с. (Опубликованы материалы Якова Шафрана и Алексея Яшина).

В серии «Библиотека журнала «Приокские зори» вышли следующие книги:

1. *Ковчег*: Альманах журнала «Приокские зори»: поэзия, проза, произведения о детях и для детей. Вып. 11.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 280 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
2. *На крыльях Пегаса*: Межрегиональный литературно-художественный и музыкальный альманах. Вып. 19.— Тула: Изд-во PRINT 71, 2021.— 242 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
3. *Алтунина Л. Д.* Лики России. Книга 2: Рядовые Великой Победы (Кн. 1). Солдат войны полковник Кутепов.— М.: БИТ-ПРИНТ, 2021.— 422 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
4. *Алексей Яшин*. Страна холода (2): Под опекой Арктогеи: Повесть (одиннадцатая книга рассказов Николая Андреяновича): Академия Российской литературы.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 409 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
5. *Вадимир Трусов*. Иронический оптимизм сожаления: тетралогия Алексея Яшина.— М.: «Новые Витражи», 2020.— 85 с., ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»).
6. На лирической волне: Музыкально-литературный альманах журнала «Приокские зори»: Песни, романсы, стихи, статьи, рецензии. Вып. 8.— Тула: Изд-во «Аквариус», 2021.— 92 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРИОКСКИХ ЗОРЬ»

С целью расширения круга авторов и привлечения читательской аудитории, повышения художественной значимости публикуемых в журнале произведений прозы, поэзии, драматургии, а равно усиления актуальности и информационной ценности публицистических материалов, редколлегия, начиная с 2008 года, вводит систему поощрения авторов лучших материалов, опубликованных в течение календарного года, заключающуюся в присвоении почетного звания «Лауреат литературной премии журнала «Приокские зори» «Левша» им. Н. С. Лескова».

Ежегодно лауреатами становятся четыре автора наиболее значимых произведений по разделам:

- проза, включая драматургию;*
- поэзия;*
- публицистика, включая историко-политическую;*
- литературоведение, включая литературную критику, краеведение, этнографию и историографию.*

Звания лауреата — по номинациям — удостоиваются авторы, опубликовавшие в течение года в журнале произведения, отличающиеся своей художественно-публицистической значимостью, следующие высоким традициям классической русской и советской литературы, вносящие весомый вклад в возрождение и развитие духовности и культуры России, сочетающие верность изначальной национальной русской идее и проверенный веками подлинный интернационализм народов России и ранее входивших в состав Российской империи и Советского Союза. Поощряются публикации молодых талантливых авторов, а также литераторов, входящих в неформальный актив журнала. В конкурсе также могут принимать участие авторы книг, изданных в серии «Приложение к журналу «Приокские зори» (см. выше). По положению о лауреатах последними не могут быть руководители журнала, то есть главный редактор и его заместители, руководители организаций-учредителей и меценаты, оказывающие материальную поддержку журналу. Место и страна проживания авторов роли не играет и не является каким-либо ограничением.

Звания лауреатов присваиваются коллегиальным решением редколлегии с учетом мнений читателей журнала. Читатели «Приокских зорь» приглашаются с представлением кандидатур; свое мнение они могут высказать письменно по обычной или электронной почте (не по телефону!) на имя главного редактора; адреса указаны на 2-й стр. журнала. Имена лауреатов с указанием номинированных произведений и фотографией автора публикуются в первом номере журнала следующего года издания. Также имена лауреатов объявляются в литературных газетах. Лауреатам вручаются дипломы, лауреатские медали и удостоверения к ним, а также подарочное нумерованное издание «Левши» Н. С. Лескова. Премия имеет статус всероссийской.

Итак, уважаемые авторы и читатели: объявлен конкурс на 2022-й год, а от читателей и представителей заинтересованных общественных и иных организаций и предприятий мы ждем конкретных предложений по номинантам.

В добрый путь!

НОВОСТИ АКАДЕМИИ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АКАДЕМИЯ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПРЕДСТАВЛЯЕТ:

Евгений Скоблов

Академия российской литературы поздравляет!

«Московская городская организация Союза писателей России... XXI век... Начало...» — энциклопедия, в которой рассказывается о современных поэтах и писателях, от начинающих до известных на литературном Олимпе, столь непохожих друг на друга, но объединенных своим предназначением и любовью к Слову, ведь сегодня очень важно, чтобы их имена не затерялись в бушующих волнах информационного океана... с преобладанием информационного шума...

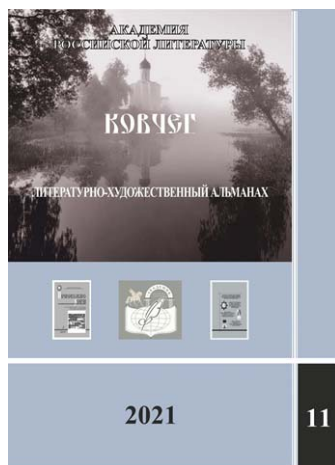
* * *

Дорогие друзья!

Вышел одиннадцатый выпуск альманаха «Ковчег». Он размещен на сайте, вы можете пройти по ссылке: <http://www.pz.tula.ru/b2021/k11.pdf>

Приглашаю вас к чтению.

Альманах «Ковчег»: духовная страница, материалы к 10-летию альманаха, проза, поэзия, критика и литературоведение, публицистика, родос-

ловие и произведения о детях и для детей. Выпуск 11-й.— М.: «Новые Витражи», 2021.— 280 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

* * *

31 августа в редакции Академии состоялась творческая встреча членов Академии российской литературы, посвященная изданию очередного № 2/2021 г. вестника Академии — международного литературного альманаха «Московский Парнас». В ходе встречи участники обменялись мнениями относительно нового издания, а также обсудили вопросы подготовки историко-публицистического очерка, посвященного 15-летию Академии, подготовки 2-го, дополненного

издания книги «Лунная дуэль XX века» (авторы М. Лапшин, Е. Скоблов) с комментариями Р. Тишковского, А. Яшина, Х. Ребане и А. Тарасова. Также были обсуждены текущие вопросы деятельности Академии в 2021 году.

* * *

Уважаемые друзья, коллеги!

В рубрике «ТВОРЧЕСТВО АВТОРОВ АКАДЕМИИ» предлагаем вашему вниманию обзор новой книги главного редактора всероссийского художественно-литературного и публицистического журнала «Приокские зори» (г. Тула) Алексея ЯШИНА «СТРАНА ХОЛОДА (2) Под опекой Арктогеи», М.: Академия российской литературы, «Новые Витражи», 2021, — 409 с, ил. (Библиотека журнала «Приокские зори»)

Алексей Афанасьевич Яшин — главный редактор всероссийского ордена Г.Р. Державина литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», член Союза писателей СССР, Союза писателей России и Белорусского литературного «Полариса», член Правления Академии российской литературы, лауреат многих литературных премий, заслуженный деятель науки РФ, доктор технических наук, доктор биологических наук, имеет два ученых звания профессора. Основатель Литературного института им. А.М. Горького Союза писателей СССР.

Коллектив Академии сердечно поздравляет Алексея Афанасьевича с изданием новой книги, желает крепкого здоровья, новых больших творческих работ и успехов!

* * *

Дорогие друзья!

В этот день 126 лет тому назад родился один из величайших поэтов России Сергей Александрович Есенин!

НОВОСТИ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

ЦАРИЦЫН-СТАЛИНГРАД-ВОЛГОГРАД

В рамках празднования 100-летия Волгоградской областной писательской организации, сталинградскую землю посетили председатель Союза писателей России Николай Иванов и председатель правления Московской городской организации Союза писателей России, главный редактор «Литературной газеты» Максим Замшев.

7 октября 2021 года в Региональном информационно-аналитическом центре Волгоградской области состоялись пресс-конференция и встреча с читателями с их участием, а также с участием председателя правления Волгоградского регионального отделения Союза писателей России Никиты Самохина. На мероприятии присутствовали местные литераторы, члены волгоградского СМЛ и студенты факультета журналистики Волгоградского государственного университета.

8 октября в библиотеке Общественной палаты Волгоградской области прошло награждение волгоградских писателей почетными грамотами губернатора Волгоградской области, областной и городской Думы.

Николай Иванов вручил волгоградскому региональному отделению флаг Союза писателей России и писательский билет новому члену организации Алене Дороховой, а Максим Замшев подарил местным поэтам свежий номер «Литературки», в котором опубликованы их произведения.

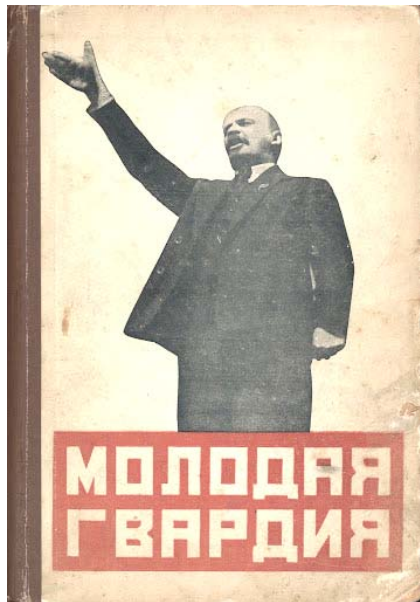
Также медалями Союза писателей России имени Василия Шукшина были награ-

ждены Василий Струж и Юлия Артюхович, а почетными грамотами Союза писателей России — Ольга Сапельникова и Усман Алимбеков.

За два дня пребывания в городе на Волге московские писатели посетили Музей-панораму Сталинградская битва и Мамаев курган, где в Зале воинской славы возложили цветы к Вечному огню и оставили записи в Книге почетных гостей.

* * *

Валерий Хатюшин

Дорогие друзья!

Я думаю, все вы знаете, что в будущем году журналу «Молодая гвардия» исполнится 100 лет со дня основания. Весь будущий год в каждом номере мы будем давать материалы, посвященные этому крупному событию. Предлагаю всем писателям и всем друзьям журнала подумать об этом и подготовить свои воспоминания, связанные с «Молодой гвардией», с историей публикаций в ней или размышления по поводу столетнего юбилея старейшего в стране русского литературного журнала. Буду рад всем, кто откликнется на это предложение. Каждый получит в подарок журнал со своей публикацией. Страницы журнала открыты для вас. Заранее благодарен и признателен, Валерий Хатюшин.

НАШИ ПОЗДРАВЛЕНИЯ

Редколлегия и редакция «Приокских зорь» поздравляют:

Михаила ЛАПШИНА — видного российского публициста, поэта, прозаика и деятеля культуры, члена Союза писателей России, члена Правления Академии российской литературы с Днем рождения, желает доброго здоровья, новых больших творческих свершений и благополучия!

Леонида ИВАНОВА — Заслуженного работника культуры РФ, лауреата всероссийской литературной премии «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, доктора политических наук, члена Академии российской литературы, ответственного секретаря Тюменского регионального отделения Союза писателей России, главного редактора литературно-художественного журнала «Врата Сибири» с Днем рождения и желает доброго здоровья, больших творческих успехов и всемерного благополучия!

Галину ДУБИНИНУ — лауреата всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова, члена Союза российских писателей, Академии российской литературы, председателя Клуба писателей — выпускников Литературного института имени А. М. Горького, редакционного совета «Нового Енисейского литератора» с Днем рождения, желает доброго здоровья, больших успехов в творчестве и благополучия!

Леонида Васильевича ХАНБЕКОВА — Почетного президента Академии российской литературы, прозаика, поэта, публициста, критика, переводчика, автора более ста книг прозы, поэзии и публицистики, многих критических и литературоведческих работ, подготовившего и издавшего сборники писателей-фантастов («Румбы фантастики»), сборники сказок народов Азии, Африки, Европы и мира общим тиражом более девятист тысяч экземпляров, автора десятков литературных портретов современных поэтов и писателей, издателя справочников «На пороге XXI века» и «Писатели Москвы и Подмосковья», осуществившего перевод на русский язык многих произведений татарских, якутских, мордовских, карачаевских, удмуртских, уйгурских, болгарских и хорватских писателей, издателя и главного редактора вестника Академии российской литературы литературного альманаха «МОСКОВСКИЙ ПАРНАС», книжных серий Академии: «Антология современной поэзии», «Антология современной прозы», «Антология современной публицистики», «Антология художественного перевода», «Антология критики и литературоведения», «Антология детской литературы», «Антологии современной сатиры и юмора», члена Союза писателей СССР и России с большим юбилеем, 85-летием, и желает доброго здоровья, новых творческих успехов, благополучия и всего наилучшего!

НОВОСТИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ НАШИХ ДРУЗЕЙ И ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ

Белорусский литературный союз «Полоцкая ветвь»

Уважаемые члены Редколлегии!

Поздравляю всех с первым выходом, а по сути — вторым рождением многостраничного печатного органа Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь». Да, к сожалению, пока это всего лишь электронная версия издания. Но, как говорится, лучше так, чем никак.

У всех желающих любителей изящной словесности теперь есть возможность не только подписаться на электронную версию журнала, но и оформить подписку на бумажный ее вариант. Правда, с одной оговоркой: минимальный заказ одного должен быть не менее 50 экземпляров. Таковы условия полиграфистов. Будем надеяться, что когда-то это случится, и журнал вернется к своему прежнему материальному воплощению.

А пока редакция приступает к подготовке № 2(17), октябрь — декабрь 2021. Ждем ваше творчество, ваши пожелания, предложения и советы. А также призываем максимально популяризировать новый проект в вашем окружении.

Вот ссылка на сайт:

<https://literatursvet.wordpress.com/литературно-публицистический-журнал-2/>

*С уважением, Зайцев Олег Николаевич,
директор Учреждения «Литературный свет»*

* * *

8 октября состоялся литературно-музыкальный вечер, посвященный 85-летию известного российского поэта и публициста, члена редколлегии журнала «Приокские зори» Валентина Сорокина.

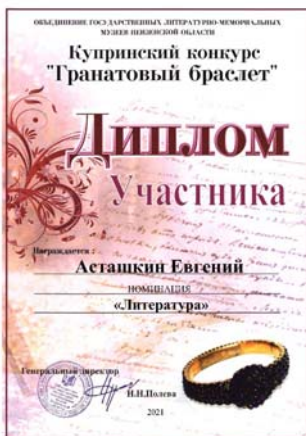

* * *

Ольга КАРАГОДИНА, член Правления Академии российской литературы, член МГО СП России, известный российский писатель и деятель культуры награждена медалью им. Ф.М. Достоевского. Поздравляем и желаем новых творческих достижений!

* * *

Член редколлегии, зав. отделом прозы нашего журнала Евгений АСТАШКИН награжден дипломом Купринского конкурса «Гранатовый браслет».

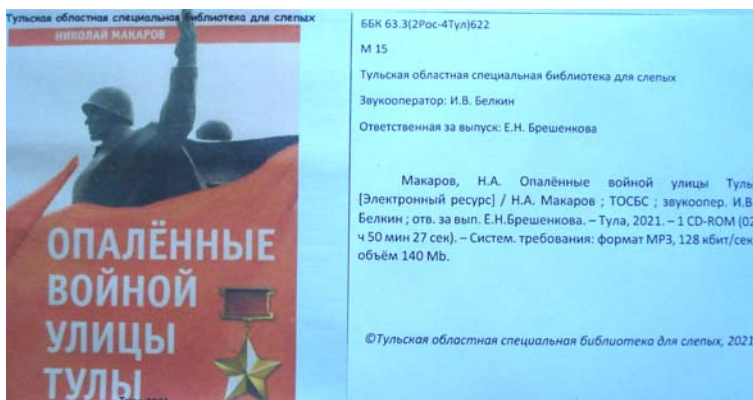
9 октября 2021 года праздновалась 73-я годовщина создания 51-го гвардейского парашютно-десантного Краснознаменного ордена Суворова 3-й степени полка имени Дмитрия Донского. В мероприятии принял участие член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана, ветеран полка (1972—1981, врач 1-го батальона), гвардии майор медицинской службы в отставке НИКОЛАЙ МАКАРОВ, награжденный командованием полка «БЛАГОДАРНОСТЬ».

29 сентября 2021 года на 27-й очередной сессии Тульской городской Думы член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана МАКАРОВ НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ за большой личный вклад в социальное развитие города Тулы награжден Почетным знаком администрации города Тулы «За заслуги перед городом» 1-й степени.

Тульская областная специальная библиотека для слепых выпустила аудиодиск книги «Опаленные войной улицы Тулы» в авторском исполнении члена Союза писателей России, Российского союза ветеранов Афганистана Николая Макарова.

11 сентября 2021 года в Тульской областной научной библиотеке состоялось награждение дипломантов виртуального книжного фестиваля «Тульский библиогид». Среди награжденных дипломом «ВЫБОР ЧИТАТЕЛЯ» — член Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана НИКОЛАЙ МАКАРОВ — за книгу «Знаменитые медики Тульского края» (2020).

В Туле в издательстве ТулГУ вышли в свет две книги члена Союза писателей России, Российского Союза ветеранов Афганистана Николая Макарова — «Армейские будни военного врача Макарова» (ISBN 978-5-7679-4888-8. Воспоминания о службе в рядах Советской Армии во второй половине XX века глазами автора) и «Детство, отрочество, юность военного врача Макарова» (ISBN 978-5-7679-4870-3).

* * *

Главный редактор «Приокских зорь» Алексей Яшин стал дипломантом II Филофеевского конкурса в память Святителя Тобольского Филофея за книгу «Страна холода» (Тюмень — Тобольск).

ВСТРЕЧА С ЗАСЛУЖЕННЫМ АРТИСТОМ РОССИИ АЛЕКСАНДРОМ ОЛЕШКО

Общее фото с художниками

И. Карлов и А. Олешко

С полезной инициативой выступила общественная организация «Союз русских художников». Продолжая заложенные почти век назад традиции классиков отечественной живописи, современные художники с начала 2021 года стали регулярно проводить неформальные встречи творческой интеллигенции, главной задачей которых является сплочение всех здравых сил ради защиты аксиологических смыслов реалистического метода. Живописцы приглашают в гости актеров, музыкантов, искусствоведов, галеристов, музейных работников, писателей. «Приокские зори» представляет на проходящих в Москве салонах член редколлегии нашего журнала, постоянный автор «ПЗ» Игорь Карлов. На одну из встреч был приглашен Заслуженный артист России Александр Олешко. В ходе беседы обсуждались проблемы современного реалистического искусства, взаимоотношения общества, государства и представителей

творческих профессий. Все присутствующие единодушно осудили потоки пошлости и «чернухи», хлещущие с телевизионных экранов, с болью говорили о падении общего уровня культуры в стране, выразили возмущение засильем низкопробной

С книгой И. Карлова

продукции в различных сферах искусства. Собеседники пришли к выводу: думающий о будущем наших детей, сочувствующий болям родного народа деятель искусства обязан на своем месте давать отпор китчу, хранить и отстаивать гуманистические, патриотические ценности, переданные нам поколениями предшественников. Пусть девизом каждого ответственного творца станут слова: «Даже если завтра наступит конец света, сегодня посади дерево!»

* * *

Сегодня, несмотря на то, что наш город находится в «красной зоне» по ковиду, я пошел в наш музей Достоевского и отнес туда все книги, что получил из Тулы за это время. К счастью, меня там приняли лучше, чем я думал. Узнали и обрадовались. Сотрудница музея помнит книги А. Яшина, которые я уже передавал ранее. И в доказательство повела меня в закрытое книгохранилище музея и подвела к стеллажам до потолка с книгами. Его книги хранятся отдельно на целой полке. Она также показала мне и мои книги. Я сделал фото, чтобы Вы представили, как эти книги у них хранятся. В общем, это большая удача, что наши книги и журнал «ПЗ» бережно хранятся в таком крутом музее.

Сотрудница сказала, что вскоре они с редакцией спишутся и пришлют документ на почту со списком книг тульских авторов. В начале осени в музее Достоевского будет проходить международная научно-практическая конференция, посв. 200-летию со дня рождения Достоевского. Если у вас будут на эту тему материалы, то можно выслать им. Также я сказал, чтобы они тоже выслали в журнал интересную информацию о ходе этой конференции. Короче, они готовы к сотрудничеству и рады книгам с дарственными надписями и автографами авторов.

*С пожеланием удачи из солнечного Казахстана,
из Семипалатинска — Николай Тимохин*

КАК НАШЕ СЛОВО ОТЗОВЕТСЯ (обсуждение материалов «ПЗ», № 1, 2021 г.)

Обсуждение материалов журнала «Приокские зори» стало традиционным на встречах членов литературной студии «Вдохновение» с читателями и посетителями библиотеки московского социального центра «Басманный». Вот и этот раз в программе знакомство с новым коллективным сборником ЛИТО «Все грани любви», в котором свои поэтические и прозаические произведения опубликовали почти сорок авторов, и обсуждение первого номера ПЗ» за 2021 г. Интересно, что познакомившиеся с материалами присутствующие на встрече члены литературных объединений «Вдохновение», «Русич», «Лира», «Меридиан», «Исповедь» обратили особое внимание на рубрику «Публицистика, литературоведение, критика». Поэтому было решено после общего обзора журнала обсудить рецензию Л. Воробьевой «Глаголы вечной жизни», в которой, взяв за основу своих рассуждений книгу известного писателя—энциклопедиста, ученого-философа А. А. Яшина «Житие наше оцифрованное», посвященную «появлению в подлунном мире класса писателей» и истории литературы на фоне истории страны, автор рассматривает актуальные, наиболее проблемные современного литературного процесса и современного бытия.

Общий обзор журнала сделала, как всегда, ведущая встречи, руководитель ЛИТО, член СПР Л. Е. Авдеева. Она познакомила собравшихся с Колонкой главного редактора, где помещен очерк А. А. Яшина, посвященный 190-летию Н. С. Лескова. В многослойном по своей философской глубине работе автор рассматривает издания произведений Лескова от прижизненных до последних собраний сочинений, уделяет пристальное внимание своеобразию языка писателя, актуальности его высказываний, подчеркивая, что Лесков не просто выдающийся, а глубоко самобытный литератор. Творчество Лескова, в том числе и бессмертный «Левша», заставляет остановиться, оглядеться и подумать, куда идешь, и своим ли путем.

Интересна и юбилейная статья доктора фил. наук А. Новиковой-Строгановой из Орла, которая рассматривает Лескова как одного из крупнейших русских христианских классиков, способного дать доброе направление мыслям читателя.

Далее Л. Авдеева остановилась на разделе «Образы и тропы поэзии», в котором представлено 16 авторов, отметив, что растет число желающих стать авторами «ПЗ», причем не только из России, но из Ближнего и Дальнего Зарубежья. В журнале представлены поэты Тулы, Москвы, Смоленска, Новосибирска, Екатеринбурга, Ростова-на-Дону, Пскова, Калининграда, Братска, Новочеркасска, а также Казахстана, Белоруссии, США, Польши. Это еще раз подтверждает, что журнал не только всероссийский, но и международный. Собравшиеся высоко оценили образную пейзажную поэзию В. Мазманяна, искреннюю лирику постоянного автора В. Королева, цикл стихов В. Демидова, посвященный русскому художнику Василию Поленову, слова которого «Искусство должно давать счастье и радость» взяты автором эпиграфом к циклу. Большую подборку стихов духовной и социальной тематики представил Я. Шафран, роману которого «Восхождение», «о жизни во всех ее психологических аспектах», в этом же номере посвящена рецензия Е. Трещева. Однако, делая обзор поэтической рубрики, Л. Авдеева отметила, что не все из публикуемого можно называть высоким словом «Поэзия». Она напомнила совет главного редактора Яшина в его редакционной колонке о том, что не мешало бы периодически штудировать «Теорию стиха» Жирмунского или «Поэтическое искусство» Буало, а также «Как делать стихи» Маяковского, чтобы не появлялись «стенгазетные поэты и дамское стихотворство».

При разборе раздела прозы собравшихся заинтересовала «Дважды красноречивая повесть...» И. Карлова, заключительная глава которой опубликована в первом

номере года. Отдельные абзацы из Послесловия повести, написанной автором остроумно, ярко, в форме критической рецензии на самого себя и свое произведение, а в целом на литературоведческие, часто пустопорожние дискуссии и «скоропись многих нынешних беллетристов», были зачитаны вслух. Так же как и комментарии двух опубликованных в журнале новелл Яшина из книги «Болдинское межсезонье», о которой много говорили на одной из прошлых встреч с читателями. Из рассказов 12-и представленных в журнале авторов читатели высказали свое мнение о женской прозе. Это большая повесть И. Начаровой из Уфы «Дива», в которой взаимоотношения людей, их любовные истории и судьбы развиваются на фоне исторических событий в России, в Югославии, в современной Сербии. Прозаик из Воронежа А. Даль представила психологический рассказ «Букет для любимого зрителя», в котором раскрыты душевные переживания девочки из неполной семьи, рвущейся между оставившей ее матерью и заботливой бабушкой, не находящей взаимопонимания с дочерью. Заинтересовал собравшихся основанный на личном опыте очерк К. Емельянова «Гераклы дыроколов», журналиста из Казахстана, живущего в США, и узнавшего за долгие годы изнутри деловую, культурную, социальную жизнь американцев и иммигрантов. Отмечены грустно-ироничный «Киноман» Ю. Мартишина о пожилом охраннике, возмечтавшем сняться в шоу и стать звездой. Нашли своего читателя и другие авторы журнала.

Затем состоялось обсуждение раздела «Публицистика» с объемной литературоведческой статьей Л. Воробьевой, которая, опираясь на книгу А. А. Яшина «Житие наше оцифрованное», где автор, как всегда, нестандартно, с нескрываемой грустью рассуждает об истории русской и советской литературы на фоне истории страны, о многочисленных проблемах эпохи глобализации, об обострившихся международных отношениях,— поднимает множество проблем, которые не оставили равнодушными собравшихся на встречу профессиональных и самодеятельных поэтов и прозаиков, а также постоянных посетителей Центра, любителей литературы.

В своих выступлениях член Академии поэзии В. Леонов, члены СПР Н. Кругликова, С. Минеева, О. Астафьева, И. Антонова, Н. Орлова, Е. Кузнецов, поэт-бард В. Медведев, преподаватель-музыковед Г. Назарова, музейный работник Т. Минаева и другие задавались наболевшими вопросами. А их немало. Что мы оставим потомкам, какой будет Россия, если потеряем «вдохновенное слово» и «русскую словесность», к чему ведет замена бумажной книги электронной, какова роль творческих союзов, становящихся коммерческими кампаниями, где премии, медали и прочие награды литераторы оплачивают завуалированными добровольными и благотворительными взносами и платят немалые средства за публикации в коллективных сборниках? Почему писатель перестал быть учителем и теряет свой авторитет у читателя, откуда равнодушие власть имущих к отечественной культуре? Выступавшие отмечали падение нравственных критериев, когда классиков стремятся принизить, а великими и гениальными называются середняков от литературы, создающих какие-то содружества, ассоциации, сообщества, в которых кучкуются «свои». Собравшиеся полностью согласились с А. А. Яшиным, автором «Жития...», что в настоящий исторический момент, находясь на перепутье, истинный писатель обязан делать добро, противостоять потребительству, чтобы не утратить великие завоевания русской литературы и культуры в целом.

Были высказаны мнения и о других материалах раздела. Выступившие отметили статьи доктора юр. наук В. Чиснякова, «Чтить память Толстого никто не запретит», к 110-летию смерти писателя, и Н. Макарова к 180-летию гибели М. Лермонтова. В. Чисняков более 40 лет изучает тему «Лев Толстой под надзором тайной полиции» и буквально по часам описывает события после смерти писателя, в том числе высту-

пления студентов, заседания в вузах, столкновения с полицией, аресты, приводя документальные материалы. Н. Макаров приводит биографические данные более десятка медиков, окружавших поэта в разное время, в том числе в юнкерской школе, при сражении при реке Валерик, в Пятигорске, тех, кто присутствовал при освидетельствовании тела, и тех, кто стал прототипами героев его произведений. Вызвал интерес и очерк В. Маслова к 60-летию Тульской писательской организации, в котором перечислены и имена тех, кто стоял у истоков ее создания, и кто внес свой вклад в богатое культурное наследие земли Тульской, и кто плодотворно трудится сегодня, привлекая к литературному творчеству талантливую молодежь. Высоко была оценена рецензия Л. Семенишниковой на книгу К. Асеевой «Язык любви», написанная профессионально, выразительным языком, дающая четкое представление о творчестве и мастерстве поэтессы.

В заключение был сделан оптимистический вывод, что пока живы надежда, совесть и разум, великая русская литература не уйдет в небытие и цель истинных писателей, патриотов — отстаивать классические традиции великой русской культуры.

*Людмила Авдеева, член Союза писателей России, Международной
федерации журналистов, руководитель ЛИТО «Вдохновение».*

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ СТИХОТВОРНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) поля файла обычные;
- 2) фотографию автора размером 4×5 см поместить справа;
- 3) имя и фамилию автора (шрифт, размер 14, — полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 4) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже (левее фотографии, выравнивание по левому краю, регистром — все прописные). Шрифт общего названия: размер 16 — полужирный.

5) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — одинарный;

6) текст стихотворений выравнивать по левому краю с отступом 3...4 см (в зависимости от длины строк), шрифт — обычный. Заголовки (названия) стихотворений размещать по центру стихотворения, шрифт — полужирный;

7) стихотворения не присылать «на выбор», общий объем представленного материала — не более 5—7 стихотворений (шрифт Times New Roman, размер 14, междустрочный интервал — единственный). Для поэз объем материала может быть увеличен.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ АВТОРАМИ ПРОЗАИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ПРИОКСКИЕ ЗОРИ»

Материал для рассмотрения редакцией следует присылать в одном текстовом файле с фотографией. Текстовый файл должен быть оформлен следующим образом:

- 1) фотографию автора — поместить справа (размер фотографии — 4×5 см);
- 2) имя и фамилию автора (шрифт: размер 14, полужирный, регистр — начинать с прописных) — слева от фотографии, ниже — указание места жительства автора обычным шрифтом (выравнивание по левому краю);
- 3) если весь представленный материал имеет одно общее название, расположить его еще ниже, левее фотографии, выравнивание по левому краю (шрифт: размер 16, полужирный, регистр — все прописные);

4) ниже под фотографией, шрифтом 14, курсивом — краткую литературную биографию автора (не более 10 строк, выравнивание текста — по ширине); междустрочный интервал — 1,5;

5) общий объем одного представленного материала — не более 10—12 стандартных страниц формата А4 (шрифт: размер 14, Times New Roman, междустрочный интервал — 1,5). Если фактический объем превосходит 10—12 стр., то следует его сократить до необходимого объема с сохранением сущности или самой идеи повествования. При этом делается ссылка: «печатается с сокращениями». В противном случае авторскую правку придется выполнять редакции.

Требования к фотографии:

1. Фотография должна быть портретной.
2. Фотография допускается как цветная, так и черно-белая.
3. Фотография должна быть достаточно резкая, выполненная с хорошим разрешением.

По электронной почте материалы высылать: прозу, включая публицистику и пр., по адресу: astashkin_55@mail.ru — зав. отделом прозы Евгению Ивановичу Асташкину; поэзию — по адресу: timohin63@yandex.kz — зав. отделом поэзии Николаю Николаевичу Тимохину. Заказ экз. журнала — по адресу: elisafine@yandex.ru — секретарю редакции Елизавете Михайловне Барановой.

**С уважением,
редакция журнала «Приокские зори»**

ПРИОКСКИЕ ЗОРИ

*Всероссийский
литературно-художественный
и публицистический журнал*

Редакторы: А. А. Яшин, Н. Н. Тимохин, Я. Н. Шафран, Е. И. Асташкин
Корректоры: А. А. Яшин, В. Г. Демидов
Компьютерная верстка и изготовление
оригинал-макета: С. В. Никитин

16+

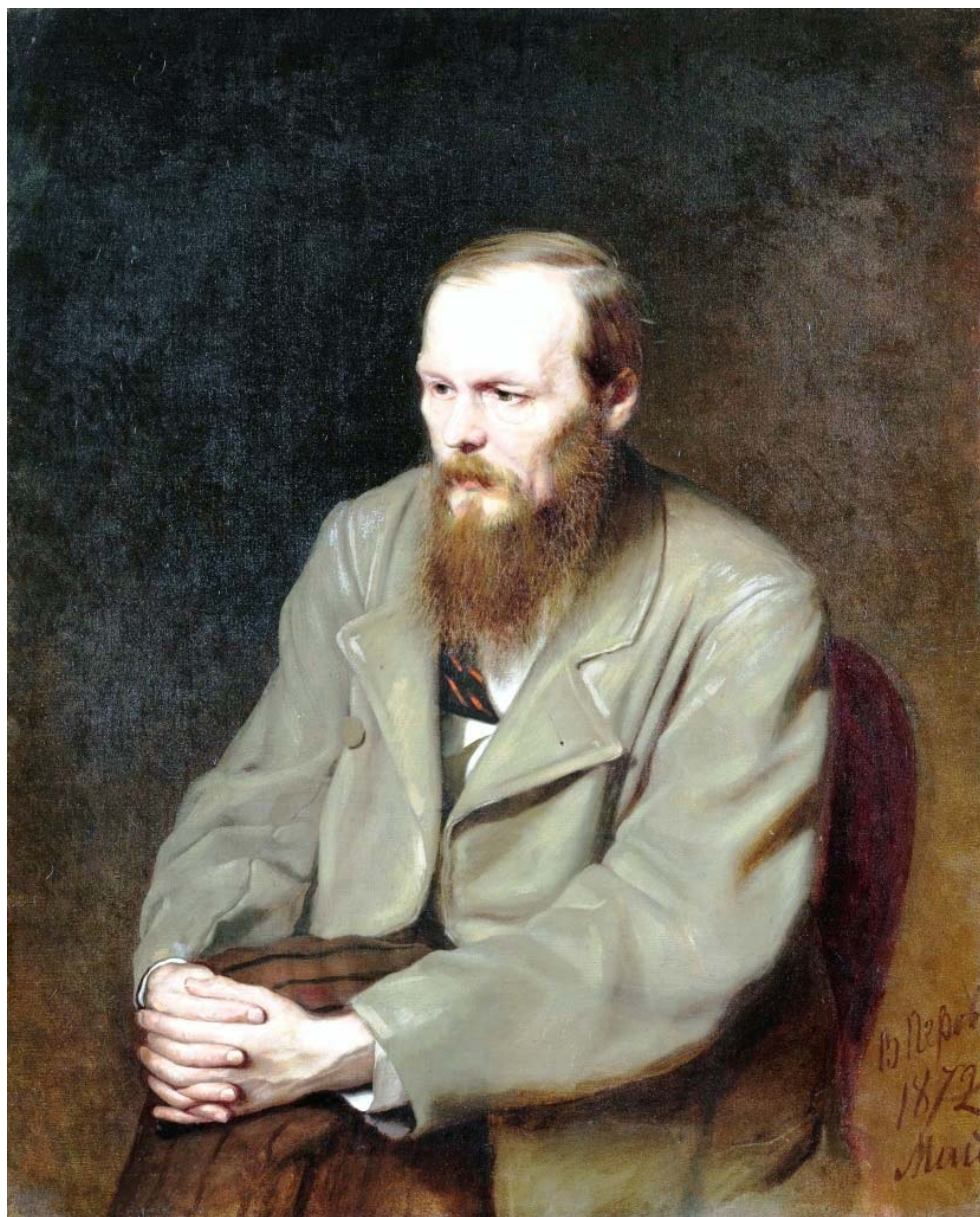
В соответствии со ст. 27 Закона РФ «О средствах массовой информации» и Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», журнал предназначен для читателей старше 16 лет.

Журнал выходит в заказном тираже
с правом авторов на печатание ими бумажных экземпляров
ЛР № 020300 от 12.02.1997 г.

Дата выхода в свет 31.12.2021
Формат 70×108/16. Печ. л. 21,00
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж по заказам, не более 999 экз.
Заказ №

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Тульского государственного университета.
Адрес издательства: 300012, г. Тула, проспект Ленина, 92,
тел. (4872)35-36-20

**К 200-ЛЕТИЮ ГЕНИЯ РУССКОЙ И МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО (1821—1881)**

Портрет Достоевского кисти Василия Перова

ЛИТЕРАТУРНО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СЕМИПАЛАТИНСКЕ (КАЗАХСТАН)

*Музей Ф. М. Достоевского отражает пребывание писателя в Семипалатинске
после отбывания каторги в Омске*

Экспонаты музея Ф. М. Достоевского в Семипалатинске